

2024
Доклад
о торговле
и развитии

**Переосмысление
развития
в эпоху
разочарований**

Организация
Объединенных
Наций

ОБЗОР ДОКЛАДА

2024
Доклад
о торговле
и развитии

Переосмысление
развития
в эпоху
разочарований

Организация
Объединенных
Наций

Женева, 2024 год

© 2024 год, Организация Объединенных Наций
Все права защищены во всем мире

Запросы на воспроизведение фрагментов публикации или на ее ксерокопирование следует направлять в Центр по проверке авторских прав на веб-сайте copyright.com.

По всем остальным вопросам, касающимся прав и лицензий, включая субсидиарные права, следует обращаться по адресу:

United Nations Publications
405 East 42nd Street
New York, New York 10017
United States of America
Эл. почта: publications@un.org
Веб-сайт: <https://shop.un.org>

Использованные обозначения и представление материала на какой-либо карте в настоящей публикации не означают выражения какого-либо мнения со стороны Организации Объединенных Наций относительно правового статуса той или иной страны, территории, города или района или их властей или относительно делимитации их границ или рубежей.

Упоминание названий фирм и коммерческих продуктов не означает их одобрения со стороны Организации Объединенных Наций.

Эта публикация прошла внешнее редактирование.

Издание Организации Объединенных Наций,
опубликовано Конференцией Организации Объединенных Наций
по торговле и развитию

UNCTAD/TDR/2024

ISBN: 978-92-1-106721-7
ISSN: 0251-7981
eISSN: 2414-9144

Выражение признательности

Доклад о торговле и развитии, 2024 был подготовлен Сектором макроэкономической политики и политики в области развития Конференции Организации Объединенных Наций по торговле и развитию (ЮНКТАД) под руководством Анастасии Несветайловой. В состав команды вошли Рами А. Алазех, Диана Бэрроуклаф, Иероним Капальдо, Любовь Чумакова, Камбиз Данешвар, Пьер Колер, Никола Майстр и Давей Ван.

При подготовке доклада использовались материалы и отзывы коллег из Отдела глобализации и стратегий развития ЮНКТАД (Сектор по вопросам задолженности и финансирования развития), Отдела международной торговли и сырьевых товаров (Сектор сырьевых товаров), Отдела технологии и логистики (Сектор логистического обеспечения торговли), Отдела инвестиций и предпринимательства и Отдела Африки, наименее развитых стран и специальных программ. Кроме того, были получены материалы от Статистической службы и Группы Организации Объединенных Наций по глобальному реагированию на кризисы — Технической группы в ЮНКТАД.

Дополнительные комментарии, содержательные фрагменты текста и статистическая поддержка были предоставлены другими коллегами в ЮНКТАД, а также Канцелярией Генерального секретаря ЮНКТАД.

ЮНКТАД с благодарностью отмечает вклад в исследования и комментарии внешних авторов и рецензентов. В их числе Стефан Авджиев, Нельсон Барбоза, Хафиз Чоудхари, Жизель Датц, Лоррейн Иден, Софи ван Хуеллен, Дениз Иган, Фотис Лисандроу, Йорг Дитер Майер, Рикарду Суариш ди Оливейра, Герман Марк Шварц и Ян Топоровски.

Рукопись была отредактирована Гретхен Лаксингер. Общее руководство подготовкой в ЮНКТАД осуществляла Марица Асенсиос из Службы межправительственной связи и поддержки. Дизайн и графика были разработаны Дэвидом Бустаманте, Надеж Хаджемиан, Жилем Мори и Магали Штудер при координации группы ЮНКТАД по коммуникациям и внешним связям под руководством Амалии Наварро. Ивонна Паредес-Айма и Карен Малвейе оказали административную поддержку.

Содержание

Предисловие	xi
Сокращения	xii
Пояснительные примечания	xiii

Глава I

Макроэкономика эпохи тревог	1
Основные выводы в контексте политики	3
A. Введение	4
B. Замедление роста мировой экономики	6
C. Макроэкономика недовольства потребителей	13
D. Отсроченное смягчение денежно-кредитной политики и укрепление доллара	15
E. Свертывание стимулирующей фискальной политики и увеличение уровня государственного долга	19
F. Неравенство доходов растет	25
G. Региональные тенденции	31
Северная и Южная Америка	31
Европейский союз	32
Соединенное Королевство	34
Российская Федерация	34
Восточная Азия	34
Южная Азия	36
Юго-Восточная Азия	37
Западная Азия	38
Африка	39
Океания	40
Ссылки	41

Глава II

Иллюзия восстановления: международные рынки в 2024 году	43
Основные выводы в контексте политики	45
A. Введение	46
B. Международная торговля: оживление в 2024 году — еще не конец тоннеля	47
1. Геополитическая напряженность и политическая неопределенность, вероятно, ограничат восстановительный подъем	47
Торговля товарами в период геополитических потрясений	48
Торговля услугами остается более динамичной	51
В перспективе масштабное оживление мировой торговли является маловероятным	53
2. В поисках качественных рабочих мест: ограничения стратегии, основанной на экспорте услуг	53
Проведенные ранее исследования выявили проблему, но не смогли определить необходимые действия	55
Меры по стимулированию спроса и современная промышленная политика должны быть распространены на все сектора экономики	57
Необходим амбициозный комплекс политических мер в неторгуемых секторах	62

C. Товарные рынки: цены снизились, но остаются высокими	64
1. Нефть и природный газ: высокая рентабельность ограничивает энергетический переход	65
2. Минералы и металлы: волатильность цен сохраняется на фоне обострения геостратегической конкуренции	67
3. Продукты питания и удобрения: рост цен по-прежнему ложится тяжелым бременем на плечи бедных домохозяйств	68
D. Чистые потоки капитала в развивающиеся страны: восстановление остается неустойчивым и неопределенным	70
1. Прямые инвестиции: геоэкономическая фрагментация меняет картину	73
2. Портфельные инвестиции: условия финансирования остаются сложными для многих развивающихся стран	74
3. Прочие инвестиции, в том числе межбанковские кредиты, различаются по развивающимся регионам	78
4. На пути к четвертой Международной конференции по финансированию развития	79
Ссылки	81

Глава III

Глобализация на перепутье	83
Основные выводы в контексте политики	83
A. Введение	86
B. Развитие достигло определенного рубежа	88
Важный акцент — Волны роста определяют потенциал экспорта для развития	93
C. Три критически важных изменения	100
1. Новые источники энергии и виды транспорта	101
2. Новые технологии общего назначения, потребительские и инвестиционные товары	108
3. Корпоративная и социальная организация	113
D. Понимание движущих сил и последствий фрагментации системы торговли	116
E. Резюме и выводы в контексте политики	122
Ссылки	125

Глава IV

Подъем, обратное движение и смена позиций: уроки, преподанные глобальным Югом	129
Основные выводы в контексте политики	131
A. Введение	132
B. Глобальный Юг: возникновение идеи и представления о подъеме	133
1. Процессы, стоящие за концепцией	133
2. Миф о разделении	136
3. Обратное движение: разнонаправленные последствия сырьевого бума 2003–2013 годов	138
Азия	138
Латинская Америка	141
Африка	144
4. Резюме	147
C. Изменение позиций: новые пути к развитию	149
1. Старые и новые вызовы, связанные с усилением финансового фактора	152
2. «Финансовое проклятие» как новый аналог «ресурсного проклятия»	157
3. Сосредоточение на формировании политики	160
Ссылки	162

Глава V

Глобальный Юг и новая международная налоговая архитектура: поиск источников финансирования развития..... 167

Выводы в контексте политики 169

A. Введение 170

B. Поиск источников долгосрочного финансирования развития 171

C. Глобальный Юг и призыв к созданию международной налоговой архитектуры 179

D. Развивающиеся страны настаивают на принятии конвенции под руководством Организации Объединенных Наций 181

1. Специальный комитет Организации Объединенных Наций по разработке технических условий для рамочной конвенции Организации Объединенных Наций о международном налоговом сотрудничестве 183
2. Потенциальные выгоды для развивающихся стран 183
3. Ключевые вызовы при разработке рамочной налоговой конвенции 186
4. В целом есть два варианта развития событий 187

E. Заключение 188

Ссылки 189

Рисунки

Рис. I.1	На фоне ослабления инфляционного давления рост мирового производства не впечатляет.....	6
Рис. I.2	Темпы экономического роста как в развитых, так и в развивающихся странах стабилизируются на уровне ниже допандемического.....	8
Рис. I.3	Стагнация и замедление темпов роста ударили по крупнейшим экономикам мира.....	9
Рис. I.4	Рост государственного и корпоративного долга в Китае возобновился с начала 2022 года.....	10
Рис. I.5	Динамика экономического роста в крупнейших странах неодинакова.....	11
Рис. I.6	В странах БРИКС (кроме Китая) наблюдаются различные траектории роста и инфляции.....	12
Рис. I.7	Рост потребительских цен подорвал покупательную способность домохозяйств как в развитых, так и в развивающихся странах.....	13
Рис. I.8	Потребительские расходы домохозяйств во многих странах еще не восстановились до уровня, существовавшего до пандемии.....	14
Рис. I.9	Процентные ставки, определяемые денежно-кредитной политикой, остаются высокими во всем мире.....	16
Рис. I.10	За исключением иены, основные резервные валюты демонстрируют постепенное укрепление в 2024 году.....	17
Рис. I.11	В 2024 году резко обесценились валюты нескольких развивающихся стран.....	18
Рис. I.12	Различия в динамике бюджетного баланса крупнейших экономик мира.....	19
Рис. I.13	Наблюдаемое в развитых странах снижение доли оплаты труда в совокупном доходе происходит на фоне разнонаправленных изменений реальной заработной платы.....	26
Рис. I.14	В экономиках стран БРИКС присутствуют тенденции, схожие с наблюдаемыми в развитых странах.....	27
Рис. I.15	В некоторых развитых странах тяжесть снижения доли оплаты труда в совокупном доходе больше всего сказывается на тех, кто имеет более низкий доход.....	29
Рис. I.16	В некоторых странах с развитой экономикой наблюдалась более прогрессивная эволюция долей доходов после пандемии.....	30
Рис. II.1	Объем мировой торговли товарами снова растет, хотя есть различия по регионам.....	49
Рис. II.2	Торговля услугами продолжает демонстрировать большой динамизм, чем торговля товарами.....	50
Рис. II.3	Расценки на контейнерные перевозки нормализовались в 2023 году и снова резко выросли в 2024 году.....	51
Рис. II.4	Рост экспорта коммерческих услуг остается устойчивым, в то время как сегмент услуг по организации путешествий продолжает восстанавливаться.....	52
Рис. II.5	За последние два десятилетия в развивающихся странах в основном сократилась занятость в обрабатывающей промышленности.....	54
Рис. II.6	Рост экспорта продукции обрабатывающей промышленности замедляется, в то время как экспорт услуг стремительно растет.....	56

Рис. II.7	Способность компаний играть ведущую роль в глобальных цепочках создания стоимости и извлекать из них выгоду все больше зависит от наличия нематериальных активов	59
Рис. II.8	Штаб-квартиры крупнейших транснациональных корпораций, на которые приходится большая часть торговли услугами, расположены в основном в развитых регионах и Китае	61
Рис. II.9	Цены на сырьевые товары снижались, но оставались более чем на 20 процентов выше уровня, существовавшего до COVID-19.....	64
Рис. II.10	Ископаемое топливо в течение длительного времени является прибыльным, и объемы его потребления растут независимо от колебаний цен.....	66
Рис. II.11	Цены на критически важные для энергетического перехода минералы и золото сильно реагируют на геополитическую напряженность и перебои в поставках.....	67
Рис. II.12	Цены на продовольствие и удобрения снижаются, за исключением риса	69
Рис. II.13	После девяти кварталов с отрицательными значениями потоки капитала в развивающиеся страны восстановились в начале 2024 года	71
Рис. II.14	Стоимость заимствований остается высокой, при этом в развивающихся регионах наблюдается рост новых выпусков суверенных облигаций.....	74
Рис. II.15	Данные о ежемесячных потоках портфельных инвестиций свидетельствуют о том, что импульс исчез после первого квартала 2024 года	75
Рис. II.16	В первом квартале 2024 года возросло кредитование развивающихся стран международными банками	78
Рис. III.1	Пятая волна роста привела к быстрому увеличению экспорта, но впоследствии мировая торговля выровнялась	92
Рис. III.2	За некоторыми исключениями, большинство стран не сократили разницу с Соединенными Штатами в объеме производства на душу населения	98
Рис. III.3	Связь между ростом ВВП и потреблением нефти ослабевает с середины 1980-х годов	103
Рис. III.4	По мере продвижения энергетического перехода страны, зависимые от высокой доли топлива в своем экспорте, могут столкнуться с серьезными потрясениями.....	104
Рис. III.5	Спрос на ключевые для энергетического перехода полезные ископаемые растет и, вероятно, значительно увеличится к 2050 году	105
Рис. III.6	Бразилия теряет значительную часть доходов в цепочке производства соевых бобов из-за сохраняющейся зависимости от поставок ресурсов иностранными компаниями.....	109
Рис. III.7	Более дешевая транспортировка способствовала рассредоточению производства, но цены на нефть сегодня значительно превышают уровни 1990-х годов	110
Рис. III.8	Повышение процентных ставок по долгосрочным государственным облигациям может привести к резкому росту логистических затрат.....	111
Рис. III.9	Рост отношения расходов на обслуживание внешнего долга к экспортным доходам может спровоцировать каскадные кризисы	112
Рис. III.10	Общепланетарные дисбалансы спроса и предложения будут оказывать давление как на торговлю, так и на внутреннюю политику	115
Рис. III.11	Трудящиеся в развитых странах долгое время могли рассчитывать на стабильные рабочие места, но многие уже не находят их в обрабатывающей промышленности.....	116
Рис. III.12	Увядание производства? Бразилия переходит к экспорту сырьевых товаров	118
Рис. III.13	Отсутствие структурных преобразований привело к росту неформальной занятости и ослаблению производственного потенциала.....	119

Рис. III.14	Экспорт из стран глобального Юга почти удвоился с 2007 по 2023 год.....	120
Рис. IV.1	Подъем глобального Юга привел к увеличению благосостояния, но в основном в Азии.....	133
Рис. IV.2	На глобальный Юг приходится более 65 процентов ввоза прямых иностранных инвестиций.....	134
Рис. IV.3	Резкое падение темпов роста во время кризисов. Мировой финансовый кризис и пандемия COVID-19 оказали долгосрочное воздействие.....	137
Рис. IV.4	В двух ведущих экономиках региона экспорт рос и оставался устойчивым даже во время кризисов.....	139
Рис. IV.5	Расширение внутрирегиональной торговли способствовало повышению устойчивости во время пандемии.....	139
Рис. IV.6	Страны Азии участвуют в большем количестве региональных торговых соглашений, что позволяет сглаживать перебои в работе цепочек поставок.....	140
Рис. IV.7	Спрос на природные ресурсы в Азии способствовал росту экспорта из Латинской Америки, но это влияние менялось во времени и по видам товаров.....	141
Рис. IV.8	В Латинской Америке диверсификация для снижения зависимости от сырьевых товаров была ограниченной.....	142
Рис. IV.9	Неравенство доходов остается высоким, особенно в Латинской Америке.....	143
Рис. IV.10	В крупнейших африканских странах, зависящих от сырьевых товаров, наблюдается нисходящий тренд.....	145
Рис. IV.11	Диверсификация, даже с низкого исходного уровня, помогла Руанде и Эфиопии нарастить производственный потенциал.....	146
Рис. IV.12	Топ-25 развивающихся стран с наибольшей суммой экспортной выручки, потраченной на обслуживание долга.....	148
Рис. IV.13	Переориентация инвестиционных потоков в пользу сектора услуг может усугубить структурные барьеры.....	150
Рис. IV.14	Совпадает ли цикл сырьевых цен с финансовым циклом? Факты свидетельствуют о тесной взаимосвязи, причем в большей степени это касается развивающихся рынков.....	154
Рис. IV.15	Степень диверсификации экономики влияет на значимость сектора финансов, страхования и операций с недвижимостью в экономике.....	158
Рис. IV.16	Страны, улучшившие показатели индекса сложности экономики, как правило, имеют более диверсифицированную экономику.....	161
Рис. V.1	Неравный доступ к антикризисному финансированию в рамках глобальной системы финансовой поддержки.....	173
Рис. V.2	Право голоса развивающихся стран в основных институтах экономического управления изменилось незначительно.....	175

Таблицы

Таблица I.1	Рост мирового производства, 1991–2025 годы.....	7
Таблица I.2	Уровень государственного долга резко вырос после шока от COVID-19.....	20
Таблица II.1	Топ-30 в мировом экспорте коммерческих услуг и товаров в 2023 году.....	60
Таблица II.2	Четыре стратегии расширения производительной занятости в сфере услуг, требующих высоких затрат труда.....	63
Таблица II.3	Чистые потоки капитала в развивающиеся страны.....	72
Таблица III.1	Шесть технологических революций и волн роста по Шумпетеру.....	94
Таблица III.2	Некоторые страны очень уязвимы в случае сокращения экспорта энергоносителей.....	102
Таблица III.3	Запасы лития географически рассредоточены.....	106
Таблица V.1	Предложения по реформированию международной финансовой архитектуры.....	174
Таблица V.2	По предварительным оценкам, незаконные финансовые потоки могут составлять до 50 процентов объема официальной торговли в некоторых странах.....	178

Вставки

Вставка I.1	Приятная и неприятная бюджетная арифметика.....	22
	Рис. Реальная процентная ставка играет ключевую роль в динамике долга.....	23
Вставка I.2	Заккрытие пробелов в капитале: государства и центральные банки.....	24
Вставка II.1	О растущем энергопотреблении и углеродном следе торговли услугами.....	58
Вставка II.2	Государственные органы стран с пограничным рынком еще не вышли из затруднений.....	76
	Рис. Доходность суверенных облигаций в странах с пограничным рынком не снизилась до уровня, существовавшего до COVID-19.....	77
Вставка II.3	Решение проблемы уязвимости суверенного долга в развивающихся странах.....	80
Вставка III.1	Изменение географии производства автомобилей отражает изменения в торговле и инвестициях.....	89
Вставка III.2	Закон Энгеля указывает на риски, связанные с зависимостью от экспорта сырья.....	90
Вставка III.3	Автомобили, корабли и самолеты: международные политические механизмы способствуют развитию более устойчивого транспорта.....	107
Вставка IV.1	Гана: особый случай механизма ценообразования какао-бобов.....	155
Вставка V.1	Региональные и двусторонние меры во время кризисов.....	172
Вставка V.2	ОЭСР и двухкомпонентный процесс.....	180

Предисловие

Если рассматривать только усредненные глобальные показатели, то в 2024 году мировая экономика совершила то, что эксперты называют «мягкой посадкой», устроив инфляцию и не впад в рецессию. Это важное достижение. Однако «Доклад о торговле и развитии, 2024 год: переосмысление развития в эпоху разочарований» показывает, что реальность не столь однозначна. Хотя некоторые развивающиеся экономики демонстрируют многообещающий рост, общая картина на глобальном Юге характеризуется вялым ростом, усилением уязвимости перед глобальными шоками и угрозой фрагментации торговли.

В настоящем докладе прогнозируется глобальный рост валового внутреннего продукта на 2,7 процента в 2024 и 2025 годах, а это означает, что уже три года подряд рост будет отставать от допандемийного тренда, когда его темпы достигали 3 процентов. В региональном разрезе наиболее динамичный рост наблюдается в Южной Азии. Три крупнейших центра силы в мировой экономике — Китай, Соединенные Штаты Америки и Европейский союз — находятся на траекториях замедления или ослабления роста. Даже в условиях бурной технологической революции столь необходимое для достижения целей в области устойчивого развития ускорение экономической активности остается недостижимым для многих стран глобального Юга, оказавшихся в ловушке тяжелого долгового бремени, оттока финансовых и иных ресурсов, вялых инвестиций и вынужденной жесткой экономики одновременно. Лишь одна из 46 наименее развитых стран в настоящее время выполняет закрепленное в глобальных целях обещание обеспечить семипроцентный ежегодный рост.

Во многих отношениях в мире наблюдается дальнейшее замедление и без того вялого «нового нормального» роста, который установился после глобального финансового кризиса более 15 лет назад. Однако важные сдвиги в геополитике и экономическом мышлении, включая возвращение промышленной политики, многополярные торговые модели и новые технологические инновации, свидетельствуют о том, что сама глобализация переживает переломный момент. Вопрос о том, приведет ли это к формированию глобальной парадигмы, более благоприятной для развивающихся стран и достижения целей в области устойчивого развития, остается открытым.

В этом докладе мы попытаемся дать на него прямой ответ. В главах I и II представлен анализ основных экономических тенденций в мировой экономике, международной торговле, на финансовых рынках, в отношении сырьевых товаров и потоков капитала. В главах III и IV рассматривается нынешний поворот в процессе глобализации, характеризующийся изменением структуры мировой торговли, технологическими инновациями и ростом торговли по линии Юг — Юг. В главе V предлагаются конкретные идеи по созданию более справедливой международной налоговой системы и глобальной финансовой архитектуры, которые предоставляли бы развивающимся странам пространство для маневра в области политики, необходимое им для адаптации и процветания в новую эпоху.

Доклад о торговле и развитии 2024 года — это призыв к действию, демонстрирующий, что, несмотря на многочисленные проблемы, с которыми мы сталкиваемся, существуют явные возможности для устойчивого роста на душу населения в развивающихся странах, особенно в сфере возобновляемых источников энергии и важнейших полезных ископаемых, а также за счет торговли по линии Юг — Юг и стратегического использования промышленной политики нового поколения. Это призыв к директивным органам, научным кругам и гражданскому обществу принять участие в жизненно важном диалоге, чтобы найти решения, которые позволят сделать менее хрупким и неустойчивым сложившийся статус-кво. Прежде всего, доклад подтверждает тот факт, что будущее — это не то, что происходит с нами, а то, что мы создаем вместе. По мере того как в процессе глобализации происходит поворот, мы должны осторожно и осознанно направлять его в сторону устойчивого развития.

Ребека Гринспан
Генеральный секретарь ЮНКТАД

Сокращения

АБР	Азиатский банк развития
БЕПС	размывание налоговой базы и выведение прибыли из-под налогообложения
БМР	Банк международных расчетов
БРИКС	Бразилия, Российская Федерация, Индия, Китай и Южная Африка
ВВП	валовой внутренний продукт
ВОЗ	Всемирная организация здравоохранения
ВОИС	Всемирная организация интеллектуальной собственности
ВТО	Всемирная торговая организация
ЕЦБ	Европейский центральный банк
ИКТ	информационно-коммуникационные технологии
Комитет Организации Объединенных Наций по налоговым вопросам	Комитет экспертов Организации Объединенных Наций по международному сотрудничеству в налоговых вопросах
МВФ	Международный валютный фонд
МОТ	Международная организация труда
МТЦ	Международный торговый центр
МЭА	Международное энергетическое агентство
ОПЕК	Организация стран — экспортеров нефти
ОПЕК+	расширенный формат Организации стран — экспортеров нефти
ОПР	официальная помощь в целях развития
ОЭСР	Организация экономического сотрудничества и развития
ППС	паритет покупательной способности
Специальный комитет	Специальный комитет по подготовке проекта документа о сфере охвата рамочной конвенции Организации Объединенных Наций о международном сотрудничестве в налоговых вопросах
ФАО	Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций
ЮНВТО	Всемирная туристская организация Организации Объединенных Наций
FIRE	финансы, страхование и операции с недвижимостью

Пояснительные примечания

Классификация стран

Используемая в настоящем докладе классификация стран принята исключительно для удобства статистических и аналитических сопоставлений и необязательно означает какую-либо оценку стадии развития конкретной страны или района.

В системе Организации Объединенных Наций не существует общепринятой классификации стран или районов, подразделяемых на «развивающиеся» и «развитые». В настоящем докладе используется классификация, определение которой дано в Справочнике ЮНКТАД по статистике за 2023 год применительно к этим двум основным группам стран (URL: <https://hbs.unctad.org/classifications/>, дата обращения: 10 октября 2024 года), которая основана на классификации, применяемой в документе «Стандартные коды стран или районов для использования в статистике», известном как М49, который готовится Статистическим отделом Организации Объединенных Наций (URL: <https://unstats.un.org/unsd/methodology/m49/>, дата обращения: 10 октября 2024 года).

Если не указано иное, используемая в настоящем докладе для статистических целей классификация региональных групп в целом совпадает с применяемой в Справочнике ЮНКТАД по статистике за 2023 год. Данные по Китаю не включают данные по Специальному административному району Гонконг (САР Гонконг) и провинции Китая Тайвань.

Если не указано иное, при упоминании в тексте или таблицах «Африки к югу от Сахары» имеется в виду также Южная Африка.

Прочие примечания

Если не указано иное, термин «доллар» (долл.) обозначает доллар Соединенных Штатов.

Термин «миллиард» обозначает 1000 миллионов.

Термин «триллион» обозначает 1 000 000 миллионов.

Термин «тонны» обозначает метрические тонны.

Годовые темпы роста и изменений исчисляются по формуле среднего геометрического.

Тире (–) между годами (например, 2019–2021 годы) используется для обозначения всего обозначенного периода, включая первый и последний годы.

Косая черта (/) между двумя годами (например, 2019/20 год) означает финансовый или сельскохозяйственный год. Точка (.) в таблице означает, что данная позиция не применима.

Две точки (..) в таблице означают, что данные отсутствуют или не представлены отдельно.

Прочерк (–) или ноль (0) в таблице означает, что соответствующая величина равна нулю или пренебрежимо мала.

Сумма десятичных дробей и процентов может не совпадать с итогом из-за округления.

Доклад о торговле и развитии, 2024

Глава I

Макроэкономика эпохи разочарований

Рост мирового производства демонстрирует признаки стабилизации на уровне ниже, чем в годы, предшествовавшие пандемии, которая сама по себе знаменовала период неудовлетворительного общемирового роста. Нынешние темпы роста недостаточны для решения общемировых задач и достижения целей в области развития и борьбы с изменением климата.

Преобладающие глобальные условия вызывают особую тревогу с точки зрения динамики задолженности, поскольку сочетание низких темпов роста и высоких процентных ставок усугубляет долговое бремя. Также вызывают беспокойство высокие уровни государственного долга во многих странах. Являясь отличительной чертой новой, постпандемической нормы, они повышают риск возвращения к политике жесткой экономии.

Всплеск инфляции после пандемии был в основном обусловлен проблемами предложения, связанными с узкими местами в глобальных производственно-сбытовых цепочках и чрезмерной концентрацией в ключевых секторах. Чрезмерное использование длительного ужесточения денежно-кредитной политики как единственного инструмента снижения инфляции оказалось лишь отчасти эффективным, создав неоправданные трудности как внутри стран, так и в международном масштабе.

В период восстановления после COVID-19 наблюдалось повсеместное недовольство, поскольку рост потребительских цен и стоимости кредитов сокращал располагаемые доходы домохозяйств. Потребительские расходы домохозяйств сократились и в ряде стран остались ниже уровня, существовавшего до пандемии. Это подпитывает чувство экономической незащищенности как в развитых, так и в развивающихся странах, что является одним из факторов, вызывающих повсеместное недовольство глобализацией.

Организация
Объединенных
Наций

Основные выводы в контексте политики

- ▶ **Рост государственного долга, вызванный пандемией, а также объем инвестиций, необходимых для решения актуальных проблем в области развития и изменения климата, четко показывают, что для восстановления баланса государственных бюджетов требуется увеличение доходов.** В будущем необходимо координировать действия по глобальному налогообложению, особенно в отношении состоятельных лиц и крупных корпораций, и прекращать применение логики «просачивания богатства сверху вниз», которая доминировала в экономической политике в эпоху гиперглобализации.
- ▶ **Расширение доступа к недорогим, надежным и долгосрочным вариантам финансирования — особенно для наиболее уязвимых развивающихся стран — является ключевым условием для адекватных государственных инвестиций в достижение целей развития.** Отвечающие этим целям приоритетные политические меры в международной сфере включают расширение льготного финансирования за счет капитализации многосторонних и региональных банков, выпуск новых и перераспределение существующих специальных прав заимствования, использование инновационных финансовых инструментов и другие меры.
- ▶ **Более сбалансированный комплекс политических мер, направленных на устранение различных факторов, вызывающих инфляционное давление,** должен быть более эффективным и должен приводить к меньшим «сопутствующим потерям». Он должен включать в себя согласованные действия по ограничению антиконкурентной практики, злоупотреблений доминирующим положением на рынке и корпоративной концентрации на ключевых рынках, а также пересмотр существующей нормативно-правовой базы для деятельности по торговле сырьевыми товарами.
- ▶ **Органы денежно-кредитного регулирования должны тщательно обдумывать широкие последствия своих решений.** Среди факторов, которые необходимо учитывать, — влияние монетарных решений на динамику долга и стоимость его обслуживания, финансирование критически необходимых инвестиций и финансовая устойчивость. Изменения в критериях и осуществлении процесса выработки политики должны быть заложены в мандаты денежно-кредитных учреждений.

А. Введение

Для мировой экономики 2024 год явился временем испытаний. С одной стороны, во всех регионах отмечаются положительные темпы роста, а некоторые развивающиеся страны, такие как Вьетнам, Индия и Руанда, развиваются ускоренными темпами. Темпы инфляции в странах с развитой и развивающейся экономикой снижаются, хотя медленно и неравномерно. Вопреки первоначальным опасениям, турбулентность, нарушившая работу международных финансовых рынков в августе 2024 года, не привела к более широкому распространению финансовых проблем, хотя источники неопределенности сохраняются.

Контроль над расходами для стабилизации государственного долга недостаточен, если принять во внимание инвестиции, необходимые для сокращения бедности и неравенства доходов.

В будущем необходимо координировать действия по увеличению в мировом масштабе налогообложения состоятельных лиц и крупных корпораций.

Вместе с тем стабилизация приносит с собой растущую тревогу. Спустя почти четыре года после шока, связанного с COVID-19, и 15 лет после глобального финансового кризиса 2008/09 года в мировой экономике возникла «новая нормальность», характеризующаяся вялой динамикой роста на фоне медленного дезинфляционного процесса и положительных реальных процентных ставок. Глобальный рост стабилизируется на уровне, недостаточном для решения экономических, социальных, экологических проблем и задач, стоящих перед странами глобального Юга, что является серьезной проблемой для развития.

Тенденции в экономической политике вызывают опасения. Нынешние глобальные условия вызывают особую тревогу с точки зрения динамики задолженности, поскольку сочетание низких темпов роста и высоких процентных ставок усугубляет долговое бремя (глава II, раздел D). Также вызывают беспокойство высокие уровни государственного долга во многих странах. Являясь отличительной чертой новой, постпандемической нормы, они повышают риск возвращения к политике жесткой экономии.

Однако жесткая экономия не обеспечивает решение проблем, стоящих сегодня перед мировой экономикой. Если принять во внимание рост государственного долга, вызванный пандемией, а также объем инвестиций, необходимых для решения актуальных проблем в области развития и изменения климата, становится ясно, что для восстановления баланса государственных бюджетов требуется увеличение доходов. Для этого, в свою очередь, требуется более динамичный экономический рост.

Мантра о контроле расходов для консолидации государственного долга становится недостаточной, учитывая, что мировой экономике

остро необходимо увеличение инвестиций в общедоступные государственные услуги для сокращения бедности и неравенства доходов, а также для преодоления надвигающегося климатического кризиса. Поскольку эти инвестиции зачастую не являются приоритетными направлениями государственных расходов, они наиболее уязвимы для политического давления, направленного на сокращение первичного бюджетного дефицита. В будущем необходимо координировать действия по увеличению в мировом масштабе налогообложения состоятельных лиц и крупных корпораций, прекращая применение логики «просачивания богатства сверху вниз», которая доминировала в экономической политике в эпоху гиперглобализации.

Что касается монетарной политики, то постепенное снижение темпов инфляции с середины 2022 года происходило без ожидаемого соразмерного роста безработицы. Это указывает на то, что скачок инфляции после пандемии был в основном связан с проблемами предложения, вызванными узкими местами в глобальных цепочках создания стоимости (Weber and Wasner, 2023; Stiglitz, 2023) и чрезмерной олигополистической властью в ключевых секторах, в частности в агропромышленном и энергетическом (UNCTAD, 2023b). Слишком жесткая денежно-кредитная политика, особенно в крупных странах с развитой экономикой, несет в себе риск возникновения неоправданных трудностей как внутри стран, так и за рубежом. Более сдержанный, постепенный подход, напротив, даст больше времени для роста спроса, чтобы стимулировать инвестиции, тем самым повышая производительность труда и потенциальный объем производства. Расширение производственного потенциала, в свою очередь, поможет ослабить инфляционное давление в среднесрочной перспективе.

Помимо краткосрочной экономической политики, в повестку дня стран с развитой экономикой, особенно Соединенных Штатов Америки, вернулась промышленная политика. Тем не менее в развивающихся странах ее по-прежнему не одобряют как инструмент политики, полагая, что риски перевешивают выгоды, когда в стране нет соответствующей институциональной базы. Однако успешные примеры развития показывают, что последовательность действий может быть противоположной (глава IV). Хотя меры промышленной политики неизбежно порождают риски, они способствуют совершенствованию структур управления и нормативно-правовой базы, что, в свою очередь, повышает эффективность и успешность промышленной политики.

Прямой возврат к стратегиям развития или промышленным стратегиям требует скоординированной климатической политики, поскольку научные данные указывают на ускорение проявления последствий климатических изменений.

В 2023–2024 годах во всем мире наблюдались рекордно высокие температуры, учащались наводнения и засухи, продолжалась деградация лесных и водных ресурсов, ухудшалось биологическое разнообразие. Смягчение климатических рисков, помимо многих других положительных результатов, позволит снизить инфляционное давление, вызванное экстремальными погодными условиями, и сократить расходы на борьбу с изменением климата.

В целом краткосрочный сценарий не представляется благоприятным. Растущая геополитическая напряженность вытеснила экологические проблемы и прогрессивную экономическую политику из списка приоритетов правительств многих стран (глава III).

В этом контексте роль многосторонних учреждений, таких как ЮНКТАД, является ключевой в обеспечении более эффективной координации политики между развитыми и развивающимися экономиками.

Принимая во внимание эти вызовы, авторы настоящего доклада приходят к следующим выводам:

- рост государственного долга, а также объем инвестиций, необходимых для решения актуальных проблем в области развития и изменения климата, четко показывают, что для восстановления баланса государственных бюджетов требуется увеличение доходов. В будущем необходимо координировать действия, в том числе для увеличения в мировом масштабе налогообложения состоятельных лиц и крупных корпораций;

- расширение доступа к недорогим, надежным и долгосрочным вариантам финансирования — особенно для наиболее уязвимых развивающихся стран — является ключевым условием для обеспечения адекватных государственных инвестиций в достижение целей развития. Важные политические меры в международной сфере включают расширение льготного финансирования за счет капитализации многосторонних и региональных банков, выпуск новых и перераспределение существующих специальных прав заимствования, использование инновационных финансовых инструментов и другие меры;
- сбалансированная политика, направленная на устранение различных факторов, вызывающих инфляционное давление, должна быть более эффективной и приводить к меньшим «сопутствующим потерям». Такая политика должна включать в себя согласованные действия по ограничению антиконкурентной практики, злоупотреблений доминирующим положением на рынке и корпоративной концентрации на ключевых рынках, а также пересмотр существующей нормативно-правовой базы для деятельности по торговле сырьевыми товарами;
- органы денежно-кредитного регулирования должны тщательно обдумывать широкие последствия своих решений. Среди факторов, которые необходимо учитывать, — влияние монетарных решений на динамику долга и стоимость его обслуживания, финансирование критически необходимых инвестиций и финансовая устойчивость. Такие изменения в критериях и осуществлении процесса выработки политики должны быть заложены в мандаты денежно-кредитных учреждений.

В разделе В данной главы представлен глобальный макроэкономический обзор, в котором особое внимание уделено росту валового внутреннего продукта (ВВП) и инфляции. В разделе С рассматривается растущее недовольство, вызванное высокими ценами в странах с развитой и развивающейся экономикой. В разделе D анализируются актуальные тенденции и ожидания в отношении процентных ставок и валютных курсов. В разделе E рассматривается фискальная политика и описывается влияние шока, вызванного COVID-19, на государственный долг в странах Группы 20. В разделе F представлены имитационные модели функционального распределения доходов и самые последние данные о влиянии пандемического шока на распределение личных доходов. В разделе G подробно рассматриваются перспективы развития мировой экономики по регионам.

Промышленная политика вернулась в повестку дня стран с развитой экономикой.

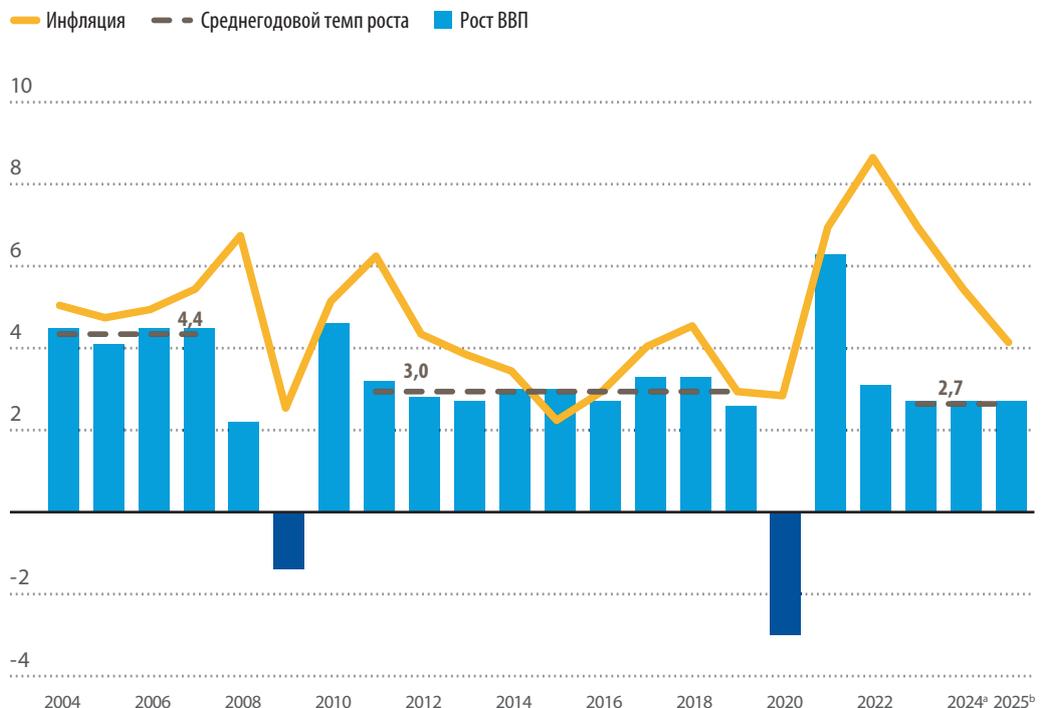
В. Замедление роста мировой экономики

По мере сворачивания стимулирующих мер, принятых в рамках реагирования на пандемию COVID-19, основной задачей макроэкономической политики во всем мире стало возвращение уровня инфляции в целевые диапазоны, установленные центральными банками. Впоследствии темпы роста мирового производства замедлились с 3,1 процента в 2022 году до 2,7 процента в 2023 году. По прогнозам ЮНКТАД, в 2024 и 2025 годах темпы роста мировой экономики останутся на прежнем низком уровне в 2,7 процента, что означает сохранение в течение трех лет подряд стабильного, но стагнирующего роста на фоне постепенной глобальной дезинфляции (рис. I.1 и таблица I.1).

Если рассматривать текущую ситуацию в исторической перспективе, то во время мирового финансового кризиса (в 2008 году) также наблюдался кратковременный всплеск инфляции, хотя и гораздо меньший по масштабам. Это заставило правительства крупнейших стран с развитой экономикой прибегнуть к «благоприятной для роста» фискальной консолидации, основанной на гипотезе «экспансионистского фискального сжатия» (Alesina and Ardagna, 1998; Jayadev and Konczal, 2010). В результате фискальные стимулы оказались далеко не такими, как требовалось, чтобы компенсировать недостаток спроса. В то же время в странах с развитой экономикой инфляция оставалась ниже типичного для них целевого уровня в 2 процента в год.

Рис. I.1
На фоне ослабления инфляционного давления рост мирового производства не впечатляет

Рост мирового объема производства и инфляция (проценты)

Источник: ЮНКТАД на основе Модели глобальной политики Организации Объединенных Наций.

Примечания: Значения роста объема производства основаны на ВВП, рассчитанном в постоянных ценах 2015 года (по рыночным валютным курсам). Серыми пунктирными линиями обозначены среднегодовые темпы роста в 2004–2007, 2011–2019 и 2023–2025 годах. Инфляция соответствует средневзвешенному значению дефляторов ВВП по странам и регионам.

^a Оценочные данные.

^b Прогноз.

Таблица I.1
Рост мирового производства, 1991–2025 годы

Темпы роста ВВП
(изменение в процентах к предыдущему году)

Группы стран	1991–1999 ^a	2000–2009 ^a	2010–2014 ^a	2015–2019 ^a	2019	2020	2021	2022	2023	2024 ^b	2025 ^b
Весь мир	2,9	3,4	3,2	3,0	2,6	-3,0	6,3	3,1	2,7	2,7	2,7
▶ Африка	2,4	5,5	2,6	2,9	2,6	-2,4	4,6	3,4	3,0	3,0	3,2
Южная Африка	2,7	4,0	2,5	1,0	0,3	-6,0	4,7	1,9	0,6	0,9	1,4
▶ Северная Африка (включая Южный Судан)	2,7	5,3	-1,9	3,8	2,3	-3,3	4,7	2,6	2,5	2,6	3,2
▶ Африка к югу от Сахары (исключая Южную Африку и Южный Судан)	2,0	6,4	6,2	2,9	3,4	-1,0	4,4	4,3	3,8	3,8	3,6
▶ Америка	3,4	2,5	2,4	1,9	1,8	-3,4	6,0	2,5	2,4	2,3	2,0
▶ Латинская Америка и Карибский бассейн	3,2	3,4	3,4	0,1	-0,6	-7,3	7,1	4,1	2,1	2,0	2,5
Мексика	3,0	1,9	3,2	2,0	-0,4	-8,4	6,0	3,7	3,2	2,0	1,5
▶ Центральная Америка (исключая Мексику) и Карибский бассейн	2,8	4,4	3,6	3,0	2,2	-8,7	8,3	4,8	3,6	3,1	3,0
▶ Южная Америка	3,4	3,9	3,4	-0,9	-1,1	-6,7	7,3	4,1	1,5	1,8	2,8
Аргентина	4,6	3,8	2,7	-0,3	-2,0	-9,9	10,4	5,0	-1,6	-3,5	4,8
Бразилия	2,9	3,6	3,2	-0,4	1,2	-3,3	4,8	3,0	2,9	2,8	2,2
▶ Северная Америка	3,4	2,3	2,1	2,3	2,4	-2,4	5,8	2,1	2,4	2,4	1,8
Канада	2,8	2,3	2,6	2,0	1,9	-5,0	5,3	3,8	1,2	1,1	2,1
Соединенные Штаты	3,5	2,3	2,1	2,4	2,5	-2,2	5,8	1,9	2,5	2,5	1,8
▶ Азия (исключая Кипр)	4,4	5,6	5,7	4,8	3,8	-0,9	6,7	3,6	4,2	4,0	4,0
▶ Центральная Азия	-4,4	8,1	6,7	3,7	4,2	-1,2	5,4	4,1	5,6	3,6	3,5
▶ Восточная Азия	4,4	5,6	5,8	4,8	4,0	0,4	6,9	2,5	4,2	3,9	3,7
Китай	11,0	10,6	8,6	6,8	6,0	2,2	8,4	3,0	5,2	4,9	4,6
Япония	1,2	0,9	1,4	0,9	-0,4	-4,2	2,7	1,2	1,8	0,9	1,0
Республика Корея	6,8	4,9	3,7	3,1	2,3	-0,7	4,6	2,7	1,4	2,3	2,1
▶ Южная Азия	4,7	6,3	5,4	6,1	3,7	-3,8	8,1	5,7	6,1	5,7	5,5
Индия	5,9	7,2	6,6	7,0	4,6	-5,9	9,4	6,5	7,7	6,8	6,3
▶ Юго-Восточная Азия	5,3	5,5	5,7	5,0	4,4	-3,8	3,6	5,6	3,9	4,5	4,4
Индонезия	4,8	5,2	5,8	5,1	5,0	-2,1	3,7	5,3	5,0	5,1	5,2
▶ Западная Азия (исключая Кипр)	4,3	5,1	5,4	2,9	1,6	-2,9	6,9	6,2	2,0	2,4	3,9
Саудовская Аравия	2,2	4,3	5,7	2,2	1,1	-3,6	5,1	7,5	-0,8	1,7	4,7
Турция	3,9	5,0	7,6	4,3	0,9	1,7	11,8	5,3	4,5	3,5	3,8
▶ Европа (включая Кипр)	1,4	2,2	1,2	2,1	1,8	-5,9	6,3	3,0	0,7	1,2	1,6
Российская Федерация	-5,9	6,2	3,1	1,2	2,2	-2,7	5,9	-1,2	3,6	3,5	1,5
Соединенное Королевство	2,6	2,0	1,8	2,0	1,6	-10,4	8,7	4,3	0,1	0,9	1,4
▶ Европейский союз	1,9	1,8	0,8	2,2	1,8	-5,6	6,1	3,5	0,5	1,0	1,6
▶ Зона евро	1,9	1,6	0,6	2,0	1,6	-6,1	6,0	3,5	0,5	0,9	1,4
Франция	1,8	1,6	1,1	1,7	1,8	-7,5	6,4	2,6	1,1	1,0	1,3
Германия	1,6	1,0	2,0	1,8	1,1	-3,8	3,2	1,8	-0,2	0,2	1,2
Италия	1,4	0,7	-0,8	1,1	0,5	-9,0	8,3	4,0	0,9	0,9	1,0
▶ Океания	3,7	3,2	2,8	2,7	2,0	-2,1	5,4	3,7	1,9	1,4	2,1
Австралия	3,7	3,3	2,8	2,5	1,8	-2,1	5,5	3,9	2,0	1,4	2,1
▶ Развитые страны	2,3	2,2	1,7	2,1	1,9	-3,9	5,7	2,5	1,6	1,8	1,7
▶ Развивающиеся страны	4,9	6,4	5,8	4,4	3,6	-1,6	7,2	3,9	4,2	4,1	4,2

Источники: ЮНКТАД на основе Модели глобальной политики Организации Объединенных Наций; Организация Объединенных Наций, Департамент по экономическим и социальным вопросам, база данных основных агрегатных показателей национальных счетов; Организация Объединенных Наций, Департамент по экономическим и социальным вопросам, «Мировое экономическое положение и перспективы», обновление за июнь 2024 года; Экономическая комиссия для Латинской Америки и Карибского бассейна, 2024 год; Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), 2024 год; Международный валютный фонд (МВФ), «Перспективы развития мировой экономики»; Аналитический центр группы «Экономист», база данных АЦЭ по странам; JP Morgan, Global Data Watch; и национальные источники.

Примечания: Состав пяти географических регионов соответствует стандарту M49 Статистического отдела Организации Объединенных Наций. Разделение стран на развитые и развивающиеся основано на обновленной классификации M49 от мая 2022 года. Расчеты суммарных показателей по странам выполнены на основе данных о ВВП в постоянных долларах 2015 года.

a Средние значения.

b Прогноз.

В этих условиях монетарные власти предприняли меры по стимулированию спроса путем резкого смягчения денежно-кредитной политики (UNCTAD, 2013; Palley, 2016). Однако, несмотря на отрицательные реальные процентные ставки во многих странах после мирового финансового кризиса, глобальный рост не восстановился до уровней, необходимых для достаточного снижения уровня государственного долга по отношению к ВВП (раздел E).

Двенадцать лет спустя, когда последствия пандемии COVID-19 ввергли мировую экономику в очередную глубокую рецессию, политические меры, принятые странами с развитой экономикой, существенно отличались от тех, что были приняты после мирового финансового кризиса. Очень низкие или отрицательные процентные ставки и расширение ликвидности на рынках капитала за счет количественного смягчения позволяли правительствам оказывать относительно дешевую финансовую поддержку домохозяйствам и компаниям. В странах с развитой экономикой правительства вводили гораздо более существенные бюджетные стимулы. Предоставив масштабные временные трансферты доходов, они смягчили внезапную остановку экономики в 2020 году и помогли ускорить восстановление в 2021 году.

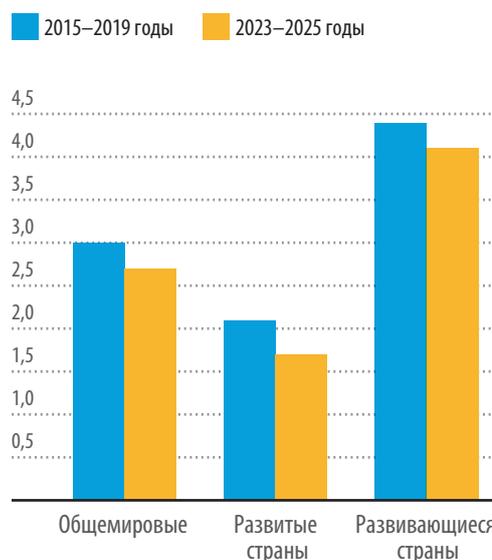
Доказательством эффективности фискальной политики, когда она проводится согласованно и в достаточном объеме, стал сильный отскок мировой экономики в 2021 году. Однако в условиях ужесточения налогово-бюджетной и уже до этого очень жесткой денежно-кредитной политики рост мирового объема производства в период с 2023 по 2025 год (в прогнозах) демонстрирует признаки стабилизации на уровне ниже зарегистрированного в годы, предшествовавшие пандемии, как среди развитых, так и развивающихся стран (рис. I.2). Но траектория глобального роста и до пандемии была далека от удовлетворительной: она была более чем на целый процентный пункт ниже, чем до мирового финансового кризиса. Темпы роста были и остаются недостаточными для решения текущих задач и достижения глобальных целей развития.

Ситуация особенно тревожна для 46 наименее развитых стран. Ожидается, что в период с 2023 по 2025 год рост общего объема производства в этих странах составит в среднем 3,9 процента в год, что крайне недостаточно

для достижения «ежегодного темпа роста не менее 7 процентов», установленного для этих стран целями в области устойчивого развития¹. Ожидается, что только одна страна — Руанда — достигнет таких темпов роста.

Рис. I.2 Темпы экономического роста как в развитых, так и в развивающихся странах стабилизируются на уровне ниже допандемического

Средние темпы роста реального ВВП (проценты)

Источник: ЮНКТАД на основе Модели глобальной политики Организации Объединенных Наций.

Примечания: Значения роста объема производства основаны на ВВП, рассчитанном в постоянных ценах 2015 года (по рыночным валютным курсам). Данные за 2024 год являются оценочными, а данные за 2025 год — прогнозными.

Стагнация общемирового роста отражает траектории развития основных экономических регионов мира: в Соединенных Штатах и Европейском союзе сохраняется низкий темп роста, а в Китае наблюдается заметное замедление экономики, начавшееся после мирового финансового кризиса (рис. I.3). В Китае замедление темпов роста отчасти отражает возврат к средним значениям; по мере роста экономики сохранение одного и того же объема дополнительных реальных расходов приводит к снижению темпов роста ВВП. Кроме того, замедление темпов роста объясняется исчерпанием строительного бума как в инфраструктуре, так и в жилищном строительстве, который

Темпы роста мирового объема производства стабилизируются на уровне ниже тех, которые отмечались до пандемии.

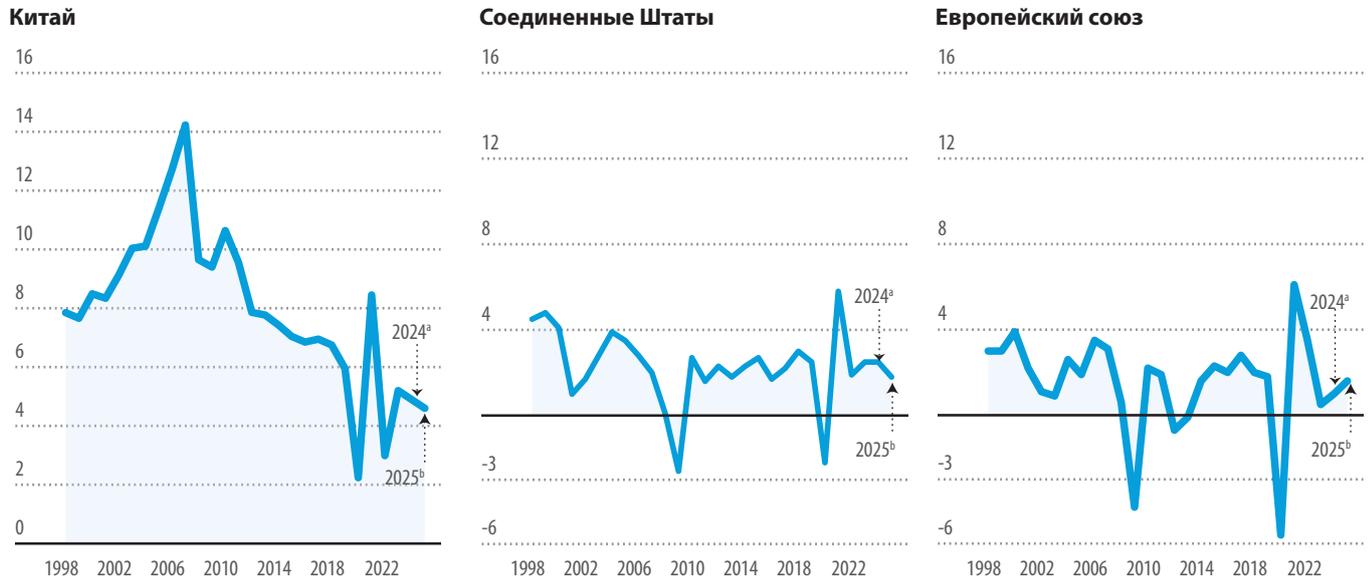
Стагнация общемирового роста отражает траектории развития основных экономических регионов мира.

¹ Более подробную информацию о цели 8 в области устойчивого развития, касающейся достойной работы и экономического роста, можно найти на сайте Организации Объединенных Наций <https://www.un.org/sustainabledevelopment/economic-growth/>.

Рис. I.3 Стагнация и замедление темпов роста ударили по крупнейшим экономикам мира

Рост реального ВВП в отдельных странах
(проценты)

Источник: ЮНКТАД на основе Модели глобальной политики Организации Объединенных Наций.

Примечание: На основе ВВП в постоянных ценах 2015 года.

a Оценочные данные.

b Прогноз.

превалировал над чистым экспортом в качестве основного драйвера роста в Китае в течение последнего десятилетия.

В перспективе маловероятно, что основные драйверы роста в Китае последних двух десятилетий — экспортный сектор и строительный бум, финансируемый за счет долга, — будут и впредь давать такой же экономический импульс. Относительно высокое (по местным меркам) отношение долга китайских семей к ВВП (62 процента), а также рост долговой нагрузки нефинансовых корпораций после реструктуризации Evergrande Group в 2021–2022 годах и постоянный рост коэффициента государственного долга после начала пандемии COVID-19 (рис. I.4) свидетельствуют о том, что текущее финансовое положение не способствует буму внутреннего строительства за счет долга, который мог бы стать основным драйвером роста экономики. Хотя в последнее время рост чистого экспорта ускорился, присутствует существенная неопределенность в отношении перспектив еще одного бума, основанного на экспорте. На международном уровне ценовая политика китайских компаний стала причиной принятия антидемпинговых

мер во многих странах (Friedberg, 2024). Что касается внутреннего рынка, то, несмотря на рост объемов экспорта, китайские компании не получают высоких прибылей, но увеличивают уровень задолженности.

Стратегия правительства Китая указывает на замедление темпов роста ВВП, поскольку нынешнее расширение инвестиций в инновации, науку и технологии не оказывает такого влияния на спрос, как предыдущие фазы развития, которые стимулировались чистым экспортом и строительством. Растущие инвестиции в исследования и разработки, а также в науку, технологии, инженерное дело и математику с высокой вероятностью повысят производительность труда и помогут Китаю оставаться на передовых позициях во многих технологиях. Но они также означают начало периода более умеренного роста в отсутствие государственной политики, направленной на увеличение внутреннего частного и государственного потребления.

Что касается мировой экономики, то ее почти полный паралич в 2020 году и отскок в 2021 году создали многочисленные узкие места в сфере поставок, что привело к значительному, но кратковременному инфляционному

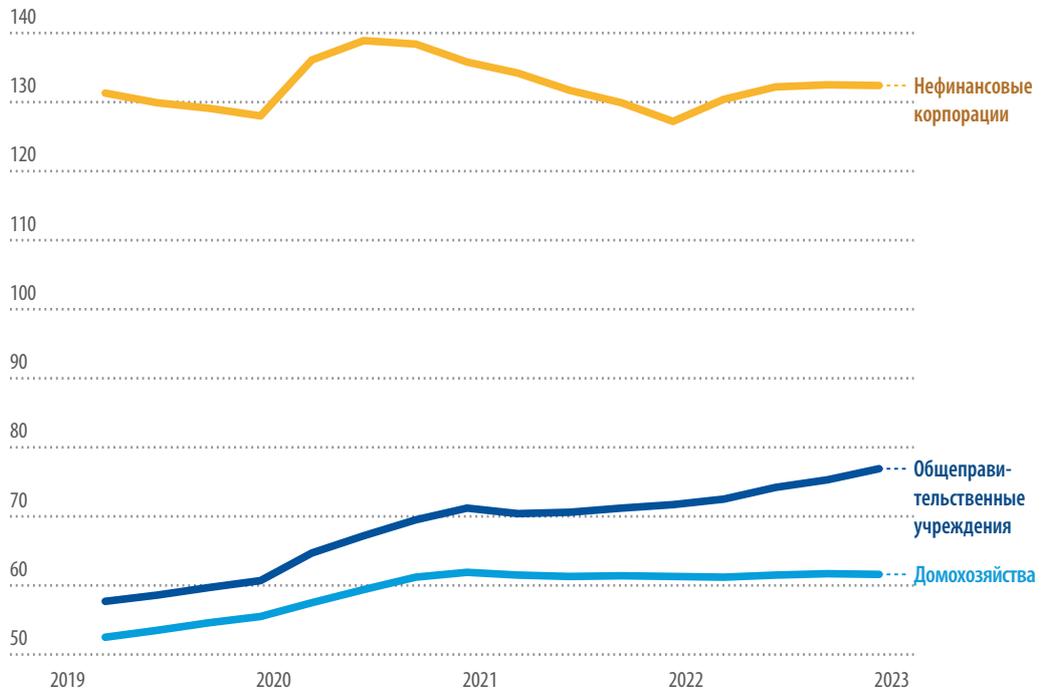

Рис. I.4

Рост государственного и корпоративного долга в Китае возобновился с начала 2022 года

Отношение кредитов нефинансовых корпораций, общеправительственных учреждений и домохозяйств к ВВП в Китае (проценты)

Источник: ЮНКТАД на основе данных Банка международных расчетов.

Примечания: К домохозяйствам отнесены также некоммерческие организации, обслуживающие домохозяйства. Под общеправительственными учреждениями понимаются центральные, региональные и местные органы власти, а также фонды социального обеспечения, контролируемые этими органами.

давлению в глобальных цепочках создания стоимости (UNCTAD, 2023b; Stiglitz, 2023). Это давление на предложение усугублялось переходными сдвигами моделей потребления в сторону товаров длительного пользования (UNCTAD, 2022), а также резким ростом цен на сырьевые товары (глава II). Органы денежно-кредитного регулирования стран с развитой в финансовом плане экономикой отреагировали на рост инфляции резким повышением учетных ставок, в результате чего реальные процентные ставки в этих странах вернулись к положительным значениям (глава I, раздел D).

Спустя почти пять лет после пандемии монетаристские опасения по поводу «великой постпандемической инфляции» представляются неуместными. Ускорение роста цен оказалось главным образом проблемой предложения — инфляцией продавцов, а не покупателей. Помимо прочих факторов этого процесса, компании адаптировались к структурным изменениям в относительных

ценах и использовали свою рыночную власть, чтобы переложить рост затрат на потребителей (UNCTAD, 2023b; Weber and Wasner, 2023). По состоянию на середину 2024 года рост цен во всем мире замедлился. Однако этот дезинфляционный процесс происходит на фоне значительных расхождений в траекториях роста, в том числе между экономиками стран Группы 20 (глава I, раздел G).

Если говорить о цифрах, то в 2024 году Соединенные Штаты ожидает относительно плавное снижение показателей, так как в экономике устанавливается тренд роста на уровне 2 процентов. Китай продолжает снижать темпы роста до еще не установившегося трендового уровня. Япония, по-видимому, приближается к стабильному темпу роста в 1 процент, в то время как Германия продолжает бороться за достижение того же, довольно скромного, показателя в 1 процент после того, как ее экономика сильно пострадала от пандемии и войны на Украине (рис. I.5).

Оказалось, что ускорение роста цен было связано главным образом с предложением.

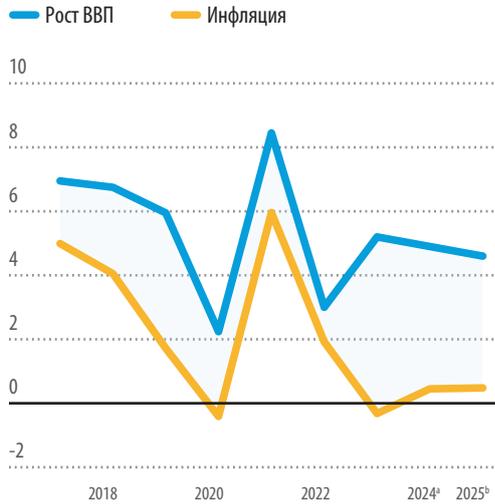

Рис. I.5

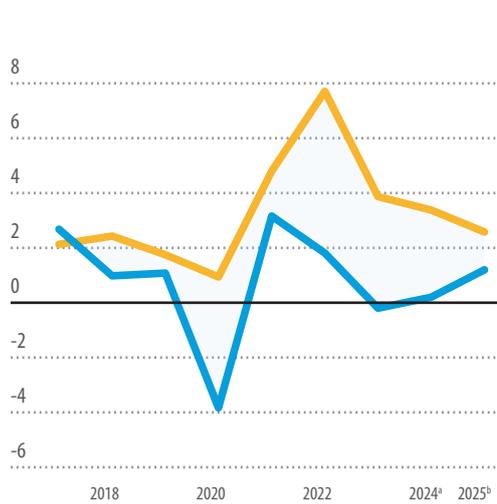
Динамика экономического роста в крупнейших странах неодинакова

Рост реального ВВП и инфляция, отдельные страны Группы 20
(проценты)

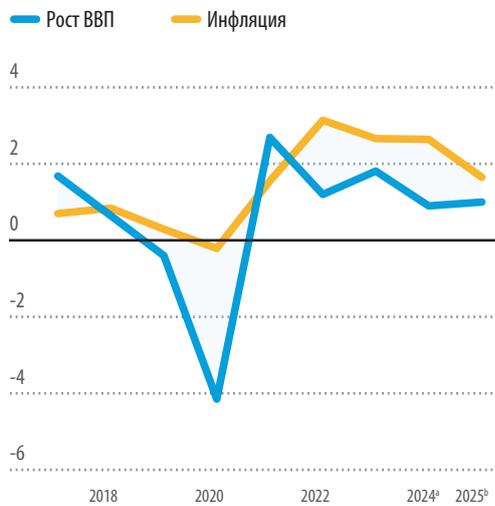
Китай

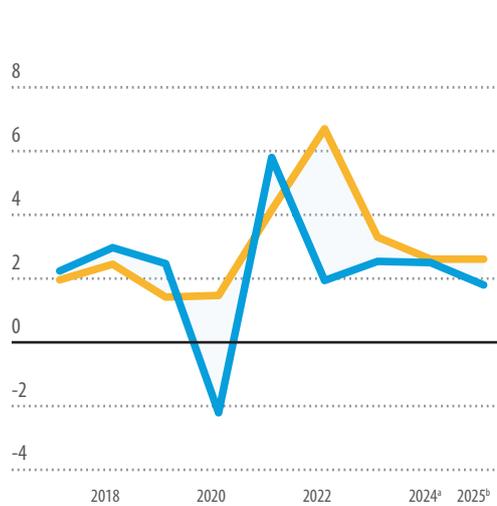
Германия

Япония

Соединенные Штаты

Источник: ЮНКТАД на основе Модели глобальной политики Организации Объединенных Наций.

Примечания: Значения роста объема производства основаны на ВВП, рассчитанном в постоянных ценах 2015 года. Инфляция соответствует дефлятору ВВП.

^a Оценочные данные.

^b Прогноз.

В экономике стран БРИКС (кроме Китая) — Бразилии, Российской Федерации, Индии и Южной Африки — также наблюдался постпандемический всплеск инфляции, но динамика роста и цен сильно различалась между странами (рис. I.6). В частности, после десятилетия стагнации Бразилия, по-видимому,

выходит на темп роста в 2 процента и уровень инфляции в 3 процента. При этом экономика Российской Федерации, по-видимому, приближается к уровню инфляции в 4 процента. Сохраняется значительная неопределенность в отношении роста ВВП этой страны из-за W-образной траектории роста, связанной

с шоком от пандемии COVID-19 и влиянием войны на Украине на российскую торговлю и инвестиции. Рост ВВП Индии, судя по всему, стабилен и составляет 6 процентов при

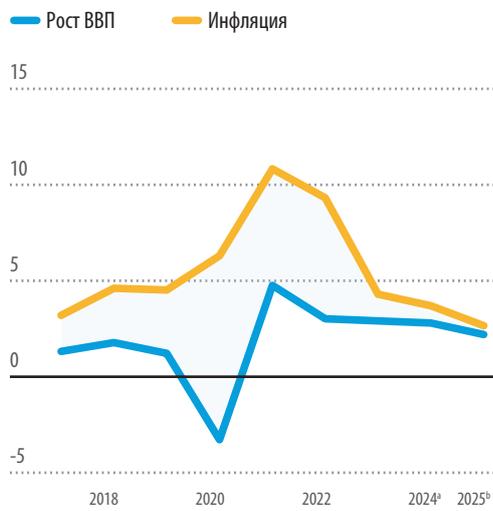
сопутствующей инфляции в 4 процента, в то время как Южная Африка с трудом продвигается к достижению к 2025 году 2-процентного роста при 4-процентной инфляции.

Рис. 1.6
В странах БРИКС (кроме Китая) наблюдаются различные траектории роста и инфляции

Рост реального ВВП и инфляция (проценты)

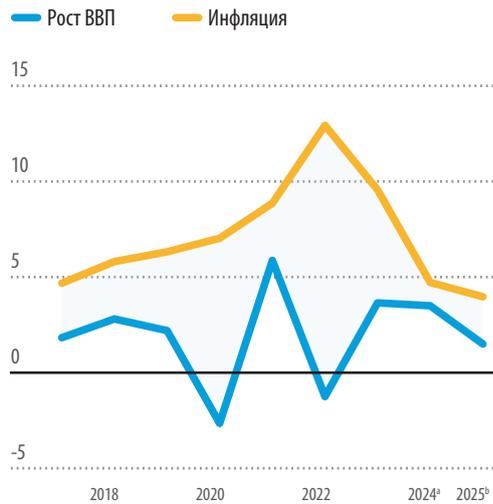
Бразилия

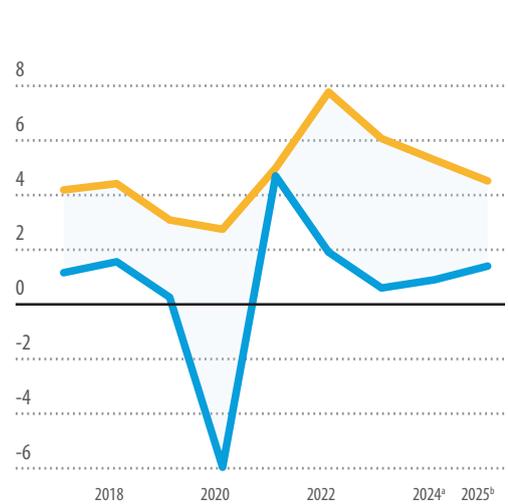
Индия

Российская Федерация

Южная Африка

Источник: ЮНКТАД на основе Модели глобальной политики Организации Объединенных Наций.

Примечания: Значения роста объема производства основаны на ВВП, рассчитанном в постоянных ценах 2015 года. Инфляция соответствует дефлятору ВВП.

^a Оценочные данные.

^b Прогноз.

С. Макроэкономика недовольства потребителей

Восстановление экономики и дезинфляция после пандемии COVID-19 сопровождались широким недовольством во всех странах. Резкое увеличение стоимости кредитов — результат повышения процентных ставок — особенно сильно ударило по домохозяйствам на фоне высокого уровня их задолженности. Как следствие, слишком многие домохозяйства были вынуждены сокращать расходы в связи с уменьшением их располагаемого дохода. Аналогичным образом траектория роста потребительских цен, которая, несмотря на дезинфляцию последних лет, так и не вернулась к допандемическому тренду, вызвала значительное снижение покупательной способности домохозяйств. Потребительские цены в развитых странах стали на 11 процентов, а в развивающихся на 14 процентов выше, чем в период до пандемии (рис. I.7).

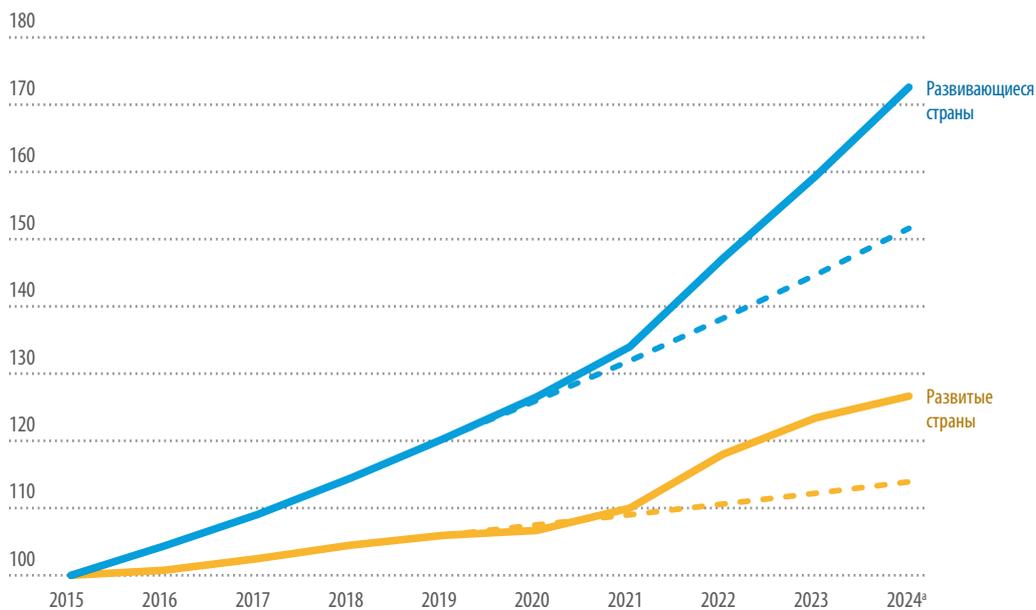
Рост цен и стоимости кредитов сокращает располагаемый доход домохозяйств.

Рис. I.7

Рост потребительских цен подорвал покупательную способность домохозяйств как в развитых, так и в развивающихся странах

Индекс потребительских цен
(2015 год = 100)

Источник: ЮНКТАД на основе данных из доклада МВФ «Перспективы развития мировой экономики», апрель 2024 года.

Примечания: Пунктирные линии соответствуют оценочным данным, основанным на предпандемическом тренде (2015–2019 годы). Агрегированные показатели для стран с развитой и развивающейся экономикой рассчитаны с использованием геометрических средних.

a Оценочные данные.

Реальные расходы домохозяйств во многих странах все еще ниже уровня, существовавшего до пандемии.

Такая динамика цен и сопутствующее снижение покупательной способности потребителей привели в одних странах к стагнации, а в других — особенно там, где бюджетная поддержка домохозяйств во время пандемии была более ограниченной, — к снижению реальных потребительских расходов домохозяйств на душу населения по сравнению с допандемическим периодом (рис. 1.8).

Он стал результатом действия совокупности факторов, включая переходные узкие места в сфере предложения, изменение структуры потребления, резкий рост цен на сырьевые товары, повышенную концентрацию рынка и ценовое поведение крупных корпораций в некоторых секторах, прежде всего в производстве сельскохозяйственных продуктов питания и в энергетическом секторе (UNCTAD, 2023b).

Рис. 1.8 Потребительские расходы домохозяйств во многих странах еще не восстановились до уровня, существовавшего до пандемии

Реальные расходы домохозяйств на конечное потребление, на душу населения, отдельные страны ОЭСР (третий квартал 2019 года = 100)

Источник: ЮНКТАД на основе базы данных ОЭСР.
Сокращения: I кв. — первый квартал; III кв. — третий квартал.

Всплеск инфляции после пандемии был вызван сочетанием нескольких факторов.

Основная особенность экономической активности в постпандемический период связана с реагированием политики на рост инфляции, начавшийся в 2021 году. Как отмечалось ЮНКТАД в последних изданиях Доклада о торговле и развитии, постпандемический всплеск инфляции был не просто результатом перегрева экономики, когда слишком много денег устремилось за слишком малым количеством товаров и услуг.

Структура инфляции (учитывая, что многие проблемы, связанные с предложением, до сих пор не решены) ставит под сомнение эффективность денежно-кредитной политики. Чрезмерное упование на активное и продолжительное ужесточение денежно-кредитной политики как единственный инструмент, направленный на снижение инфляции до целевых уровней в крупных странах с развитой экономикой, обречено быть лишь отчасти эффективным, подобно тому, как смягчение денежно-кредитной политики в период дефляции после мирового финансового кризиса не смогло поднять инфляцию до целевых уровней. В то же время ужесточение денежно-кредитной политики привело к высоким издержкам как основной фактор, сдерживающий экономическую активность, увеличивающий стоимость финансирования для домохозяйств, компаний и органов государственного управления, усугубляющий риски финансовой нестабильности, усиливающий давление на валютные курсы и увеличивающий долговое бремя развивающихся стран (UNCTAD, 2024c). Более сбалансированный комплекс политических мер, направленных на устранение различных факторов, вызывающих инфляционное давление, должен быть более эффективным и приводить к меньшим «сопутствующим потерям».

Такой комплекс должен включать в себя согласованные действия по ограничению антиконкурентной практики, злоупотребления доминирующим положением на рынке и корпоративной концентрации в ключевых секторах. Он должен включать в себя инструменты стабилизации цен и пересмотр существующей нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность по торговле сырьевыми товарами, в целях пресечения чрезмерных финансовых спекуляций, а также усиление внимания в денежно-кредитной политике к вопросам финансовой стабильности и управления ликвидностью в финансовой системе (UNCTAD, 2020, 2023).

D. Отсроченное смягчение денежно-кредитной политики и укрепление доллара

Дискуссии среди экономистов до пандемии о том, вступила ли мировая экономика в эпоху долговременной стагнации, похоже, исчерпали себя на фоне шока от COVID-19. Сторонники тезиса о долговременной стагнации утверждали, что низкие темпы роста после мирового финансового кризиса являются побочным продуктом снижения уровня инвестиций, несмотря на исторически низкие процентные ставки (из-за увеличения уровня сбережений), которое привело к долговременному дефициту совокупного спроса. Фактически отрицательные реальные процентные ставки 2010-х годов стали результатом недостаточности фискального импульса для компенсации падения инвестиций в основной капитал частного сектора после финансового кризиса (UNCTAD, 2015; Cooper, 2022).

Сочетание узких мест в сфере предложения и ряда других факторов во время и после пандемии вызвало кратковременный всплеск инфляции во всем мире, что привело к почти синхронному повышению процентных ставок в крупных странах с развитой экономикой (рис. I.9). Учетные ставки в Соединенном Королевстве и Соединенных Штатах, а также в зоне евро активно увеличивались с конца 2021 года до середины 2023 года. Несмотря на то, что в начале 2024 года ожидалось, что цикл смягчения денежно-кредитной политики начнется в ближайшее время и в течение года должен развернуться в полной мере, неоднократно происходили задержки долгожданного начала цикла смягчения.

После многочисленных отсрочек Европейский центральный банк наконец начал процесс смягчения денежно-кредитной политики, снизив ключевые процентные ставки на 25 базисных пунктов 6 июня 2024 года. Еще одно снижение депозитной ставки на 25 базисных пунктов произошло 12 сентября. Снижение процентных ставок в Соединенном Королевстве и Соединенных Штатах было отложено на вторую половину 2024 года: 16 августа Банк Англии снизил учетную ставку на 25 базисных пунктов, и 18 сентября Федеральная резервная система понизила целевую ставку по федеральным фондам на 50 базисных пунктов. Несмотря на эти первые шаги по смягчению

денежно-кредитной политики, накопленный уровень повышения ставок в период с 2021 по 2023 год привел к тому, что денежно-кредитная политика остается крайне ограничительной.

Повышение учетных ставок в крупных странах с развитой экономикой было повторено многими развивающимися странами (рис. I.9). В этих странах темпы нормализации денежно-кредитной политики неизбежно будут несколько отличаться в зависимости от различных траекторий инфляции и валютных курсов, а также других специфических внутренних факторов, действующих в каждой стране. В Латинской Америке первыми процентные ставки повысили Бразилия и Чили, за ними последовали Колумбия и Мексика. По состоянию на середину 2024 года ситуация в Бразилии остается неопределенной, возможны новые повышения ставок в 2025 году; Мексика еще не начала смягчение денежно-кредитной политики. Ожидается, что центральные банки Колумбии и Чили продолжат постепенно снижать ставки.

Индия, Индонезия и Южная Африка все еще находятся на стадии высоких номинальных ставок, и в 2024–2025 годах значительного снижения ставок не предвидится. Китай продолжает постепенное смягчение денежно-кредитной политики с возможным дальнейшим снижением ставок в 2024–2025 годах, чтобы

Долгожданное начало смягчения денежно-кредитной политики неоднократно откладывалось.

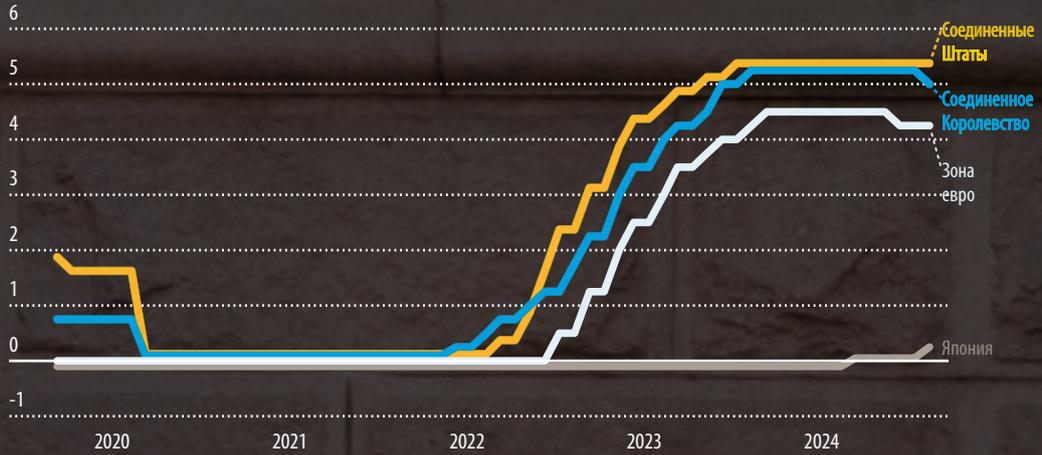

Рис. 1.9

Процентные ставки, определяемые денежно-кредитной политикой, остаются высокими во всем мире

Учетные процентные ставки центральных банков (краткосрочные)
(проценты)

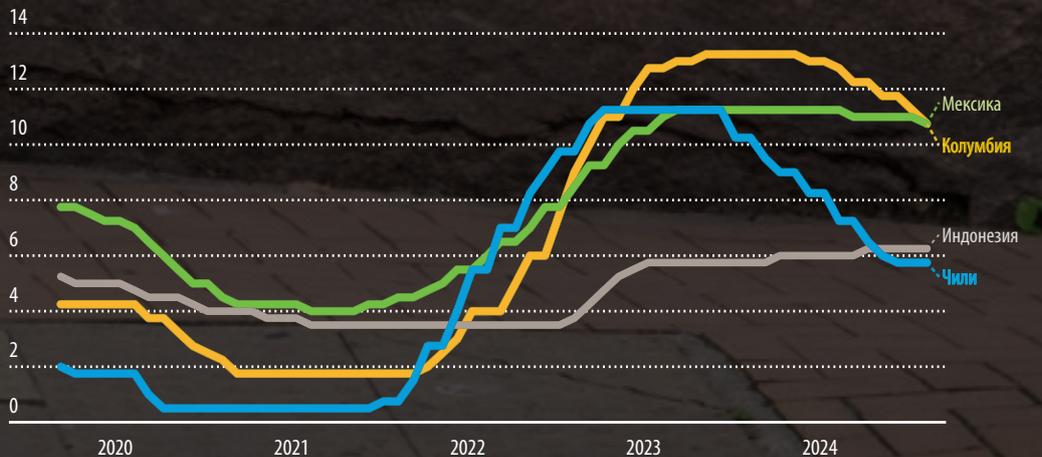
Отдельные страны с развитой экономикой

Страны БРИКС

Отдельные развивающиеся страны, не входящие в БРИКС

Источник: Банк международных расчетов.

избежать замедления экономического роста. В Российской Федерации центральный банк, как ожидается, сохранит высокую процентную ставку, чтобы справиться с продолжающимся давлением на валютный курс и цены, вызванным войной на Украине.

Наряду со специфическими внутренними факторами в каждой стране, задержка со смягчением денежно-кредитной политики в крупных развитых странах является ключевым фактором, оказывающим давление на центральные банки развивающихся стран. В результате эти банки считают необходимым проводить более жесткую денежно-кредитную политику, чем это было бы необходимо в ином случае, чтобы избежать разницы в процентных ставках, которая может спровоцировать отток капитала и обесценивание национальной валюты. В то же время прекращение количественного смягчения создает новые проблемы, связанные с продлением срока валютных облигаций, выпущенных правительствами развивающихся стран в период, когда центральные банки способствовали выпуску таких облигаций в рамках своих программ количественного смягчения.

Самое примечательное нововведение в денежно-кредитной политике 2024 года было осуществлено в Японии, где Банк Японии завершил почти восьмилетний период действия отрицательной номинальной процентной ставки. Учетная процентная ставка в Японии все еще близка к нулю, а реальная процентная ставка отрицательна, но недавнее изменение на 20 базисных пунктов ставки в краткосрочных операциях «керри-трейд», где иена используется в качестве заемного компонента, как ожидается, ослабит резкое постпандемическое обесценивание японской валюты по отношению к другим основным резервным валютам (рис. I.10).

За исключением Японии, в течение 2024 года отмечалось постепенное укрепление валют других крупных стран с развитой экономикой (рис. I.10). В большинстве развивающихся стран, несмотря на жесткую политику органов денежно-кредитного регулирования, наблюдалось снижение курса валют по отношению к доллару. Из 94 развивающихся стран с режимом нефиксированного валютного курса, по которым имеются данные², в 79 отмечалось номинальное снижение курса в первой половине 2024 года. Некоторые

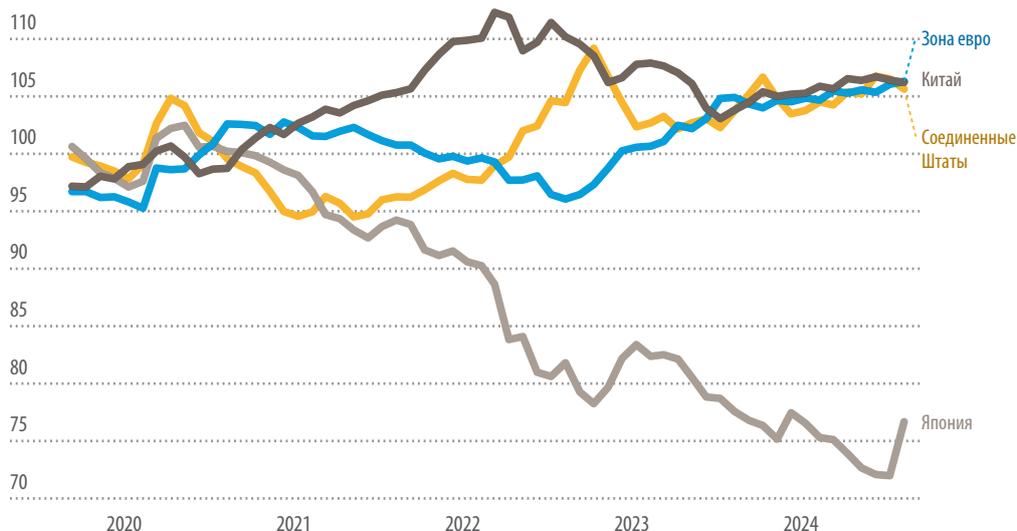
Задержки смягчения денежно-кредитной политики в развитых странах оказывали давление на центральные банки стран глобального Юга.

Из 94 развивающихся стран с режимом нефиксированного валютного курса в 2024 году было отмечено снижение курса их валют по отношению к доллару.

Рис. I.10

За исключением иены, основные резервные валюты демонстрируют постепенное укрепление в 2024 году

Индекс номинального эффективного валютного курса
(2020 год = 100)

Источник: Банк международных расчетов.

Примечание: Номинальные эффективные валютные курсы рассчитаны как взвешенные по объему торговли геометрические средние значения двусторонних обменных курсов.

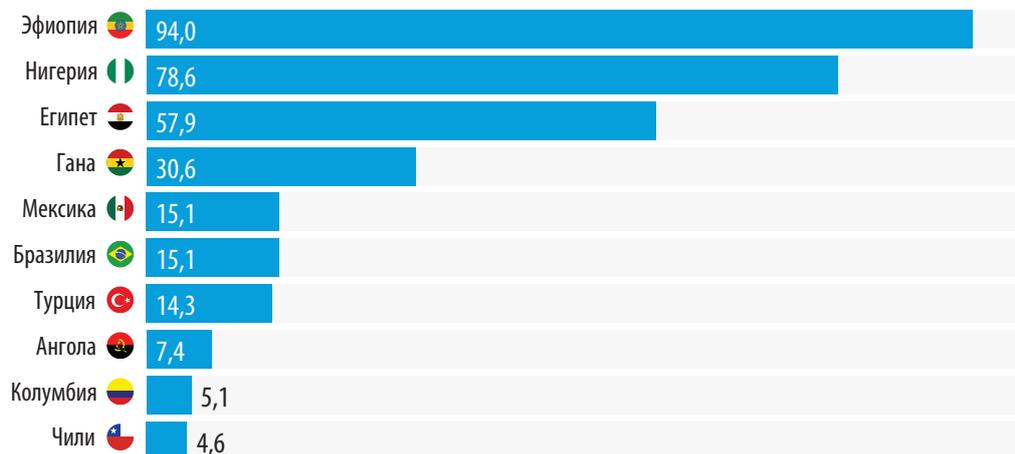
² См. портал данных БМР по двусторонним обменным курсам, URL: <https://data.bis.org/topics/XRU/data..>

Рис. I.11

В 2024 году резко обесценились валюты нескольких развивающихся стран

Снижение двустороннего обменного курса по отношению к доллару Соединенных Штатов в номинальном выражении, отдельные развивающиеся страны, январь–август 2024 года (проценты)

Источник: ЮНКТАД на основе данных London Stock Exchange Group Eikon.

Примечание: Изменение в процентах номинального обменного курса по отношению к доллару Соединенных Штатов в период с 1 января по 22 августа 2024 года.

Сохраняющиеся жесткие международные валютно-финансовые условия оказывают дополнительное давление на валюты развивающихся стран.

из них пережили особенно сильное падение курса (рис. I.11), которое усиливает инфляционное давление в их экономике. Хотя здесь играют роль и специфические внутренние факторы (раздел G), особенно в странах, переживающих очень резкую девальвацию, сохраняющиеся жесткие международные валютно-финансовые условия усилили давление на местные валюты во всех развивающихся странах.

Сочетание по-прежнему высоких учетных ставок в крупных развитых странах и обесценения национальных валют серьезно ограничивает пространство для выработки политики, имеющееся у руководящих органов развивающихся стран. Эти факторы также увеличивают расходы на обслуживание долга, номинированного в иностранной валюте. Такая ситуация подрывает государственные финансы и увеличивает потенциальные риски для финансовой стабильности.

Е. Свертывание стимулирующей фискальной политики и увеличение уровня государственного долга

Крупнейшие экономики Группы 20 отреагировали на шок от COVID-19 фискальными стимулами в совершенно разных объемах. В Соединенных Штатах первичное сальдо бюджета снизилось от дефицита в 3,5 процента ВВП в 2019 году до почти 12 процентов ВВП в 2020 году. Ожидается, что проводимая с тех пор бюджетная консолидация приведет к тому, что в 2024 году первичный дефицит бюджета восстановится до уровня 4 процента ВВП. Если сравнивать реакцию Соединенных Штатов на мировой финансовый кризис и шок от пандемии COVID-19, то в 2020 году фискальный импульс или изменение первичного дефицита было более значительным, чем в 2009 году (рис. I.12).

Фискальная реакция стран еврозоны на мировой финансовый кризис и шок от COVID-19 также была стимулирующей, но в меньших масштабах и с более быстрой бюджетной консолидацией, чем в Соединенных Штатах. Первичное сальдо бюджета сократилось с профицита в 0,7 процента ВВП в 2019 году до дефицита в размере около 6 процентов в 2020 году. Бюджетная консолидация началась в 2021 году и, как ожидается,

приведет еврозону к дефициту в размере около 1 процента ВВП в 2024 году.

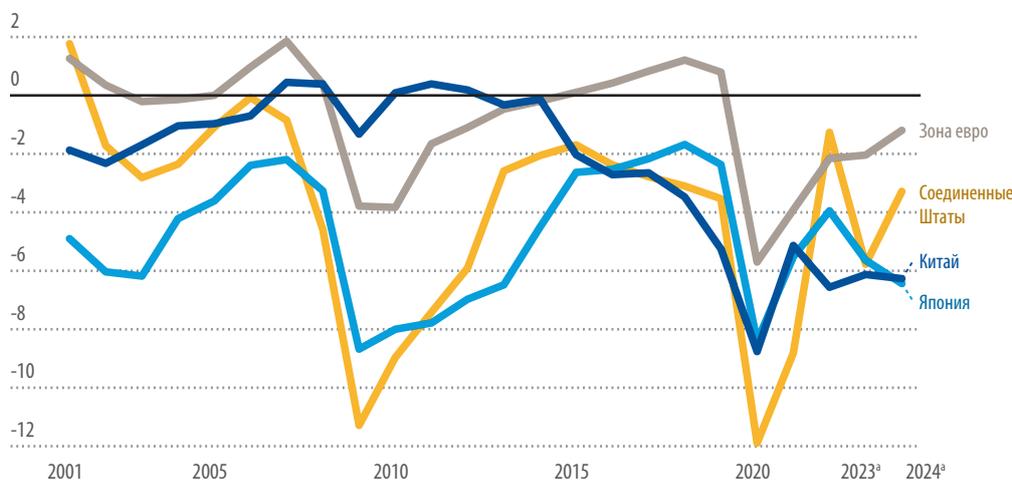
В Азии Япония отреагировала на мировой финансовый кризис и шок от пандемии COVID-19 схожим фискальным импульсом — увеличением отношения первичного дефицита к ВВП на 5 процентных пунктов. Напротив, Китай стал гораздо более активным в финансовом отношении после пандемии по сравнению с

Рис. I.12

Различия в динамике бюджетного баланса крупнейших экономик мира

Первичное сальдо бюджета в отдельных странах Группы 20 (проценты ВВП)

Источник: МВФ, «Перспективы развития мировой экономики», апрель 2024 года.
a Оценочные данные.

Шок от COVID-19 привел к росту государственного долга почти во всех странах Группы 20.

мировым финансовым кризисом. В 2009 году в Китае наблюдался кратковременный и небольшой первичный дефицит, после чего в 2010–2014 годах первичное сальдо бюджета было практически сбалансировано. Ситуация начала меняться в 2015 году, когда первичный дефицит начал расти. К 2019 году дефицит достиг 5 процентов ВВП; в результате шока от пандемии COVID-19 дефицит вырос почти до 9 процентов ВВП в 2020 году. Ожидается, что в 2024–2025 годах первичный дефицит стабилизируется на уровне около 6 процентов ВВП. Как показано ниже, увеличение

первичного дефицита отражается на росте государственного долга.

Как и ожидалось после рецессии, шок от COVID-19 привел к росту государственного долга почти во всех странах Группы 20 (таблица I.2). Исключение составили Бразилия и Турция, причем по весьма своеобразным причинам. В Бразилии уже до кризиса был накоплен большой объем государственного долга, и правительство осуществляло процесс бюджетной реструктуризации, когда началась пандемия. В Турции высокая инфляция,

Таблица I.2

Уровень государственного долга резко вырос после шока от COVID-19

Валовой долг общеправительственных учреждений в странах Группы 20 (проценты ВВП)

Страна	Период шока от COVID-19					Изменение за период 2019–2023 годов
	2019	2020	2021	2022	2023 ^a	
Аргентина	90	104	81	85	155	65
Австралия	47	57	56	50	49	3
Бразилия	87	96	89	84	85	-2
Канада	90	118	114	107	107	17
Китай	60	70	72	77	84	23
Зона евро	84	97	95	91	89	5
Франция	97	115	113	112	111	13
Германия	60	69	69	66	64	5
Италия	134	155	147	141	137	3
Индия	75	88	84	82	83	8
Индонезия	31	40	41	40	40	9
Япония	236	258	254	257	252	16
Мексика	52	59	57	54	53	1
Республика Корея	42	49	51	54	55	13
Российская Федерация	14	19	16	19	20	6
Саудовская Аравия	22	31	29	24	26	5
Южная Африка	56	69	69	71	74	18
Турция	32	39	40	31	29	-4
Соединенное Королевство	86	106	105	100	101	15
Соединенные Штаты	108	132	125	120	122	14

Источник: МВФ, «Перспективы развития мировой экономики», апрель 2024 года.
a. Оценочные данные.

быстрый рост и низкие реальные процентные ставки ослабили влияние шока от COVID-19 на динамику долга.

Среди остальных стран Группы 20 наиболее значительное увеличение долга произошло в Аргентине, в основном в 2023 году, что связано с максимальным снижением курса песо в этом году. Поскольку большая часть государственного долга индексируется по доллару Соединенных Штатов, негативное влияние аргентинской стратегии стабилизации на финансовую состоятельность оказалось преувеличенным. Второй по величине прирост государственного долга был зафиксирован в Китае (на 23 процентных пункта ВВП), однако до пандемии в этой стране был относительно низкий коэффициент задолженности. В большинстве крупнейших стран с развитой экономикой пандемия привела к увеличению валового государственного долга примерно на 13–17 процентных пунктов ВВП. Среди остальных развивающихся стран самый значительный рост задолженности произошел в Южной Африке — на 18 процентных пунктов ВВП.

Бремя выросшего уровня долга с точки зрения количества государственных ресурсов, которые должны направляться на обслуживание этих обязательств, дополнительно усугубляется жесткими международными финансовыми условиями (глава II) и обесцениванием валют. Увеличилась доля государственных средств, которые приходится направлять на обслуживание долга вместо столь необходимых государственных услуг и инвестиций в сферы, являющиеся ключевыми для достижения целей в области развития и борьбы с изменением климата.

Хотя некоторые сторонники бюджетной консолидации указывают на рост дефицита и объема государственного долга как на свидетельство необходимости для правительств ограничить расходы, этот политический рецепт ничего не дает для решения проблемы нехватки государственных расходов, необходимых для решения задач развития, стоящих перед развивающимися странами. На самом деле, он усугубляет эти проблемы. Для устранения негативных последствий бюджетного дисбаланса и связанной с ним динамики задолженности при одновременном сохранении достаточных государственных

инвестиций в решение задач развития требуются гораздо более продуманные меры.

Что касается государственных финансов, то ключевым фактором в борьбе с бюджетным дисбалансом и ростом государственного долга является обеспечение того, чтобы бюджетные поступления адекватно отражали экономические и финансовые выгоды, получаемые крупными корпорациями и наиболее высокооплачиваемыми работниками. Корпорации используют множество инструментов для уклонения от уплаты налогов³, что приводит к опустошению государственной казны и серьезно ограничивает возможности правительств по мобилизации ресурсов для оказания основных государственных услуг и осуществления важных инвестиций (UNCTAD, 2017). Для исправления этой ситуации требуется скоординированное принятие мер против использования арбитражных операций, связанных с корпоративными событиями, налоговых убежищ и кондуитных юрисдикций, а также создание многостороннего механизма, который позволит развивающимся странам устранять асимметрию в переговорных позициях по соглашениям об избежании двойного налогообложения (глава V).

Расширение доступа к недорогим, надежным и более долгосрочным вариантам финансирования — особенно для наиболее уязвимых развивающихся стран — является одним из ключевых условий для обеспечения адекватных государственных расходов на достижение целей развития. Важные меры политики в международной сфере включают увеличение льготного финансирования за счет капитализации многосторонних и региональных банков, выпуск новых и перераспределение существующих специальных прав заимствования, использование инновационных финансовых инструментов (например, облигаций устойчивого развития и облигаций климатостойчивости) и расширение механизмов валютно-обменных свопов, впервые внедренных Федеральной резервной системой, для облегчения заимствования в национальной валюте вместо иностранной (UNCTAD, 2023b).

Что касается денежно-кредитной политики, то, вместо того чтобы при ее определении ориентироваться исключительно на целевые показатели инфляции, органы

Необходимо принятие мер против уклонения корпораций от уплаты налогов и создание многостороннего механизма для укрепления переговорных позиций развивающихся стран.

³ Важнейшими среди этих инструментов налогового планирования являются перераспределение прибыли в пользу аффилированных компаний, расположенных в налоговых убежищах, перенос обязательств на аффилированные компании, находящиеся в юрисдикциях с высоким уровнем налогообложения, трансфертное ценообразование в форме преднамеренно неточной оценки стоимости внутрифирменных международных операций, а также использование лазеек в налоговом законодательстве государств и международных налоговых соглашениях (UNCTAD, 2020).

Органы денежно-кредитного регулирования должны учитывать широкие последствия своих решений.

денежно-кредитного регулирования — особенно в крупных странах с развитой экономикой — должны учитывать более широкие последствия своих решений. К числу факторов, которые необходимо учитывать, относятся влияние монетарных решений на динамику задолженности и стоимость ее обслуживания, финансирование критически необходимых инвестиций, финансовая устойчивость и недостаточность обеспечения капиталом (UNCTAD, 2023b; вставка I.2).

Изменения в критериях и функционировании процесса формирования политики не

должны быть ситуативными. Они должны быть встроены в мандаты денежно-кредитных учреждений. Количественное смягчение как мера реагирования на мировой финансовый кризис продемонстрировало, что денежно-кредитная политика наиболее эффективна, когда она используется для финансовой стабилизации, а не просто для регулирования инфляции и делового цикла, когда запаздывание и неопределенность функционирования трансмиссионных механизмов денежно-кредитной политики снижают ее эффективность.

Вставка I.1

Приятная и неприятная бюджетная арифметика

Рост государственного долга после шока от COVID-19 вызвал вполне ожидаемую обеспокоенность по поводу платежеспособности правительств во всем мире, причем в зависимости от анализируемой экономики звучали разные призывы к действиям. В развивающихся странах предлагались рекомендации по быстрой фискальной консолидации для повышения доверия к политике, даже если это требует значительного замедления роста или даже сокращения ВВП в начале цикла. В отличие от них, страны с развитой экономикой предпочли более постепенные изменения политики, терпимо относясь к более высоким первичным дефицитам в течение более длительного времени, а также удлиняя период, необходимый для приближения к целевым показателям инфляции, чтобы избежать резкого скачка реальных процентных ставок (Taylor and Barbosa-Filho, 2021).

Теоретически надлежащая координация политики и международная поддержка могли бы положить конец расхождению в стандартах фискальной и денежно-кредитной политики между развитыми и развивающимися экономиками, позволив развивающимся странам перейти к такой же постепенной корректировке, которая осуществляется в странах с высоким уровнем дохода. На практике задача заключается в снижении стоимости государственного долга в развивающихся странах — того, что экономисты называют «г минус g», — разницы между реальной процентной ставкой по государственным облигациям (r) и темпами роста ВВП страны (g).

Недавние исследования показали, что в долгосрочном периоде в странах с развитой экономикой реальная процентная ставка ниже темпа роста ВВП (Mehrotra and Sergeyev, 2021), что создает приятную фискальную арифметику: страна может избавиться от высокого коэффициента задолженности за счет умеренного первичного дефицита бюджета. Однако в большинстве развивающихся стран и даже в некоторых странах с развитой экономикой показатель «г минус g» имеет высокое положительное значение. Это приводит к неприятной для этих стран фискальной арифметике, поскольку для удержания государственного долга под контролем требуется высокий первичный профицит. Поскольку развивающиеся страны также нуждаются в увеличении государственных расходов на общедоступные государственные услуги и инфраструктуру, нынешние бюджетные ограничения несовместимы с прогрессом в достижении целей в области устойчивого развития.

Помимо внутренних мер, неприятная фискальная арифметика развивающихся стран требует как минимум двух комплексов мер в общемировом масштабе. Первый предполагает скоординированное повышение налогов на трансграничную деятельность, особенно в отношении физических лиц с высокой чистой стоимостью активов и крупных корпораций, в целях увеличения первичного сальдо бюджета государств (Osatro, 2014). Второй предполагает многостороннюю инициативу по снижению рискованных премий по отдельным государственным инвестициям в развивающихся странах, при этом МВФ и аналогичные институты могут выступать в качестве гарантов последней инстанции в отношении валютного риска при общемировых потрясениях.

Страны с развитой экономикой могут избавиться от высокого уровня долга с помощью умеренного первичного дефицита бюджета.

Для развивающихся стран нынешние бюджетные ограничения несовместимы с прогрессом в области устойчивого развития.

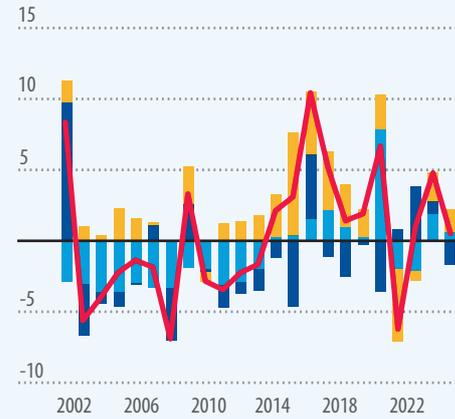
Вставка I.1 Приятная и неприятная бюджетная арифметика

Реальная процентная ставка играет ключевую роль в динамике долга

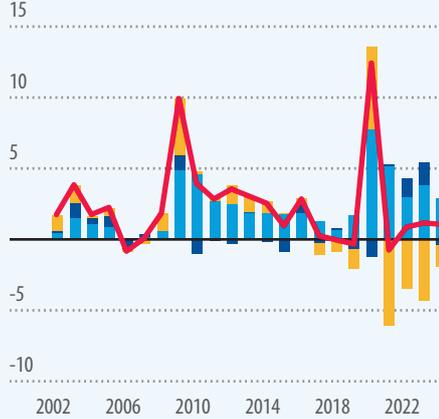
Факторы изменения отношения чистого государственного долга к ВВП, отдельные страны (проценты ВВП)

■ Первичное сальдо бюджета ■ Чистые потери капитала ■ r минус g ■ Изменение чистой задолженности

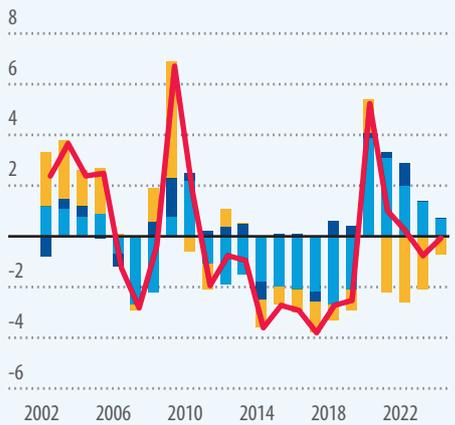
Бразилия

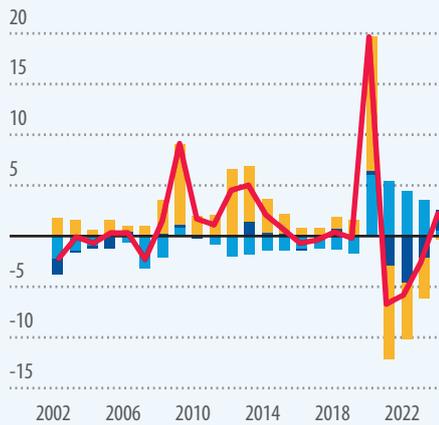
Франция

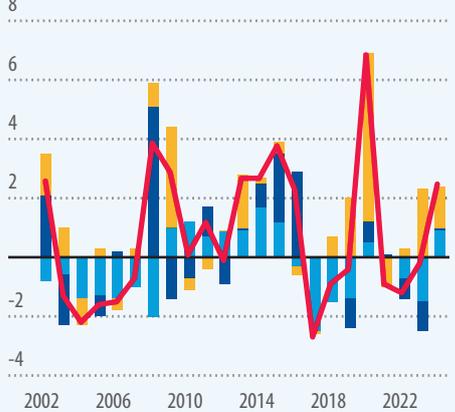
Германия

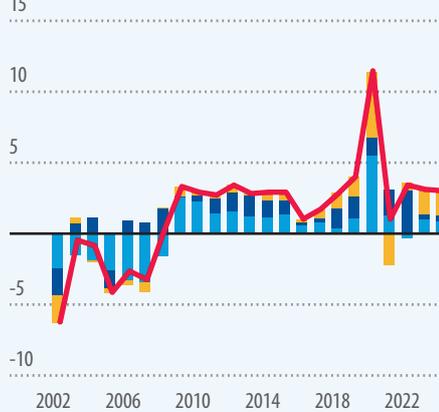
Италия

Мексика

Южная Африка

Источник: МВФ, «Перспективы развития мировой экономики», апрель 2024 года.

Примечания: Формула « r минус g » обозначает разность между реальной процентной ставкой по государственным облигациям (r) и темпом роста ВВП страны (g). Данные за 2023 и 2024 годы являются оценочными.

Проблемы с предоставлением долгосрочного финансирования становятся заметными в периоды экономических затруднений.

Вставка I.2 Заккрытие пробелов в капитале: государства и центральные банки

Рынки капитала открывают возможности для прекращения чрезмерной зависимости от краткосрочного банковского финансирования, позволяя предприятиям не только снижать затраты на финансирование и экономить на движении денежных средств, но и переживать более длительные периоды убытков, прежде чем начнут поступать доходы от инвестиций в оборудование с длительным сроком службы. В то же время фондовые рынки позволяют покупателям акций предоставлять капитал, необходимый промышленности, на «первичном» рынке акций и долей участия без необходимости держать акции до тех пор, пока компания не расплатится со своими инвесторами. Акции могут продаваться на «вторичном» рынке другому финансовому инвестору, желающему их удерживать.

Однако предложение долгосрочного финансирования отнюдь не является всеобъемлющим. Определенные проблемы с предоставлением такого финансирования показывают, что его использование далеко не всегда оказывается эффективным, когда речь идет о социальном и экономическом развитии. Проблемы с получением финансирования на рынке капитала становятся особенно заметными в периоды экономических затруднений, когда правительства и предприятия ограничены в финансовых ресурсах или сталкиваются с острой необходимостью, например, инвестиций в борьбу с изменением климата, для которых выгода от денежных потоков не поддается исчислению.

Во время Великой депрессии 1930-х годов, пытаясь оживить экономику своих стран, правительства взяли на себя функции рынка капитала и предоставили соответствующие услуги корпорациям при условии, что те будут участвовать в финансируемых государством инфраструктурных и других инвестиционных проектах, которые также поддерживались центральными банками. Такое участие правительств и центральных банков в инвестиционной банковской деятельности не было реализацией концепции «социализации инвестиций» Кейнса (Keynes, 1936). Оно возникло в результате нарушения функционирования рынка капитала в экономике. Корпорации в промышленно развитых странах оказались не в состоянии «финансировать» свои балансы с помощью акций и облигаций. Именно этот сбой, а не какой-либо политически мотивированный консенсус, заложил основу промышленной политики и планирования после Второй мировой войны (Engerman, 2015).

Недостатком краткосрочного банковского финансирования является то, что банки могут не пролонгировать займы или могут делать это лишь под более высокие проценты. Долгосрочное финансирование — очевидное решение. Однако такое финансирование имеет свои характерные ограничения: узкая сфера доступности и, как показали неоднократные обвалы на фондовом рынке, возможный недостаток ликвидности у держателей ценных бумаг, приводящий к краху рынка капитала.

Как утверждают большинство экономистов, когда в мировой экономике доминируют крупнейшие индустриальные державы, в развивающихся странах государство вынуждено брать на себя ведущую роль в промышленной политике, чтобы обеспечивать индустриализацию. Однако, поскольку мандаты центральных банков заключаются в управлении государственным долгом и денежно-кредитной политикой, считается, что центральному банку не следует напрямую управлять промышленными проектами. Поэтому во многих развивающихся странах и на формирующихся рынках долгосрочное финансирование для промышленных проектов предоставляют специальные «банки развития». Они могут иметь выгодные условия рефинансирования в центральном банке, что позволяет им финансировать проекты в течение длительных периодов времени без учета ликвидности у держателей ценных бумаг.

Такая модель представляется весьма подходящей для создания инфраструктуры, развития промышленности и строительства (например, жилищного). Если выгода заключается в общем благе, например в «зеленом» переходе, такая модель позволяет предоставлять финансирование для проектов, которые работают, а не использовать проекты для финансовых целей (финансирования).

Согласно общему мнению специалистов по монетарной экономике, формирующих политику центральных банков, страны на всех этапах экономического развития должны применять инфляционное таргетирование, используя краткосрочную учетную процентную ставку

Вставка I.2 Закрытие пробелов в капитале: государства и центральные банки

для регулирования уровня инфляции. Однако нет прямой связи между использованием инструмента процентных ставок, влияющего в основном на банковские и краткосрочные кредитные потоки, и рынком капитала, через который должна осуществляться трансмиссия денежно-кредитной политики (Toporowski, 2024).

Финансовые кризисы в финансово развитых странах, особенно после мирового финансового кризиса, начавшегося в Соединенных Штатах, и недавней пандемии COVID-19, привели к сдерживанию инфляционного таргетирования из соображений финансовой стабильности, чтобы обеспечить поддержку ликвидности на рынках капитала. Однако центральные банки в целом не стремились восполнить пробелы в обеспечении резервов рынка капитала, необходимых для финансирования производственных инвестиций, инноваций и «зеленого» перехода (UNCTAD, 2023b).

Хотя есть веские причины для того, чтобы не держать такие резервы на балансе центральных банков, это не означает, что центральные банки не могут поддерживать учреждения, которые способны восполнять нехватку средств на рынках капитала. Такие пробелы не должны превращаться в серьезные упущения в концепции политики центральных банков.

Центральные банки не стремились восполнить пробелы в обеспечении резервов рынка капитала.

F. Неравенство доходов растет

По мнению ЮНКТАД, увеличение доли оплаты труда в совокупном доходе во время пандемии было временным явлением, обусловленным относительно большим падением прибыли по сравнению с заработной платой и исключением низкооплачиваемых работников из статистики в периоды действия режима ограничений. Данные за период после пандемии подтверждают эти предположения.

Использование Модели глобальной политики Организации Объединенных Наций для симуляции эволюции функционального распределения доходов (или распределения добавленной стоимости между заработной платой, прибылью, рентой и налогами) в странах Группы 20 показывает, что доля оплаты труда в совокупном доходе продолжает снижаться в большинстве стран с развитой экономикой, но при этом траектории изменения реальной заработной платы расходятся. В Германии, Канаде, Соединенном Королевстве и Соединенных Штатах доля оплаты труда имеет тенденцию к снижению параллельно с ростом реальной заработной платы. В Австралии, Италии, Франции и Японии

доля оплаты труда сократилась при стагнации или снижении реальной заработной платы (рис. I.13). Сочетание снижения доли оплаты труда и реальной заработной платы вызывает особую тревогу, поскольку указывает на структурные и конъюнктурные факторы, в результате которых трудящиеся в этих странах оказываются во все худшем положении.

Во всех пяти странах БРИКС наблюдается сокращение доли оплаты труда, тогда как реальные зарплаты в этих странах изменяются разнонаправленно (рис. I.14). В Индии и Китае быстрый экономический рост приводит к быстрому росту производительности труда в соответствии с гипотезой Калдора — Вердоорна (Barbosa-Filho, 2008), что позволяет более динамично повышать реальную заработную плату. Противоположная картина наблюдается в Бразилии и Южной Африке, где реальная заработная плата стагнирует или падает. Российская Федерация находится между этими двумя полюсами: доля оплаты труда в структуре ВВП снизилась при скромном росте реальной заработной платы.

Особую тревогу вызывает одновременное снижение доли оплаты труда в совокупном доходе и реальной заработной платы.

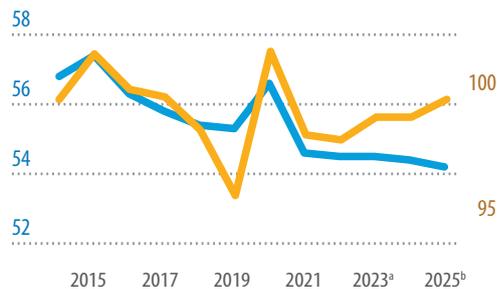

Рис. I.13

Наблюдаемое в развитых странах снижение доли оплаты труда в совокупном доходе происходит на фоне разнонаправленных изменений реальной заработной платы

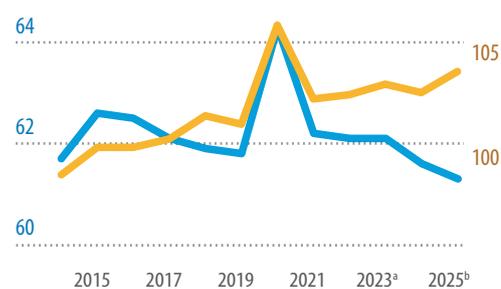
Доля оплаты труда в совокупном доходе и индекс реальной заработной платы, отдельные страны с развитой экономикой
 (проценты; 2020 год = 100, правая ось)

Австралия

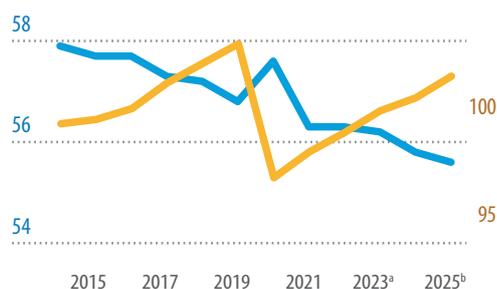

— Доля оплаты труда — Реальная заработная плата (правая ось)

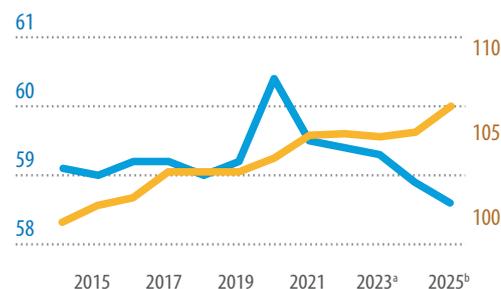
Канада

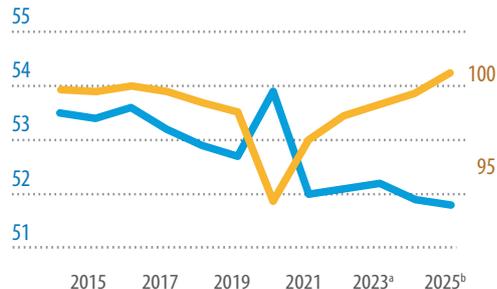
Франция

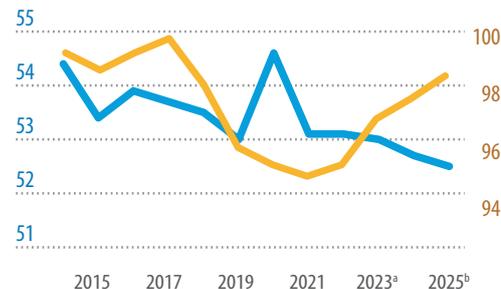
Германия

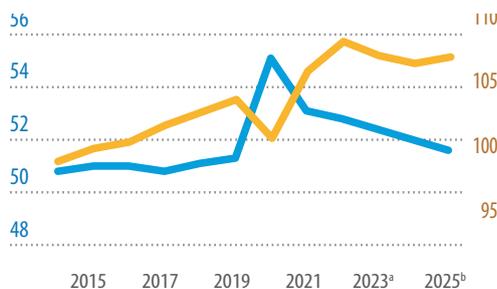
Италия

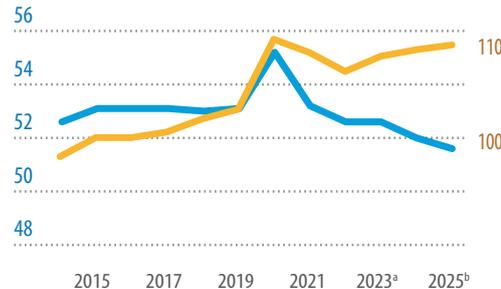
Япония

Соединенное Королевство

Соединенные Штаты

Источник: ЮНКТАД на основе Модели глобальной политики Организации Объединенных Наций.
 2023^a, 2024^a Оценка.
 2025^b Прогноз.

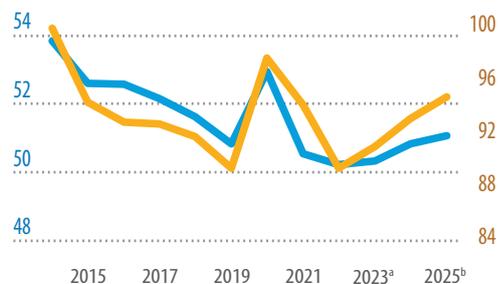

Рис. I.14

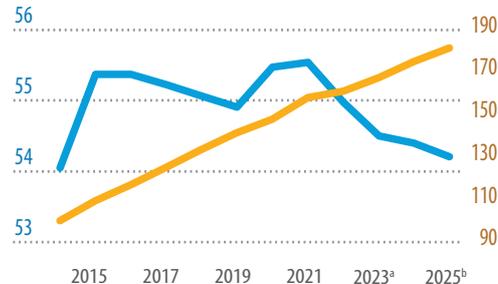
В экономиках стран БРИКС присутствуют тенденции, схожие с наблюдаемыми в развитых странах

Доля оплаты труда в совокупном доходе и индекс реальной заработной платы (проценты; 2020 год = 100, правая ось)

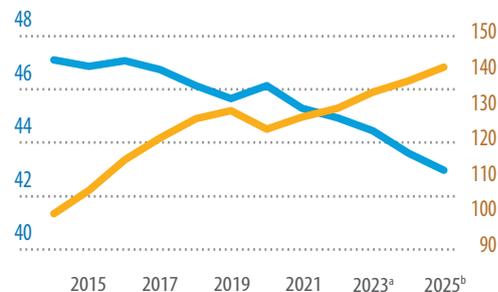
Бразилия

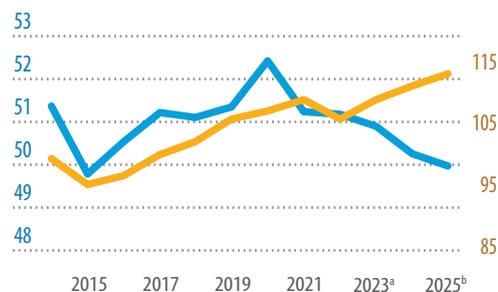
Китай

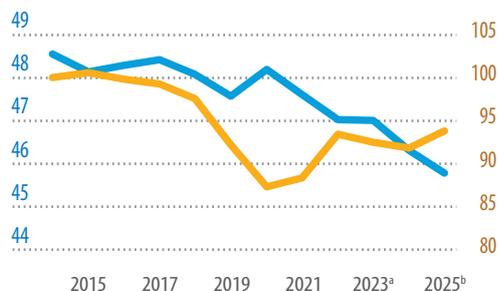
Индия

Российская Федерация

Южная Африка

— Доля оплаты труда — Реальная заработная плата (правая ось)

Источник: ЮНКТАД на основе Модели глобальной политики Организации Объединенных Наций.
2023^a, 2024^a Оценка.
2025^b Прогноз.

Возможен ли в нынешних условиях разворот траектории снижения доли оплаты труда? Перспективы не радуют. С 1980-х годов как в развитых, так и развивающихся странах наблюдается тенденция снижения доли оплаты труда и соответствующего роста доли прибыли в совокупном доходе. Если тенденции, существовавшие до пандемии, возобновятся, доля оплаты труда, вероятно, продолжит снижаться, что будет иметь негативные

последствия не только для устойчивого подъема мировой экономики, но и в контексте неравенства доходов (UNCTAD, 2019).

Хотя функциональное распределение доходов помогает анализировать динамику реальной заработной платы, оно не всегда корректно отражает долю нижней и средней части распределения дохода в совокупном доходе. Значительная часть доли оплаты труда приходится на высокооплачиваемых работников,

Доля оплаты труда в совокупном доходе, скорее всего, будет снижаться, что негативно скажется на мировой экономике и неравенстве доходов.

находящихся в верхней части распределения дохода. И наоборот, часть доходов от капитала распределяется между слоями населения со средним уровнем доходов через пенсии и системы социального обеспечения, основанные на прогрессивном налогообложении и трансфертах. Чтобы показать распределение личных доходов между различными слоями населения, требуются другие показатели.

Макроэкономическая теория и политика постепенно начинают учитывать динамику распределения личных доходов в аналитических исследованиях. Основная сложность заключается в низкой частотности и запаздывании данных об индивидуальном распределении доходов. Такие данные обычно поступают из опросов домохозяйств и сведений о подоходных налогах, которые, как правило, доступны с задержкой в два–три года. Таким образом, данные о распределении личных доходов за 2021 и 2022 годы являются самыми свежими из имеющихся; они позволяют получить первое представление о влиянии пандемии на неравенство в личных доходах.

С помощью базы данных World Inequality Database можно получить представление об изменениях в распределении личных доходов в ряде стран с развитой экономикой после пандемии. Для облегчения анализа все население разделено на четыре группы по уровню доходов: группа с низким уровнем дохода (нижние 50 процентов), средний класс (следующие 40 процентов), высший слой среднего класса (следующие 9 процентов) и богатые (верхний 1 процент).

Данные о распределении личных доходов до уплаты налогов в Соединенных Штатах свидетельствуют о резком падении доходов семей с низкими доходами, стабильности положения среднего класса и росте доходов верхних 10 процентов, причем большая часть этих доходов приходится на верхний 1 процент (рис. I.15). В Италии ситуация в качественном отношении аналогична: рост для 10 процентов населения с наибольшими доходами и падение для 50 процентов с более

низкими доходами. Отличие Италии в том, что средние 40 процентов также потеряли долю доходов после пандемии (рис. I.15).

Пандемия оказала совершенно разное влияние на Германию и Соединенное Королевство по сравнению с Соединенными Штатами. В Соединенном Королевстве после пандемии нижние 50 процентов и высший слой среднего класса вернулись к почти той же доле доходов, которая была до пандемии, в то время как у средних 40 процентов доходы выросли, а верхний 1 процент потерял некоторую долю доходов. В Германии после первоначальных потерь нижние 50 процентов и средние 40 процентов увеличили долю доходов за счет верхних 10 процентов (рис. I.16).

Повсеместное снижение доли оплаты труда как в развитых, так и в развивающихся странах, а также растущая концентрация доходов в высших слоях общества в некоторых странах указывают на то, что основную тяжесть сокращения доли оплаты труда зачастую несут те, кто находится в нижней части распределения доходов. Это привело к широкому распространению неудовлетворенности и недовольства, при этом возмущение усилилось в странах, где реальная заработная плата осталась ниже допандемического уровня, как, например, во Франции, Южной Африке и Японии.

Разворот тенденций сокращения доли оплаты труда, роста неравенства доходов и стагнации или снижения реальной заработной платы должен стать приоритетом политики как в развитых, так и в развивающихся странах и должен осуществляться с помощью как можно более справедливых политических решений. Необходимой отправной точкой являются конкретные обязательства по обеспечению более всеохватной социальной защиты. Систематические политические меры, направленные на сокращение неравенства и обеспечение более инклюзивного роста, должны стать важнейшими компонентами стратегий развития и роста (UNCTAD, 2023b).

Люди, относимые к нижней части распределения доходов, часто несут на себе основную тяжесть снижения доли оплаты труда в совокупном доходе.

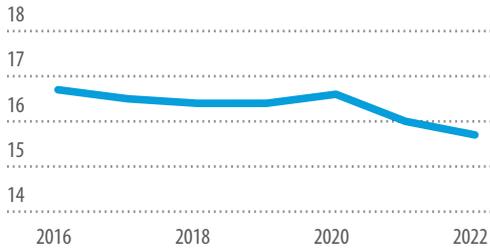
Рис. I.15

В некоторых развитых странах тяжесть снижения доли оплаты труда в совокупном доходе больше всего сказывается на тех, кто имеет более низкий доход

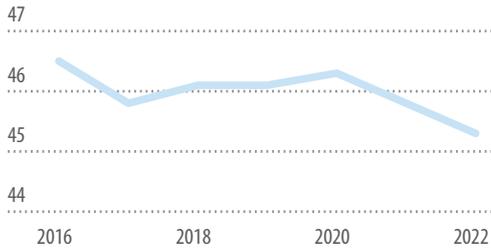
Распределение личного дохода до уплаты налогов
(процентная доля совокупного личного дохода)

Италия

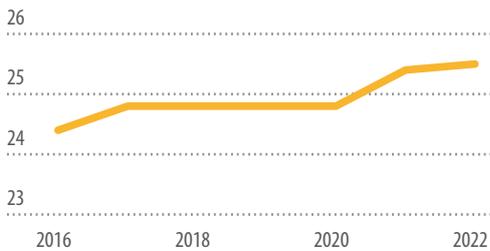
— Низкий уровень дохода, 50 процентов

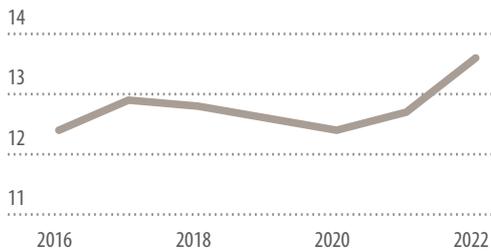
— Средний уровень дохода, 40 процентов

— Верхний сегмент среднего уровня дохода, 9 процентов

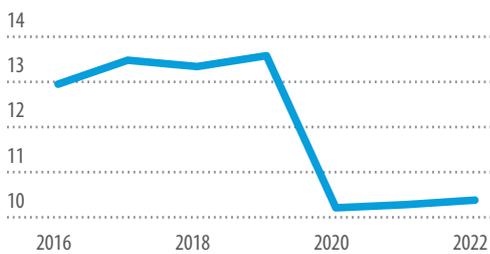

— Наивысший уровень дохода, 1 процент

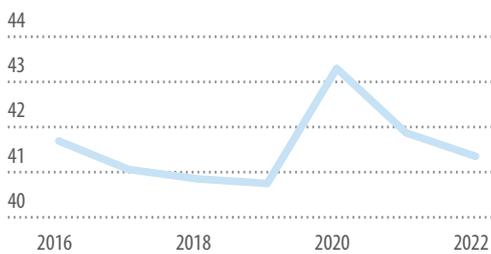

Соединенные Штаты

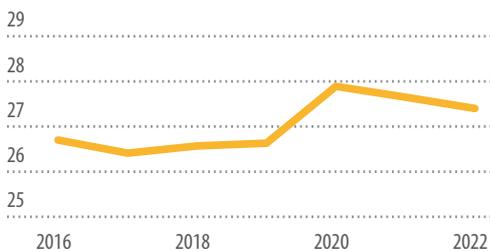
— Низкий уровень дохода, 50 процентов

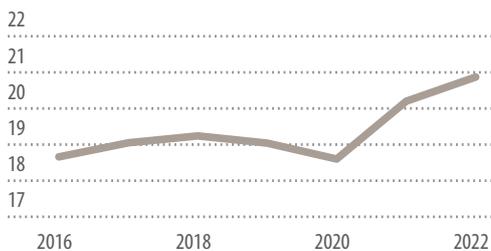
— Средний уровень дохода, 40 процентов

— Верхний сегмент среднего уровня дохода, 9 процентов

— Наивысший уровень дохода, 1 процент

Источник: ЮНКТАД на основе World Inequality Database.

Рис. I.16

В некоторых странах с развитой экономикой наблюдалась более прогрессивная эволюция долей доходов после пандемии

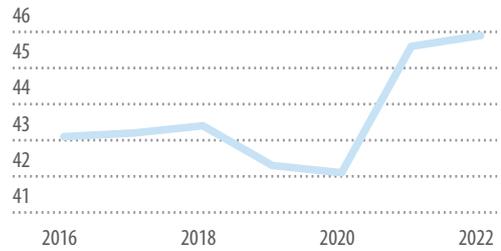
Распределение личного дохода до уплаты налогов
 (процентная доля совокупного личного дохода)

Германия

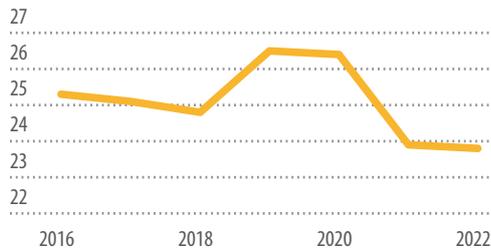
— Низкий уровень дохода, 50 процентов

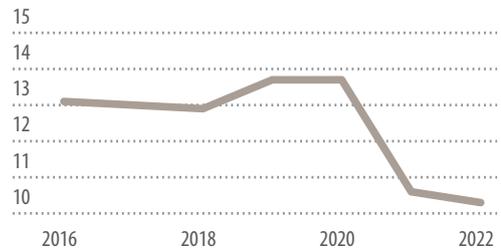
— Средний уровень дохода, 40 процентов

— Верхний сегмент среднего уровня дохода, 9 процентов

— Наивысший уровень дохода, 1 процент

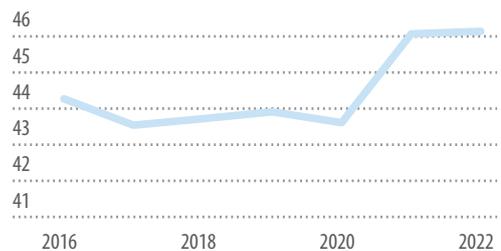

Соединенное Королевство

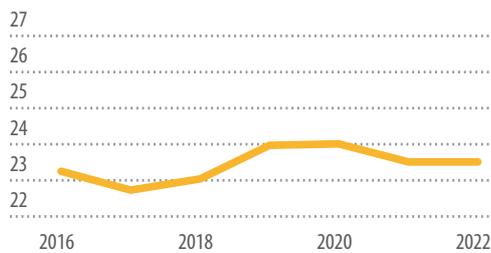
— Низкий уровень дохода, 50 процентов

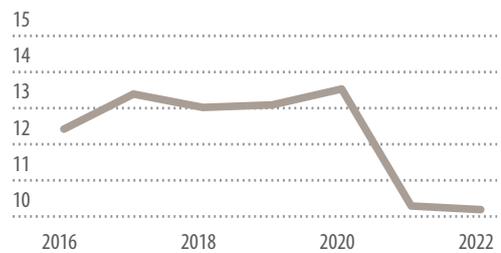
— Средний уровень дохода, 40 процентов

— Верхний сегмент среднего уровня дохода, 9 процентов

— Наивысший уровень дохода, 1 процент

Источник: ЮНКТАД на основе World Inequality Database.

G. Региональные тенденции

Северная и Южная Америка

По оценкам ЮНКТАД, темпы роста экономики **Соединенных Штатов** в 2024 году сохранятся на уровне 2,5 процента, что во многом обусловлено тремя фундаментальными факторами. Во-первых, в контексте государственных финансов инвестиционные стимулы, предусмотренные Законом о снижении инфляции и Законом о создании полезных стимулов для производства полупроводников (CHIPS) и науки, с лихвой компенсировали сокращение трансфертов и субсидий, связанных с пандемией COVID-19 (Ahmad et al., 2024). Во-вторых, в денежно-кредитной сфере стратегия постепенной дезинфляции Федеральной резервной системы обеспечила сохранение 10-летней реальной процентной ставки в 2023 и 2024 годах на практически неизменном уровне 1,5–2 процентов, что позволило обеспечить циклическое восстановление инвестиций в жилищное строительство после двузначного падения в 2023 году. В-третьих, бум искусственного интеллекта привел к росту инвестиций в интеллектуальную собственность, которые, как ожидается, увеличатся примерно на 5 процентов в 2024 году и на столько же в следующем году.

В 2025 году ЮНКТАД ожидает замедления роста экономики Соединенных Штатов до 1,8 процента, в основном из-за негативного бюджетного импульса. Хотя смягчение денежно-кредитной политики может сыграть важную роль в изменении макроэкономических перспектив, поскольку индекс базовой инфляции все еще на 1,5 процентных пункта превышает целевой показатель Федеральной резервной системы в 2 процента, сохраняется высокая неопределенность относительно траектории и скорости смягчения денежно-кредитной политики после первого снижения ставки на 50 базисных пунктов в сентябре 2024 года.

Ожидается, что в **Канаде** произойдет небольшое замедление темпов экономического роста — с 1,2 процента в 2023 году до 1,1 процента в 2024 году, что отчасти будет обусловлено запаздывающим эффектом относительно более агрессивной дезинфляционной денежно-кредитной политики и стратегии бюджетной

консолидации. В условиях снижения базового индекса инфляции до целевого уровня в 2 процента и почти стагнирующей экономики Банк Канады начал снижать учетную ставку в середине 2024 года. Более мягкая денежно-кредитная политика должна помочь увеличить рост ВВП до 2,1 процента в 2025 году.

По прогнозам ЮНКТАД, в **Мексике** темпы роста замедлятся с 3,2 процента в 2023 году до 2,0 процента в 2024 году, поскольку сохраняющиеся ограничительные макрофинансовые условия, особенно в первой половине года, и ослабление во внешней среде сдерживают экономическую активность. Реакция финансового рынка на неопределенность в тенденциях государственного долга уже привела к резкому снижению курса мексиканского песо, что обычно оказывает краткосрочное рецессивное воздействие на экономику стран Латинской Америки. В 2025 году ЮНКТАД прогнозирует дальнейшее замедление темпов роста экономики Мексики до 1,5 процента. Ожидаемое замедление темпов роста экономики в Соединенных Штатах и вероятное прекращение аутсорсинга в Мексику, вызванного COVID-19, могут негативно сказаться на экономической активности в следующем году. Положительным моментом является ожидание того, что к концу этого года денежно-кредитная политика станет более экспансивной, поскольку инфляция может снизиться до 4 процентов, и более экспансивная фискальная политика поспособствует укреплению роста.

В Южной Америке ожидается, что темпы роста экономики **Бразилии** несколько снизятся в этом году — с 2,9 процента в 2023 году до 2,8 процента в 2024 году. Замедление темпов роста отражает противоречивость мер макроэкономической политики: власти проводили ограничительную денежно-кредитную политику и экспансивную фискальную политику. В результате инфляция, по-видимому, стабилизировалась на уровне 4 процентов, на 1 процентный пункт выше целевого показателя Центрального банка, что вынуждает сохранять ограничительную денежно-кредитную политику в 2025 году. Существует повышенная неопределенность в отношении направления фискальной политики,

особенно после мини-спекулятивной атаки на валюту в первой половине 2024 года. Что касается экспансии, то экономика продолжает получать выгоду от роста экспорта продовольствия и нефти. Однако этих факторов может быть недостаточно, чтобы нейтрализовать снижение внутреннего спроса. В результате ожидается, что рост ВВП замедлится до 2,2 процента в 2025 году.

Ожидается, что рецессия в **Аргентине**, при которой экономика страны в 2023 году сократилась на 1,6 процента, продолжится и в 2024 году. По прогнозам, в этом году ВВП упадет на 3,5 процента из-за резкого сокращения денежной массы и бюджетных расходов. Рецессия является частью стратегии правительства по снижению инфляции, основанной на гипотезе «экспансионистского фискального сжатия» (Alesina and Ardagna, 1998). Макроэкономическая политика предусматривала максимальную девальвацию национальной валюты в конце 2023 года, которая уже была сведена на нет двузначной внутренней инфляцией. Первоначальное изменение внутренних относительных цен благоприятно сказалось на экспортном секторе, который растет и, как ожидается, выведет экономику из рецессии в 2025 году, поэтому ЮНКТАД прогнозирует рост экономики на

4,8 процента в следующем году. Обратной стороной стабилизации стали рост уровня бедности и повышенная неопределенность в отношении устойчивости регулируемого валютного курса. Кроме того, внешняя платежеспособность зависит от поддержки МВФ. Потенциальная возможность еще одной максимальной девальвации аргентинского песо может сдержать перспективы роста в 2025 году.

Во многом из-за ограничительной денежно-кредитной и бюджетной политики в 2023 году в крупнейших странах Андского региона произошло резкое замедление роста: в **Колумбии** и **Перу** он оказался практически нулевым, а в **Чили** наступила умеренная рецессия. Снижение инфляции в этих странах сопровождается восстановлением роста в 2024 году. Кроме того, смягчение денежно-кредитной политики с середины 2024 года, а также конкурентоспособные валютные курсы и благоприятные условия торговли могут способствовать поддержанию роста ВВП в 2025 году. Негативным моментом является то, что высокая подверженность внешним потрясениям, особенно влиянию резких изменений процентных ставок в Соединенных Штатах, может привести к тому, что в 2025 году экономика стран Андского региона вновь будет расти медленными темпами.

Европейский союз

По прогнозу ЮНКТАД, в 2024 году рост ВВП в странах Европейского союза ускорится по сравнению с 0,5-процентным ростом в 2023 году. Однако ожидается, что темпы роста останутся на относительно низком уровне в 1 процент. Улучшение показателей в основном обусловлено ростом активности в секторе услуг. Принятое в июне решение Европейского центрального банка наконец-то начать смягчение денежно-кредитной политики путем снижения ключевой ставки на 25 базисных пунктов должно способствовать частичному смягчению условий финансирования. Благодаря этому шагу еврозона опередила Соединенные Штаты в цикле смягчения денежно-кредитной политики, поскольку Соединенные Штаты отложили начало своего собственного процесса. Однако, поскольку кумулятивное повышение ставок Европейским центральным банком за последние два года составило 450 базисных пунктов, ставка остается исторически высокой. Это отражается в сохраняющейся высокой стоимости заемных средств для предприятий и домохозяйств по всей еврозоне. Кроме

того, отмена мер бюджетной поддержки, введенных для смягчения роста цен на энергоносители, способствует ужесточению фискальной политики в 2024 году.

ЮНКТАД прогнозирует дальнейшее ускорение роста в 2025 году до 1,6 процента, поскольку внутренний спрос укрепляется на фоне постепенного смягчения денежно-кредитной политики и последующего снижения стоимости финансирования. Однако сохраняющаяся жесткая фискальная политика будет по-прежнему сдерживать рост. Принятое Европейским союзом в июле 2024 года решение ввести пошлины в размере до 38 процентов на импорт электромобилей китайской сборки рискует вызвать ответные меры, которые могут включать ответные пошлины на экспорт из Европейского союза в Китай. Такое развитие событий может оказать крайне неблагоприятное влияние на внешнеэкономический сектор ряда европейских стран, для которых Китай является одним из основных направлений экспорта.

По оценкам ЮНКТАД, темпы экономического роста во **Франции** несколько замедлятся —

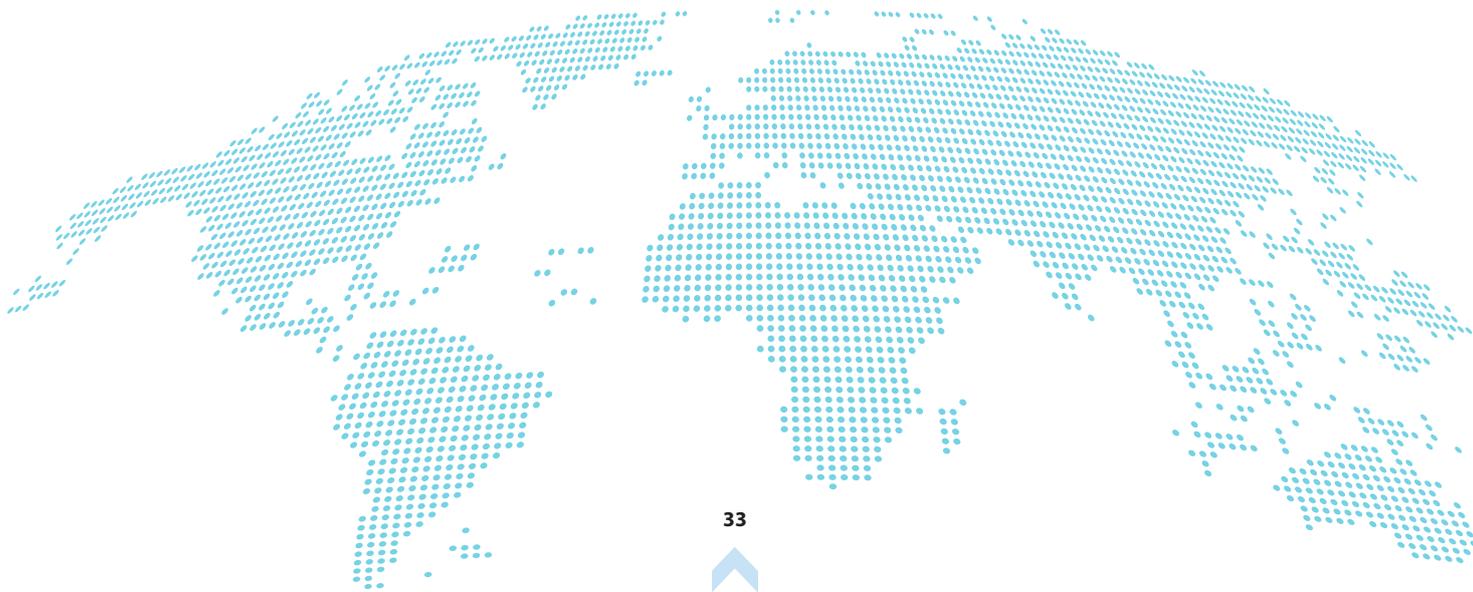

с 1,1 процента в 2023 году до 1,0 процента в 2024 году. Сохраняющиеся высокие процентные ставки продолжают оказывать давление на частные инвестиции и потребление, а низкий внешний спрос со стороны основных торговых партнеров ослабляет экономическую активность. Два раунда сокращения расходов, анонсированные в первой половине года, на общую сумму 20 млрд евро (около 1 процента ВВП), приведут к замедлению темпов роста государственного потребления и инвестиционных расходов. Олимпийские игры в Париже оказали умеренное стимулирующее воздействие на рост ВВП в третьем квартале. ЮНКТАД ожидает, что в 2025 году французская экономика немного восстановится и ее рост составит 1,3 процента, поскольку снижение инфляции и дальнейшее смягчение денежно-кредитной политики помогут стимулировать частные расходы.

В **Германии** ЮНКТАД прогнозирует незначительное повышение темпов роста до 0,2 процента в 2024 году после сокращения на 0,2 процента в 2023 году. В последнее время негативное влияние на экономику повышенных процентных ставок усугубляется возросшей неопределенностью в отношении финансирования запланированных инвестиционных стимулов для «зеленого» перехода, что, в свою очередь, может негативно сказаться на инвестиционных расходах. Неопределенность вызвана тем, что в конце 2023 года Федеральный конституционный суд вынес решение о неконституционности использования специальных фондов для финансирования инвестиций; это сократило доступные ресурсы Фонда климата и трансформации на 60 млрд евро. Последствием этого может стать значительное сокращение государственных инвестиционных расходов и затруднение бюджетного стимулирования частных инвестиций в «зеленый» переход.

Это вызывает особую озабоченность, учитывая дефицит инвестиций, который в настоящее время наблюдается в Германии по сравнению с другими аналогичными развитыми странами. Этот дефицит, скорее всего, будет увеличиваться, поскольку инвестиционные расходы на «зеленый» переход, а также на необходимую транспортную инфраструктуру и переход к цифровым технологиям могут и дальше отставать от уровня аналогичных стран. По оценкам ЮНКТАД, в 2025 году рост немного ускорится до 1,2 процента, в основном благодаря смягчению денежно-кредитной политики и увеличению расходов домохозяйств.

ЮНКТАД ожидает, что **Италия** сохранит темпы роста, набранные в предшествующем году, и продемонстрирует рост на 0,9 процента в 2024 году. Сочетание высокой инфляции и низкого роста заработной платы привело к стагнации реальной заработной платы, которая продолжает оказывать давление на частное потребление и инвестиционные расходы. Ситуацию усугубили сохраняющиеся жесткие финансовые условия и отказ от чрезвычайных бюджетных мер, введенных после энергетического кризиса. Недавний рост инвестиций в недвижимость, вероятно, ослабнет по мере постепенного сокращения щедрых субсидий строительному сектору, известных как «супербонус». Частично компенсирует эти негативные тенденции рост государственных инвестиций из фондов Европейского союза Next Generation. ЮНКТАД прогнозирует в целом аналогичный рост экономики Италии в 2025 году на уровне 1 процента, поскольку смягчение условий финансирования и повышение внешнего спроса со стороны некоторых основных торговых партнеров может компенсировать возможное дальнейшее ужесточение фискальной политики.

Соединенное Королевство

Хотя это и лучше по сравнению с почти отсутствующим ростом в 0,1 процента, отмеченным в 2023 году, Соединенное Королевство, по оценкам ЮНКТАД, продолжит демонстрировать в 2024 году слабый рост на уровне 0,9 процента. Отсутствие динамики в значительной степени объясняется сохраняющейся вялостью частного потребления в условиях продолжающегося кризиса стоимости жизни, а также торговыми барьерами, связанными с процессом Brexit, которые продолжают препятствовать экспорту. Денежно-кредитная политика Банка Англии остается ограничительной; начало ожидаемого цикла смягчения неоднократно откладывалось, несмотря на то что в мае инфляция вернулась к целевому уровню в 2 процента. В августе учетная ставка наконец была снижена

на 25 базисных пунктов. В результате как предпринимательские, так и потребительские расходы по-прежнему сдерживаются высокой стоимостью заемных средств. Государственные расходы остаются на прежнем уровне при постоянном дефиците государственных расходов на услуги и капиталовложения.

ЮНКТАД ожидает, что в 2025 году темп роста экономики увеличится до 1,4 процента, поскольку снижение инфляции и процентных ставок будет способствовать увеличению расходов домохозяйств. Перспектива новых государственных инвестиций в «зеленую» энергетику и инфраструктуру со стороны нового правительства также может подстегнуть рост. Однако сохраняющиеся торговые ограничения могут и дальше сдерживать экспорт.

Российская Федерация

По оценкам ЮНКТАД, рост экономики Российской Федерации в 2024 году составит 3,5 процента по сравнению с 3,6 процента в 2023 году. Экономическая активность в основном обусловлена ростом доходов населения и потребительских расходов. Последний является следствием отложенной реакции на снижение спроса в 2022 и 2023 годах, значительного бюджетного стимулирования в предшествующем году, а также сжатия рынка труда. По оценкам, в середине 2024 года дефицит рабочей силы составил около 1,7 миллиона человек; уровень безработицы достиг рекордно низкого уровня в 2,6 процента. Инвестиционный спрос поддерживается введенными ранее бюджетными стимулами и высокими корпоративными прибылями,

хотя и то и другое, скорее всего, выйдет на плато во второй половине 2024 года. Жесткая кредитная и валютная политика позволила удержать инфляцию на уровне 4,3–4,8 процента в 2024 году. Рубль, хотя и оставался стабильным в течение года, все же испытывал негативные последствия оттока капитала, а также повышенного спроса на иностранную валюту для покупки внутри страны активов, принадлежащих иностранцам, и увеличения бюджетных расходов.

ЮНКТАД прогнозирует замедление роста в 2025 году до 1,5 процента, поскольку ужесточение условий кредитования внутри страны, ожидаемое повышение налогов на бизнес и растущее давление в торговой и финансовой сфере оказывают негативное влияние на экономическую активность.

Восточная Азия

По оценкам ЮНКТАД, темпы роста в Восточной Азии снизятся до 3,9 процента в этом году по сравнению с 4,2 процента в 2023 году. Замедление темпов роста на региональном уровне во многом обусловлено динамикой экономики **Китая**. В 2025 году ЮНКТАД ожидает дальнейшего замедления роста в регионе до 3,7 процента.

ЮНКТАД прогнозирует умеренное замедление экономической активности в Китае — с 5,2 процента в 2023 году до 4,9 процента в 2024 году. Росту экономики способствовали значительные объемы чистого экспорта и устойчивые показатели промышленного сектора. Увеличение инвестиций в обрабатывающую промышленность, особенно

в высокотехнологичные отрасли, также способствовало росту. Немного улучшились показатели занятости и корпоративных прибылей. Однако сохраняющийся застой в секторе недвижимости, а также низкий уровень потребления сдерживают экономический рост. Потребление еще не восстановилось до уровня, существовавшего до пандемии, что свидетельствует о сохраняющейся неустойчивости потребительского доверия и ожиданий. Сектор недвижимости, некогда бывший опорой роста, резко сократился с начала 2022 года. Эта тенденция продолжилась и в 2024 году: в первой половине года инвестиции и продажи недвижимости значительно сократились — на 10 и 25 процентов соответственно.

Все еще не стабилизировавшийся рынок жилья несет в себе значительные риски; он стал предметом пристального внимания властей. Долг местных органов власти, тесно связанный с рынком жилья, представляет собой еще один риск снижения экономических показателей. Реагируя на эти проблемы, правительство расширяет экстренные меры помощи, чтобы стабилизировать рынок недвижимости. Кроме того, в денежно-кредитной сфере Центральный банк принял дополнительные меры по поддержке рынка недвижимости и стимулированию потребления. Меры включают снижение нормативов обязательного резервирования, льготной процентной ставки, семидневной ставки по операциям обратного выкупа и предоставление среднесрочной кредитной линии сроком один год. Орган денежно-кредитного регулирования выделил две кредитные линии на перекредитование и направил 300 млрд юаней на финансирование доступного жилья, а также 500 млрд юаней на финансирование инноваций и технологической модернизации.

ЮНКТАД ожидает дальнейшего замедления роста в 2025 году до 4,6 процента. Усиливающаяся напряженность в торговле, особенно в отношениях с Соединенными Штатами и Европейским союзом по поводу электрических транспортных средств и сопутствующих товаров, создает растущую неопределенность для внешнеэкономического сектора. Диверсифицированный характер торговых партнерств и продукции, мощный потенциал по широкому спектру продуктов «зеленой» энергетики, а также преимущества в технологиях и организации цепочек поставок должны способствовать росту экспорта. На третьем пленуме Центрального комитета Коммунистической партии Китая,

состоявшемся в июле, была принята Резолюция о дальнейшем всестороннем углублении реформ для ускорения модернизации Китая. Она содержит предложения по структурной реформе, направленной на содействие «высокоэффективному экономическому развитию». Если Китай стабилизирует ситуацию в секторе недвижимости к концу года и будет эффективно реализовывать свои предложения по реформам, то в среднесрочной перспективе сохранится возможность поддержания приемлемого роста экономики.

По оценкам ЮНКТАД, в 2024 году темпы роста в **Республике Корея** увеличатся до 2,3 процента по сравнению с 1,4 процента в 2023 году. Ускорение темпов роста в основном отражает высокие показатели экспорта, в том числе рост въездного туристического потока. Однако, несмотря на значительное снижение инфляции по сравнению с прошлым годом, Центральный банк сохранил жесткую денежно-кредитную политику, а высокая стоимость заимствований продолжает сдерживать внутренний спрос. Высокий уровень задолженности домохозяйств препятствует их расходам и по-прежнему вызывает озабоченность у политиков. Жесткая денежно-кредитная политика сопровождается столь же жесткой фискальной политикой; ожидается, что темп роста государственных расходов будет самым низким за последние 20 лет. На 2025 год ЮНКТАД прогнозирует снижение темпов роста до 2,1 процента, при этом ожидается, что замедление экспорта и сохраняющийся слабый внутренний спрос будут оказывать негативное влияние на экономическую активность.

По оценкам ЮНКТАД, темпы роста в **Японии** значительно снизятся — с 1,8 процента в 2023 году до 0,9 процента в 2024 году. Высокий внешний спрос на товары, производимые в Японии, возникший в период после пандемии COVID-19, не сохранился. Последовавший застой во внешнеэкономическом секторе, а также старение населения страны замедляют экономический рост. Несмотря на то, что заработная плата растет самыми высокими темпами за последние более чем 30 лет, влияние этого на потребительские расходы, как ожидается, будет не очень сильным, в основном из-за утяжеления социального бремени и увеличения количества пенсионеров. Рост потребления на сегодняшний день в основном обусловлен тем, что домохозяйства используют сбережения, накопленные во время пандемии.

В марте 2024 года Центральный банк Японии существенно изменил свою политику: впервые

за 17 лет повысил процентные ставки. Это повышение положило конец восьмилетнему периоду отрицательных процентных ставок и ознаменовало начало усилий по нормализации политики. Решение вновь повысить учетную ставку в июле, до 0,25 процента, удивило рынки и привело к росту курса иены. Сокращение спредов процентных ставок с другими крупными экономиками вызвало стремительную распродажу по мере выхода трейдеров и инвесторов с большим кредитным плечом с рынков «керри-трейд» и связанных с ними рынков. Вероятность дальнейшего повышения ставок была сведена к минимуму заверениями главы Центрального банка о том,

что ставки не будут повышаться далее, пока рынки остаются нестабильными. Что касается фискальной политики, то в конце 2023 года правительство объявило о принятии пакета мер по снижению налогов и субсидированию оплаты топлива и коммунальных услуг на сумму 113 млрд долларов, а также о принятии серьезных обязательств по достижению нулевого уровня выбросов углекислого газа.

ЮНКТАД ожидает, что темпы роста экономики Японии в 2025 году сохранятся на уровне 1 процента, поскольку нормализация денежно-кредитной политики может ограничить внутренний спрос и замедлить рост.

Южная Азия

Экономические перспективы Южной Азии остаются благоприятными, чему способствуют уверенный рост в Индии и восстановление экономики в Пакистане и Шри-Ланке. В 2024 году экономика региона вырастет на 5,7 процента по сравнению с 6,1 процента в 2023 году. ЮНКТАД ожидает, что в 2025 году темпы роста в регионе несколько снизятся, но останутся на довольно высоком уровне 5,5 процента, что будет соответствовать темпу развития крупнейшей экономики региона, Индии, и отражать экономический подъем в странах, восстанавливающихся после экстремальных климатических явлений или длительной политической нестабильности и долговых проблем, а именно в Пакистане и Шри-Ланке. Однако внешние дисбалансы и растущая зависимость от внерегионального импорта ископаемого топлива будут сохранять уязвимость региона к инфляционному давлению, а политические коалиции могут затруднить устойчивый рост государственных расходов.

Экономический рост в **Индии** останется на высоком уровне — 6,8 процента в 2024 году по сравнению с 7,7 процента в 2023 году. Этому способствуют высокие темпы роста государственных и частных инвестиций и потребления, а также увеличение экспорта услуг. Несмотря на это, наряду с увеличением экспорта некоторых товаров, в том числе

химической и фармацевтической продукции, структурный дефицит текущего счета в Индии сохранится из-за относительно слабого внешнего спроса и высоких расходов на импорт ископаемых энергоносителей. Будучи самой густонаселенной страной в мире и третьим по величине потребителем энергии, Индия параллельно расширяет и внутреннее предложение энергии из неископаемых и ископаемых видов топлива, чтобы поддерживать рост объема производства. Первый показатель за последние восемь лет вырос в четыре раза, но второй также быстро увеличивался; добыча угля в стране выросла на 80 процентов, достигнув в 2024 году нового рекорда в 1 млрд тонн. Этот рост был вызван государственными инвестициями после начала войны на Украине и последовавшим энергетическим кризисом. Поскольку ожидается, что к концу года инфляция снизится до 4 процентов, Резервный банк Индии может начать смягчение денежно-кредитной политики и снизить ставку обратного выкупа. Ставка остается неизменной на уровне 6,5 процента с начала 2023 года, сохраняя высокую стоимость финансирования для корпораций с заемным капиталом. Поскольку в текущем финансовом году государственные расходы могут превысить доходы на 5,1 процента, при отсутствии финансовой нестабильности или внешних потрясений рост ВВП, по прогнозам, останется высоким и составит 6,3 процента в 2025 году.

Юго-Восточная Азия

По оценкам ЮНКТАД, темпы роста в Юго-Восточной Азии ускорятся с 3,9 процента в 2023 году до 4,5 процента в 2024 году, поскольку постепенное восстановление мирового спроса на электронику будет способствовать росту торговли в регионе. Сохраняющаяся жесткая денежно-кредитная политика на фоне опасений оттока капитала и девальвационного давления на местные валюты в связи с ограничительными монетарными условиями в других странах, особенно в Соединенных Штатах, продолжает сдерживать внутренний спрос в регионе. ЮНКТАД ожидает, что в 2025 году темпы роста останутся довольно стабильными и составят 4,4 процента, поскольку внутренний спрос в условиях снижения стоимости заемных средств будет укрепляться и поддерживать экономический рост.

По оценкам ЮНКТАД, в 2024 году темпы роста в **Индонезии** сохранятся на высоком уровне — 5,1 процента по сравнению с 5,0 процента в 2023 году. Частное потребление продолжает оставаться основным фактором роста, несмотря на повышенные процентные ставки. Центральный банк дополнительно повысил учетную ставку в апреле, чтобы избежать значительной разницы в процентных ставках с Соединенными Штатами в контексте его по-прежнему жесткой кредитно-денежной политики. Такая разница может оказать дополнительное понижающее давление на индонезийскую рупию, которая исторически была особенно чувствительна к расхождениям в динамике процентных ставок. Высокая стоимость заимствований, обусловленная ограничительной внутренней денежно-кредитной политикой, отражается в замедлении роста частных инвестиций.

Увеличение бюджетных расходов на инфраструктурные проекты и программы социальной помощи помогает поддерживать рост. Рост числа туристов, особенно из стран Азии, способствует увеличению экспорта услуг, а растущие объемы экспорта цветных металлов, особенно никеля, улучшают баланс внешнеэкономического сектора. ЮНКТАД ожидает, что экономика Индонезии сохранит высокие темпы роста в 2025 году, при этом перспектива снижения процентных ставок, а также улучшение внешних условий будут способствовать росту на уровне 5,2 процента.

ЮНКТАД ожидает ускорения темпов роста в **Малайзии** с 3,6 процента в 2023 году до 4,4 процента в 2024 году, поскольку

снижение инфляции и программа развития национальной системы денежных переводов способствуют росту частного потребления. Инвестиционные расходы остаются высокими, поскольку продолжается реализация ряда многолетних инфраструктурных проектов. Сектор услуг выигрывает от продолжающегося восстановления притока туристов, который сейчас приближается к уровню, существовавшему до пандемии. Однако сохраняющиеся жесткие международные валютно-финансовые условия продолжают оказывать обесценивающее давление на малазийский ринггит. По оценкам ЮНКТАД, в 2025 году темпы роста экономической активности составят 4,0 процента, а основой роста по-прежнему будут частное потребление и инвестиционные расходы.

В **Таиланде**, по оценкам ЮНКТАД, ожидается значительное ускорение роста до 2,9 процента в 2024 году по сравнению с 1,9 процента в 2023 году. Устойчивому частному потреблению способствует стабильный рынок труда, а экспорт услуг динамично растет благодаря активному восстановлению туристического сектора. С принятием бюджета после значительных задержек должен начаться рост государственных расходов. Планируемая программа развития цифровых денежных переводов может дать дополнительный импульс потреблению домохозяйств. Инвестиционные расходы в целом остаются невысокими, хотя некоторые отрасли, а именно производство электроники и электромобилей, продолжают привлекать значительные инвестиции. ЮНКТАД ожидает, что в 2025 году рост экономики Таиланда останется стабильным и составит 2,9 процента.

Вьетнам продолжает демонстрировать одни из самых высоких темпов роста в регионе: экономический рост ускорился с 5,0 процента в 2023 году до 5,6 процента в 2024 году. Ряд мер по реформированию системы оплаты труда способствует повышению доходов домохозяйств и увеличению расходов на личное потребление. Растущее выделение средств из государственных инвестиционных фондов поддерживает инвестиционные расходы. Хотя страна в меньшей степени зависит от притока туристов, чем другие страны региона, продолжающийся рост количества прибывающих международными рейсами пассажиров дает толчок развитию внешнеэкономического сектора. Рост в секторе недвижимости остается слабым из-за

жестких условий кредитования и продолжает оказывать негативное влияние на рост экономики. ЮНКТАД ожидает, что в 2025 году экономика Вьетнама вырастет на 5,4 процента,

а перспектива более мягкой денежно-кредитной политики поможет ослабить текущее кредитное сжатие и стимулировать восстановление строительного сектора.

Западная Азия

По оценкам ЮНКТАД, в 2024 году рост в Западной Азии составит 2,4 процента по сравнению с 2,0 процента в 2023 году. Оживление экономической активности обусловлено главным образом стабилизацией цен на нефть и восстановительным подъемом в основных странах — экспортерах нефти. Сохраняются значительные риски, поскольку расширяющиеся конфликты усиливают напряженность во всем регионе, что может иметь последствия для международного судоходства в Красном море⁴. Хотя значительный риск эскалации напряженности может повлиять на экономические показатели во всем регионе и за его пределами, ее последствия особенно пагубны для некоторых стран, а именно Израиля, Ливана, Йемена и Государства Палестина⁵. Согласно прогнозам, при отсутствии дальнейшей эскалации напряженности рост экономики региона ускорится до 3,9 процента в 2025 году.

ЮНКТАД ожидает, что экономический рост в **Саудовской Аравии** восстановится до 1,7 процента в 2024 году после исторического спада на 0,8 процента в 2023 году. Поскольку Организация стран — экспортеров нефти (ОПЕК) регулирует добычу нефти, в том числе с помощью лимитов добычи, чтобы поддерживать цены на нефть на уровне 70–90 долларов Соединенных Штатов за баррель, доходы от экспорта нефти, вероятно, будут меняться в зависимости от внешнего спроса. Прогнозируется, что нефтегазовые секторы будут способствовать росту, несмотря на то что инвестиции в гигантские проекты в рамках строительства Неома сокращаются, что снижает ожидаемую активность в строительстве и связанных с ним первичных и последующих секторах. Инвестиции в возобновляемые источники энергии по-прежнему составляют менее 20 процентов от общего объема инвестиций в энергетику, что задерживает столь необходимую диверсификацию и переход от ископаемого топлива к другим источникам

энергии. Ожидается, что в 2025 году рост экономики Саудовской Аравии составит 4,7 процента, так как высокая активность в нефтяном и ненефтяном секторах, особенно в туризме, логистике и обрабатывающей промышленности, будет способствовать росту.

По оценкам ЮНКТАД, рост экономики **Турции** в 2024 году составит 3,5 процента по сравнению с 4,5 процента в 2023 году. Внутренний спрос пострадал от последствий стремительного роста инфляции по сравнению с предшествующим годом, которая в мае достигла пиковых 75 процентов. Центральный банк начал ужесточение денежно-кредитной политики в июне 2023 года и к марту 2024 года поднял учетную ставку с 8,5 до 50 процентов, оставив ее на этом уровне. Высокая стоимость финансирования продолжает негативно влиять на спрос и занятость. Несмотря на жесткую денежно-кредитную политику, курс турецкой лиры продолжает снижаться по отношению к другим твердым валютам, таким как доллар Соединенных Штатов. Хотя эта девальвация привела к увеличению расходов на обслуживание внешних долгов в иностранной валюте, притом что они в значительной степени принадлежат частным компаниям, снижение стоимости национальной валюты привело к росту экспорта и снижению импорта, за исключением импорта энергоресурсов на основе ископаемого топлива. Турецкие экспортеры промышленных товаров, машин и транспортного оборудования демонстрируют особенно высокие показатели, как и туристический сектор.

Ожидается, что нынешнее ужесточение денежно-кредитной политики в Турции закончится во второй половине 2024 года, что приведет к постепенному восстановлению потребления и усилению экономической активности в следующем году. В связи с этим ЮНКТАД ожидает, что в 2025 году рост экономики составит 3,8 процента.

⁴ Подробнее см. UNCTAD (2024a).

⁵ Более подробную информацию о воздействии израильской военной операции на сектор Газа и Западный берег реки Иордан см. в UNCTAD (2023a, 2024b).

Африка

Темпы роста в Африке остаются низкими после постепенного замедления в 2021–2023 годах. Поскольку недавние усилия по восстановлению макроэкономической стабильности должны начать приносить некоторые положительные результаты со второй половины 2024 года, особенно в ряде крупных стран, ожидается, что совокупная экономическая активность на континенте вырастет с относительно слабых 3,0 процента в 2024 году до 3,2 процента в 2025 году. Однако эти темпы ненамного превышают ежегодный прирост населения Африки на 2,4 процента в последние годы. Таким образом, рост ВВП будет по-прежнему недостаточным, для того чтобы добиться значительных успехов в экономическом развитии и структурных преобразованиях. Различные трудности ухудшают экономические перспективы и обеспеченность средствами к существованию на всем континенте.

Часто сталкиваясь с неблагоприятной экономической обстановкой после пандемии COVID-19 на глобальном, региональном и национальном уровнях, африканские политики были вынуждены оперативно принимать меры для решения сложных проблем. Хотя существуют возможности для проведения тщательно выверенных структурных реформ, способных поднять темпы роста в среднесрочной перспективе, поспешные изменения в политике часто приводили к значительным экономическим потрясениям в краткосрочной перспективе, от которых в непропорциональной мере страдали простые граждане африканских государств, особенно бедные слои населения.

Одно из опасений связано с ухудшением состояния счетов внешних операций многих африканских стран. Оно вызвало резкое падение стоимости нескольких африканских валют с плавающими или фиксированными обменными курсами на фоне снижения коэффициентов покрытия импорта и ослабления финансовых потоков. Значительное снижение курса валют, часто в сочетании с ограниченными поставками основных продуктов питания, а иногда и бесконтрольным предоставлением ликвидных средств, привело к тому, что уровень инфляции значительно превысил средние исторические показатели, как, например, в Анголе, Египте, Нигерии и Эфиопии. Реагируя на это, монетарные власти нескольких стран повысили процентные ставки до уровня 20–30 процентов в августе 2024 года.

Что касается фискальной политики, то текущая позиция стран континента, как правило, направлена на бюджетную консолидацию в ответ на сложную ситуацию с задолженностью и повышение стоимости финансирования, сокращение потоков помощи, высокий дефицит бюджета, усугубляемый ограниченными успехами в расширении мобилизации внутренних ресурсов после COVID-19, и низкие доходы от экспорта, в том числе в некоторых крупных странах — экспортерах углеводородов, где отмечается снижение объемов экспорта.

Насильственные протесты возникли по всему континенту в ответ на экономические трудности, высокий уровень инфляции (особенно рост цен на основные продукты питания) и поспешные реформы. Например, в Кении протестные акции с человеческими жертвами заставили правительство отозвать спорный законопроект о налогообложении. Все это свидетельствует о сложности проведения реформ в жесткой экономической ситуации.

В целом, несмотря на то что инфляционное давление начинает постепенно ослабевать по всему континенту, другие ключевые факторы продолжают препятствовать развитию. К ним относятся продолжающиеся конфликты, в том числе в Ливии, а также в ряде районов стран Сахеля и в регионе Центральной Африки. Ожидается, что негативные последствия изменения климата и экстремальных погодных условий приведут к росту острой продовольственной нестабильности в 2024 и 2025 годах, притом что уже 33 африканские страны нуждаются во внешней продовольственной помощи, а общий годовой объем производства зерновых в регионе в 2024 году, по прогнозам, снизится на 3 процента по сравнению с 2023 годом. Связанные с Эль-Ниньо засухи привели к массовому повреждению и высыханию урожая, особенно на юге Африки (FAO, 2024).

В **Южной Африке**, по оценкам ЮНКТАД, более надежное электроснабжение и улучшение логистики, скорее всего, будут способствовать небольшому подъему экономики — с 0,6 процента роста в 2023 году до 0,9 процента в 2024 году. Как в Египте и Нигерии — двух других крупных африканских странах, где темпы роста в последние годы снизились по сравнению со средними историческими показателями, — в экономике Южной Африки сохраняются существенные сдерживающие факторы. ЮНКТАД ожидает, что в 2025 году сохранится относительно слабый рост на уровне 1,4 процента.

Океания

По оценкам ЮНКТАД, в **Австралии** продолжится постепенное замедление темпов роста экономики, и в 2024 году рост составит 1,4 процента по сравнению с 2,0 процента в 2023 году. Замедление темпов роста объясняется главным образом жесткой денежно-кредитной политикой, проводимой для возвращения инфляции к целевому уровню после пандемии, что может занять некоторое время, поскольку рост затрат на рабочую силу в единице продукции к середине 2024 года составил 6 процентов по сравнению с предыдущим годом. Ожидается, что потребительская инфляция в этом году составит около 3 процентов, что на 1 процентный пункт выше целевого показателя Центрального банка в 2 процента. Ожидаемое

смягчение денежно-кредитной политики в следующем году поможет восстановить рост ВВП до 2,1 процента в 2025 году.

Из-за жесткой денежно-кредитной политики и негативного бюджетного импульса в этом году рост экономики **Новой Зеландии** в 2024 году, по оценкам ЮНКТАД, составит всего 0,9 процента, что несколько выше роста в 0,6 процента, зафиксированного в 2023 году. Как и в Австралии, ожидается, что инфляция будет постепенно снижаться в течение 2024 и 2025 годов, и можно ожидать, что это приведет к смягчению денежно-кредитной политики в следующем году. ЮНКТАД ожидает, что в 2025 году рост экономики увеличится до 2,0 процента.

Ссылки

- Alesina A and Ardagna S (1998). Tales of fiscal adjustments. *Economic Policy*. 13(27):489–585.
- Ahmad S, Nabors G and Sheiner L (2024). Federal, state and local fiscal policy and the economy. The Brookings Institution. Washington, D.C. 27 September.
- Barbosa-Filho NH (2008). Verdoorn's law. *International Encyclopedia of the Social Sciences*.
- Cooper R (2022). The Biden–Trump stimulus shows how badly Obama's 2009 plan failed. *The Week*. 10 January.
- de Soyres F, Santacreu AM and Young H (2022). Fiscal policy and excess inflation during COVID-19: A cross-country view. *FEDS Notes*. Washington. Board of Governors of the Federal Reserve System. 15 July.
- Engerman DC (2015). The rise and fall of central planning. In: Geyer M and Tooze A eds. *The Cambridge History of the Second World War*. Cambridge University Press. Cambridge.
- Food and Agriculture Organization of the United Nations (2024). *Crop Prospects and Food Situation – Triannual Global Report*. Rome.
- Friedberg AL (2024). Stopping the next China shock. *Foreign Affairs*. 20 August.
- Jayadev A and Konczal M (2010). When is austerity right? In boom, not bust. *Challenge*. 53(6):37–53.
- Keynes JM (1936). *The General Theory of Employment Interest and Money*. Macmillan. London.
- Mehrotra N and Sergeyev D (2021). Debt sustainability in a low interest rate world. *Journal of Monetary Economics*. 124:1–18.
- Ocampo JA (2014). Finishing the job of global tax cooperation. *Project Syndicate*. 29 April.
- Palley T (2016). Zero lower bound (ZLB) economics: The fallacy of New Keynesian explanations of stagnation. IMK Working Paper No. 164. Hans Boeckler Foundation, Macroeconomic Policy Institute.
- Stiglitz JE (2023). A victory lap for the transitory inflation team. *Project Syndicate*. 13 November.
- Taylor L and Barbosa-Filho NH (2021). Inflation? It's import prices and the labor share! *International Journal of Political Economy*. 50(2):116–142
- Toporowski J (2024). Monetary policy and illiquidity. Working Paper No. 218. Institute for New Economic Thinking.
- UNCTAD (2013). *Trade and Development Report 2013*. Adjusting to the Changing Dynamics of the World Economy. (United Nations publication. Sales no. E.13.II.D.3. Geneva).
- UNCTAD (2017). *Trade and Development Report 2017*: Beyond Austerity – Towards a Global New Deal. (United Nations Publication. Sales No. E.17.II.D.5. Geneva).
- UNCTAD (2019). *Trade and Development Report 2019*: Financing a Global Green New Deal (United Nations publication. Sales No. E.19.II.D.15. Geneva).
- UNCTAD (2020). *Доклад о торговле и развитии, 2020*. От глобальной пандемии к процветанию для всех: не допустить еще одного потерянного десятилетия (Издание Организации Объединенных Наций. ISBN (PDF): 9789210053600. Женева).
- UNCTAD (2022). *Доклад о торговле и развитии, 2022*. Перспективы развития в мире разделительных линий: глобальный беспорядок и региональные ответы (Издание Организации Объединенных Наций. ISBN (PDF): 9789210021678. Женева).
- UNCTAD (2023a). Developments in the economy of the Occupied Palestinian Territory. Report on UNCTAD assistance to the Palestinian people to the Trade and Development Board. TD/B/EX(74)/2. Geneva. 11 September.
- UNCTAD (2023b). *Доклад о торговле и развитии, 2023*. Рост, долг и климат: перестройка глобальной финансовой архитектуры (Издание Организации Объединенных Наций. ISBN (PDF): 9789213584910. Женева).
- UNCTAD (2024a). Navigating troubled waters: Impact to global trade of disruption of shipping routes in the Red Sea, Black Sea and Panama Canal. Geneva.
- UNCTAD (2024b). Preliminary assessment of the economic impact of the destruction in Gaza and prospects for economic recovery. Geneva.
- UNCTAD (2024c). *Trade and Development Report Update*, April 2024. Geneva.
- Weber IM and Wasner E (2023). Sellers' inflation, profits and conflict: Why can large firms hike prices in an emergency? Economics Department Working Paper Series No. 343. University of Massachusetts.

Доклад о торговле и развитии, 2024

Глава II

Иллюзия восстановления: международные рынки в 2024 году

Ожидается, что в 2024 году рост международной торговли товарами восстановится примерно на 2 процента после снижения на 1,2 процента в реальном выражении в 2023 году. Динамика, наблюдавшаяся в первом квартале 2024 года, замедлится к концу года, поскольку ожидается замедление экономического роста в двух крупнейших экономиках мира. Следует также отметить, что росту в начале 2024 года отчасти способствовала авансовая оплата заказов.

Несколько стран, как развитых, так и развивающихся, ввели торговые ограничения в отношении Китая в 2024 году.

Торговля услугами остается более динамичной, чем торговля товарами. В первом квартале 2024 года темпы роста в отраслях, связанных с транспортом и поездками, были двузначными, при этом рост по остальным видам коммерческих услуг составил около 5 процентов.

Мировые цены на многие сырьевые товары снизились по сравнению с пиковыми значениями 2022 года, однако по историческим меркам они остаются высокими.

В начале 2024 года чистый приток капитала в развивающиеся страны восстановился, отчасти благодаря возобновлению выпуска суверенных облигаций в развивающихся регионах, хотя и ограниченному в Африке. Однако стоимость заимствований превышает средние исторические показатели.

Организация
Объединенных
Наций

Основные выводы в контексте политики

- ▶ **Разработчикам экономической политики в развивающихся странах необходимо расширить видение за рамки экспорта продукции обрабатывающей промышленности в эпоху малоактивной товарной торговли и быстрого цифрового прогресса**, чтобы обеспечить создание качественных рабочих мест в секторах услуг, в том числе не связанных с внешней торговлей.
- ▶ **Быстрый отказ от ископаемого топлива — важнейшее условие для реализации климатических целей Парижского соглашения и устойчивой диверсификации экономики.** Продолжение предоставления субсидий на ископаемое топливо и сохранение прибыльности добычи ископаемого топлива и торговли им ставят под угрозу «зеленый» переход.
- ▶ **ЮНКТАД предлагает ряд преобразований**, касающихся пяти этапов жизненного цикла задолженности, чтобы снизить затраты на финансирование развития и уменьшить уязвимость развивающихся стран к рискам, связанным с суверенным долгом.

А. Введение

В 2024 году происходило восстановление активности на основных международных рынках, в том числе в торговле промышленными товарами, услугами, сырьевыми товарами и финансовыми активами. После нескольких лет турбулентности цены на некоторые сырьевые товары снизились по сравнению с максимумами 2022 года. Чистые потоки капитала в развивающиеся страны стали положительными в первом квартале 2024 года, и рост торговли товарами вернулся к положительным значениям.

Однако под поверхностью лежат серьезные проблемы для разработчиков политики, особенно в развивающихся странах. Геополитическая напряженность, глобальное потепление, финансовая и валютная нестабильность усугубляют недовольство мировой экономикой, ослабленной кризисами и недостаточным инвестированием (глава I).

Таким образом, текущий период характеризуется высокой степенью неопределенности. Сиюминутные проблемы отвлекают внимание от долгосрочных задач. Во многих областях это подрывает многостороннее сотрудничество и глобальную экономическую стабильность. Изменения в денежно-кредитной политике центральных банков стран с развитой экономикой в сочетании с быстрым закрытием финансовых позиций ставят под угрозу международную торговлю, валютную и финансовую системы, как показала турбулентность на рынках в августе 2024 года. Что самое важное, неопределенность, геополитическая напряженность и ослабление макроэкономического базиса не создают благоприятных экономических и финансовых условий для развития.

В этой главе рассматриваются актуальные тенденции и конкретные проблемы в области

международной торговли (раздел В), рынков сырьевых товаров (раздел С) и движения капитала (раздел D). В ней также определены основные аспекты, которые в совокупности определяют ключевой вызов для политики в области развития и требуют дальнейшего многостороннего рассмотрения:

- переориентация стратегий развития таким образом, чтобы развивающиеся страны не ограничивались экспортом продукции обрабатывающей промышленности, а формировали широкие возможности для создания качественных рабочих мест в эпоху малоактивной товарной торговли и стремительной цифровизации;
- высокая рентабельность добычи ископаемого топлива и торговли им, которая способствует нынешним инвестициям в «коричневую» энергию и ее экспорт, а также продолжающееся предоставление субсидий на ископаемое топливо ставят под угрозу столь необходимый импульс к «зеленому» переходу;
- для снижения стоимости финансирования развития необходимы изменения в глобальной финансовой архитектуре, затрагивающие пять этапов жизненного цикла задолженности.

Неопределенность оказывает негативное влияние на международные рынки и может отвлекать политиков от решения долгосрочных проблем.

В. Международная торговля: оживление в 2024 году — еще не конец туннеля

1. Геополитическая напряженность и политическая неопределенность, вероятно, ограничат восстановительный подъем

Ожидается, что после стагнации в 2023 году объем международной торговли товарами и услугами восстановится на 2–3 процента в реальном выражении в 2024 году⁶. Сокращение объема торговли товарами на 1,2 процента в реальном выражении в 2023 году стало основной причиной низких значений широкого агрегатного показателя в 2023 году. Это объясняется тем, что валовые потоки товаров по-прежнему составляют более 75 процентов объема мировой торговли в агрегатном показателе. Это сокращение отражало сочетание напряженности в торговле, снижения глобального спроса, изменений в товарно-материальных запасах и эффекта высокой базы, связанного с временным смещением расходов в сторону товаров длительного пользования во время пандемии COVID-19 (UNCTAD, 2024h). В результате эластичность глобальной торговли товарами по отношению к объему производства упала до отрицательных значений.

Это изменение было беспрецедентным в новейшей истории. За исключением 2023 года, мировая торговля сокращалась в годовом исчислении лишь дважды за более чем четыре десятилетия — в 2009 и 2020 годах. Однако в обоих случаях параллельно сокращался и мировой валовой продукт. Поэтому

эластичность — отношение процентного изменения объема торговли к процентному изменению мирового валового продукта — оставалась положительной. Необычным 2023 год стал из-за того, что торговля товарами сократилась, в то время как мировая экономическая активность продолжала расти.

Помимо этих арифметических соображений, такое развитие событий подчеркивает структурный спад, который торговля товарами пережила после мирового финансового кризиса. Напротив, торговля услугами была более динамичной.

В 2023 году объем мировой торговли услугами увеличился примерно на 5 процентов в реальном выражении, что свидетельствует о растущем значении международной торговли услугами. Эти факты объясняют, почему спонсоры международной торговли в последнее время стали уделять больше внимания международным услугам. Поскольку в 2023 году доля услуг в мировой торговле достигла почти 25 процентов и, по прогнозам, будет расти и дальше⁷, в некоторых политических и научных кругах возлагают большие надежды на то, что международная торговля услугами станет новой движущей силой роста.

Однако по поводу того, что торговля услугами может стать новым главным рычагом развития в развивающихся странах, консенсус отсутствует. Ведущие ученые все чаще признают, что краеугольным камнем будущих стратегий развития должно стать повышение производительности труда и создание качественных рабочих мест в таких трудоемких секторах, как уход за больными,

⁶ Точная оценка на 2023 год будет возможна только после опубликования всех данных по национальным счетам за этот год. Однако предварительные оценки основных индексов цен и уже опубликованные данные по субкомпонентам торговли товарами и услугами в номинальном выражении указывают на замедление увеличения или даже умеренное сокращение этого широкого агрегата в реальном выражении в 2023 году.

⁷ В 2023 году доля торговли услугами составила чуть менее 25 процентов, хотя, по данным Всемирного банка и ВТО (2023 год), на деятельность в сфере услуг (не только связанную с торговлей услугами) в настоящее время приходится примерно половина добавленной стоимости в мировой торговле. Эти два подхода не противоречат друг другу, поскольку значительная часть добавленной стоимости, создаваемой в сфере услуг, необходима для производства промышленных товаров, являющихся предметом международной торговли, и поэтому при отслеживании валовых торговых потоков учитывается в составе товаров, а не услуг.

розничная торговля, образовательные и другие персональные услуги, которые, как правило, не являются предметом международной торговли. Это, по-видимому, единственный остающийся способ обеспечить условия для того, чтобы для значительной части трудовых ресурсов, задействованных в настоящее время лишь частично, можно было со временем получить рост реальной заработной платы. В настоящем разделе мы рассмотрим эти вопросы подробно.

Торговля товарами в период геополитических потрясений

Перспективы роста мировой торговли товарами в 2024 году вернулись к положительным показателям. Согласно прогнозу ЮНКТАД, доходы от экспорта в 2024 году достигнут почти 32 трлн долларов. Однако развитие событий в регионах происходило неравномерно. Хотя доходы от мировой торговли снова растут, они вряд ли превзойдут рекордный уровень 2022 года (UNCTAD, 2024c). Это объясняется прежде всего тем, что в реальном выражении экспорт в большинстве развитых стран в последнее время либо стагнирует, либо даже снижается (рис. II.1), а также тем, что цены на основные сырьевые товары также снизились (раздел С).

В Европе, которая является ключевым участником международной торговли, доходы от экспорта товаров из стран зоны евро в первом квартале 2024 года были на 3 процента ниже по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. Это произошло несмотря на то, что инфляция механически увеличивала доходы. Уточним, что каждый из 12 крупнейших экспортеров в этой группе зафиксировал снижение между этими двумя периодами (ECB, 2024). В Соединенном Королевстве доходы от экспорта в фунтах стерлингов также снизились на 4 процента (United Kingdom, 2024). В целом это свидетельствует о снижении спроса со стороны ключевых партнеров, таких как Китай, а также о трудностях европейских компаний-экспортеров в сохранении своей доли на мировых рынках.

Напротив, активная динамика, наблюдаемая в экономиках развивающихся стран Восточной и Юго-Восточной Азии, внесла наибольший вклад в увеличение товарного экспорта в первой половине 2024 года. В частности, доходы от товарного экспорта в долларовом выражении крупнейшей в мире страны — экспортера товаров демонстрируют активное повышение: к середине 2024 года экспорт из Китая вырос примерно на 7–9 процентов

по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года благодаря увеличению поставок автомобилей и полупроводников.

Однако два ключевых фактора указывают на то, что такая оживленная динамика экспорта не сохранится в течение второго полугодия и, возможно, в следующем году. Один из них связан с авансовой оплатой заказов из Китая и рисками усиления напряженности в торговле. Второй связан с риском замедления экономического роста в Соединенных Штатах и в мировой экономике в целом.

Что касается авансовой оплаты заказов из Китая, то некоторые аналитики предполагают, что этот аспект сыграл ключевую роль в более высоких, чем ожидалось, показателях китайского экспорта в первой половине 2024 года. Это произошло потому, что экономические агенты ожидали введения новых торговых ограничений в отношении ведущего мирового экспортера промышленной продукции в 2024 году (*Financial Times*, 2024f). В мае 2024 года Соединенные Штаты объявили, что начиная с августа будут повышать пошлины на ряд импортных товаров из Китая (United States, 2024). Речь шла в том числе об увеличении пошлин на китайские электромобили в четыре раза — до 100 процентов. Хотя причинно-следственная связь не обязательно существует, рекордно высокий месячный профицит торгового баланса в размере 99 млрд долларов, зафиксированный Китаем в июне 2024 года, когда в китайской экономике наблюдались слабый внутренний спрос и высокий производственный потенциал, мог стать еще одним фактором, усилившим напряженность в торговле.

За торговыми ограничениями, принятыми в Соединенных Штатах, последовали аналогичные меры на крупнейших мировых рынках. Например, в июле Европейский союз подтвердил, что будет вводить пошлины на электромобили, но в размере не более 37,6 процента. Турция объявила о введении 40-процентной дополнительной пошлины на электромобили китайского производства. В конце августа Министерство финансов Канады приняло решение о «мерах по защите канадских рабочих и ключевых секторов экономики от недобросовестной торговой практики Китая», которые вступят в силу в октябре 2024 года (Canada, 2024).

Более жесткие протекционистские меры принимались не только в экономиках стран ОЭСР. Что касается развивающихся стран Азии, Индонезия в июле объявила о намерении ввести импортные пошлины в размере до 200 процентов на текстильную

Тенденции активного роста торговли товарами, наблюдавшиеся в начале 2024 года, скорее всего, пойдут на убыль.

Более жесткие протекционистские меры принимались не только в экономиках стран ОЭСР.

Рис. II.1

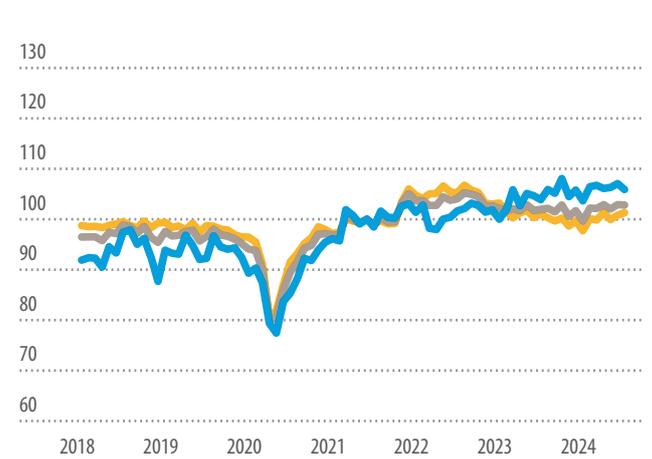
Объем мировой торговли товарами снова растет, хотя есть различия по регионам

Торговые потоки в реальном выражении, январь 2018 года — июль 2024 года
(среднее значение за 2021 год = 100)

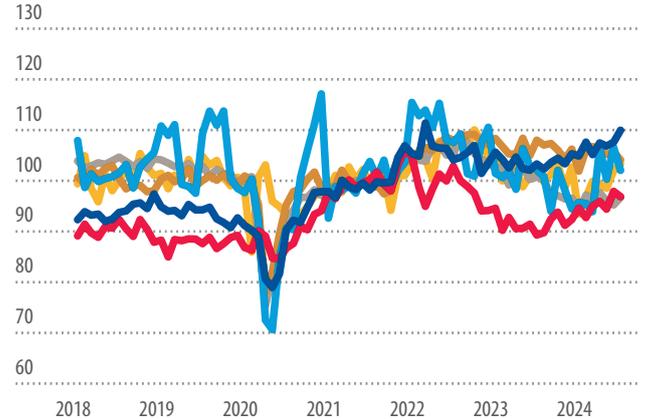
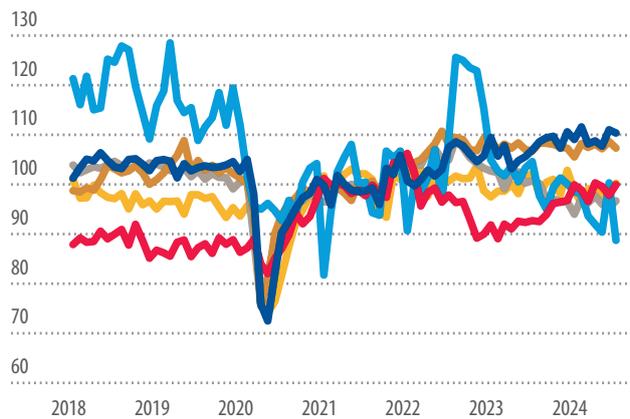
А. Экспорт

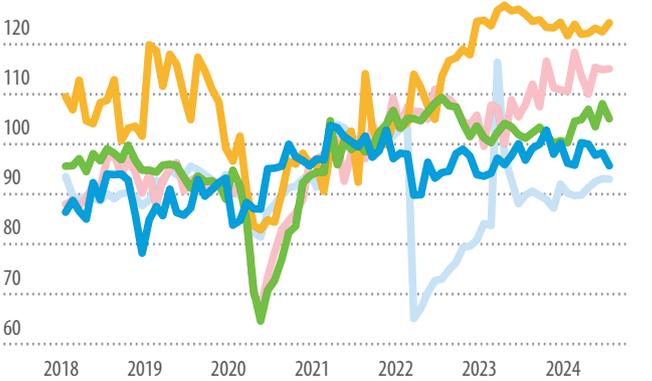
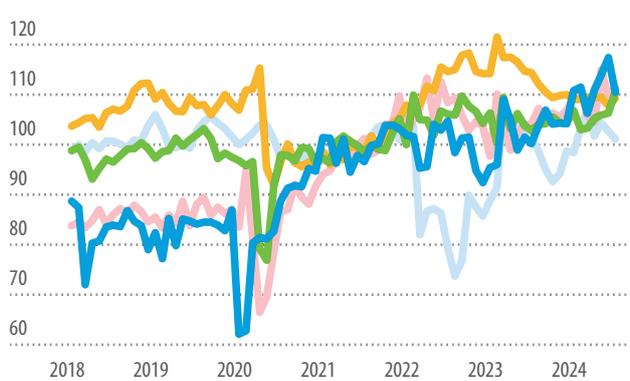
В. Импорт

— Япония — Соединенное Королевство — Соединенные Штаты — Развитые страны Азии, исключая Японию — Зона евро — Другие развитые страны

— Китай — Африка и Ближний Восток — Восточная Европа и Содружество Независимых Государств — Развивающиеся страны Азии, исключая Китай — Латинская Америка

Источник: База данных World Trade Monitor Бюро анализа экономической политики CPB Netherlands.

Примечание: Классификация стран по группам основана на данных Бюро анализа экономической политики CPB Netherlands (см. Ebregt, 2020).

продукцию, которая поставляется в основном из Китая (Reuters, 2024). Недавно Индия ввела ряд антидемпинговых мер, и некоторые наблюдатели сообщают, что в правительстве Индии все чаще обсуждается вопрос о том, стоит ли вводить дальнейшие ограничения на китайскую продукцию и инвестиции в страну. Дисбалансы в торговле между двумя экономиками увеличиваются, и Индия стремится позиционировать себя в качестве производственного центра «Китай плюс один» (Financial Times, 2024a). Недавно в Таиланде был создан новый государственный орган для рассмотрения ограничений на китайский импорт (Foreign Policy, 2024). В Латинской Америке Чили ввело антидемпинговые пошлины на китайскую сталь. Бразилия и Мексика приняли аналогичные меры.

Что касается замедления темпов экономического роста, то потребительские расходы в Соединенных Штатах начали подавать признаки спада после того, как

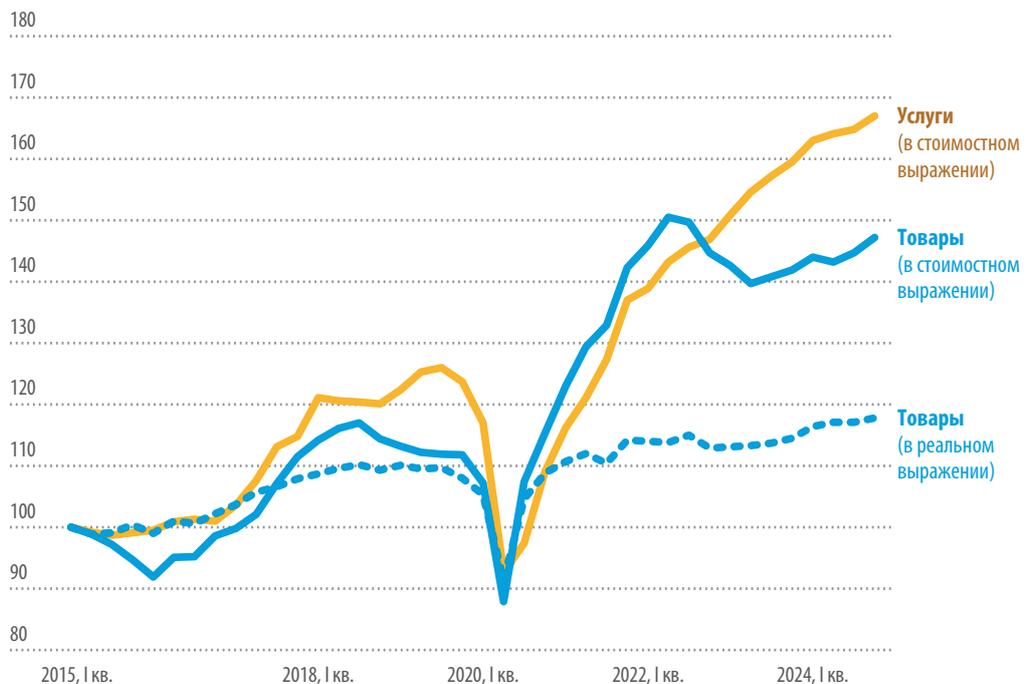
помогли поддержать крупнейшую экономику мира после пандемии. Учитывая тот факт, что наибольший импульс спросу придали Соединенные Штаты, а также несколько крупных развивающихся стран Восточной, Южной и Юго-Восточной Азии, за исключением Китая, который к середине 2024 года оказал понижающее влияние на мировой объем импорта, во второй половине 2024 года ожидается дальнейшее снижение темпов роста.

В целом признаки ухудшения перспектив развития торговли товарами в ближайшие кварталы уже проявились в ряде опережающих индикаторов. Например, июльские данные по мировой обрабатывающей промышленности, опубликованные в рамках индекса Института управления поставками, показали второе подряд месячное сокращение компонента новых экспортных заказов (S&P Global, 2024). Сентябрьский прогноз ЮНКТАД по развитию торговли указывает на замедление роста начиная со второго квартала 2024 года (рис. II.2).

Рис. II.2 Торговля услугами продолжает демонстрировать больший динамизм, чем торговля товарами

Ежеквартальный объем мировой торговли товарами и услугами, первый квартал 2015 года — четвертый квартал 2024 года (первый квартал 2015 года = 100)

Источник: ЮНКТАД на основе базы данных UNCTADstat.

Примечания: I кв. — первый квартал. Все показатели скорректированы с учетом сезонных колебаний. Показатели за второй–четвертый кварталы 2024 года — оценочные, на основе прогнозов ЮНКТАД.

Торговля услугами остается более динамичной

Как и ранее, перспективы торговли услугами в 2024 году остаются относительно лучшими, чем перспективы торговли товарами. Данные за первый квартал показывают, что мировой объем экспорта услуг в долларовом выражении вырос на 9 процентов по сравнению с предыдущим кварталом с учетом сезонных колебаний и в годовом исчислении. Наиболее быстрыми темпами росли объемы услуг с высоким уровнем выбросов углерода: объем услуг по организации поездок увеличился на 18 процентов, а транспортных услуг — на 15 процентов. Объем всех остальных коммерческих услуг вырос на 5 процентов.

Однако за этим ростом скрывается негативная сторона — тяжелый экологический след нынешнего динамичного развития транспортных секторов. В морском транспорте увеличение доходов по состоянию на сентябрь 2024 года частично объясняется необходимостью использовать более длинные торговые маршруты, часто с более высокой скоростью, для осуществления перевозок между определенными пунктами (UNCTAD, 2024f). Это было вызвано нападениями на суда в Красном море, которые привели к увеличению стоимости морских перевозок и объема выбросов углекислого газа.

На региональном уровне предварительные данные за первый квартал 2024 года свидетельствуют о росте экспорта услуг в целом в Азии и Океании, Северной Америке и Европе примерно на 8–10 процентов по сравнению с предыдущим кварталом с учетом сезонных колебаний и в годовом исчислении. В странах Латинской Америки и Карибского бассейна рост достиг 19 процентов благодаря высоким показателям в сфере международных перевозок из Мексики.

В оставшейся части 2024 года, начиная со второго квартала, прогнозные данные ЮНКТАД по торговле услугами в долларовом выражении указывают на продолжение роста в диапазоне от 2 до 5 процентов по сравнению с предыдущим кварталом с учетом сезонных колебаний и в годовом исчислении, что значительно ниже темпов роста в первом квартале. Прогнозы указывают на годовое увеличение доходов от экспорта услуг почти на 6 процентов, в то время как для товаров соответствующий показатель составит чуть более 2 процентов.

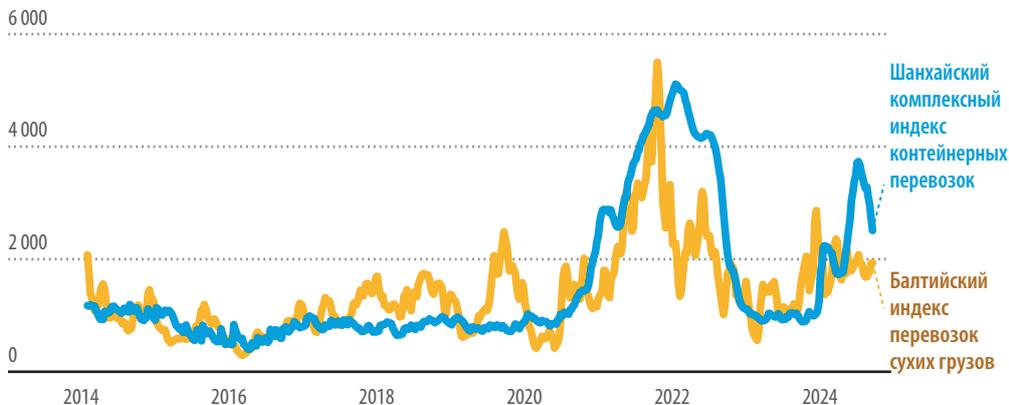
Ожидается, что в течение 2024 года доходы от перевозок резко возрастут благодаря значительному повышению цен, особенно на контейнерные перевозки (рис. II.3). Это связано в первую очередь с ростом спроса, а также с нарушением маршрутов в Красном море и, в

Рис. II.3

Расценки на контейнерные перевозки нормализовались в 2023 году и снова резко выросли в 2024 году

Еженедельный Балтийский индекс перевозок сухих грузов и Шанхайский комплексный индекс контейнерных перевозок (базисная дата = 1000)

Источник: ЮНКТАД на основе данных Clarkson's Shipping Intelligence Network.

Примечания: Базисной датой, когда значение индекса равнялось 1000, было 4 января 1985 года для Балтийского индекса перевозок сухих грузов и 16 октября 2009 года для Шанхайского комплексного индекса контейнерных перевозок. Две отображенные серии значений заканчиваются в сентябре 2024 года.

меньшей степени, с задержками в Панамском канале в начале 2024 года (UNCTAD, 2024f).

Что касается поездок, то в период с января по июль 2024 года было зарегистрировано около 790 миллионов международных туристов, что примерно на 11 процентов больше, чем в 2023 году, но на 4 процента меньше, чем в 2019 году. Этому восстановлению способствовали высокий спрос в Европе и повторное открытие нескольких рынков в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Данные свидетельствуют о сильном начале года, за которым последовал более скромный второй квартал. Значение Индекса доверия к туризму Организации Объединенных Наций за сентябрь 2024 года свидетельствует о положительных ожиданиях на завершающую часть года — 120 пунктов на период с сентября по декабрь 2024 года, хотя это ниже прогнозного значения на период с мая по август, которое составило 130 пунктов (по шкале от 0 до 200, где 100 соответствует равным ожидаемым показателям). В целом количество прибывших пассажиров в 2024 году примерно соответствует рекордному показателю 2019 года. Что касается поступлений от международного туризма, то 47 из 63 стран, по которым имеются данные, восстановили

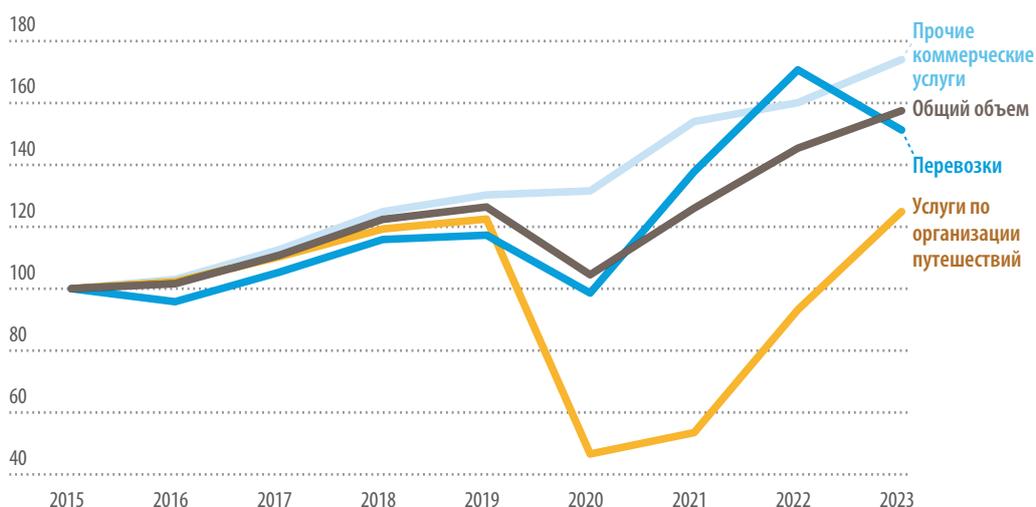
показатели, существовавшие до пандемии, в первой половине 2024 года, причем многие из них сообщили о значительном двузначном росте по сравнению с 2019 годом в местных валютах и текущих ценах (UNWTO, 2024).

Ожидается, что в целом рост объема прочих коммерческих услуг в 2024 году будет примерно соответствовать общему росту торговли услугами. В этой разнообразной группе видов деятельности преобладают деловые услуги, услуги в области телекоммуникаций и информационных технологий, интеллектуальной собственности, страховые и финансовые услуги, а также строительство и услуги в области культуры, отдыха и персональные услуги. В этой группе относительно быстрее росли объемы торговли услугами в области телекоммуникаций и информационных технологий, а также финансовыми услугами.

В 2023 году торговля услугами продемонстрировала активное развитие: рост выручки в мировой торговле коммерческими услугами, рассчитанный как средний темп роста экспорта и импорта, составил около 9 процентов. В странах Латинской Америки и Карибского бассейна объем торговли услугами вырос на 13 процентов. В тех

Рис. II.4 Рост экспорта коммерческих услуг остается устойчивым, в то время как сегмент услуг по организации путешествий продолжает восстанавливаться

Мировой экспорт коммерческих услуг, отдельные компоненты (2015 год = 100)

Источник: База данных UNCTADstat.

Примечание: Прочие коммерческие услуги включают в себя услуги, связанные с товарами, строительство, страхование и пенсионное обеспечение, финансовые услуги, выплаты в связи с интеллектуальной собственностью, телекоммуникации, услуги в области информационных технологий, прочие предпринимательские услуги, а также услуги в области культуры, отдыха и персональные услуги.

немногих африканских странах, по которым имеются данные, он вырос на 11 процентов. Это были регионы с самым быстрым ростом. За исключением нынешних и бывших членов Содружества Независимых Государств, чей экспорт коммерческих услуг стагнировал, во всех остальных крупных регионах в 2023 году наблюдался рост в диапазоне от 7 до 9 процентов (WTO, 2024).

Рост в 2023 году был поддержан продолжающимся быстрым восстановлением услуг по организации путешествий: поступления от международных поездок выросли на 35 процентов за год. Это контрастирует с 8-процентным снижением глобальных перевозок, что также отразилось в резком, но кратковременном снижении ставок на морские перевозки, которое ненадолго вернуло их к уровню, существовавшему до пандемии. Объем прочих коммерческих услуг, в том числе связанных с товарами, рос наравне с совокупным показателем для всех услуг. На долю коммерческих услуг в общем объеме приходится 57 процентов, за ними следуют транспортные и услуги по организации путешествий, на которые в 2023 году пришлось по 20 процентов от общего объема услуг. Услуги, связанные с товарами, заняли последнее место — 3 процента (рис. II.4).

В перспективе масштабное оживление мировой торговли является маловероятным

Помимо оживления мировой торговли и ожидаемого замедления ее роста в 2024 году, приоритетность внутренних проблем и настоятельная необходимость выполнения климатических обязательств⁸ заставляют менять торговую и промышленную политику. Ожидается, что более жесткие торговые ограничения и промышленные стратегии, ориентированные на внутренний рынок, особенно в крупнейших странах, будут препятствовать бесперебойному функционированию международной торговли в целом и некоторых ключевых секторов в частности, таких как производство алюминия, полупроводников и стали. Однако отраслевые спады не всегда сопровождаются сокращением торговых потоков в глобальном масштабе, о чем свидетельствует ожидаемый рекордный за

последние восемь лет объем экспорта стали из Китая в 2024 году (*Financial Times*, 2024c).

Долгосрочное замедление темпов роста мировой торговли товарами и ее продолжающаяся реконфигурация (UNCTAD, 2023a), а также значительные прорывы в области информационно-коммуникационных и цифровых технологий заставляют переосмыслить пути развития. Некогда предпочтительные стратегии развития стран с низким и средним уровнем дохода, в центре которых стоял рост за счет экспорта продукции обрабатывающей промышленности, позволяющий задействовать значительную часть неквалифицированной рабочей силы, повысить производительность труда и в конечном итоге стимулировать экономические преобразования, по-видимому, все чаще оказываются неспособными обеспечить одновременное выполнение всех этих задач. В связи с этим необходимо более широкое рассмотрение ключевых компонентов современных стратегий развития.

2. В поисках качественных рабочих мест: ограничения стратегии, основанной на экспорте услуг

Еще не так давно путь к экономическому развитию стран глобального Юга ассоциировался в основном с индустриализацией. Предполагалось, что экспорт продукции обрабатывающей промышленности станет мощным фактором развития, особенно для небольших стран с ограниченным внутренним рынком. Обоснование было простым. Сосредоточившись на обрабатывающей промышленности, эти страны смогут добиться эффекта масштаба, повысить производительность и более эффективно интегрироваться в мировую экономику, создавая при этом возможности для трудоустройства, в том числе для относительно неквалифицированных работников, переезжающих из сельских районов в растущие города.

Предполагалось, что для многих развивающихся стран определен тип стратегии, ориентированной на экспорт продукции

⁸ Попытки борьбы с изменением климата остаются недостаточными для решения проблемы глобального потепления. Сокращение выбросов углекислого газа к 2030 году по меньшей мере на 45 процентов по сравнению с уровнем 2010 года, а также достижение нулевых выбросов углекислого газа к 2050 году требуют немедленных действий по постепенному прекращению добычи ископаемого топлива, в том числе со стороны компаний, занимающихся его добычей (Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций, 2023 год).

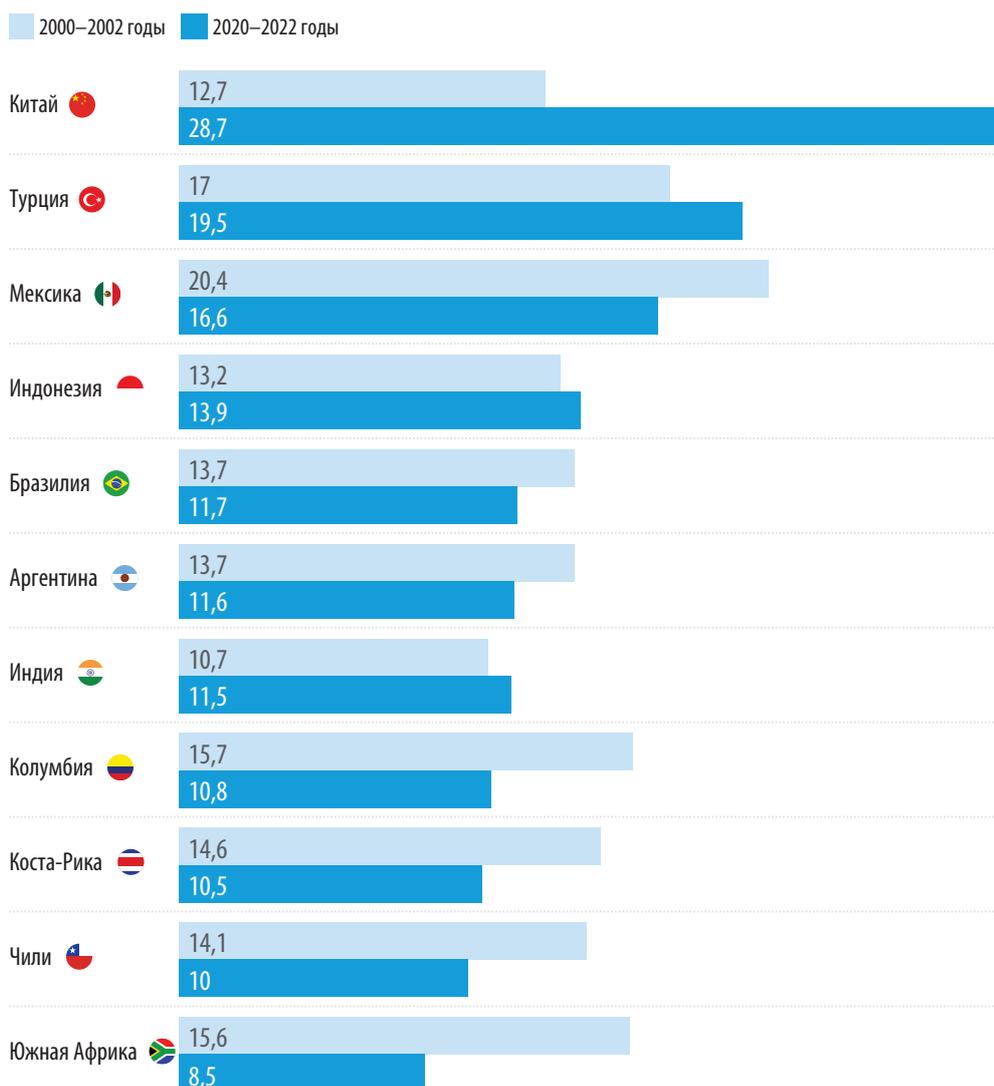
обрабатывающей промышленности, — в идеале, отражающей специфику и условия страны, — будет способствовать конвергенции с наиболее развитыми экономиками. Истории успеха нескольких восточноазиатских стран послужили убедительным примером, хотя приписывать эти успехи только большей открытости торговли было бы весьма ошибочно. Эти страны использовали сочетание целенаправленной промышленной политики, инвестиций в человеческий капитал и стратегий, ориентированных на внешний рынок, что кардинально изменило

их экономику (см. в главе IV дальнейшее обсуждение ограничений этой модели).

Глобальная экономическая среда претерпела значительные изменения с тех пор, как эти страны начали стремительные преобразования во второй половине XX века. Лидерство Китая в производстве, развитие промышленных роботов и цифровых технологий, изменения в структуре мировой торговли и все более активное акцентирование устойчивого развития изменили контуры экономического развития, хотя едва ли какая-либо страна имеет реалистичные планы по постепенному сокращению выбросов парниковых газов, не

Рис. II.5
За последние два десятилетия в развивающихся странах в основном сократилась занятость в обрабатывающей промышленности

Доля занятости в обрабатывающей промышленности от общей занятости, отдельные развивающиеся страны (проценты)

Источник: ЮНКТАД на основе базы данных Организации Объединенных Наций по глобальным показателям достижения целей в области устойчивого развития.

говоря уже о сохранении биоразнообразия. Что касается обеспечения рабочими местами, то, за редким исключением, во многих развивающихся странах с крупным промышленным сектором за последние два десятилетия произошло сокращение доли обрабатывающей промышленности в общем объеме занятости (рис. II.5).

Хотя обрабатывающая промышленность по-прежнему играет важную роль, растет понимание того, что эффективность индустриализации как стратегии роста стала сомнительной. Отчасти это объясняется тем, что относительное преимущество развивающихся стран, которое по-прежнему заключается в относительном изобилии более дешевой и менее квалифицированной рабочей силы, больше не соответствует технологиям производства, требующим высокой квалификации и имеющим высокую капиталоемкость, которые все чаще занимают центральное место во многих производственных процессах. Еще большее снижение эффективности происходит из-за недостаточного внимания к значительному экологическому и углеродному следу, который могут оставлять индустриализация и торговля товарами и услугами (см. вставку II.1). Как подтверждается многими исследованиями, экономические издержки и физический ущерб, наносимый ускоряющимся изменением климата, оказывают неблагоприятное влияние в первую очередь на развивающиеся страны и их беднейших граждан (UNCTAD, 2022, 2023a).

Проведенные ранее исследования выявили проблему, но не смогли определить необходимые действия

Озабоченность по поводу ограничений наиболее распространенных стратегий развития не нова. Когда речь заходит о структурных преобразованиях и создании рабочих мест в развивающихся странах, экономисты Всемирного банка (Hallward-Driemeier and Nayyar, 2017), например, высказывают опасения по поводу снижения способности стратегий развития, основанных на росте обрабатывающей промышленности, обеспечивать двойную выгоду — повышение производительности и создание рабочих мест для неквалифицированных работников. В то же время они в целом положительно оценивают преимущества, которые могут дать обрабатывающие секторы и торговля услугами, если политикам удастся реализовать следующие три компонента:

- конкурентоспособность. Для развития устойчивых экономических экосистем следует перейти от акцента на низкую заработную плату к более широкому рассмотрению условий ведения бизнеса, верховенства правовых норм и использования технологий для осуществления финансовых операций;
- компетенции. Обеспечивать усвоение работниками новых навыков, создавать сильные компании и развивать инфраструктуру, необходимую для внедрения современных технологий;
- связанность. Улучшать логистику, сокращать ограничения в торговле промышленными товарами и услугами.

Идя еще дальше, Болдуин и Форслид (Baldwin and Forslid, 2023) предполагают, что в будущем развитие на основе торговли услугами станет скорее нормой, чем исключением. Поскольку успех в секторе услуг зависит от иных факторов, нежели в обрабатывающей промышленности, присутствует умеренный оптимизм в отношении потенциальной роли торговли услугами в повышении доходов относительно высококвалифицированных работников, проживающих в городских районах в странах со средним уровнем дохода. Это основано на предположении, что торговля услугами позволит развивающимся странам напрямую экспортировать источник своего относительного преимущества, т. е. рабочую силу, которая имеет низкую стоимость, учитывая ее более низкую производительность, без необходимости сначала производить товары с использованием этой рабочей силы, а затем экспортировать эти товары. Иными словами, вхождение в цепочки создания добавленной стоимости в сфере услуг потребует меньших усилий, чем развитие промышленной базы. Однако накопление человеческого капитала может занять больше времени, чем накопление физического капитала в условиях значительной финансовой открытости.

Используя информацию из базы данных «Статистика торговли продукцией обрабатывающей промышленности» ОЭСР и Всемирной торговой организации (ВТО), Болдуин (Baldwin, 2024) определяет показатель, основанный на объеме производства, чтобы определить, когда в странах происходят эпизоды роста за счет экспорта. Рассматривая два временных периода, 1995–2008 и 2008–2020 годы, и три группы стран по уровню дохода, исследователь стремится установить, когда и насколько добавленная стоимость экспорта росла быстрее ВВП, который может быть рассчитан как для обрабатывающей промышленности, так и

Экспорт преимущественно продукции обрабатывающей промышленности поддерживал рост в странах со средним уровнем дохода в преддверии мирового финансового кризиса.

В настоящее время более вероятен рост за счет экспорта услуг.

для сферы услуг. Результаты показывают, что среди стран, включенных в базу данных ОЭСР и ВТО, большинство стран нижнего и верхнего сегментов среднего уровня дохода демонстрировали рост за счет экспорта продукции обрабатывающей промышленности в 1995–2008 годах. Примерно в 60 процентах стран нижнего сегмента среднего уровня дохода и в 80 процентах стран верхнего сегмента среднего уровня дохода темпы роста экспорта продукции обрабатывающей промышленности превышали темпы роста ВВП в тот период. Рост добавленной стоимости в сфере торговли услугами

составил около 40 процентов в странах нижнего сегмента среднего уровня дохода и 50 процентов в странах верхнего сегмента среднего уровня дохода. В десятилетие, предшествовавшее мировому финансовому кризису, в обеих группах стран фактически доминировал рост за счет экспорта продукции обрабатывающей промышленности.

После мирового финансового кризиса, который показал, что прежние модели глобального роста неустойчивы, произошли радикальные изменения. В период 2008–2020 годов менее 20 процентов стран со средним уровнем

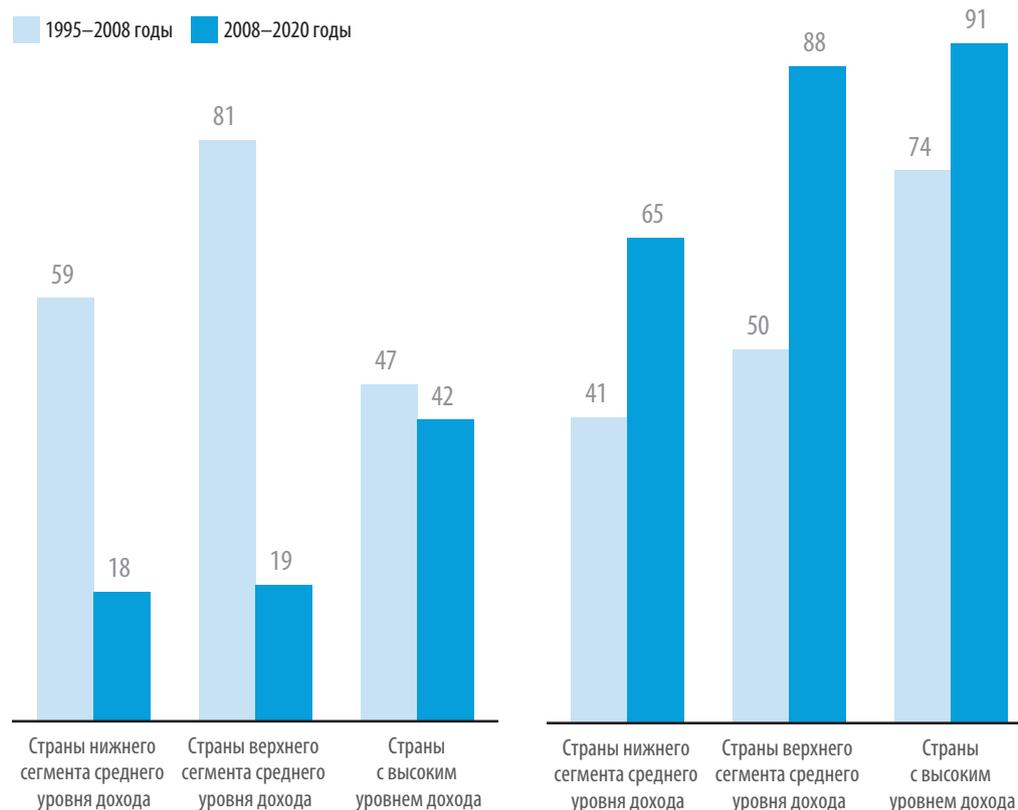

Рис. II.6

Рост экспорта продукции обрабатывающей промышленности замедляется, в то время как экспорт услуг стремительно растет

Доля стран, в которых наблюдается рост за счет экспорта продукции обрабатывающей промышленности и/или услуг, отдельные группы по уровню дохода (проценты)

А. Обрабатывающая промышленность   В. Услуги

Источник: Baldwin (2024).

Примечания: Данный показатель отражает процентную долю стран в каждой группе по уровню дохода, в которых в течение двух рассматриваемых периодов наблюдался рост за счет экспорта продукции обрабатывающей промышленности и экспорта услуг. Считается, что в стране наблюдается рост за счет экспорта в одном из двух секторов, если добавленная стоимость в экспорте данного сектора растет быстрее, чем ВВП. В стране могут одновременно наблюдаться оба типа роста за счет экспорта. При расчете роста за счет экспорта услуг учитывалась только торговля услугами, в которых используются информационно-коммуникационные технологии, и не учитывались перевозки и туризм. В группу стран нижнего сегмента среднего уровня дохода входят 17 стран, верхнего сегмента среднего уровня дохода — 16, а в группу стран с высоким уровнем дохода — 43 страны.

дохода все еще регистрировали рост за счет экспорта продукции обрабатывающей промышленности, в то время как почти 70 процентов стран нижнего сегмента среднего уровня дохода и 90 процентов стран верхнего сегмента среднего уровня дохода в эти годы демонстрировали рост за счет сферы услуг. Интересно, что среди стран с высоким уровнем дохода процентная доля стран, в которых отмечается рост за счет обрабатывающей промышленности и/или сферы услуг, оставалась более стабильной, несмотря на небольшое сокращение числа эпизодов роста за счет обрабатывающей промышленности и увеличение числа эпизодов роста за счет сферы услуг во втором периоде по сравнению с первым (рис. II.6). Это подтверждает мнение о том, что рост за счет экспорта продукции обрабатывающей промышленности несколько сбавляет обороты, в то время как рост за счет сферы услуг переживает бум.

Меры по стимулированию спроса и современная промышленная политика должны быть распространены на все сектора экономики

Хотя в исследованиях приводятся убедительные аргументы в пользу структурных преобразований, их политические рекомендации не совсем уместны с макроэкономической точки зрения. Например, набор вариантов политики, предлагаемый в исследовании Hallward-Driemeier and Nayyar (2017), включает в себя в основном меры на стороне предложения и не признает фундаментальную роль современной промышленной политики в коренной переориентации и расширении спроса как для экономики в целом, так и для рынка труда. Кроме того, хотя обучение работников новым навыкам всегда выглядит многообещающе, предлагаемые политические меры не вполне уместны для большинства неквалифицированных работников, которые не станут квалифицированными в одночасье. Поскольку такие люди составляют основную часть рабочей силы в развивающихся странах, особенно в странах с самым низким уровнем дохода на душу населения, необходимо предлагать более комплексный подход.

Одним словом, крайне важно уделять больше внимания третичным секторам в целом и неторговым секторам в частности. В отсутствие государственной политики, направленной на структурную перестройку экономической деятельности для достижения

какой-либо общественной цели — как определяют промышленную политику Юхас и другие авторы (Juhász et al., 2019), — рынки, предоставленные самим себе, вряд ли смогут стимулировать необходимые структурные изменения (не говоря уже о том, что они не способны решать острые экологические проблемы, от которых больше всего страдают неквалифицированные работники в странах с более низким уровнем дохода).

Стратегический подход к современной промышленной политике, охватывающей все секторы экономики, включая сферу услуг, является ключевым для парадигмы развития, учитывающей изменения климата. Учитывая вышеизложенное, такой подход должен выходить за рамки индустриализации как таковой и учитывать все более важную взаимосвязь между экологическими, демографическими, финансовыми и технологическими факторами, которые влияют на экономический рост, торговлю и глобальные производственно-сбытовые цепочки.

Торговля услугами сама по себе имеет ряд ограничений, и вряд ли можно ожидать, что она станет реальной альтернативой развитию, основанному на производстве. Вряд ли она выполняет обе задачи — повышение производительности труда и создание большого количества рабочих мест для неквалифицированных работников, не говоря уже о растущем негативном воздействии некоторых видов деятельности на окружающую среду (вставка II.1).

С одной стороны, динамично развивающиеся торговые услуги, например в области банковского дела, информационных технологий и аутсорсинга бизнес-процессов, имеют ограниченные возможности для создания широкой занятости для неквалифицированных работников по той же причине, по которой обрабатывающая промышленность сегодня не в состоянии создать достаточное количество рабочих мест для неквалифицированной рабочей силы (см. главу IV, посвященную «финансовому проклятию»). Одним словом, эти отрасли во многих случаях зависят прежде всего от высокой квалификации и автоматизированных процессов. С другой стороны, более трудоемкие отрасли, такие как туризм и строительство, не обеспечивают значительного повышения производительности труда ввиду ограниченных возможностей для достижения значимой экономии от масштаба и создания прямых и обратных связей.

Необходима современная промышленная политика, охватывающая все секторы экономики, включая сферу услуг.

Вставка II.1

О растущем энергопотреблении и углеродном следе торговли услугами

Позитивная трактовка торговли услугами в интересах устойчивого развития частично основывается на предположении, что услуги более дематериализованы и менее вредны для климата и окружающей среды, чем торговля промышленными товарами. При этом многие услуги, такие как грузоперевозки и международные путешествия, являются высокоуглеродными и с трудом поддаются декарбонизации. Цифровые услуги, такие как электронная торговля, являются энергоемкими и создают сильные эффекты отдачи, поскольку в целом ускоряют производство, оборот и потребление материальных благ. Доводы в пользу того, что быстрый рост торговли услугами — и даже цифровыми услугами — является одним из путей устойчивого развития, представляются ограниченными и сомнительными.

Услуги, предоставляемые с помощью цифровых технологий, и трансграничная торговля развиваются очень быстро. В период с 2005 по 2022 год экспорт цифровых услуг вырос на 375 процентов (World Bank and WTO, 2023). Этот бум был бы невозможен без стремительного развития вспомогательных материальных систем, таких как информационно-технологические товары и инфраструктура или «умные» устройства. Этот аспект цифровых услуг усугубляет проблему электронных отходов, которые часто вывозятся из развитых стран в развивающиеся, и их объем растет в пять раз быстрее, чем подтвержденный объем рециклирования электронных отходов (WHO, 2023; UNITAR, 2024).

Более того, этот бум был бы невозможен без роста потребления воды и энергии. Согласно некоторым исследованиям, энергопотребление сектора информационно-коммуникационных технологий в последнее десятилетие росло в среднем на 9 процентов в год. Его доля в глобальных выбросах углерода увеличилась с 2,5 процента в 2013 году до 3,7 процента в 2018 году и может достичь 8 процентов к 2025 году (The Shift Project, 2018). Только на майнинг криптовалют и центры обработки данных в 2022 году приходилось 2 процента мирового потребления электроэнергии и почти 1 процент мировых выбросов, и их присутствие быстро расширяется. Одна транзакция с биткоином требует примерно столько же электроэнергии, сколько средний житель Ганы потребляет за три года или средний житель Германии за три месяца. Запросы ChatGPT требуют в 10 раз больше электроэнергии, чем поиск в Google, что связано с потреблением электроэнергии центрами обработки данных искусственного интеллекта (Hebous and Vernon-Lin, 2024a, 2024b).

Разрушая надежды на «невесомую» цифровую экономику, экспоненциальный рост услуг, предоставляемых с помощью цифровых технологий, подрывает возможность сокращения глобальных выбросов углерода на 95 процентов к 2050 году, как это предусмотрено в климатических сценариях с нулевым уровнем выбросов (Pitron, 2021). Как следствие, на фоне ложных заявлений о нулевых показателях выбросов крупные технологические компании не достигают своих климатических целей с большим и все возрастающим отрывом. Поскольку сокращение выбросов при таких быстрых темпах роста остается невозможным, эти компании инициировали попытки уничтожить научно обоснованные углеродные показатели и переписать правила учета выбросов углерода (*Financial Times*, 2024f, 2024g).

Как подчеркивает ЮНКТАД (UNCTAD, 2024a), развивающиеся страны несут большую часть экологических издержек цифровизации, получая при этом меньшие выгоды. Они экспортируют сырье с низкой добавленной стоимостью и импортируют устройства с высокой добавленной стоимостью, а также увеличивают количество цифровых отходов. Подобные проблемы требуют осторожного подхода к расширению торговли услугами, предоставляемыми с помощью цифровых технологий, как к средству достижения устойчивого развития. Чтобы отказаться от этой неустойчивой модели, необходимы глобальный сдвиг в сторону минимально достаточного потребления, в том числе в цифровом секторе, и активизация усилий по продвижению принципа циркулярности.

Источники: Hebous и Vernon-Lin (2024a, 2024b); *Financial Times* (2024d, 2024g); Pitron (2021); The Shift Project (2018); UNCTAD (2024a); UNITAR (2024); WHO (2023); World Bank and WTO (2023).

Только на майнинг криптовалют и центры обработки данных в 2022 году приходилось 2 процента мирового потребления электроэнергии и почти 1 процент мировых выбросов.

Кроме того, в сфере услуг с использованием информационно-коммуникационных технологий, да и в торговле услугами в целом, как правило, по-прежнему доминируют развитые страны. Последние данные о торговле свидетельствуют о том, что в 2023 году в число 30 ведущих стран по объему мирового экспорта услуг вошло небольшое количество развивающихся стран с невысоким уровнем дохода. Это контрастирует с торговлей товарами, для которой этот показатель больше. В совокупности на развивающиеся страны пришлось менее 30 процентов мировых доходов от экспорта услуг, в то время как для товарного экспорта этот показатель составляет 44 процента (таблица II.1).

Растущая роль нематериальных активов усугубляет эти проблемы (рис. II.7). По мнению Азиатского банка развития (АБР) и других авторов (Asian Development Bank (ADB) et al., 2021: xviii), «обычная торговая статистика не учитывает экспорт услуг нематериальных активов через [глобальные цепочки создания стоимости, и поэтому она] существенно занижает фактический экспорт развитых экономик и искажает торговый баланс между ними и развивающимися экономиками». При этом именно нематериальные активы, такие как бренды, уникальные проектные решения, запатентованные технологии и

знания в области управления цепочками поставок, а не материальные активы (например, производственная продукция), все чаще определяют способность компаний лидировать в глобальных цепочках создания стоимости и извлекать из них выгоду. В крайней форме это может приводить к «беззаводскому» производству, когда фирмы, разрабатывающие и продающие продукцию, не владеют никаким производственным процессом. В результате, в основе важной части современных глобальных цепочек добавленной стоимости — страны-новаторы, экспортирующие услуги своей интеллектуальной собственности в обмен на промышленные товары (ADB et al., 2021: xi).

По данным Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) и бизнес-школы Luiss (2024 год), инвестиции в нематериальные активы, такие как бренды, проектные решения, данные и программное обеспечение, в течение последних 15 лет росли в три раза быстрее, чем инвестиции в материальные активы, такие как заводы и оборудование. Наиболее активная деятельность этого рода наблюдается в Соединенных Штатах, Франции и Швеции, а в Индии наблюдается тенденция к росту. В 2023 году совокупные инвестиции в нематериальные активы достигли 6,9 трлн долларов, более чем удвоившись по сравнению с 2,9 трлн

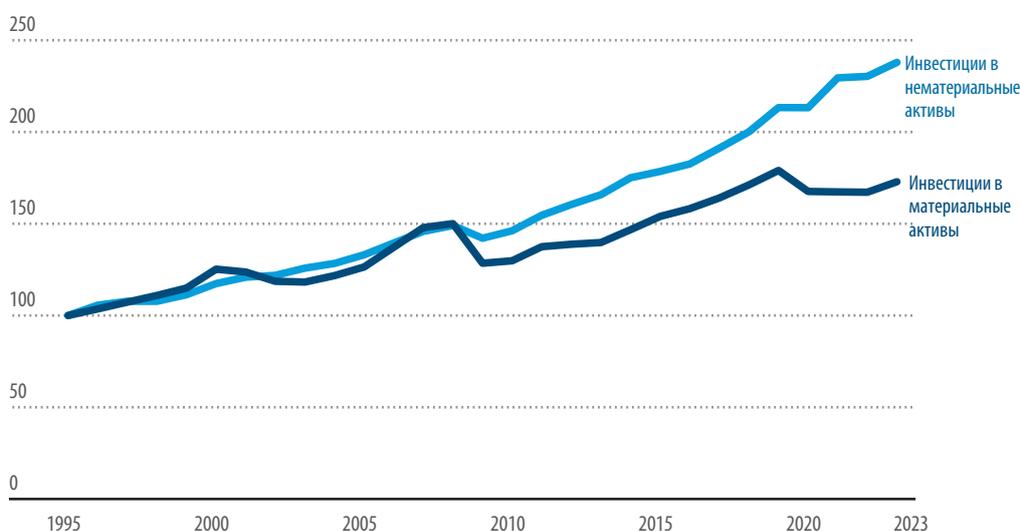
В 2023 году на развивающиеся страны приходилось менее 30 процентов мировых доходов от экспорта услуг и 44 процента доходов от экспорта товаров.

Рис. II.7

Способность компаний играть ведущую роль в глобальных цепочках создания стоимости и извлекать из них выгоду все больше зависит от наличия нематериальных активов

Общий объем инвестиций в нематериальные и материальные активы (1995 год = 100)

Источник: ВОИС и бизнес-школа Luiss (2024 год).

Таблица II.1
Топ-30 в мировом экспорте коммерческих услуг и товаров в 2023 году

Рейтинг	КОММЕРЧЕСКИЕ УСЛУГИ			ТОВАРЫ		
	Страны	Доля (проценты)	Млрд долл.	Страны	Доля (проценты)	Млрд долл.
1	Соединенные Штаты	13,0	1 027	Китай	14,2	3 380
2	Соединенное Королевство	7,4	584	Соединенные Штаты	8,5	2 020
3	Германия	5,5	439	Германия	7,1	1 688
4	Ирландия	5,0	398	Нидерланды (Королевство)	3,9	935
5	Китай	4,8	381	Япония	3,0	717
6	Франция	4,6	360	Италия	2,8	677
7	Индия	4,3	338	Франция	2,7	648
8	Сингапур	4,1	328	Республика Корея	2,7	632
9	Нидерланды (Королевство)	3,9	312	Мексика	2,5	593
10	Япония	2,6	207	Гонконг (Китай)	2,4	574
11	Испания	2,5	198	Канада	2,4	569
12	Швейцария	2,1	169	Бельгия	2,4	562
13	Объединенные Арабские Эмираты	2,1	166	Соединенное Королевство	2,2	521
14	Люксембург	1,9	149	Объединенные Арабские Эмираты	2,1	488
15	Италия	1,9	148	Сингапур	2,0	476
16	Бельгия	1,8	146	Китайская провинция Тайвань	1,8	432
17	Канада	1,7	137	Индия	1,8	432
18	Республика Корея	1,6	124	Российская Федерация	1,8	424
19	Дания	1,4	114	Испания	1,8	423
20	Польша	1,4	108	Швейцария, Лихтенштейн	1,8	420
21	Швеция	1,3	104	Польша	1,6	382
22	Турция	1,3	102	Австралия	1,6	371
23	Гонконг (Китай)	1,2	98	Вьетнам	1,5	354
24	Австрия	1,1	90	Бразилия	1,4	340
25	Израиль	1,1	83	Саудовская Аравия	1,4	322
26	Австралия	0,9	74	Малайзия	1,3	313
27	Таиланд	0,7	57	Таиланд	1,2	285
28	Португалия	0,7	56	Индонезия	1,1	259
29	Китайская провинция Тайвань	0,7	54	Турция	1,1	256
30	Греция	0,7	53	Чехия	1,1	255
	Весь мир	100,0	7 913	Весь мир	100,0	23 784
	Развивающиеся страны	29,7	2 348	Развивающиеся страны	44,1	10 489
	Развитые страны	70,3	5 566	Развитые страны	55,9	13 295

Источник: База данных UNCTADstat.

долларов в 1995 году. В 2023 году объем инвестиций в материальные активы вырос до 4,7 трлн долларов.

Помимо проблем, связанных с нематериальными активами, вопросы концентрации рынка, например в сфере торговли творческими услугами⁹, также показывают, что развитые страны продолжают лидировать в области, которую часто считают многогранной движущей силой экономического развития. Хотя в 2022 году стоимость этого сектора выросла до 1,4 трлн долларов, на развитые экономики по-прежнему приходилось 80 процентов экспорта в 2022 году. Это контрастирует с долей развитых стран в мировой экономике, которая составляет менее 60 процентов.

Высокая концентрация отражается и на географии расположения штаб-квартир крупных транснациональных компаний, предоставляющих международные услуги. Как показывает рис. II.8, 70 процентов деятельности штаб-квартир в международной торговле услугами приходится на развитые регионы, в то время как на развивающиеся страны за пределами Китая, включая Специальный административный район (САР) Гонконг, приходится лишь 10 процентов. Эта цифра была получена из анализа финансовых отчетов почти 1000 транснациональных компаний, как торгуемых, так и не торгуемых на бирже, каждая из которых в 2022 году получила выручку более 10 млрд долларов. Пожалуй, это ключевые игроки на рынке международных услуг, выручка которых (правда, в том числе и

Рис. II.8

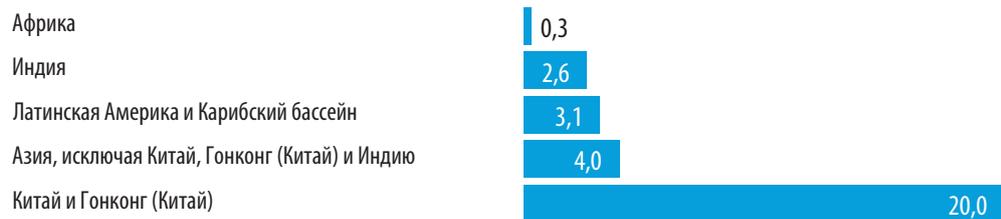
Штаб-квартиры крупнейших транснациональных корпораций, на которые приходится большая часть торговли услугами, расположены в основном в развитых регионах и Китае

Доля штаб-квартир крупных транснациональных компаний, предоставляющих международные услуги (проценты)

А. Развитые регионы

В. Развивающиеся страны и регионы

Источник: ЮНКТАД на основе данных LSEG Eikon.

Примечание: В выборку вошли 924 компании, как торгуемые на бирже, так и нет, выручка каждой из которых от продажи товаров и услуг в 2022 году превысила 10 млрд долларов и деятельность которых связана с международной торговлей услугами (т. е. исключая компании, занимающиеся в основном производством и экспортом товаров). School (2024).

⁹ Статистика торговли творческими услугами охватывает следующие категории услуг: реклама; исследования рынка; архитектура; аудиовизуальные услуги; услуги в области культуры; услуги в области отдыха и развлечений; услуги, связанные с культурным наследием; информационные услуги; научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы; и услуги в области программного обеспечения.

от внутренней деятельности) в совокупности составила почти 35 трлн долларов в 2022 году, что более чем в пять раз больше объема торговли услугами в этом году.

Несмотря на то, что в последнее время в сфере торговли услугами появились интересные инициативы по стимулированию экспорта, торгуемых услуг по-прежнему будет недостаточно, для того чтобы занять большую часть рабочей силы в развивающихся странах (UNCTAD, 2024i). В более широком смысле асимметрия экспорта между группами стран, а также проблемы концентрации рынков и конкуренции, которые недавно были подвергнуты переоценке ЮНКТАД (UNCTAD, 2024d), объясняют, почему трудно представить, что международные услуги смогут заместить то, чего в прошлом успешно достигло развитие за счет обрабатывающей промышленности в некоторых частях развивающегося мира. Дедуктивные рассуждения говорят о том, что нет другого решения, кроме как обратиться к услугам в некоторых неторгуемых секторах, и эта тема рассматривается в оставшейся части данного раздела.

Необходим амбициозный комплекс политических мер в неторгуемых секторах

Признавая неспособность торговли услугами обеспечить достаточное количество качественных рабочих мест для большинства частично безработных в развивающихся странах, Родрик и Стиглиц (Rodrik and Stiglitz, 2024) недавно предложили более радикальные изменения в политике, основанные на «зеленом» переходе и поощрении трудоемких видов деятельности в сфере услуг, в основном в неторгуемых секторах. Эти авторы выступают за трехкомпонентную стратегию:

- поощрение создания крупными компаниями рабочих мест с более низкой квалификацией в сфере неторгуемых услуг;
- предоставление государственных ресурсов и доступа к инвестициям, повышающим производительность, для малых предприятий;
- инвестиции в технологии, которые дополняют, а не заменяют низкоквалифицированных работников в сфере услуг.

Эта стратегия выступает за более инклюзивные и справедливые концепции роста, даже если темпы роста окажутся ниже. Одним словом,

речь идет о качестве, а не о количестве. Основная идея заключается в том, чтобы обеспечить прямой рост доходов для более бедных слоев общества за счет улучшения условий труда и, таким образом, сформировать средний класс, а не ждать «просачивания благ» от лидеров экспорта и крупнейших компаний.

Новые исследования переводят видение экономического развития, основанного на услугах, в более практическую плоскость, хотя до понимания того, как повысить производительность труда в предоставлении трудоемких услуг, еще далеко. Например, Родрик и Сандху (Rodrik and Sandhu, 2024), опираясь на конкретные примеры Индии, Нигерии и Южной Африки, предлагают четыре стратегии, которые могут быть использованы — и они не являются взаимоисключающими — для расширения производительной занятости в секторах услуг, создающих наибольшее количество рабочих мест в развивающихся странах (таблица II.2).

Эффективные стратегии расширения возможностей трудоустройства в секторе услуг должны быть избирательными, ориентированными на фирмы и подсектора с более высокими шансами на успех. Эксперименты очень важны и с большей вероятностью дадут результат при их децентрализации. Это связано с тем, что местные органы власти, такие как муниципалитеты и органы местного самоуправления, зачастую лучше осведомлены о специфике местных условий. Поэтому они могут быть наиболее подходящими для проведения и реализации пилотных программ.

Важным аспектом является расширение возможностей трудоустройства для тех, кто находится в нижней части распределения доходов. Это, вероятно, приведет к росту среднего класса и дальнейшему стимулированию внутреннего спроса, что может поддержать благотворный цикл, усиливающий экономический рост, социальную инклюзию и создание рабочих мест.

Чтобы природная среда не осталась без внимания в этих будущих стратегиях роста, власти при выборе целевых секторов и компаний должны учитывать связи, которые планируемое развитие активизирует как в экономическом, так и в экологическом плане. Если этого не сделать, то вероятны длительные и, возможно, растущие издержки. В конечном итоге они могут превзойти выгоду от таких вмешательств.

Пока политики вступают на сложный путь критического анализа, оценки и возможной перестройки путей развития на ближайшие десятилетия, приведенные выше рассуждения могут дать ценную пищу для размышлений. На данном этапе стоит подчеркнуть, что, возможно, наиболее осторожный и многообещающий подход к реализации современной промышленной политики включает в себя два аспекта, реализуемых параллельно: решение выявленной проблемы при минимизации негативных последствий

для международного сотрудничества и многостороннего взаимодействия. Эта новая одиссея будет нелегкой, как и предыдущие попытки использовать лучшие достижения глобализации. Известно, что повышение производительности в сфере услуг является непростым делом. Кроме того, попытки обеспечить большинство граждан хорошей работой без уделения большего внимания неторгуемым услугам кажутся все более нереалистичными.

Таблица II.2

Четыре стратегии расширения производительной занятости в сфере услуг, требующих высоких затрат труда

Целевые субъекты	Действия	Ожидаемые выгоды	Пример
▶ Крупные и относительно высокопроизводительные действующие фирмы	Стимулирование таких компаний к расширению занятости либо напрямую, либо через местные цепочки поставок	Налаживание восходящих связей с поставщиками услуг	Партнерство Saksham Saarthi с Uber and Ola в Харьяне, Индия
▶ Малые предприятия	Предоставление таким компаниям специальных ресурсов (например, обучение менеджменту, займы или гранты, индивидуальная оптимизация навыков работников, специальная инфраструктура или технологическая помощь)	Повышение производственного потенциала таких компаний	Молодежное предприятие с инновациями (YouWin!) в Нигерии
▶ Работники или фирмы	Предложение цифровых инструментов и других современных технологий, которые непосредственно дополняют низкоквалифицированный труд	Предоставление менее образованным работникам возможности выполнять (некоторые) виды работ, традиционно предназначенные для более квалифицированных специалистов, и расширение круга задач, которые они могут выполнять	Проект Manthan в штате Уттар-Прадеш, Индия
▶ Работники, не имеющие достаточного образования	Сочетание профессионального обучения с «сопутствующими» услугами, ряд дополнительных программ помощи для лиц, ищущих работу	Расширение возможностей трудоустройства, удержание и последующее продвижение по службе менее образованных работников	Harambee Youth Employment Accelerator в Южной Африке

Источник: ЮНКТАД на основе данных Rodrik and Sandhu (2024).

Примечание: Saksham Saarthi переводится как «способный возница/водитель».

С. Товарные рынки: цены снизились, но остаются высокими

Цены на сырьевые товары оставались высокими по состоянию на июль 2024 года. Несмотря на снижение по сравнению с высоким уровнем, достигнутым после начала войны на Украине, совокупные цены на сырьевые товары остаются более чем на 20 процентов выше уровня 2019 года.

В первые месяцы 2024 года цены на нетопливные сырьевые товары росли. В течение второго квартала цены на топливо немного снижались на фоне замедления спроса во всем мире (рис. II.9).

Эти события произошли после некоторой волатильности, наблюдавшейся в 2023 году. Индекс цен на сырьевые товары ЮНКТАД по всем товарным группам за период с июня по сентябрь 2023 года заметно вырос на 12 процентов, что объясняется резким ростом

цен на топливо в результате сокращения поставок, объявленного Организацией стран — экспортеров нефти и их союзниками (ОПЕК+). Последующее снижение примерно такой же величины произошло с сентября по декабрь 2023 года, в результате чего среднегодовой показатель оказался значительно ниже того, который был зафиксирован в 2022 году.

Таким образом, нетто-условия бартерной торговли основных регионов — экспортеров сырьевых товаров несколько ухудшились в

Рис. II.9
Цены на сырьевые товары снижались, но оставались более чем на 20 процентов выше уровня, существовавшего до COVID-19

А. Индекс цен на сырьевые товары ЮНКТАД

(среднее значение за 2019 год = 100)

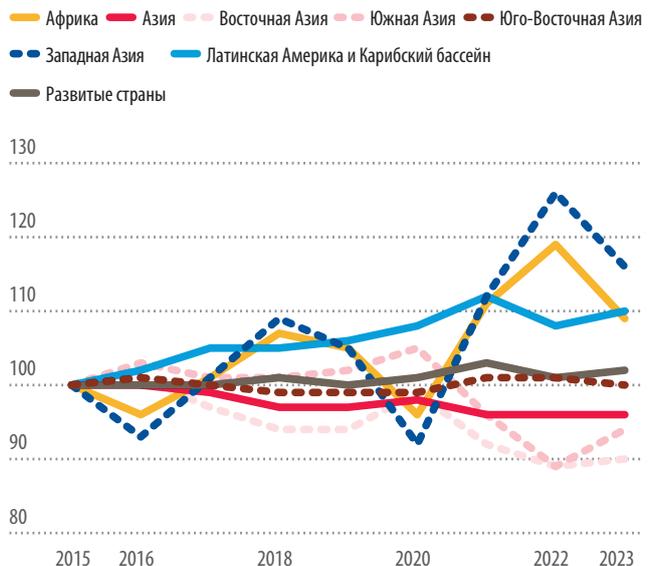

Источник: ЮНКТАД на основе базы данных UNCTADstat.

Примечание: На графике А данные заканчиваются в августе 2024 года.

В. Нетто-условия бартерной торговли, отдельные группы стран

(2015 год = 100)

период с 2022 по 2023 год, хотя и не настолько, чтобы свести на нет выгоды, полученные в последние годы. Например, в Африке и Западной Азии условия торговли ухудшились почти на 10 процентов. В отдельных странах ситуация ухудшилась еще больше, например в Анголе (23 процента), Нигерии (14 процентов) и Экваториальной Гвинее (35 процентов).

Ожидается, что совокупные цены на сырьевые товары немного вырастут. Объявленное и ожидаемое смягчение денежно-кредитной политики в странах с развитой экономикой, скорее всего, будет способствовать такому развитию событий. Растущий спрос на важнейшие полезные ископаемые для энергетического перехода, особенно со стороны Китая, будет поддерживать совокупные цены на сырьевые товары (более подробное обсуждение этого вопроса см. в главе III). В то же время продолжающаяся война на Украине и ситуация в секторе Газа могут поставить под угрозу поставки товаров по морским торговым путям, например в Черном и Красном морях, и вызвать волатильность цен.

1. Нефть и природный газ: высокая рентабельность ограничивает энергетический переход

Цены на ископаемое топливо были нестабильными во время недавних экономических спадов и кризисов. Цена на природный газ выросла более чем в 10 раз с июня 2020 года, когда она достигла минимума в связи с пандемией COVID-19, до пика в августе 2022 года, после начала войны на Украине. Однако с тех пор цены на нефть и природный газ вернулись на уровни ниже тех, которые существовали до февраля 2022 года. В течение последних 12 месяцев цены на нефть стабилизировались и колебались в основном выше 80 долларов за баррель (рис. II.10.A), что благоприятствовало экспортерам ископаемого топлива и ослабляло стимулы к диверсификации в сторону прекращения зависимости от экспорта нефти (см. таблицу III.1).

Спрос на ископаемое топливо исторически рос параллельно с ростом мировой экономической активности. Меры по борьбе с изменением климата и снижению выбросов остаются в опасной степени недостаточными, при этом доля ископаемого топлива в структуре энергопотребления остается неизменной и

составляет около 80 процентов, независимо от колебаний цен на ископаемое топливо на протяжении многих лет (рис. II.10.C и D). Несколько кратковременных падений мирового потребления нефти, например в 2009 и 2020 годах, были вызваны не высокими ценами на нефть, а серьезными глобальными экономическими спадами, негативно повлиявшими на экономическую активность и спрос на энергоносители. Маловероятно, что одного лишь повышения цен на ископаемое топливо и действия рыночных сил будет достаточно для постепенного отказа от ископаемого топлива на пути к нулевым выбросам углерода (*Financial Times*, 2024g). Эта тенденция усиливается из-за продолжающегося субсидирования ископаемого топлива (UNCTAD, 2023a).

Поскольку потребление энергии в значительной степени зависит от долгосрочных решений поставщиков энергоресурсов об инвестициях в инфраструктуру, ожидаемая прибыль в секторе ископаемого топлива представляется наиболее значимым фактором, определяющим будущий объем добычи ископаемого топлива. Рентабельность ископаемых видов топлива по-прежнему выше, чем возобновляемых источников энергии (рис. II.10.B). Хотя потребительские цены на возобновляемые источники энергии будут продолжать снижаться, сама по себе эта тенденция вряд ли сильно повлияет на преобладающую высокую рентабельность и объемы производства в секторе ископаемого топлива (Christophers, 2022, 2024).

В этом отношении Международное энергетическое агентство (МЭА) и ОПЕК придерживаются противоположных взглядов. В то время как первая организация утверждает, что пик спроса на ископаемое топливо придется на 2030 год, в частности из-за роста «зеленых» инвестиций и увеличения предложения более дешевой возобновляемой энергии (IEA, 2023), вторая утверждает, что «пика спроса на нефть в ближайшем будущем ожидать не стоит». ОПЕК (ОPEC, 2024) ожидает, что добыча ископаемого топлива продолжит расти и к 2045 году составит не менее 116 млн баррелей в день по сравнению со 102 млн баррелей в день в 2023 году. В краткосрочной перспективе, в отсутствие обязательных к выполнению количественных ограничений на добычу ископаемого топлива и торговлю им, МЭА и ОПЕК прогнозируют, что в 2024 году потребление нефти вырастет, как обычно, на 1–2 млн баррелей в день.

С 1965 года на ископаемое топливо приходится 80 процентов мирового первичного энергопотребления независимо от колебаний цен за эти годы.

Рентабельность ископаемого топлива по-прежнему отодвигает цели нулевых выбросов далеко за пределы досягаемости.

Рис. II.10

Ископаемое топливо в течение длительного времени является прибыльным, и объемы его потребления растут независимо от колебаний цен

А. Цены на нефть и природный газ

(доллары за баррель) (среднее значение за 2019 год = 100)

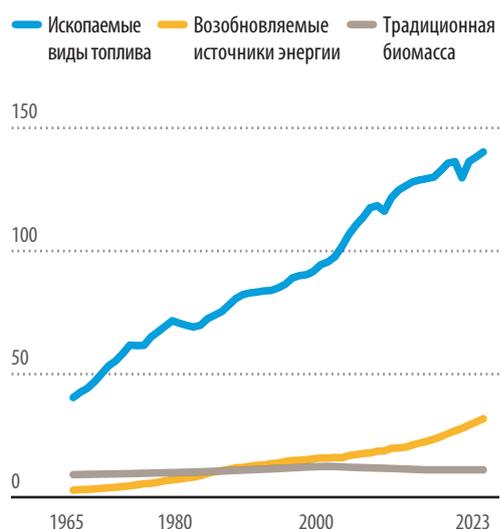
В. Соотношение прибыли и выручки в энергетическом секторе

(проценты)

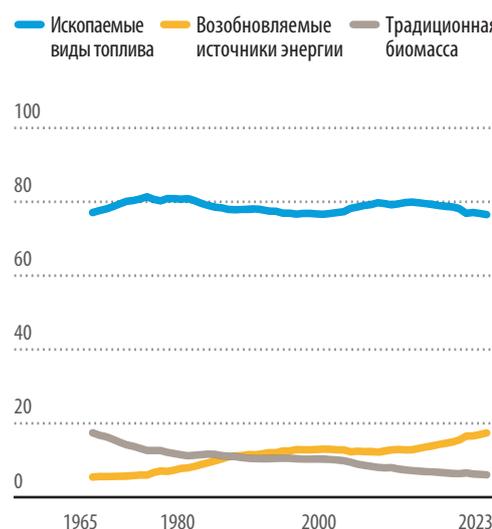
С. Первичное энергопотребление, по видам источников

(петаватт в час, энергетический эквивалент)

Д. Доля первичного энергопотребления, по видам источников

(проценты)

Источник: ЮНКТАД на основе базы данных UNCTADstat, LSEG Eikon и данных о ценах на сырьевые товары (The Pink Sheet) Всемирного банка.

Примечания: На графике А данные заканчиваются в августе 2024 года. Данные о первичном энергопотреблении на графиках С и D основаны на классификации «ископаемого топлива» как включающего нефть, газ и уголь, и «возобновляемых источников энергии» как включающих гидроэнергетику, атомную энергетику, ветроэнергетику, солнечную энергетику, современное биотопливо и другие возобновляемые источники энергии. В финансовых данных о прибыли и выручке на графике В атомная энергетика учитывается в отдельной категории, которая не отнесена к «возобновляемым источникам энергии».

2. Минералы и металлы: волатильность цен сохраняется на фоне обострения геостратегической конкуренции

Как и другие агрегатные индексы сырьевых товаров, рассчитываемый ЮНКТАД индекс цен минералов, руд и недргоценных металлов с начала 2023 года стал менее волатильным по сравнению с предыдущими годами. В период с февраля по май 2023 года он снизился на 11 процентов, что отражает падение цен на ключевые сырьевые товары, такие как алюминий, медь, железная руда и никель. После периода относительной стабильности с июня по декабрь 2023 года индекс вновь вырос более чем на 10 процентов с февраля 2024 года.

Драгоценные металлы, такие как золото и платина, демонстрировали сопоставимую динамику цен. В частности, цена на золото выросла на 25 процентов в период с марта по середину сентября 2024 года. Она достигла нового рекордного уровня

(рис. II.11) благодаря высокому спросу со стороны покупателей, а также центральных банков стран, планирующих снизить свою зависимость от доллара, таких как Индия, Казахстан, Китай и Российская Федерация. Рост цены на золото также отражал ожидания рынка относительно скорого смягчения денежно-кредитной политики в Соединенных Штатах, что усиливало опасения относительно возобновления инфляции и обесценивания доллара, хотя масштабное количественное смягчение в последние десятилетия показало, что такие ожидания могут быть ошибочными.

Волатильность цен наиболее остро ощущалась на рынках некоторых минералов, критически важных для энергетического перехода. В 2023 году цены на литий, кобальт и никель упали на 78 процентов, 34 процента и 42 процента соответственно (рис. II.11). Это снижение частично объясняется ростом производства и избыточным предложением этого сырья, вызванным высоким спросом на электромобили и аккумуляторы в 2021 году и начале 2022 года. Кроме того, медленный рост продаж аккумуляторных батарей для электромобилей в сочетании

Рис. II.11

Цены на критически важные для энергетического перехода минералы и золото сильно реагируют на геополитическую напряженность и перебои в поставках

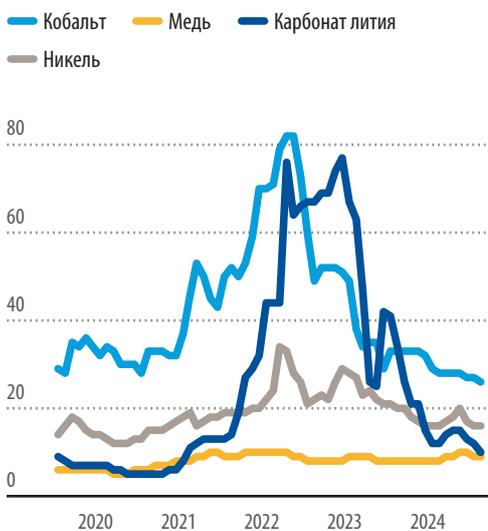
А. Цена на золото

(2000 год = 100)

В. Некоторые минеральные ресурсы, имеющие критически важное значение для энергетического перехода

(тысячи долларов за метрическую тонну)

Источник: ЮНКТАД на основе экономических данных Федеральной резервной системы Соединенных Штатов, LSEG Eikon и данных о ценах на сырьевые товары (The Pink Sheet) Всемирного банка.

Примечание: Данные заканчиваются в июле 2024 года.

Колебания объема производства в Китае вызывают более высокую волатильность цен на важнейшие для энергетического перехода минеральные ресурсы, чем на другие полезные ископаемые.

с крупносерийным производством аккумуляторных элементов и катодов привел к значительному накоплению запасов продукции для производственного использования.

На Китай приходится половина мирового спроса на эту группу металлов и минералов. Учитывая огромную долю Китая в производстве электромобилей (58 процентов), ветряных турбин (66 процентов), литиевых аккумуляторов и солнечных панелей (более 80 процентов), цены на важнейшие для энергетического перехода минеральные ресурсы зависят от колебаний объемов производства в Китае даже больше, чем цены на другие металлы и минералы.

В условиях нестабильности цен и обострения геостратегической конкуренции за важнейшие для энергетического перехода минералы все больше стран-импортеров пытались обеспечить стабильные и диверсифицированные поставки с помощью торговых соглашений. В 2023 году было подписано 22 таких соглашения. Страны-производители, такие как Зимбабве, Индонезия, Малайзия и Намибия, приняли меры по ограничению экспорта, чтобы использовать минеральные ресурсы для внутренней индустриализации, что позволяет получить большую долю добавленной стоимости по сравнению с продолжающимся экспортом сырья (UNCTAD, 2024e). Такие тенденции могут сохраняться и способствовать сужению рынков сбыта важнейших для энергетического перехода минеральных ресурсов, создавая новое давление на цены в сторону повышения.

3. Продукты питания и удобрения: рост цен по-прежнему ложится тяжелым бременем на плечи бедных домохозяйств

Цены на продовольственные товары могут оказывать наиболее дестабилизирующее краткосрочное воздействие на развивающиеся страны. В 2023 году цены на продовольственные товары оставались высокими, что увеличивало расходы развивающихся стран — импортеров продовольствия. Только в декабре 2023 года продовольственный индекс ЮНКТАД опустился ниже уровня февраля 2022 года и стабилизировался на уровне, примерно на 20 процентов превышающем допандемийный.

Аналогичным образом колебались цены и на другие сельскохозяйственные товары, например на семена масличных культур и масла. Напротив, цены на тропические напитки резко выросли с начала 2024 года из-за неблагоприятных погодных условий и климатических явлений, таких как Эль-Ниньо, которые повлияли на сельскохозяйственное производство.

Цены на удобрения также стабилизировались на уровне, превышающем существовавший до пандемии (рис. II.12). Цены на калий и мочевины достигли небывалых высот после начала войны на Украине и с тех пор снижались. Напротив, цена на фосфоритную руду упала только в ноябре 2023 года примерно на 50 процентов, что было обусловлено улучшением перспектив производства, в основном за счет снижения производственных затрат, а затем стабилизировалась выше уровня, существовавшего до пандемии.

В группе основных продовольственных товаров цены на зерновые, такие как кукуруза и пшеница, медленно снижались с начала 2023 года, возвращаясь ближе к уровню, существовавшему до пандемии (рис. II.12). Черноморская инициатива, хотя и была приостановлена в июле 2023 года, первоначально позволила резко снизить цены, поскольку способствовала продолжению экспорта украинской сельскохозяйственной продукции и увеличению производства и экспорта из Российской Федерации с 76 до 104 млн тонн в период с 2021–2022 по 2022–2023 годы, согласно данным Системы информационного обеспечения рынков сельскохозяйственной продукции.

В отличие от всех остальных зерновых, цена на рис не опустилась ниже уровня февраля 2022 года. После небольшого снижения в начале 2023 года справочная цена на тайландский рис с марта по декабрь выросла на 35 процентов (рис. II.12). Это увеличение произошло из-за введения ограничений на экспорт крупными экспортерами риса (например, Индией) для увеличения объема внутреннего предложения и обеспечения продовольственной безопасности как реакции на рост цен на внутреннем рынке и высокий спрос в Азии и Африке. В первом квартале 2024 года наблюдалось небольшое снижение справочной цены, что было обусловлено снижением курса валют основных экспортеров по отношению к доллару Соединенных Штатов, вялым мировым

спросом на рис на фоне повысившихся цен и сезонным увеличением предложения.

Ожидается, что мировое производство и экспорт кукурузы несколько увеличатся, в то время как для пшеницы прогнозы противоположные. Прогнозируется рост мирового производства риса, но не международного экспорта риса, что может оказывать повышательное давление на агрегированный индекс цен на продовольствие. Высокие цены на продовольствие и инфляция также могут сохраняться из-за

олигополистической структуры рынка.

На рынке зерновых четыре крупнейшие компании контролируют от 70 до 90 процентов мировой торговли (UNCTAD, 2023а), в то время как рынки производственных ресурсов, таких как удобрения, семена и технологии, также становятся все более концентрированными (см. главу III). Чтобы обеспечить доступ на рынок для развивающихся стран-импортеров и облегчить их финансовое бремя, необходимо предотвращать антиконкурентную торговую практику.

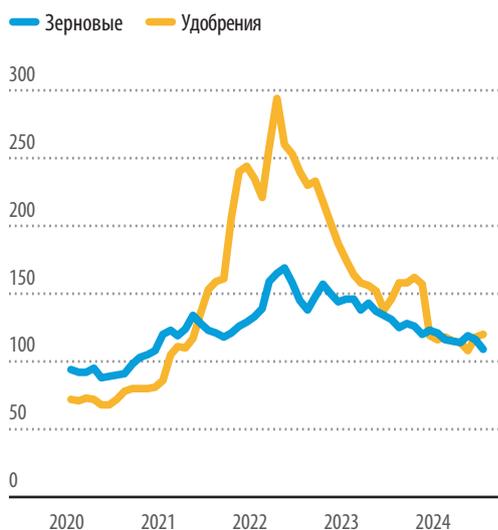

Рис. II.12

Цены на продовольствие и удобрения снижаются, за исключением риса

А. Зерновые и удобрения

(2010 год = 100)

В. Справочные цены на отдельные продовольственные товары

(доллары за метрическую тонну)

Источник: ЮНКТАД на основе базы данных UNCTADstat и данных о ценах на сырьевые товары (The Pink Sheet) Всемирного банка.

Примечание: Данные заканчиваются в августе 2024 года.

D. Чистые потоки капитала в развивающиеся страны: восстановление остается неустойчивым и неопределенным

Чистые потоки капитала в развивающиеся страны вернулись к положительным значениям в первом квартале 2024 года после отрицательных значений в течение девяти кварталов подряд¹⁰. Это означает, что, по совокупному итогу, субъекты-резиденты из развивающихся стран снова стали чистыми заемщиками по отношению к субъектам-нерезидентам из развитых стран.

В региональном контексте эти благоприятные показатели отражают прежде всего увеличение чистого притока капитала в страны Латинской Америки и Карибского бассейна по сравнению с тремя последними кварталами 2023 года, которого оказалось более чем достаточно, чтобы компенсировать чистый отток капитала из двух других развивающихся регионов. Чистый приток капитала в страны Латинской Америки и Карибского бассейна оставался положительным на протяжении многих лет, однако после пандемии он стал более неустойчивым и не вернулся к более высоким уровням, зафиксированным в 2011–2014 годах.

Еще одним фактором улучшения ситуации стало постепенное сокращение чистого оттока капитала из развивающихся стран Азии после максимальных значений середины 2022 года, в основном за счет развития Китая, Гонконга (Китай) и Сингапура, хотя чистый отток капитала

в первом квартале 2024 года был несколько больше, чем в последнем квартале 2023 года. В Африке был зафиксирован небольшой чистый отток капитала после умеренно положительных результатов в 2023 году (рис. II.13).

Последний эпизод устойчивого совокупного чистого оттока капитала из развивающихся стран пришелся на 2014–2016 годы. Как и в недавнем эпизоде, это было связано с чистым оттоком капитала из развивающихся стран Азии, а точнее из Восточной Азии (таблица II.3). Однако основные факторы, способствовавшие такому оттоку, заметно различались между двумя периодами. Эпизод середины 2010-х годов был связан с беспокойной ситуацией на фондовом рынке Китая после панической реакции рынков на сокращение денежно-кредитного стимулирования (taper tantrum) 2013 года, когда преобладал чистый отток средств в другие инвестиции.

¹⁰ В данном разделе под чистыми потоками капитала понимается сумма чистых прямых инвестиций, чистых портфельных инвестиций и чистых прочих инвестиций по финансовому счету платежного баланса. Она отражает разность между чистыми потоками нерезидентов и чистыми потоками резидентов, исключая «деривативы» и «резервы и связанные с ними активы».

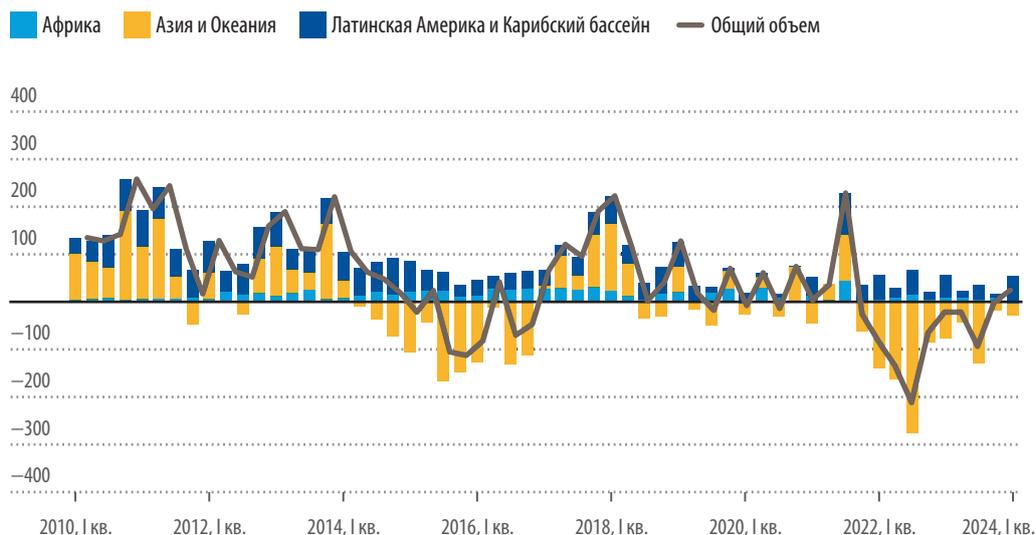
Рис. II.13

После девяти кварталов с отрицательными значениями потоки капитала в развивающиеся страны восстановились в начале 2024 года

Квартальные чистые потоки капитала в развивающиеся страны, отдельные регионы и виды инвестиций

(миллиарды долларов)

А. По регионам

В. По видам

Источник: ЮНКТАД на основе базы данных МВФ по платежным балансам.

Примечания: I кв. — первый квартал. Чистые положительные обязательства в исходных данных оцениваются как притоки, а чистые положительные активы — как оттоки. Портфельные инвестиции включают в себя долговые и долевые инструменты. Прочие инвестиции включают краткосрочные и долгосрочные банковские кредиты. Общие потоки капитала представляют собой сумму прямых, портфельных и прочих инвестиций, т. е. трех классов инвестиций по финансовому счету платежного баланса, находящихся вне прямого и эффективного контроля органов денежно-кредитного регулирования.

Таблица II.3 Чистые потоки капитала в развивающиеся страны

Годовые чистые потоки капитала в развивающиеся страны, отдельные регионы и виды инвестиций
(миллиарды долларов)

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023 ^a
▶ Развивающиеся страны	617	490	279	566	185	-193	-150	483	400	208	128	280	-484	-116
Прямые инвестиции	408	508	480	485	397	456	317	343	434	349	363	564	387	185
Портфельные инвестиции	112	109	140	49	119	-255	-49	203	-37	-45	-128	-212	-594	-278
Прочие инвестиции	97	-127	-341	32	-331	-394	-418	-63	3	-96	-107	-72	-276	-23
<i>В том числе:</i>														
▶ Африка	17	34	63	83	83	94	105	132	70	84	41	80	48	18
Прямые инвестиции	46	36	48	39	63	49	40	46	30	36	18	72	39	13
Портфельные инвестиции	6	8	27	23	8	25	17	47	3	32	0	-40	-30	-1
Прочие инвестиции	-36	-10	-12	21	12	20	47	39	38	16	23	49	40	6
<i>В том числе:</i>														
▶ Северная Африка	11	-1	14	19	22	34	47	35	26	28	28	37	11	.
Прямые инвестиции	10	5	8	11	11	11	12	12	13	13	9	9	14	.
Портфельные инвестиции	8	-11	-3	1	1	2	2	23	-2	12	3	4	-23	.
Прочие инвестиции	-7	5	9	7	10	20	33	0	15	2	17	25	20	.
▶ Африка к югу от Сахары	6	35	49	64	61	60	58	97	44	56	13	43	38	18
Прямые инвестиции	36	31	40	28	51	38	28	34	17	23	9	63	25	13
Портфельные инвестиции	-1	19	29	22	7	23	15	24	5	19	-3	-43	-6	-1
Прочие инвестиции	-29	-16	-21	14	2	0	14	39	23	14	7	24	20	6
▶ Азия	385	196	-22	260	-153	-456	-386	208	142	26	52	43	-671	-233
Прямые инвестиции	252	315	267	292	190	272	148	171	258	200	243	390	221	39
Портфельные инвестиции	4	-6	28	-75	3	-331	-113	114	-58	-75	-132	-185	-555	-258
Прочие инвестиции	128	-114	-316	43	-346	-398	-421	-77	-58	-99	-59	-162	-337	-1
<i>В том числе:</i>														
▶ Центральная Азия	-10	-8	-5	2	6	10	9	7	-1	6	19	9	-6	8
Прямые инвестиции	6	11	13	10	6	6	16	6	6	9	7	5	11	5
Портфельные инвестиции	9	-13	-17	-6	-1	6	-1	6	-3	-4	9	6	-13	-4
Прочие инвестиции	-24	-6	0	-1	1	-1	-7	-4	-4	1	3	-1	-4	8
▶ Восточная Азия	277	256	-31	316	-69	-429	-438	112	142	-30	-53	-88	-304	-262
Прямые инвестиции	176	238	170	215	135	171	14	52	118	78	127	212	38	-134
Портфельные инвестиции	-33	16	43	-9	69	-204	-115	54	33	15	21	-35	-325	-111
Прочие инвестиции	134	2	-243	111	-273	-396	-336	6	-9	-123	-201	-266	-17	.
▶ Южная Азия	82	66	93	70	82	86	37	102	84	107	85	147	66	75
Прямые инвестиции	16	28	19	31	28	42	46	35	37	43	58	32	39	18
Портфельные инвестиции	38	2	32	9	45	11	-4	34	-10	27	11	7	-19	31
Прочие инвестиции	28	36	43	30	9	33	-5	33	57	37	16	108	46	27
▶ Юго-Восточная Азия	37	-5	3	-36	-50	-69	-23	25	15	-12	10	42	-172	-27
Прямые инвестиции	42	32	50	46	37	56	59	82	97	83	55	126	147	150
Портфельные инвестиции	8	11	-43	-59	-49	-74	-2	-4	-58	-97	-82	-86	-75	-109
Прочие инвестиции	-12	-48	-4	-23	-39	-51	-80	-53	-24	3	37	2	-243	-68
▶ Западная Азия	-1	-114	-82	-92	-122	-54	30	-38	-99	-46	-9	-66	-256	-27
Прямые инвестиции	14	6	15	-9	-17	-3	14	-4	-1	-13	-4	14	-14	1
Портфельные инвестиции	-16	-23	14	-9	-61	-70	9	24	-20	-16	-91	-76	-122	-65
Прочие инвестиции	2	-97	-111	-74	-45	18	8	-59	-78	-17	86	-4	-119	37
▶ Латинская Америка и Карибский бассейн	212	258	234	218	256	171	132	146	191	102	36	161	138	99
Прямые инвестиции	107	155	162	151	142	133	128	126	147	114	103	104	127	133
Портфельные инвестиции	101	106	84	101	108	51	47	43	17	-2	5	13	-10	-18
Прочие инвестиции	4	-3	-13	-34	7	-14	-43	-22	27	-10	-71	44	20	-16
▶ Океания	3	2	4	5	-1	-1	-1	-4	-3	-4	-1	-5	1	.
Прямые инвестиции	2	2	3	3	2	2	1	0	0	0	-1	-1	0	.
Портфельные инвестиции	0	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	.
Прочие инвестиции	1	0	1	3	-4	-3	-2	-3	-4	-3	0	-3	1	.

Источник: ЮНКТАД на основе базы данных МВФ по платежным балансам.

Примечания: Чистые положительные обязательства в исходных данных оцениваются как притоки, а чистые положительные активы — как оттоки. Портфельные инвестиции включают в себя долговые и долевыми инструментами. Прочие инвестиции включают краткосрочные и долгосрочные банковские кредиты. Общие потоки капитала представляют собой сумму прямых, портфельных и прочих инвестиций, т. е. трех классов инвестиций по финансовому счету платежного баланса, находящихся вне прямого и эффективного контроля органов денежно-кредитного регулирования. В результате округления некоторые итоговые показатели могут не совпадать с суммой исходных слагаемых.

a Указаны предварительные оценки.

В отличие от вышеизложенного, поскольку отток в период с четвертого квартала 2021 года по конец 2023 года был связан с ужесточением денежно-кредитной политики в развитых странах и ухудшением глобальных финансовых условий (UNCTAD, 2023a), он был более широким в географическом плане, причем в ряде стран во всех развивающихся регионах наблюдалась картина, аналогичная той, которую отражает совокупный показатель для развивающихся стран. На этот раз «портфельные инвестиции» в целом и продажа нерезидентами внутренних облигаций в частности сыграли более значительную роль; вслед за этим последовал отток других инвестиций. Показатели прямых иностранных инвестиций также ухудшались, особенно в 2023 году в Африке и развивающихся странах Азии.

Важно отметить, что события, наблюдаемые в последние два–три года, свидетельствуют о глубоких структурных сдвигах в среде международных инвесторов в связи с нынешней геополитической напряженностью. Самоуспокоенность по поводу положительной динамики, наблюдавшейся в первом квартале 2024 года, не оправдана. В целом финансовые условия остаются нестабильными и волатильными, особенно для развивающихся стран.

Предварительные данные за второй квартал 2024 года, основанные на ежемесячных портфельных потоках по нескольким крупным развивающимся странам (по которым доступны данные), указывают на ослабление импульса, что ставит под сомнение устойчивость тенденций, наблюдавшихся в начале 2024 года. Это отражает понимание финансовыми инвесторами того, что смягчение денежно-кредитной политики в Соединенных Штатах, в частности, произошло не так оперативно, как ожидалось ранее.

Сворачивание сделок «керри-трейд» с иеной в августе 2024 года стало еще одним сигналом о грядущих потенциальных проблемах, хотя паника, охватившая финансовые рынки в тот момент, по-видимому, была кратковременной и ограниченной, не оказав значительного воздействия на реальную экономику. Тем не менее масштабы колебаний, наблюдавшихся в начале августа на нескольких валютных и фондовых рынках, оставили у многих агентов чувство неуверенности в отношении текущей финансовой ситуации в целом. Несомненно, нестабильность на сегодняшних

финансовых рынках не создает благоприятной почвы для долгосрочных инвестиций.

1. Прямые инвестиции: геоэкономическая фрагментация меняет картину

В контексте текущих дискуссий о релокации компаний и более долгосрочных структурных изменениях данные о прямых иностранных инвестициях указывают на замедление потоков на фоне недавних глобальных и региональных кризисов. В 2023 году потоки оставались слабыми второй год подряд. В абсолютном выражении объем прямых иностранных инвестиций в развивающихся странах сократился на 7 процентов до 867 млрд долларов, в основном из-за 8-процентного сокращения в развивающихся странах Азии, хотя потоки также сократились в Африке на 3 процента, а в Латинской Америке и Карибском бассейне — на 1 процент.

В более широком смысле эмпирические данные свидетельствуют о том, что геоэкономическая фрагментация меняет структуру глобальных прямых инвестиций, поскольку торговые сети фрагментируются, нормативная среда развивается в сторону все больших различий между странами, а международные цепочки поставок меняют свою конфигурацию (UNCTAD, 2024b; 2024j). Структура инвестиций меняется различным образом. Например, компания Apple (Соединенные Штаты) сократила свою деятельность в Китае, чтобы диверсифицировать цепочку поставок. При этом, как показывают данные за первую половину 2024 года, крупные немецкие автопроизводители укрепляют свое присутствие в китайской промышленности; они реинвестировали около половины полученной там прибыли в расширение производства (Schmitz and Matthes, 2024). Отчасти это объясняется тем, что мировые автопроизводители не хотят терять свою долю на крупнейшем и самом динамичном рынке мира. Однако, за исключением ряда подобных примеров, общая картина выглядит мрачно, поскольку высокая неопределенность едва ли способствует долгосрочному планированию. Она может приводить к отсрочке или сокращению объемов инвестиционных решений в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

Чистые потоки капитала в развивающиеся страны вернулись к положительным значениям в 2024 году, однако уязвимость сохраняется.

Ситуация с прямыми инвестициями в развивающихся странах в целом не способствует долгосрочному планированию.

2. Портфельные инвестиции: условия финансирования остаются сложными для многих развивающихся стран

Имеющиеся данные о портфельных инвестициях в ряде стран с развивающимися рынками свидетельствуют о том, что после достижения минимального уровня в течение предшествующих двух лет в первом квартале 2024 года динамика потоков капитала нерезидентов в эти страны изменила направление. Некоторые крупные страны с формирующейся рыночной экономикой вернулись на международные рынки облигаций, иногда с рекордными объемами выпуска (UNCTAD, 2024h). Это изменение отчасти объясняется несколько более благоприятным прогнозом для развивающихся стран по сравнению с развитыми экономиками (глава I). Оно также обусловлено улучшением глобальных финансовых условий благодаря ожиданиям снижения процентных ставок в Соединенных Штатах и Европе, хотя в целом финансовые инвесторы были иногда

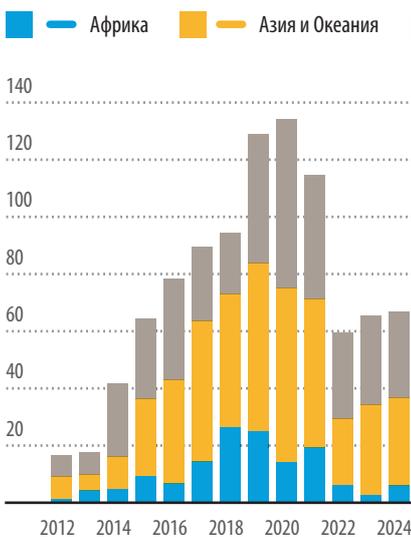
слишком оптимистичными в отношении ожидаемого снижения процентных ставок.

Однако при более глубоком рассмотрении по крайней мере для двух видов аргументов требуется более осторожный и менее радужный анализ. Первый аргумент связан с суверенным долгом развивающихся стран. Как видно из рис. II.14, объем выпуска новых долговых обязательств в период с января по август 2024 года превысил уровень за весь год, зафиксированный в 2022 и 2023 годах, что свидетельствует об оживлении интереса международных инвесторов к государственному внешнему долгу развивающихся стран. Тем не менее суммарные потоки остаются ниже пиковых значений 2019–2021 годов и, вероятно, ниже значений трех предшествующих лет. Кроме того, стоимость выпусков суверенных облигаций в 2024 году в Африке остается ниже уровня, наблюдаемого с 2015 года.

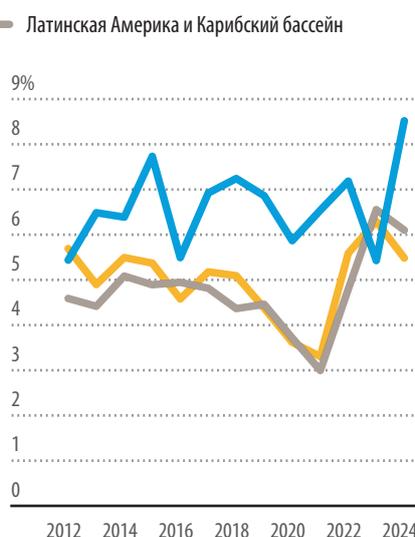
Средний купон по выпускам 2024 года выше исторических уровней во всех развивающихся регионах, что вызывает опасения по поводу увеличения расходов на обслуживание долга, забирающих ресурсы из инвестиций в

Рис. II.14
Стоимость заимствований остается высокой, при этом в развивающихся регионах наблюдается рост новых выпусков суверенных облигаций
 Общий объем выпусков, средневзвешенные купоны и количество стран — эмитентов новых суверенных облигаций, отдельные развивающиеся регионы

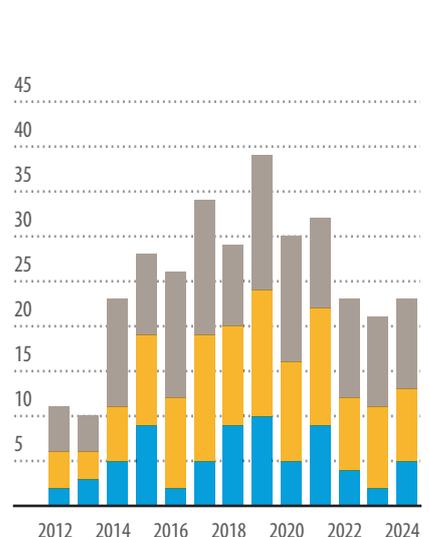
А. Общий объем выпусков
 (миллиарды долларов)

В. Средневзвешенные купоны
 (проценты)

С. Страны-эмитенты
 (количество)

Источник: ЮНКТАД на основе данных LSEG Eikon.

Примечания: Данные относятся к годовым объемам выпуска суверенных облигаций в долларах, евро и иенах под иностранной юрисдикцией, исключая выпуски в рамках реструктуризации долга. Данные за 2024 год учитывают выпуски до августа.

развитие (рис. II.14). Кроме того, количество развивающихся стран, выходящих на международный рынок облигаций в 2024 году, отстает от показателей 2015–2021 годов и на 40 процентов ниже рекордного показателя 2019 года. В целом эти особенности поведения свидетельствуют о том, что рост мировых процентных ставок с 2022 года привел к еще большему давлению на государственные бюджеты в развивающихся странах. Процентные выплаты превышают важные государственные расходы, например на здравоохранение, образование и борьбу с изменением климата; каждая третья развивающаяся страна тратит на процентные выплаты больше, чем на эти критически важные для развития человеческого потенциала направления (Группа Организации Объединенных Наций по глобальному реагированию на кризисы — Техническая группа, 2024 год).

Второй аргумент связан с вероятным ослаблением импульса, наблюдаемым в первые

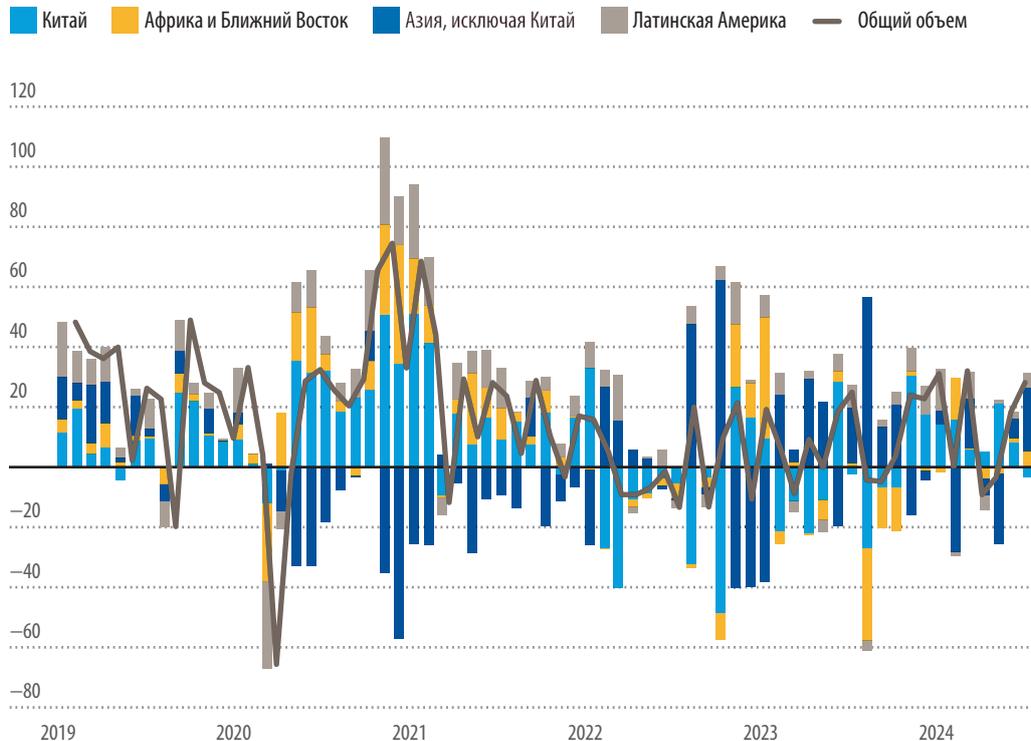
кварталы 2024 года. Данные о ежемесячных потоках портфельных инвестиций в некоторых странах с развивающимися рынками указывают на значительное замедление потоков портфельных инвестиций нерезидентов в развивающиеся страны в апреле и мае 2024 года, за исключением портфельных инвестиций в долговые обязательства Китая. Затем поток возобновился, особенно в июле, благодаря стабильным новым выпускам в Мексике и Турции (рис. II.15). Однако такая волатильность заставляет усомниться в устойчивости тенденций, наблюдавшихся в начале 2024 года. Она показывает, что ослабление первоначального оптимизма на финансовых рынках в отношении темпов смягчения денежно-кредитной политики в Соединенных Штатах оказало повышательное давление на стоимость финансирования во втором квартале 2024 года по всему миру.

В августе 2024 года встреча в Джексон-Хоуле принесла положительные новости для

Рис. II.15

Данные о ежемесячных потоках портфельных инвестиций свидетельствуют о том, что импульс исчез после первого квартала 2024 года

Потоки портфельных инвестиций нерезидентов в Китай и отдельные развивающиеся регионы (миллиарды долларов)

Источник: ЮНКТАД на основе базы данных Института международного финансирования.

Примечания: Данные заканчиваются в июле 2024 года. На данной диаграмме отражены развивающиеся экономические системы следующих субъектов: Бразилия, Вьетнам, Гана, Индия, Индонезия, Катар, Кения, Китай, китайская провинция Тайвань, Колумбия, Ливан, Малайзия, Мексика, Монголия, Пакистан, Саудовская Аравия, Таиланд, Турция, Филиппины, Чили, Шри-Ланка и Южная Африка.

развивающихся стран, которые подтвердились 18 сентября, когда Федеральная резервная система Соединенных Штатов снизила учетную ставку на 50 базисных пунктов, более чем через два с половиной года после начала повышения стоимости заимствований. Однако перспективы остаются неясными из-за неопределенности в отношении масштабов и сроков последующих снижений. Предстоящие президентские выборы в

Соединенных Штатах также несут в себе непредсказуемость. Озабоченность по поводу уровня процентных ставок особенно актуальна в связи с повышенной уязвимостью государственного и гарантированного государством долга развивающихся стран (вставка II.2) и значительным объемом пролонгации долга, с которым развивающиеся страны столкнутся в связи с наступлением сроков погашения в 2024 и 2025 годах.

Вставка II.2

Государственные органы стран с пограничным рынком еще не вышли из затруднений

Существует асимметрия между двумя группами развивающихся стран с финансово интегрированной экономикой: странами с формирующимся рынком и странами с пограничным рынком. Первые — в основном страны с уровнем дохода выше среднего, которые интегрировались в международные рынки капитала с 1990-х годов. Вторые — в основном относятся к нижнему сегменту стран со средним уровнем дохода или к странам с низким уровнем дохода, которые начали осваивать эти рынки после мирового финансового кризиса 2008 года.

Поскольку страны с пограничным рынком выпускают в основном суверенные облигации спекулятивного класса с высокой доходностью для глобальных инвесторов, эти инструменты, как правило, имеют более высокую волатильность спредов и первыми продаются во время глобальных финансовых потрясений. Поскольку многие пенсионные фонды не имеют права инвестировать в долговые инструменты неинвестиционного класса, среди владельцев таких ценных бумаг преобладают менеджеры и инвесторы, специализирующиеся на спекулятивных активах (например, хедж-фонды).

В дальнейшем, в период с 2019 по середину 2023 года, когда условия финансирования в мире ухудшались, внешние суверенные облигации стран с пограничным рынком сталкивались с более резким ростом спредов, чем облигации стран с формирующимся рынком. Кроме того, там произошли более резкие развороты при улучшении глобальных финансовых условий в период с последнего квартала 2023 года по первый квартал 2024 года. Когда цены на суверенные облигации стран с пограничным рынком достигли рекордных минимумов, глобальные инвесторы вновь стали покупать их, сжимая спреды до уровня спредов стран с формирующимся рынком (UNCTAD, 2024g).

Таким образом, государственные органы стран с пограничным рынком вновь получили доступ к мировым рынкам капитала, хотя и по более высокой цене, учитывая рост процентных ставок в ведущих развитых странах, особенно в Соединенных Штатах. Кроме того, спреды стран с формирующимся рынком и стран с пограничным рынком по отношению к ориентирному показателю Соединенных Штатов лишь вернулись к среднему уровню, наблюдававшемуся между мировым финансовым кризисом и началом пандемии COVID-19. Раньше ориентирные ставки были гораздо ниже.

В этом контексте неудивительно, что в период с 2017 по 2023 год экономическая приемлемость внешнего долга и долга государственного сектора двух третей развивающихся стран ухудшилась, причем в странах с пограничным рынком это ухудшение было более резким. Расходы на обслуживание внешнего долга росли быстрее, чем валютные поступления, а рост процентных расходов опережал рост государственных доходов (Группа Организации Объединенных Наций по глобальному реагированию на кризисы — Техническая группа, 2024 год). В 2023 году государственный и гарантированный государством долг стран с пограничным рынком достиг 684 млрд долларов, что в три раза больше, чем в 2010 году. В странах с формирующимся рынком произошло увеличение в 2,4 раза и в 1,8 раза — в других развивающихся странах, которые имеют ограниченную интеграцию в мировые рынки капитала и в основном полагаются на внешнее государственное финансирование и официальную помощь в целях развития.

Доходность суверенных облигаций в странах с пограничным рынком не снизилась до уровня, существовавшего до COVID-19

Еженедельные спреды по отношению к казначейским облигациям Соединенных Штатов, отдельные страны, июль 2011 года — август 2024 года (базисные пункты)

Источник: ЮНКТАД на основе данных по странам из Индекса облигаций развивающихся рынков JP Morgan.

Примечания: Жирные линии для групп стран с формирующимся рынком и стран с пограничным рынком соответствуют медиане каждой группы, рассчитанной на основе данных по конкретным странам, содержащихся в Индексе облигаций развивающихся рынков JP Morgan – Global Diversified. Заштрихованные области относятся к интерквартильному диапазону.

В период с 2010 по 2023 год общие расходы на обслуживание внешнего долга стран с пограничным рынком выросли примерно на 550 процентов (в среднем на 15,5 процента в год) по сравнению со 174 процентами (8,1 процента в год) и 121 процентом (6,3 процента в год) для других развивающихся стран и стран с формирующимся рынком соответственно.

Наращивание суверенного внешнего долга стран с пограничным рынком в первую очередь сопровождалось увеличением объемов обслуживания суверенного долга, что сокращает ресурсы для важнейших государственных расходов. Отношение расходов на обслуживание государственного и гарантированного государством долга к государственным доходам выросло с почти 6 до 15 процентов в период с 2010 по 2023 год. Это контрастирует с показателем стран с формирующимся рынком, составляющим около 3 процентов, а для других развивающихся стран — чуть более 7 процентов в 2023 году, что вдвое меньше, чем у стран с пограничным рынком^а.

Такие тенденции вызывают обеспокоенность по поводу долгосрочной экономической приемлемости внешнего и внутреннего государственного долга развивающихся стран, а также по поводу того, насколько обслуживание такого долга отвлекает ресурсы от развития в условиях огромного дефицита финансирования для достижения целей Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года и Парижского соглашения.

Источник: ЮНКТАД (2023а, 2024g); Группа Организации Объединенных Наций по глобальному реагированию на кризисы — Техническая группа (2024 год).

^а Средние показатели по группам скрывают различия между экономиками. Если рассматривать 25 развивающихся стран с самым высоким отношением расходов на обслуживание государственного и гарантированного государством долга к государственным доходам в 2023 году, то 2 из них относятся к странам с формирующимся рынком, 10 — к странам с пограничным рынком и 13 — к другим развивающимся странам. Государства из последней группы также отличаются высокой степенью долговой уязвимости, особенно страны нижнего сегмента среднего уровня дохода и страны с низким уровнем дохода. Из этих 13 стран только две относятся к странам верхнего сегмента среднего уровня дохода (Белиз и Маврикий).

3. Прочие инвестиции, в том числе межбанковские кредиты, различаются по развивающимся регионам

Чистые потоки прочих инвестиций в развивающиеся страны колебались между положительными и отрицательными значениями в течение последних кварталов, что отражает их волатильный характер. Трансграничное банковское кредитование, являющееся одним из компонентов таких инвестиций, имело схожие тенденции. Статистика Банка международных расчетов (БМР) показывает, что глобальные трансграничные требования банков к резидентам развивающихся стран Африки и Ближнего Востока, Азии и Тихого океана, Латинской Америки и Карибского бассейна резко выросли на 117 млрд долларов в первом квартале 2024 года (с поправкой на обменный курс и каникулы) после скромного роста в последнем квартале 2023 года. Из этих требований почти 100 млрд долларов приходится на кредиты, которые включают займы и владение долговыми ценными бумагами (рис. II.16). Эти потоки

дали самый большой квартальный прирост за последние три года на фоне рекордного объема кредитования в китайских юанях, эквивалентного 49 млрд долларов, что отражает рост объема трансграничных кредитов банков в китайской валюте (*Financial Times*, 2024b).

Кредитная экспансия несколько различалась по регионам. Кредиты странам Азиатско-Тихоокеанского региона увеличились на 64 млрд долларов, восстановив годовой рост до положительной величины (0,4 процента). Кредиты резидентам Африки и Ближнего Востока увеличились на 29 млрд долларов, а рост по сравнению с предшествующим годом составил 3,5 процента. Кредиты юридическим единицам в странах Латинской Америки и Карибского бассейна увеличились на 6 млрд долларов, чему способствовало активное кредитование заемщиков в Бразилии, которое увеличивалось на 8 процентов в год (рис. II.16), хотя в целом по региону рост в годовом исчислении замедлился до 2,0 процента. Объем валютных кредитов в долларах, предоставленных небанковским организациям в развивающихся странах, вырос примерно на 1 процент, что стало первым положительным показателем почти за два года (BIS, 2024).

Рис. II.16
В первом квартале 2024 года возросло кредитование развивающихся стран международными банками

А. Глобальные трансграничные требования банков к резидентам отдельных развивающихся регионов

(миллиарды долларов в пересчете на валюту и с поправкой на каникулы)

В. Изменения трансграничного банковского кредитования отдельных групп развивающихся стран год к году

(проценты)

Источник: ЮНКТАД на основе базы данных локальной банковской статистики БМР.

Примечания: I кв. — первый квартал. Требования относятся ко «всем инструментам» на балансе банка, включая кредиты (займы и депозиты, а также владение долговыми ценными бумагами) и прочие инструменты. Годовые изменения скорректированы в соответствии с BIS (2019). Классификация по группам стран основана на критериях БМР.

4. На пути к четвертой Международной конференции по финансированию развития

По мере подготовки к четвертой Международной конференции по финансированию развития, которая состоится в 2025 году, последние изменения в трансграничных потоках капитала свидетельствуют о том, что внешнее частное финансирование оказалось недостаточным для преодоления большого и растущего разрыва в финансировании для достижения целей в области устойчивого развития (United Nations, 2024).

По оценкам ЮНКТАД, к 2023 году ежегодный дефицит инвестиций для достижения целей в области устойчивого развития увеличился до 4 трлн долларов, что примерно на 60 процентов больше дефицита в 2,5 трлн долларов, предполагавшегося при принятии Повестки дня на период до 2030 года (UNCTAD, 2023b). Этот дополнительный дефицит обусловлен двумя важнейшими тенденциями. Первая — недостаточное инвестирование. Темпы роста инвестиций в достижение целей в области устойчивого развития оказались ниже задуманных в 2014 году, а ключевую роль в замедлении прогресса сыграла пандемия COVID-19. Кроме того, повышение процентных ставок оказало неблагоприятное влияние на и без того слабые инвестиционные тенденции в частном секторе. Повышение

стоимости капитала особенно пагубно сказывается на инвестициях в капиталоемкие возобновляемые источники энергии, поскольку они относительно чувствительны к денежно-кредитным и финансовым условиям (United Nations, 2024). Вторая тенденция связана с дополнительными потребностями, ассоциируемыми с каскадными кризисами и растущими оценками потребностей в инвестициях для смягчения последствий изменения климата и адаптации к ним.

Хотя в первом квартале 2024 года чистые потоки капитала в развивающихся странах вернулись к положительному уровню, неясно, сохранится ли эта тенденция.

Процикличность и высокая волатильность потоков капитала, особенно портфельных инвестиций и трансграничного банковского кредитования, означает, что внешнее частное финансирование исчезает тогда, когда оно больше всего необходимо. Эта тенденция усугубляется неутешительной динамикой прямых иностранных инвестиций, связанной с геоэкономической фрагментацией.

Пока государства — члены Организации Объединенных Наций готовятся к конференции 2025 года, можно сделать несколько выводов. Во-первых, надежды на то, что смешанное финансирование поможет мобилизовать частные финансовые ресурсы, не оправдались; мантра «от миллиардов к триллионам» ни разу не сработала. Во-вторых, решение проблемы уязвимости суверенного долга в развивающихся странах требует принятия политических мер, чтобы остановить нарастающий кризис развития (вставка II.3).

Частное финансирование не дает достаточной поддержки для преодоления дефицита финансирования устойчивого развития.

Вставка II.3

Решение проблемы уязвимости суверенного долга в развивающихся странах

Через кризисы — пандемия, война на Украине, углубляющийся климатический кризис, кризис стоимости жизни и эскалация геополитической напряженности и конфликтов — и самое резкое с 1970-х годов ужесточение кредитно-денежной политики в развитых странах ухудшили и без того неустойчивую ситуацию с суверенным долгом во многих развивающихся странах (вставка II.2).

Хотя системного кризиса внешней задолженности, когда все большее число стран одновременно переходят от бедственного положения к дефолту, еще не произошло, кризис развития уже наступил, поскольку рост внешнего и внутреннего государственного долга отнимает ресурсы, запланированные для осуществления целей Повестки дня на период до 2030 года и Парижского соглашения.

Нынешние долговые проблемы и вызванный ими кризис развития имеют глубокие корни в несправедливости иерархической международной валютно-финансовой системы, которая все больше отрывается от приоритетов развития, о чем свидетельствуют последние тенденции в области внешнего частного финансирования.

На этом фоне для стран, сталкивающихся с ухудшением экономической приемлемости внешнего долга, существуют два широких набора ответных мер, не ограничивающих экономического роста. Первый набор включает меры, направленные на сокращение внешнего долга за счет снижения потребности в импорте и/или расширения и диверсификации экспорта с течением времени. Второй набор мер предполагает снижение средней стоимости обслуживания внешнего долга. Первый набор мер связан прежде всего с торговой и промышленной политикой, которая приводит к структурным изменениям в ориентации экономики на импорт и экспорт. Второй набор в широком смысле относится к способности стран получать доступ к потокам частного и институционального капитала, а также к условиям такого доступа (UNCTAD, 2024d). Опыт стран с пограничным рынком (вставка II.2) показывает, что доступ к потокам частного капитала может увеличить объем имеющегося капитала, но по высокой цене, особенно если он замещает льготное финансирование из официальных источников из-за перехода на следующий уровень доходов.

В этом контексте, как подробно описывает доклад UNCTAD (2023a), изменения в существующей глобальной финансовой архитектуре на пяти этапах жизненного цикла долга могут снизить затраты на финансирование развития. В отношении частного внешнего капитала для развивающихся стран можно рассмотреть следующие предложения по трансформации:

- 1** **пересмотр Принципов поощрения ответственного суверенного кредитования и заимствования ЮНКТАД** для приведения их в соответствие с более широкими потребностями финансирования развития, инновационными финансовыми инструментами и новым составом кредиторов;
- 2** **создание базы данных по международным кредитам** для улучшения управления долгом за счет перевода заемных операций в цифровой формат, обеспечения последовательности финансовых условий и подготовки достоверных статистических данных;
- 3** **создание многостороннего механизма урегулирования суверенного долга** с гарантированным участием всех кредиторов, включая частных, на сопоставимых условиях;
- 4** **создание клуба заемщиков для обсуждения технических вопросов и инноваций**, а также обмена опытом и советами;
- 5** **иницирование автоматической приостановки выплат по кредитам для стран, сообщивших о наступлении долгового кризиса**, чтобы сконцентрировать внимание кредиторов на процессе урегулирования долга;
- 6** **определение международных и внутренних правил** для приостановки обязательств должников во время кризисов в области климата, здравоохранения и других внешних кризисов.

Источник: UNCTAD (2023a, 2024d).

Примечание: Эти шесть пунктов представляют собой часть предложений ЮНКТАД по устранению уязвимости суверенного долга развивающихся стран.

Ссылки

- Asian Development Bank, Research Institute for Global Value Chains at the University of International Business and Economics, World Trade Organization, Institute of Developing Economies–Japan External Trade Organization and China Development Research Foundation (2021). *Global Value Chain Development Report 2021: Beyond Production*. Geneva and Tokyo.
- Baldwin RE (2024). Is export-led development even possible anymore? Factful Friday blog. 7 June. Available at <https://www.linkedin.com/pulse/export-led-development-even-possible-anymore-richard-baldwin-nusge/> (по состоянию на 25 сентября 2024 года).
- Baldwin RE and Forslid R (2023). Globotics and development: When manufacturing is jobless and services are tradeable. *World Trade Review*. 22(3–4):302–311.
- Bank for International Settlements (2019). Reporting guidelines for the BIS international banking statistics. July. Basel.
- Bank for International Settlements (2024). Statistical release: BIS international banking statistics and global liquidity indicators at end-March 2024. 31 July. Basel.
- Canada (2024). Canada implementing measures to protect Canadian workers and key economic sectors from unfair Chinese trade practices. News release. 26 August.
- Christophers B (2022). Fossilised capital: Price and profit in the energy transition. *New Political Economy*. 27(1): 146–159.
- Christophers B (2024). *The Price Is Wrong: Why Capitalism Won't Save the Planet*. Verso. London and New York.
- Ebregt J (2020). The CPB world trade monitor: Technical description (update 2020). CPB Netherlands Bureau for Economic Policy Analysis.
- European Central Bank (2024). ECB Data Portal. Available at <https://data.ecb.europa.eu/data/datasets/BPS/dashboard> (по состоянию на 22 августа 2024 года).
- Financial Times* (2024a). Can India's economy thrive without China's help? 7 August.
- Financial Times* (2024b). China's international use of renminbi surges to record highs. 29 August.
- Financial Times* (2024c). Chinese steel exports to reach eight-year high. 1 September.
- Financial Times* (2024d). Climate targets group under fire over Bezos-backed carbon offsets decision. 11 April.
- Financial Times* (2024e). How big tech is quietly trying to reshape how pollution is reported. 14 August.
- Financial Times* (2024f). Maersk says companies are bringing orders forward on US-China trade war threat. 7 August.
- Financial Times* (2024g). The price is wrong – Brett Christophers on saving the planet. 22 February.
- Foreign Policy* (2024). The coming clash between China and the global South. 11 September
- Guterres A (2023). [United Nations] Secretary-General's press conference - on Climate. New York. 15 June.
- Hallward-Driemeier M and Nayyar G (2017). *Trouble in the Making? The Future of Manufacturing-Led Development*. World Bank. Washington, D.C.
- Hebous S and Vernon-Lin N (2024a). Cryptocarbon: How much is the corrective tax? *Energy Economics*. 138:107827.
- Hebous S and Vernon-Lin N (2024b). Carbon emissions from AI and crypto are surging and tax policy can help. IMF blog. Available at <https://www.imf.org/en/Blogs/Articles/2024/08/15/carbon-emissions-from-ai-and-crypto-are-surging-and-tax-policy-can-help> (по состоянию на 16 августа 2024 года).
- International Energy Agency (2023). *World Energy Outlook 2023*. Paris.
- Juhasz R, Lane N and Rodrik D (2023). The new economics of industrial policy. NBER working paper 31538. National Bureau of Economic Research.
- Organization of Petroleum Exporting Countries (2024). Peak oil demand not on the horizon. Press release. 13 June.
- Pitron G (2021). *Lenfer numérique: Voyage au bout d'un Like*. Éditions Les Liens qui libèrent. Paris.
- Reuters (2024). China's exports top forecasts, but falling imports point to more stimulus. 12 July.
- Rodrik D and Sandhu R (2024). Servicing development productive upgrading of labor-absorbing services in developing countries. Reimagining the Economy Policy Paper. Harvard University, Kennedy School of Government.
- Rodrik D and Stiglitz JE (2024). A new growth strategy for developing nations. IEA-ERIA Project on the New Global Economic Order.
- Schmitz E and Matthes J (2024). Konkurrenzdruck aus China für deutsche Firmen. IW-Report 30. Institut der deutschen Wirtschaft. Cologne.

- S&P Global (2024). JP Morgan global manufacturing PMI. News release. 1 August.
- The Shift Project (2018). *Lean ICT – Pour une sobriété numérique*. Paris.
- UNCTAD (2022). *Доклад о торговле и развитии 2022. Перспективы развития в мире разделительных линий: глобальный беспорядок и региональные ответы* (Издание Организации Объединенных Наций. ISBN (PDF): 9789210021678. Женева).
- UNCTAD (2023a). *Доклад о торговле и развитии, 2023. Рост, долг и климат: перестройка глобальной финансовой архитектуры* (Издание Организации Объединенных Наций. ISBN (PDF): 9789213584910. Женева).
- UNCTAD (2023b). *World Investment Report 2023: Investing in sustainable Energy for All* (United Nations publication. Sales No. E.23.II.D.17. Geneva).
- UNCTAD (2024a). *Digital Economy Report 2024: Shaping an Environmentally Sustainable and Inclusive Digital Future* (United Nations publication. Sales No. E.24.II.D.12. Geneva).
- UNCTAD (2024b). *Global Economic Fracturing and Shifting Investment Patterns. A Diagnostic of 10 FDI Trends and Their Development Implications* (United Nations publication. Geneva).
- UNCTAD (2024c). *Global trade update – July 2024*. Geneva.
- UNCTAD (2024d). *Inequality: Major trends, policy challenges and the need for global economic compact*. UNCTAD report for the G20 Framework Working Group. Forthcoming.
- UNCTAD (2024e). *Recent developments, challenges and opportunities in commodity markets*. TD/B/C.I/MEM.2/62. Geneva. 5 August.
- UNCTAD (2024f). *Review of Maritime Transport 2024* (United Nations publication. Sales No. E.24.II.D.19. Geneva).
- UNCTAD (2024g). *Sovereign debt vulnerabilities in developing countries. A report produced for the Brazilian G20 under the auspices of the International Financial Architecture Working Group*. Forthcoming.
- UNCTAD (2024h). *Trade and development report update*. Geneva. April.
- UNCTAD (2024i). *Trade in creative services*. TD/B/C.I/MEM.4/32. Geneva. 1 May.
- UNCTAD (2024j). *World Investment Report 2024: Investment Facilitation and Digital Government* (United Nations publication. Sales No. E.24.II.D.11. Geneva).
- United Kingdom, Office for National Statistics (2024). *Balance of Payments database*. Available at <https://www.ons.gov.uk/file?uri=/economy/nationalaccounts/balanceofpayments/datasets/balanceofpaymentsstatisticalbulletinables/current/balanceofpayments2024q1.xlsx> (по состоянию на 22 августа 2024 года).
- United Nations Global Crisis Response Group-Technical Team (2024). *A world of debt: A growing burden to global prosperity*. Geneva. June.
- United Nations Institute for Training and Research (2024). *Global e-Waste Monitor 2024*. Geneva and Bonn.
- United Nations, Inter-agency Task Force on Financing for Development (2024). *Financing for Sustainable Development Report 2024: Financing for Development at a Crossroads* (United Nations publication. Sales No. E.24.I.1. New York).
- United Nations Secretary-General (2023). *Secretary-General's press conference on Climate*. 15 June.
- World Tourism Organization (2024). *World Tourism Barometer*. 22(3). September. Madrid.
- United States (2024). *U.S. Trade Representative Katherine Tai to take further action on China tariffs after releasing statutory four-year review*. Office of the United States Trade Representative. Press release. 14 May.
- World Bank and World Trade Organization (2023). *Trade in Services for Development: Fostering Sustainable Growth and Economic Diversification*. World Trade Organization. Geneva.
- World Health Organization (2023). *Fact sheet on e-waste, including key facts, impacts on children, prevention and WHO's response*. 18 October. Available at [https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/electronic-waste-\(e-waste\)](https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/electronic-waste-(e-waste)) (по состоянию на 11 сентября 2024 года).
- World Intellectual Property Organization and Luiss Business School (2024). *World Intangible Investment Highlights*. Geneva and Rome.
- World Tourism Organization (2024). *World Tourism Barometer*. 22(3). September. Madrid.
- World Trade Organization (2024). *World Trade Statistics 2023*. Geneva.

Доклад о торговле и развитии, 2024

Глава III

Глобализация на перепутье

Для развивающихся стран серьезной проблемой является то, что нынешние общемировые экономические и геополитические сдвиги в процессе глобализации могут ограничивать стратегии роста, ориентированные на экспорт. Изменения технологий и структуры рынка, «деглобализация» и ухудшение ситуации с безопасностью ставят под угрозу стратегии развития, основанные на расширении экспорта промышленных товаров и некоторых видов ресурсов.

Комплексное воздействие новых технологий, в том числе через повышение концентрации корпоративного контроля, может оказаться в основном негативным для экспортеров сырьевых товаров, хотя удешевление электроэнергии принесет свои выгоды. Зависимость от критически важных и дефицитных материалов для производства аккумуляторов усугубляет эти риски, поскольку цепочки поставок подвержены сбоям и, как следствие, колебаниям цен и дефициту.

Новые технологии, как и в прошлом, вытесняют рабочую силу, при этом они сосредоточены лишь в нескольких компаниях. Некоторые технологии способствуют привлечению внутренних специалистов, что делает более важными вопросы управления и международной координации политики.

Технологические особенности зарождающейся шестой волны экономического роста — биотехнологии, искусственный интеллект и возобновляемые источники энергии — не дают четких ориентиров для стратегий развития. Многое будет зависеть от управления нагрузками, возникающими в области торговли и финансов. Рост за счет экспорта услуг как путь к развитию будет возможен только в том случае, если не будут введены новые политические барьеры и будет обеспечен доступ к рынкам и технологиям.

Если политическая реакция на появление новых технологий, включая искусственный интеллект, будет запоздалой или вообще отсутствовать, то огромная и критически важная область мировой экономики с высокой вероятностью останется под контролем крупных корпораций и частных регулирующих органов. Это не будет отвечать ни принципу инклюзивности, ни общественным интересам.

Организация
Объединенных
Наций

Основные выводы в контексте политики

- ▶ **Широкое внедрение технологий шестой волны и энергетический переход грозят** сократить основные источники экспортных доходов развивающихся стран. Поэтому снижение текущей долговой нагрузки имеет жизненно важное значение для обеспечения их финансовой устойчивости в условиях меняющейся глобальной экономики.
- ▶ **Необходимо изменить правила ВТО в отношении промышленных субсидий и торговых барьеров,** чтобы обеспечить доступ к рынкам и честную конкуренцию, а также поддержать экспортеров сырья, чтобы они могли увеличить добавленную стоимость своего экспорта.
- ▶ **Скоординированные механизмы политики,** направленные на стабилизацию внутреннего сельскохозяйственного производства и цен, могут помочь снять текущий стресс, связанный с финансированием и обслуживанием долга в странах глобального Юга.
- ▶ **Развитые страны должны выполнять свои обещания по борьбе с изменением климата,** чтобы помочь финансировать энергетический переход в развивающихся странах.
- ▶ **Искусственный интеллект должен регулироваться на глобальном уровне на основе согласованных принципов и стандартов,** что позволит избежать фрагментации регулирования. Эти усилия должны сопровождаться более тесной координацией политики, направленной на ограничение концентрации корпоративной власти, повышение прозрачности и развитие конкуренции.

А. Введение

Спустя 80 лет после Бреттон-Вудской конференции режим мировой торговли и глобальная экономика в целом, похоже, подошли к точке перелома. Подвергнуты сомнению все, казалось бы, устоявшиеся допущения, нормы и институциональные механизмы, касающиеся торговли, развития, технологий и безопасности.

Этот перелом носит геоэкономический и геополитический характер, являясь результатом взаимодействия происходящих в настоящее время четырех сдвигов, которые определяют долгосрочные условия для развития и роста:

- во-первых, происходит переход от мер по либерализации торговли, характерных для десятилетий после 1990 года, к более протекционистским и интервенционистским по своей сути мерам;
- во-вторых, политика в области иммиграции и международных трудовых потоков, которая исторически была гораздо менее открытой, чем политика в области торговли и финансовых рынков, становится еще более ограничительной;
- в-третьих, множество конфликтов нарушило относительно стабильный режим глобальной безопасности;
- в-четвертых, новые технологии способны кардинально изменить глобальное разделение труда.

Каждый из этих четырех сдвигов может ограничить возможности реализации стратегий роста и развития, ориентированных на экспорт. В результате возникает серьезный вызов для развивающихся стран¹¹, где планы развития почти всегда предполагают рост за счет экспорта.

Нынешний переломный момент глобализации обостряет многие риски, с которыми развивающиеся страны давно сталкиваются в глобальной финансовой и долговой архитектуре. В то же время он открывает для глобального Юга возможность заново сформулировать потребности и приоритеты на многостороннем уровне, о чем свидетельствует текущий процесс разработки рамочной конвенции Организации Объединенных Наций по международному налогообложению, инициированный Группой африканских государств в Организации Объединенных Наций.

Этот переломный момент не является чем-то новым; ЮНКТАД возникла в аналогичную эпоху быстрых перемен 60 лет назад. Десятилетие после ее создания в 1964 году ознаменовалось кульминацией великой волны деколонизации, распадом бреттон-вудской системы фиксированных валютных курсов и контроля над международными потоками капитала, началом, а затем неудачей формирования нового международного экономического порядка и рассветом революции в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Каждое из этих событий решительно изменило диапазон траекторий развития, доступных не только для стран, которые тогда неточно называли «третьим миром», но и для тех, кто запаздывал с развитием как в «первом», так и

¹¹ Здесь и во всей этой главе под странами с формирующимся рынком и развивающейся экономикой подразумеваются страны, объединенные под этим наименованием в докладе МВФ «Перспективы развития мировой экономики», URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2024/April/groups-and-aggregates>. Эти страны особенно зависят от торговли, а именно от экспорта первичного продукта для финансирования роста и инвестиций в физический капитал. Таким образом, они являются подходящей группой для анализа долгосрочных эффектов, изучаемых в данной главе. Это определение относит Албанию, Беларусь, Болгарию, Боснию и Герцеговину, Венгрию, Китай, Польшу, Республику Молдова, Российскую Федерацию, Румынию, Северную Македонию, Сербию, Украину и Черногорию к странам с формирующимся рынком и развивающейся экономикой, исключая при этом Республику Корея, Сингапур, Гонконг (Китай), Макао (Китай) и китайскую провинцию Тайвань, экономика которых определяется как развитая.

во «втором мире»¹². В 1960-х и 1970-х годах в основном осуществлялись государственные проекты развития, часто финансируемые за счет внешнего долга, направленные на создание внутренних мощностей по производству местных капитальных благ путем поддержки промышленности, осуществляющей массовое производство.

Население мира переживает постепенный демографический переход, вызванный снижением рождаемости. Это, вероятно, приведет к сокращению численности населения трудоспособного возраста в ближайшие три десятилетия и увеличению числа пожилых работников в возрасте от 55 до 64 лет. По данным Международной организации труда (МОТ), к 2030 году пожилые работники могут составить четверть мировой рабочей силы (Harasty and Ostermeier, 2020). Если не учитывать иммиграцию, некоторые развитые страны уже сталкиваются с сокращающимся и стареющим населением, которое в долгосрочной перспективе может потреблять меньше импортных промышленных товаров (например, McKinsey Global Institute, 2024). Замедление темпов роста населения во многих развивающихся странах может привести их в ловушку среднего дохода, где внутренние рынки еще только зарождаются, при этом рынки развитых стран начинают сокращаться.

Что означают нынешние переломные моменты в контексте основных проблем торговли и развития, интересующих ЮНКТАД?

Для ответа на этот вопрос необходимо проанализировать предшествующую политику и применить концептуальные инструменты, помогающие предвидеть вероятное (но не предопределенное) влияние происходящих геоэкономических и геополитических изменений на стратегии роста и развития.

Эта глава состоит из трех разделов. В разделе В рассматривается общая дилемма, с которой сталкиваются развивающиеся страны, пытаясь

наверстать упущенное в торговле и развитии. Задача состоит в том, чтобы показать, почему торговля и особенно экспорт имеют значение или, как сказала Джоан Робинсон (Joan Robinson, 1962: 45), почему «страдания от того, что тебя эксплуатируют капиталисты, — ничто по сравнению со страданиями от того, что тебя вообще не эксплуатируют». При занятии торговлей возникает вопрос «чем торговать?»; в разделе С аргумент Йозефа Шумпетера (Joseph Schumpeter, 1939, 1942) о периодических волнах экономического роста или созидательном разрушении используется для понимания потенциального влияния новых технологий на производство и торговлю.

Волны роста и структурные преобразования всегда занимали центральное место в представлениях о развитии (Kaiser, 1979; Kondratieff and Stolper, 1935; Bairoch and Kozul-Wright, 1996), при этом шумпетерианская схема помогает уловить специфику новых секторов экономики, а также технологические и финансовые процессы, определяющие такие трансформации сегодня.

Наконец, для определения качественных характеристик и направления торговли требуется ответ на вопрос «с кем и как торговать?». В разделе D рассматриваются движущие силы и вероятные последствия переломного момента в международной торговле. В анализе применяется концепция, представленная в разделах В и С, для решения вопроса о перспективных путях развития и пространстве для политического маневра с учетом трех основных потенциальных изменений. Из них для стратегии развития, ориентированной на экспорт, наибольшим препятствием является упадок нынешнего режима открытой торговли.

Там, где это целесообразно, в главе рассматривается, как изменения в общих режимах безопасности и финансов могут влиять на потенциальные пути развития; обе темы подробнее рассматриваются в главах IV и V.

¹² Эти ярлыки обозначали политическую ориентацию. Термин «первый мир» обозначал в основном богатые западные демократии и Японию. «Второй мир» — коммунистический блок. «Третий мир» включал неприсоединившиеся страны, а также, по метонимии, развивающиеся экономики.

В. Развитие достигло определенного рубежа

За несколько лет до первой конференции ЮНКТАД в 1964 году эстонский экономист Рагнар Нурске (Ragnar Nurske, 1952: 571) попытался выразить сочетание самоподдерживающихся механизмов, препятствующих развитию, сказав: «Бедные страны бедны, потому что они бедны».

Бедные страны бедны, потому что им не хватает инвестиционного капитала и квалифицированной рабочей силы, или, точнее, человеческого капитала, необходимого для работы с новейшими инструментами. То, что тринидадский экономист У. Артур Льюис (W. Arthur Lewis, 1954) назвал «неограниченным предложением рабочей силы», снижает местные зарплаты. Это препятствует инвестициям в человеческий и физический капитал, способствующим структурной перестройке экономики от трудоемкого сельского хозяйства к обрабатывающей промышленности и сфере услуг с более высокой стоимостью. Бедные страны также бедны физическим капиталом, включая, что очень важно, транспортную и энергетическую инфраструктуру, а также им не хватает глубины и стабильности финансовых рынков, необходимых для масштабных инвестиций, обеспечивающих продвижение к передовым рубежам технологий и развития. Более того, бедным странам не хватает юридического и бюрократического потенциала для регулирования все более сложных рынков товаров и финансов.

Еще важнее всех этих факторов одна критическая проблема: бедные страны остаются бедными, потому что у них нет достаточного совокупного спроса, чтобы побудить кого-либо инвестировать средства для устранения остальных дефицитов. Как утверждает Тирлуолл (Thirlwall, 2012), недостаточный местный совокупный спрос делает дополнительный совокупный спрос, создаваемый экспортом, крайне важным для стимулирования устойчивых инвестиций и поглощения любого сдерживающего

инвестиции избытка местной рабочей силы. Двухсекторная модель Льюиса предполагала или по крайней мере содержала надежду на то, что расширяющийся современный сектор в конечном итоге поглотит избыток рабочей силы в традиционном или устаревшем секторе, что вызовет рост заработной платы. В свою очередь, рост заработной платы побудит компании инвестировать в человеческий и физический капитал. «Переломный момент Льюиса» можно было наблюдать, например, в Китае примерно с 2004 по 2006 год (Garnaut and Song, 2006), а также в других восточноазиатских экономиках, для которых характерен быстрый рост объемов экспорта. Без роста экспорта это редкость (Schwartz, 1994; 2007).

Во многих отраслях современной экономики минимальный эффект масштаба¹³ превышает емкость местного рынка, как показывает автомобильная промышленность (вставка III.1). Несмотря на то, что эффект масштаба для многих других промышленных товаров значительно ниже, наиболее сложные товары и многие ключевые исходные ресурсы для промышленных товаров по-прежнему требуют высоких уровней производительности для достижения рентабельности и долгосрочной экономической устойчивости. Например, во всем мире найдется место только для двух, возможно трех, крупных производителей гражданских самолетов (например, Truxal, 2024). С точки зрения внутренних и иностранных инвесторов, логика масштаба означает, что потребности развивающихся стран целесообразнее обеспечивать за счет импорта, а не за счет внутреннего производства, хотя крупные страны, такие как Бразилия, Индия и Китай, являются очевидными исключениями.

¹³ Минимальная экономия от масштаба определяет цену, при которой можно продать достаточное количество единиц продукции, чтобы получить прибыль при данных инвестициях в основной капитал.

Вставка III.1

Изменение географии производства автомобилей отражает изменения в торговле и инвестициях

Эволюция мирового автомобилестроения часто рассматривается как показательный пример международного разделения труда и глобальной экономической географии, а также как один из основных маркеров развития торговой интеграции в XX веке. При сборке автомобилей обычно достигается 80 процентов максимальной экономии от масштаба при ежегодном выпуске 50 000 автомобилей, построенных на одной платформе, и максимальная экономия от масштаба при выпуске 250 000 автомобилей. Для разработки и сборки двигателей внутреннего сгорания порог еще выше — 400 000 единиц. Внутренние рынки большинства развивающихся стран — да и многих развитых экономик — не в состоянии поглотить такие объемы или сколько-нибудь близкие к ним.

Внутренний спрос на автомобили в Австралии или Бразилии в 1950-х годах, например, редко превышал 200 000 единиц необходимо разнообразных транспортных средств (Jenkins, 1987). К 2023 году Австралия — четырнадцатая по величине экономика мира — поглощала 1,2 млн легковых автомобилей, а Бразилия — девятая по величине — 2,2 миллиона⁹. В 2023 году прибыльная экономия от масштаба требовала ежегодных продаж 1 млн автомобилей на определенной платформе и 300 000 единиц двигателей (Doner et al., 2021).

Это очень большой объем не только для стран с ВВП ниже медианного, в число которых в 2023 году, в зависимости от способа измерения ВВП, входили Гондурас, Зимбабве и Сенегал, но и для тех, кто находится выше по списку. Например, в 2023 году на Кипре было продано около 12 500 новых автомобилей всех типов. Среди стран с более богатой экономикой, в Австрии и Израиле ежегодно покупают около 250 000–300 000 новых легковых автомобилей. В менее богатом, но более густонаселенном Таиланде потребляется около 850 000 единиц, в основном легких коммерческих автомобилей. В Израиле нет производства легковых автомобилей; австрийское производство автомобилей — это, по сути, один из субпоярочков Volkswagen, чей объем производства эквивалентен трети австрийского потребления. Таиланд — крупный экспортер автомобилей, поскольку является производственной площадкой для японских транснациональных компаний.

Изменение географического расположения автомобильных производств отражает меняющиеся модели мировой торговли и инвестиций. В то время как автомобильные компании начали переносить производство комплектующих или передавать его на субподряд в места с более низкой стоимостью производства, например в китайскую провинцию Тайвань и Мексику, а затем в Восточную Европу и Китай, они также начали переносить сборку автомобилей нижнего ценового сегмента и меньшего размера в отдельные развивающиеся страны. У этих стран были внутренние рынки, которые оправдывали наличие целого производственного комплекса, и расположение, благоприятное для экспорта в крупный регион. В качестве примеров можно привести Испанию, Мексику и Республику Корея в 1980-х годах, затем Словакию, Таиланд и Чехию в 1990-х и, наконец, Бразилию, Индонезию и Марокко в 2000-х. В каждом случае конечный продукт, как правило, представлял собой автомобили со сниженной ценой, такие как Dacia Logan румынской сборки или удешевленные версии более дорогих автомобилей, построенные на той же платформе, как, например, Octavia от Škoda на общей платформе с Volkswagen Golf или Audi A3.

Вставка III.1 Изменение географии производства автомобилей отражает изменения в торговле и инвестициях

Эта тенденция сохранилась и для электромобилей, где также остаются актуальными минимальные и максимальные показатели экономии от масштаба сборки. Несмотря на то, что батареи пришли на смену двигателям внутреннего сгорания, экономия на масштабе производства батарей выглядит примерно так же, как и при производстве двигателей внутреннего сгорания — от 400 000 до 500 000 штук на производственное предприятие. Таким образом, переход на легковые электромобили не приведет к кардинальному изменению логики производства, хотя пространственное расположение может в какой-то мере измениться.

В настоящее время китайские компании доминируют на мировом рынке электромобилей, что стало результатом стратегического решения государства развивать эту отрасль. Сегодня Китай лидирует по производству — в 2023 году он выпустил 58 процентов всех электромобилей, а также по потреблению — в 2024 году было продано 6,8 млн автомобилей (IEA, 2024b). Это соответствует сдвигу в мировом производстве, происходящему с 2010-х годов по сегодняшний день, особенностью которого является формирование более крупного потребительского рынка в Китае. В Европе и Северной Америке наблюдается высокий спрос на электромобили: в 2023 году продано 4,6 млн единиц (IEA, 2024b), что повторяет тенденцию, характерную для неэлектрических автомобилей.

Тем не менее вес батарей (увеличивающий транспортные расходы) и логика «производи там, где продаешь» означают, что большинство традиционных зон производства автомобилей сохранятся, хотя, возможно, сменятся владельцы. В качестве примера можно привести продолжающееся вытеснение японского производства автомобилей с двигателями внутреннего сгорания китайским производством электромобилей в Таиланде.

Источники: Doner et al. (2021); IEA (2024b); Klier and Rubenstein (2022); Yang (2023).

а Данные Международной организации предприятий автомобильной промышленности, URL: <https://www.oica.net/production-statistics/>.

Однако, если импортируются почти все промышленные товары, это гарантированно приводит к постоянной относительной и, возможно, абсолютной бедности, как утверждал Пребиш (Prébis, 1950). Экспорт сырья сочетает в себе худшее из двух миров: постоянное снижение цен по закону Эрнста Энгеля (Ernst Engel, 1895) в сочетании с крайней циклической волатильностью как цен, так и

объемов экспорта. Закон Энгеля лежит в основе ухудшения условий торговли, которое наблюдал Пребиш. По мере роста доходов доля расходов непосредственно на продукты питания и другое сырье уменьшается (вставка III.2).

Это накладывает ограничения на развитие, поскольку эластичность спроса в развитых странах на экспорт развивающихся стран ограничивает темпы роста этого экспорта.

Вставка III.2

Закон Энгеля указывает на риски, связанные с зависимостью от экспорта сырья

Эрнст Энгель, прусский статистик, в 1857 году заметил, что по мере роста доходов домохозяйств доля доходов, затрачиваемая на продукты питания, снижается, даже если абсолютные расходы на продукты питания увеличиваются. Хотя Энгель не рассматривал сырье в целом, его анализ имеет важные выводы в контексте интенсивности потребления сырья и, следовательно, способности развивающихся стран экспортировать сырье.

Проще говоря, темпы роста развивающейся экономики ограничиваются темпами роста экспорта, как утверждает Тирлуолл (Thirlwall, 2012) в широком смысле. Но если экспорт сырья и спрос на него в какой-либо экономике растет медленнее, чем общий мировой спрос, то рост доходов в этой экономике будет отставать от общемирового. Короче говоря, экономика будет терять позиции в относительном, если не в абсолютном выражении. Этот относительный спад был основной проблемой, интересовавшей Пребиша (Prébis, 1950).

Вставка III.2 Закон Энгеля указывает на риски, связанные с зависимостью от экспорта сырья

В качестве контраргумента можно привести тот факт, что абсолютное потребление сырья всегда растет. Например, технологические революции прошлого неизменно сопровождались сменой основного источника энергии (см. раздел «Важный акцент»). Уголь, как представляется, заменил водяную энергию и древесину; нефть, как представляется, заменила уголь. Однако эта смена была скорее кажущейся, чем реальной, поскольку в каждом случае более старый энергоноситель продолжал играть важную роль с точки зрения абсолютных объемов, даже когда его процентная доля в общем объеме производства энергии снижалась. Мировая добыча и потребление угля росли даже тогда, когда нефть и природный газ стали доминировать на транспорте и в производстве электроэнергии.

Самый высокий за всю историю уровень добычи угля был зафиксирован в 2023 году и составил 179 эксаджоулей (Energy Institute, 2024). Спрос на уголь в мире вырос на 75 процентов с момента принятия Киотского протокола 1997 года и почти на 15 процентов с момента заключения Парижского соглашения 2015 года по изменению климата. Всего пять стран потребляли почти 80 процентов мирового объема угля в 2023 году: Индия, Индонезия, Китай, Соединенные Штаты и Япония (Blas, 2024). По прогнозам, в 2024 году мировое потребление угля вырастет до очередного исторического максимума. При нынешних тенденциях в 2050 году потребление будет больше, чем в 2000 году (Blas, 2024). Некоторые нефтяные компании используют эту историческую закономерность, прогнозируя дальнейшее увеличение потребления нефти.

Исторически сложилось так, что рост населения приводил к постоянному абсолютному увеличению потребления сырья. Учитывая глобальный демографический сдвиг в сторону замедления или даже обращения вспять роста населения, нельзя исключать абсолютного снижения потребления угля (и, соответственно, других видов сырья). В расчете на душу населения потребление угля (в основном косвенно, через электроэнергию, сталь и цемент) практически не менялось на протяжении последних 40 лет. Общий рост потребления в значительной степени связан с единовременной урбанизацией Китая; сегодня на Китай приходится 56 процентов мирового потребления угля (Energy Institute, 2024; Blas, 2024).

Второй исторической закономерностью является рост доходов населения, который приводит к увеличению потребления сырья. Но согласно наблюдениям Энгеля, рост доходов среди бедных в основном объясняет увеличение абсолютного потребления. Основной тезис данной главы заключается в том, что страны с низким и средним уровнем дохода потенциально сталкиваются с растущими препятствиями на пути повышения доходов, особенно если они зависят от экспорта сырья.

Страны с низким и средним уровнем дохода сталкиваются с препятствиями на пути повышения доходов, особенно если они зависят от экспорта сырья.

Это, в свою очередь, является препятствием для роста, поскольку развитие предполагает импорт товаров производственного назначения, оплачиваемых за счет экспорта (Thirlwall, 2012). В условиях медленного роста населения в развитых странах создание, например, новых видов экспорта продовольствия не обязательно приводит к увеличению доходов развивающихся стран. Одновременно волатильность цен и количества товаров затрудняет обслуживание долга и препятствует инвестициям (UNCTAD, 2023c).

С точки зрения политики сочетание закона Энгеля и самоусиливающихся антистимулов для инвестиций в производство оставляет только один выход: экспортировать промышленные товары и использовать экспортный рынок для достижения прибыльных

масштабов производства. Экспорт продукции обрабатывающей промышленности может не столкнуться с тем же эффектом насыщения, что и экспорт сельскохозяйственной продукции, что позволяет увеличить импорт товаров производственного назначения, необходимых для поддержания промышленного производства. Кроме того, экспорт продукции обрабатывающей промышленности обычно приводит к повышению производительности и распространению знаний — эффект Вердоорна — благодаря обучению на собственном опыте и необходимости соответствовать мировым стандартам качества¹⁴.

Эти побочные эффекты важны для поглощения рабочей силы в отраслях, связанных с компаниями-экспортерами, а также для

¹⁴ Экономист П. Й. Вердоорн (P. J. Verdoorn, 1980) подсчитал, что увеличение объема производства на 1 процент приводит к росту производительности труда на 0,5 процента и увеличению занятости на 0,5 процента в ряде отраслей.

модернизации, которая стимулирует инвестиции в обучение и образование. Таким образом, экспорт продукции обрабатывающей промышленности может стать двигателем экономического и человеческого развития. Однако нынешняя стагнация мировой торговли ставит под угрозу потенциальные выгоды от обучения на собственном опыте, экономии от масштаба и перетока занятости в сектор услуг. Родрик (Rodrik, 2013) утверждает, что эта преждевременная деиндустриализация является одним из важных факторов «ловушки среднего дохода».

Если бы промышленный экспорт был возможен, какие формы он бы принял? В течение первых десятилетий после Второй мировой войны деколонизация устранила навязанные извне барьеры на пути промышленного экспорта. А постепенное снижение торговых барьеров для промышленных товаров в рамках Генерального соглашения по тарифам и торговле начиная с 1950-х годов позволило экспортировать продукцию из новых независимых развивающихся стран. Последовала волна аутсорсинга и офшоринга, в результате чего производство многих трудоемких товаров было перенесено в страны с развивающейся экономикой.

Однако сегодня экспорт промышленных товаров может столкнуться с теми же проблемами, что и экспорт сырья, что усугубляется характером нынешнего переломного момента. Чтобы понять,

почему, в разделе «Важный акцент» представлены аргументы Шумпетера о волнах роста и о том, как они соотносятся с более общим и абстрактным процессом структурной трансформации.

В ходе нынешней волны роста ИКТ, или пятой волны роста, многие развивающиеся страны добавили экспорт промышленных товаров к своему традиционному портфелю ресурсов. Некоторые были вынуждены это сделать, потому что у них просто не было экспортируемых природных ресурсов. Но большинство сделало это по собственному выбору, о чем свидетельствует стремительный рост числа зон экспортной переработки после 1965 года.

Транснациональные компании и гигантские ритейлеры организовали большую часть этих торговых потоков. К 2012 году внутренняя (администрируемая) торговля транснациональных компаний составляла треть мировой торговли по стоимости. На закупки у фирм, которые они косвенно контролировали, приходилась еще одна шестая часть, а закупки на конкурентных условиях доводили общую долю до двух третей (UNCTAD, 2013: 163). К этому моменту, как показано на рис. III.1, доля мировой торговли в мировом ВВП выровнялась, а в 2016, 2019–2020 и 2023 годах наблюдалось абсолютное снижение в текущем долларовом выражении.

Рис. III.1 Пятая волна роста привела к быстрому увеличению экспорта, но впоследствии мировая торговля выровнялась

Мировая торговля по отношению к мировому ВВП
(проценты)

Источник: ЮНКТАД на основе базы данных UNCTADstat.

Волны роста определяют потенциал экспорта для развития

Йозеф Шумпетер (Joseph Schumpeter, 1939, 1942) и Перес (Perez, 2002) утверждали, что акцент на равновесии и конкурентных рынках в учебниках по экономике имел мало общего с реальностью капиталистической экономики. Как утверждали Джоан Робинсон (Joan Robinson, 1962) и Николас Калдор (Nicholas Kaldor, 1996), экономика никогда не находилась в равновесии. Зачастую она характеризовалась высоким уровнем олигополии, а то и откровенной монополией. За периодами относительно быстрого роста и глубоких изменений, как правило, следовали эпохи относительного застоя, сворачивания новых технологий и исчерпания богатых социальных и материальных ресурсов, которые служили источником первоначальной экспансии. Шумпетер утверждал, что периоды быстрого роста характеризуются шестью существенными изменениями:

- 1** новый источник дешевой энергии, например уголь в середине–конце XIX века, а затем нефть в середине XX века;
- 2** новый производственный процесс, основанный на новой технологии общего назначения, как, например, непрерывное поточное производство, а затем непрерывное поточное конвейерное производство с использованием оборудования с электрическим приводом;
- 3** новые товары массового потребления или инвестиционные товары, как, например, сталь, и вслед за ними стандартизированные потребительские товары длительного пользования;

4 новый вид транспорта, например стальные пароходы и велосипеды, а затем автомобили и самолеты;

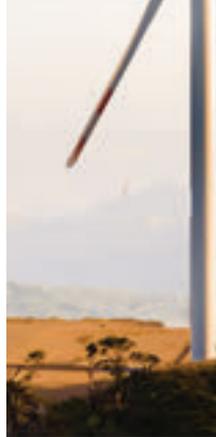
5 новая форма корпоративной организации, как, например, распространение вертикально интегрированных фирм, в которых собственность отделена от управления, а затем мультидивизиональной структуры («М-формы») Альфреда Чандлера (Alfred Chandler, 1962); в связи с этим — новые способы финансирования инвестиций;

6 менее заметное у Шумпетера, но тем не менее очень важное изменение: новые способы социального и экономического управления, позволяющие сбалансировать спрос и предложение, как это было в картелях начала XX века, а затем в кейнсианских государствах всеобщего благосостояния (Boyer, 1990; Perez, 2002; Freeman, 2007).

В совокупности эти шесть изменений проявляются в быстрой экспансии компаний, чьи инвестиции и увеличение продаж стимулируют волны экономического роста, как это было, например, с экосистемой автомобилей массового производства, работающих на нефтяном топливе, или потребительских товаров длительного пользования в целом. В таблице III.1 подробно описана история волн роста, включая спекулятивную шестую волну.

Таблица III.1
Шесть технологических революций и волн роста по Шумпетеру

Эффекты развития экономики	Интенсификация использования рабского труда и экспорта сахара	Переход от принудительного труда к труду на основе кабальных договоров и наемному труду	Рост производства сельскохозяйственной продукции	Эпоха импортозамещения	Новое международное разделение труда, экспорт новых видов сельскохозяйственной продукции	Новые зарождающиеся тенденции (см. обсуждение в тексте)
Финансовые инновации	Небольшие частные банки и локальные сети (например, квакеры в Соединенном Королевстве, нотариусы во Франции)	Государственные инвестиционные субсидии и государственный долг	Корпорации и открытые рынки капитала	Государственные инвестиционные субсидии, государственные банки, сегментированные финансовые рынки	Венчурный капитал, секьюритизация, институциональные инвесторы	Частный акционерный капитал и частный долг, открытые государственные субсидии в рамках промышленной политики
Типы транспорта	Каналы	Железные дороги	Пароходы, городские трамваи и велосипеды	Автомобили, грузовики и самолеты	Телекоммуникации и контейнеризация	Электромобили
Источник энергии	Вода	Уголь, газ	Ископаемое топливо, электричество	Ископаемые виды топлива	Ископаемые виды топлива	Возобновляемые источники энергии
Технологии общего назначения	Фабричное производство	Оборудование из металла	Бesseмеровские и мартеновские печи; непрерывное поточное производство	Непрерывная поточная линия сборки	Полупроводники и программное обеспечение, интернет, биоинженерия	Искусственный интеллект, нанотехнологии, биоинформатика
						
	1771	1829	1874	1914	1970	2020
	ПЕРВАЯ ВОЛНА	ВТОРАЯ ВОЛНА	ТРЕТЬЯ ВОЛНА	ЧЕТВЕРТАЯ ВОЛНА	ПЯТАЯ ВОЛНА	ШЕСТАЯ ВОЛНА
	Промышленная революция	Железнодорожная волна	Первая эпоха глобализации	Автомобильная волна	Волна ИКТ и вторая эпоха глобализации	Потенциальная шестая, технонаучная волна

Источник: ЮНКТАД на основе Schwartz (2019).

Примечание: К технологиям общего назначения относятся технологии, достаточно общие для использования в различных отраслях и оказывающие сильное влияние на их функционирование, учитывая их потенциал для технических усовершенствований и взаимодополняемость для инноваций.

Эти волны роста оказывают позитивное и негативное влияние на потенциал использования экспорта в качестве движущей силы развития. Положительным моментом является то, что новая волна роста почти всегда поднимает спрос на экспорт развивающейся страны выше текущего уровня. Например, появление велосипедной и автомобильной промышленности в конце XIX века значительно увеличило спрос на каучук из Юго-Восточной Азии и балканские минералы (Lewis, 1970; Berend and Ranki, 1977). Распространение товаров ИКТ создало нишу для требующей больших трудозатрат сборки в Восточной Азии. В обоих случаях иностранные и местные экономические игроки создавали новые производственные зоны и экспортные потоки. Потенциально они способствовали местному развитию, поскольку возникали связи с поставщиками и потребителями, а соответствующий рост местного совокупного спроса стимулировал увеличение объема производства для местного потребления. Сегодня такой потенциал проявляется в росте спроса на литий и связанные с производством аккумуляторов редкоземельные металлы, вызванного переходом к электромобилям (UNCTAD, 2024a).

Вторым положительным эффектом является то, что появление новых растущих секторов в развитых странах часто приводило к перемещению более старых производственных секторов в развивающиеся страны, как в модели «летающих гусей» Канамаэ Акамацу (Bernard and Ravenhill, 2011). Повышение производительности труда в новых секторах позволяло увеличивать заработную плату в развитых странах, что вытесняло менее продуктивные секторы в другие страны в поисках более низкой стоимости оплаты труда. Модель «летающих гусей» отражает динамику, которая была более распространена до 1980-х годов, а именно перемещение целых отраслей промышленности из развитых в развивающиеся страны (UNCTAD, 1996). Классическим примером является перемещение пошива одежды и в конечном итоге массового производства текстильных изделий, например, из Японии в Республику Корея, из Республики Корея в Китай, а затем из Китая, в частности, в Эфиопию.

Эти перемещения были неравномерными. Не все развивающиеся страны выиграли от этого, и после 1970-х годов произошли тонкие изменения в этом процессе. Вместо того чтобы перемещать целые отрасли,

транснациональные компании стали размещать в развивающихся странах определенные компоненты своих производственных процессов, стремясь оптимизировать уровень заработной платы и производительности труда, уровень квалификации и логистические затраты (UNCTAD, 2002, 2003). Примерно две трети мировой торговли приходится на промежуточные товары, что свидетельствует о довольно значительном географическом рассредоточении, особенно в высоко глобализованных автомобильной, швейной и электронной отраслях (Lund et al., 2019).

Финансирование этого перемещения осуществлялось неодинаково в различные периоды с точки зрения последствий для контроля и фондирования компаний. Сразу после войны некоторые развивающиеся страны самостоятельно финансировали развертывание производства потребительских и некоторых товаров производственного назначения. Банки развития и доноры международной помощи в основном предоставляли относительно небольшие объемы внешнего финансирования, часто привязанные к закупкам у стран-доноров. В обоих случаях государственные органы, а не частные организации контролировали источники и распоряжение капиталом (например, UNCTAD, 1998, 2016).

В 1970-х годах отмена контроля за движением капитала в развитых странах и рециркуляция излишков нефтедолларов вызвали поток трансграничного кредитования частными банками государственных финансовых компаний в развивающихся странах. Хотя это, казалось бы, освободило эти страны от финансовых ограничений 1960-х годов, оно также подвергло их влиянию изменений денежно-кредитной политики в развитых странах. Наследие долгового кризиса 1980-х годов вызвало желание перейти на долговые обязательства в местной валюте, что некоторые развивающиеся страны реализовали в 2010-х годах (Open et al., 2023).

В то же время компании из развивающихся стран выходили на мировые рынки капитала, чтобы брать кредиты в более твердых валютах (Glen and Pinto, 1995). Этот сдвиг был в основном завершен к 2010-м годам. В этот период также наблюдался рост пассивного владения крупными компаниями из развивающихся стран со стороны институциональных инвесторов из развитых стран. Как правило, изменения в способах финансирования, которые впервые произошли в развитых странах, в развивающихся странах проявились позже

Сочетание частной и государственной собственности в развивающихся странах может быть предвестником глобальной тенденции.

или не проявились вовсе. К 2011 году среди 500 крупнейших управляющих активами в мире только 36 представляли крупные развивающиеся страны, а именно Бразилию, Индию, Китай и Южную Африку (Towers Watson, 2012; Celik and Isaksson, 2013). При этом сочетание частной (не обращающейся на бирже) и государственной собственности, преобладающее в развивающихся экономиках, возможно, предвосхищает более широкий глобальный сдвиг в сторону государственной собственности и суверенных фондов благосостояния (Babić, 2023; Babić et al., 2023).

Глобальное размещение производства сильно влияет на то, как страны могут реагировать на серьезные изменения, вызываемые зарождающейся шестой шумпетерианской волной роста. Некоторые среднетехнологичные отрасли будут перемещаться в развивающиеся страны, хотя отсутствие дифференциации продукции и низкие барьеры входа на рынок могут привести к снижению цен. Однако производство компонентов для транснациональных компаний может исчезнуть по мере того, как новые продукты и технологии производства вытеснят старые. По некоторым оценкам, лишь около 18 процентов мировой торговли в 2010-х годах было основано на арбитраже (получении выгоды от разности) затрат на рабочую силу, определяемом как торговля со странами, где ВВП на душу населения составляет лишь одну пятую или менее ВВП торгового партнера (Lund et al., 2019: 8).

Происходящий сдвиг в сторону «сервитизации» производства, похоже, подтверждает эти тенденции. Благодаря тому, что в течение последних 20 лет услуги получили развитие за счет стремительного технологического прогресса, доля инвестиций в сферу услуг внутри обрабатывающей промышленности почти удвоилась — с 38 процентов в 2003 году до 69 процентов в 2023 году. Сегодня на

услуги приходится большинство проектов прямых иностранных инвестиций. Очевидным следствием роста инвестиций в сферу услуг является резкое снижение доли инвестиций в обрабатывающую промышленность, которая за тот же период сократилась вдвое — с 26 до 13 процентов (UNCTAD, 2024b).

Завершение шумпетерианских волн роста часто приводило к огромным потрясениям, например когда рушились целые отрасли по производству экспортного сырья или резко падали относительные цены, как в случае с гуано, после того как в 1909 году началось производство искусственных удобрений по процессу Хабера. Аналогичным образом, что более актуально для нынешнего переломного момента, инновации, создающие синтетические заменители сырья, могут ограничить темпы роста объемов и стоимости экспорта сырьевых товаров, как было в случае с натуральным и синтетическим каучуком. Кардосо и Фалетто (Cardoso and Faletto, 1979) тщательно изучили влияние последовательных эпизодов резкого роста экспорта ресурсов в Латинской Америке и показали, как смогли (если смогли) различные общества использовать эти бумы для местной экономической диверсификации, развития самих экономик и государственного строительства.

Рассредоточение производства в последнее время часто связано с передачей высоко кодифицированных производственных процессов, не дающих возможности для обучения на собственном опыте или получения прибыли, достаточной для финансирования широкой программы местной индустриализации. В работе Amsden (2001) представлен более оптимистичный взгляд на развитие за счет обрабатывающей промышленности, хотя эта работа была написана до стремительного роста китайского экспорта в мировом масштабе. Однако эти географические сдвиги не обязательно носят перманентный характер.

Лишь около 18 процентов мировой торговли в 2010-х годах было основано на арбитраже затрат на рабочую силу.

©2024 год, ЮНКТАД. Изображение создано с помощью искусственного интеллекта.

**«Сервитизация» производства:
вызов для развивающихся стран**

Доли компонентов инвестиций в обрабатывающие отрасли

Несмотря на рост доходов, конвергенции с развитыми экономиками добились лишь несколько развивающихся стран за 40 лет.

Гигантские компании в значительной мере определяли, что и где производится, а значит, и что экспортируется. Их системы сопоставляли местные зарплаты с местной производительностью, внутренним потенциалом местных фирм по разработке и производству компонентов, а также размером местного рынка (Dunning, 1970; Fröbel et al., 1980; Gereffi et al., 2005). В разных случаях это приводило к полномасштабному производству для местного потребления на крупных, востребованных рынках, таких как Бразилия или Китай; производству специфических компонентов для глобальных товарных цепочек, например автомобильных трансмиссий, в странах со средним уровнем производственной квалификации, таких как Бразилия или Польша; и субподрядному производству различных потребительских товаров недлительного пользования,

особенно одежды и обуви, в странах с избытком дешевой, но дисциплинированной рабочей силы, таких как Вьетнам или Бангладеш (например, Hollveg, 2019).

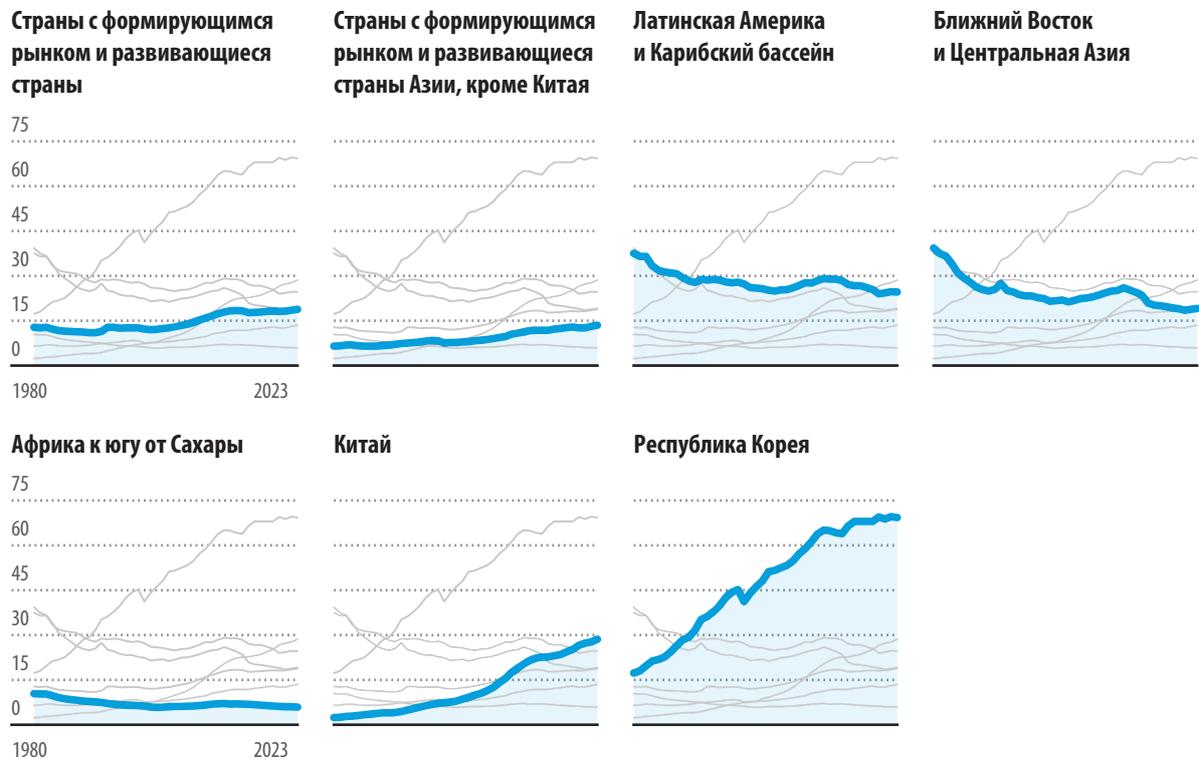
Несколько стран, особенно в Восточной Азии, поднялись по технологической лестнице, доведя местные доходы и производственные мощности до уровня, близкого к уровню богатых стран. Например, номинальный ВВП на душу населения в Республике Корея по паритету покупательной способности (ППС) вырос с 17,3 процента от уровня Соединенных Штатов в 1980 году до 69,3 процента в 2023 году. Напротив, доход на душу населения в Бразилии, которая по-прежнему зависит от экспорта сырьевых товаров, снизился примерно с одной трети до одной четверти уровня Соединенных Штатов. В целом вся группа развивающихся стран, за исключением Китая, просто поддерживала более или менее постоянный

Рис. III.2

За некоторыми исключениями, большинство стран не сократили разницу с Соединенными Штатами в объеме производства на душу населения

ВВП на душу населения по сравнению с Соединенными Штатами, отдельные страны (группы) (проценты)

Источник: ЮНКТАД на основе базы данных МВФ «Перспективы развития мировой экономики» (апрель 2024 года).

Примечания: ВВП на душу населения, международные доллары по текущему ППС. ВВП Соединенных Штатов на душу населения за соответствующий год = 100.

уровень дохода на душу населения, равный одной шестой уровня Соединенных Штатов в пересчете на ППС; этот уровень снизился с 17,7 процента в 1980 году до 13,5 процента в 1999–2000 годах, а затем восстановился до 16,2 процента в 2023 году (IMF, 2023).

Как показывает рис. III.2, некоторые страны, такие как Республика Корея и, в меньшей степени, Китай, резко сократили разрыв с уровнем дохода на душу населения в Соединенных Штатах по ППС. При этом относительный доход на душу населения в странах Латинской Америки и Африки к югу от Сахары фактически снизился; страны Восточной Европы вернулись к уровню, существовавшему до начала переходного периода; и подъем как азиатских, так и всех развивающихся экономик во многом обусловлен потрясающим ростом Китая. Хотя за последние 40 лет абсолютные доходы в большинстве развивающихся стран в среднем выросли, конвергенция с развитыми экономиками была достигнута лишь в отдельных странах.

Гиперглобализация, связанная с пятой шумпетерианской волной роста на основе ИКТ, привела к формированию гораздо более гранулированного глобального разделения труда, чем предыдущие волны. Помимо отмеченных неоднозначных последствий, пятая волна открыла пространство для стратегии развития за счет экспорта промышленных товаров, которой недоставало в предыдущих волнах, однако она потенциально вынудила развивающиеся страны осуществлять производство с низкой добавленной стоимостью (Bruhn, 2014; Lectard, 2023). Даже четвертая волна, возглавляемая автомобильной промышленностью, имела тенденцию к формированию в большей степени ориентированных на внутренний рынок секторов обрабатывающей промышленности в

условиях значительных тарифных и нетарифных барьеров, таких как регулирование доли комплектующих внутреннего производства в автомобильной промышленности.

Увеличение доли экспорта промышленной продукции в развивающихся странах за последние 50 лет привело к росту производительности, который был гораздо более значительным, чем во время предыдущих волн экспорта преимущественно сырьевых ресурсов. Это объяснялось тем, что транснациональные корпорации либо переносили на новые производственные площадки части своих относительно передовых производственных процессов, либо, заключая субподрядные договоры, помогали местным компаниям модернизировать производство до уровня, близкого к нормам, применяемым в богатых странах. Хотя транснациональные корпорации и генеральные подрядчики часто получали основную часть выгод от прироста производительности в виде более низких цен на факторы производства или оптовых цен, обучение на собственном опыте и эффект масштаба помогли некоторым экономикам повысить доходы местного населения. Как показал Бранко Миланович (Branco Milanović, 2016), рост доходов в развивающихся странах изменил бимодальное распределение мирового дохода 1960-х годов на более близкое к унимодальному, хотя и с резким увеличением самых высоких доходов. При этом основная часть этого роста доходов пришлось на Китай и развивающиеся страны Азии.

Нынешний переломный момент вызывает вопросы о том, что будет представлять собой вероятная шестая волна, в том числе о том, создаст ли она экономическое и политическое пространство для развития за счет экспорта, в частности промышленных товаров.

Пятая волна роста позволила реализовать экспортные стратегии, но вынудила развивающиеся страны осуществлять производство с низкой добавленной стоимостью.

С. Три критически важных изменения

В будущем развивающиеся экономики, вероятно, столкнутся с сильно изменившейся глобальной средой. Три основных взаимосвязанных изменения ставят под угрозу стратегии развития, основанные на расширении экспорта промышленной продукции и, возможно, даже экспорта ресурсов. Эти перемены включают в себя серьезные сдвиги в рыночном спросе и размещении производства по мере наступления потенциальной шестой волны роста, связанный с этим высокий риск деглобализации и ухудшение ситуации с безопасностью, усиливающее давление в направлении деглобализации.

Изменение технологий, деглобализация и проблемы безопасности ставят под угрозу стратегии развития, основанные на экспорте продукции обрабатывающей промышленности и ресурсов.

За последнее десятилетие новые технологии, которые могут стать основой шестой волны роста, превратились из подающих надежды в осуществимые. Они с высокой вероятностью представляют собой классические элементы шумпетерианской волны роста. Все они существенно влияют на экспорт развивающихся стран и способность использовать стратегии развития, ориентированные на экспорт.

- 1 Новые источники энергии:** возобновляемые источники в виде солнечной и ветровой энергии, а также геотермальное отопление. Хотя усилия по выработке «негатива» за счет экономии будут продолжаться, вероятным результатом развития станет огромная волна дешевой возобновляемой электроэнергии.
- 2 Новые технологии производства общего назначения:** биоинформатика, биогеномика, усовершенствованная с помощью искусственного интеллекта, и прецизионные биотехнологии. Более широкое применение искусственного интеллекта менее вероятно, но представляет собой «неоднозначный фактор» в производстве, который может сыграть роль, в частности за счет автоматизации.
- 3 Новые потребительские товары:** более широкий спектр товаров с электрическим приводом, особенно автомобили и другие варианты личного

транспорта (электрические велосипеды, трехколесные транспортные средства и т. д.), а также новые материалы благодаря биотехнологиям второго поколения. Потенциальный сдвиг в потреблении в сторону более персонализированных лекарств.

- 4 Новые виды транспорта:** изменение основного источника энергии и, соответственно, производственного процесса для большей части транспортного сектора за счет электрификации и связанное с этим расширение парка личного транспорта в развивающихся странах за счет двух- и трехколесных электрических транспортных средств.
- 5 Новые формы корпоративной организации:** этот фактор далеко не однозначен, но известно, что рынки частных прямых инвестиций и частных долговых обязательств вытесняют открытые рынки капитала.
- 6 Новые способы социальной организации:** самый непрозрачный и непредсказуемый фактор, но в то же время самый важный, особенно для балансировки спроса и предложения на глобальном уровне.

Исходя из очевидной взаимосвязи между, например, новыми источниками энергии и видами транспорта, в нижеследующем анализе предлагается рассмотреть эти шесть факторов, объединив их попарно в три группы.

1. Новые источники энергии и виды транспорта

Хотя, вероятно, уже поздно заниматься предотвращением существенного повышения средней глобальной температуры, политические усилия по декарбонизации экономики в настоящее время воздействуют на рыночные факторы, продвигая электрификацию в целом и экологически чистый транспорт в частности.

Ряд стран, как развитых, так и развивающихся, субсидируют зарождающиеся отрасли солнечной и ветровой энергетики. Цены на ветровую и солнечную электроэнергию теперь конкурентоспособны с ценами на электроэнергию, выработанную с помощью угля и, в некоторых случаях, природного газа. Это дает основания прогнозировать неуклонное снижение потребления угля и, соответственно, экспорта угля из развивающихся стран, который в период с 2003 по 2022 год составлял 49 процентов от общемирового объема. Колумбия и Мозамбик входят в число стран, которые особенно зависят от экспорта угля (ITC, 2024).

Кроме того, электрификация автопарка предвещает массовое снижение спроса на ископаемое топливо в целом и на нефтепродукты в частности (BP, 2023; IEA, 2021; McKinsey Global Institute, 2023). Нефть является даже более значимым видом экспорта, чем уголь, для многих развивающихся стран, в том числе стран с относительно высоким уровнем дохода на душу населения, но при этом с высокой зависимостью от экспорта нефти. В период с 2010 по 2022 год на развивающиеся страны в среднем приходился 81 процент от общего объема мирового экспорта сырой нефти¹⁵. Спрос на нефтехимическую продукцию и авиационное топливо, скорее всего, сохранится на нынешнем абсолютном уровне, хотя и не в пересчете на душу населения. Однако на эти два сектора в совокупности приходится лишь около одной пятой мирового спроса на нефть (BP, 2023; McKinsey Global Institute, 2023). С другой стороны, уже заметно сокращение спроса на

нефть, потребляемую в наземном транспорте, которая составляет половину от общего объема, используемого в мире. Мировая добыча нефти в 2022 году снова была ниже пика 2018 года, при этом крупные частные нефтяные компании распределяют прибыль среди акционеров, а не инвестируют в новое производство, сокращая расходы на разработку новых месторождений. Согласно рыночным прогнозам, начиная с 2024 года и далее рост капитальных затрат в нефтегазовой отрасли резко замедлится по сравнению с уровнем, наблюдавшимся в 2021–2023 годах (BMI, 2023).

В ряде развивающихся стран значительную часть общего объема экспорта составляют энергоносители, среди которых часто преобладает ископаемое топливо. В таблице III.2 представлены 35 стран, в которых экспорт энергоносителей составляет более 30 процентов от общего объема экспорта. В 25 странах, где экспорт энергоносителей составляет более половины от общего объема, ожидаемое постоянное снижение стоимости экспорта (в том числе за счет цен), по прогнозам, окажет значительное влияние.

Экспортеры энергоресурсов, накопившие в прошлом значительные доходы от экспорта ископаемого топлива, такие как Катар, Кувейт и Саудовская Аравия, возможно, смогут перейти к более диверсифицированной экономике, как это сделали небольшие арабские страны и государства Персидского залива. Эти экспортеры во многих случаях имеют низкие затраты производства, что является дополнительным преимуществом в условиях ожидаемого снижения экспортных цен на ископаемое топливо и энергетического перехода. Однако масштабы этого потрясения трудно переоценить, учитывая, что в период с 2012 по 2022 год экспорт топлива составлял около 44 процентов всего мирового экспорта сырьевых товаров в стоимостном выражении и 14 процентов всего экспорта сырьевых товаров. По данным ЮНКТАД, экспортеры топлива составляют примерно одну треть совокупности из 101 страны, представители которой в наибольшей степени зависимы от экспорта сырьевых товаров.

¹⁵ Рассчитано на основе группы 333 Международной стандартной торговой классификации (МСТК) Организации Объединенных Наций, включающей нефтяные масла, сырые, и сырую нефть, полученную из битуминозных минералов.

Таблица III.2

Некоторые страны очень уязвимы в случае сокращения экспорта энергоносителей

Развивающиеся страны с долей экспорта энергоносителей более 30 процентов от общего объема товарного экспорта, в порядке убывания доли, 2022 год

Страна	Экспорт энергоносителей (миллиарды долларов)	Общий экспорт товаров (миллиарды долларов)	Доля экспорта энергоносителей в общем объеме экспорта товаров (проценты)
Ирак	124,8	129,3	96,5
Алжир	57,8	60,9	94,9
Ангола	48,1	51,3	93,7
Ливия	35,5	38,0	93,6
Нигерия	57,9	63,6	91,1
Азербайджан	34,4	38,1	90,3
Туркменистан	11,8	13,2	88,9
Экваториальная Гвинея	6,6	7,5	88,5
Южный Судан	0,7	0,9	84,5
Катар	109,2	131,0	83,4
Бруней-Даруссалам	11,4	14,2	80,3
Венесуэла (Боливарианская Республика)	3,6	4,7	77,2
Саудовская Аравия	319,9	426,5	75,0
Гайана	8,3	11,3	73,3
Чад	2,4	3,5	69,4
Габон	5,8	9,2	63,3
Конго	6,6	10,7	61,7
Казахстан	51,8	84,4	61,4
Колумбия	35,1	58,6	60,0
Тринидад и Тобаго	7,6	13,3	57,4
Оман	37,3	66,5	56,1
Монголия	7,0	12,5	55,5
Камерун	3,2	5,9	54,8
Кувейт	51,7	101,3	51,0
Иран (Исламская Республика)	36,7	72,1	50,9
Тимор-Лешти	0,2	0,5	49,7
Объединенные Арабские Эмираты	262,1	532,8	49,2
Йемен	0,4	0,9	48,2
Мозамбик	3,8	8,3	46,1
Папуа — Новая Гвинея	5,6	14,5	38,5
Эквадор	11,7	32,7	35,9
Гана	6,7	18,7	35,9
Лаосская Народно-Демократическая Республика	2,7	7,6	34,8
Индонезия	100,4	292,0	34,4
Египет	15,6	48,1	32,4

Источник: ЮНКТАД на основе базы данных UNCTADstat по экспорту.

Примечания: Багамские Острова, Сент-Люсия и Ямайка не включены, так как в их экспорте энергоносителей преобладает рэкспорт. Энергоносители, экспортируемые Лаосской Народно-Демократической Республикой, представлены в основном электроэнергией.

Прогрессирующее ослабление взаимосвязи между ростом ВВП и потреблением нефти, начавшееся в середине 1980-х годов в развитых странах, теперь распространяется и на многие развивающиеся страны (рис. III.3). В отличие от прошлого, когда рост доходов в развивающихся странах стимулировал потребление нефтепродуктов для личного и коммерческого транспорта, рост доходов в будущем, скорее всего, будет сопровождаться распространением электрифицированных легких транспортных средств, особенно скутеров и очень легких автомобилей. Мировые продажи автомобилей достигли своего пика в

2017 году и в настоящее время находятся ниже уровня 2011 года, который был кризисным. При этом седьмая часть новых автомобилей, проданных в 2022 году, были электрическими.

В период с 2002 по 2021 год 8 из 10 крупнейших импортеров нефти были развитыми странами, способными финансировать внедрение возобновляемых источников энергии (ИТС, 2024). Двумя другими странами были Индия и Китай; обе страны взяли на себя обязательства по расширению производства солнечной электроэнергии и выразили стремление уменьшить зависимость от импорта нефти.

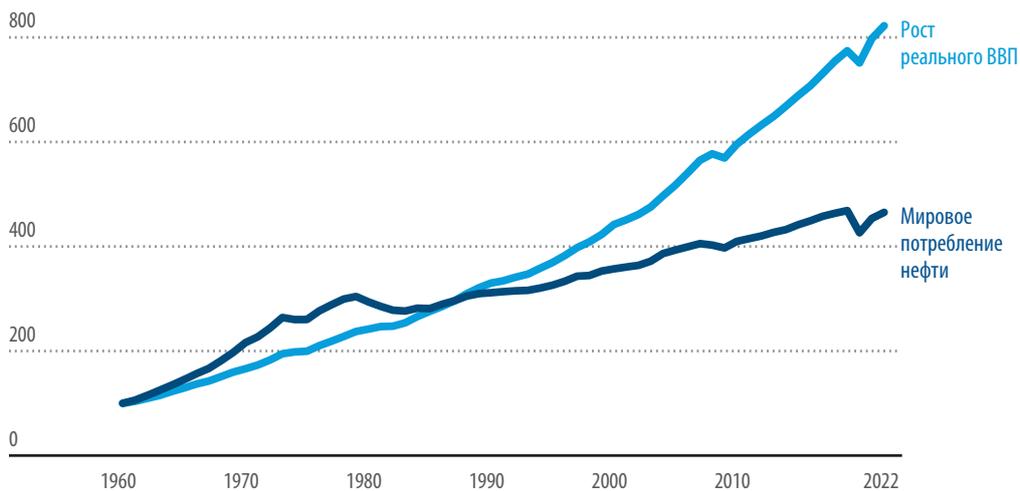
Будущий рост спроса на личный и коммерческий транспорт, скорее всего, будет удовлетворяться за счет электрифицированных легких автомобилей.

Рис. III.3

Связь между ростом ВВП и потреблением нефти ослабевает с середины 1980-х годов

Рост мирового объема производства по сравнению с ростом потребления нефти (индекс, 1960 год = 100)

Источник: ЮНКТАД на основе базы данных LSEG Eikon.

Несмотря на то, что имеющийся большой парк автомобилей, работающих на нефтяном топливе, неизбежно замедляет перемены, страны, которые полагаются на экспорт нефти как источник значительной части экспортных доходов, вероятно, столкнутся с растущими трудностями в финансировании существующих уровней импорта в течение ближайших двух десятилетий. Эти трудности будут иметь огромное значение для таких стран, как Азербайджан, Ангола и Ливия, где в период с 2010 по 2022 год экспорт топлива составлял в среднем более 40 процентов ВВП, а не от общего объема

экспорта, и где доходы от предшествующего экспорта в основном израсходованы.

Вторая группа стран, где экспорт нефти составляет более 25 процентов ВВП, таких как Алжир, Боливарианская Республика Венесуэла и Казахстан, также может быть затронута этим сдвигом. В целом экспорт сырой нефти составляет более 30 процентов объема экспорта 22 развивающихся стран и более 50 процентов — в 14 из этих 22 стран. Третья группа стран, использующих экспорт нефти для финансирования импорта потребительских товаров, скорее всего, столкнется с проблемой нехватки доходов.

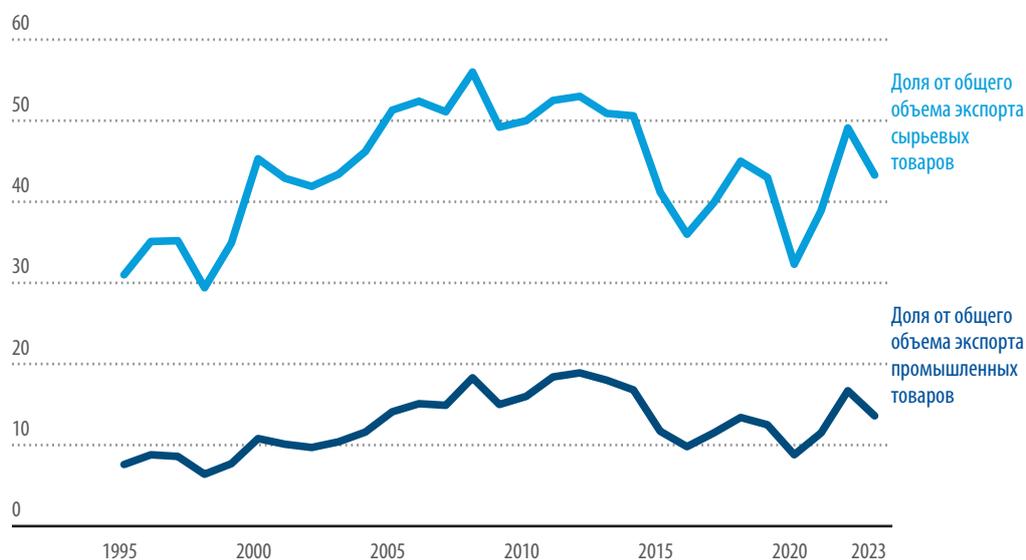

Рис. III.4

По мере продвижения энергетического перехода страны, зависимые от высокой доли топлива в своем экспорте, могут столкнуться с серьезными потрясениями

Доля экспорта топлива в общем объеме экспорта сырьевых и промышленных товаров (проценты)

Источник: ЮНКТАД на основе базы данных UNCTADstat.

Примечание: На основе Международной стандартной торговой классификации, третий пересмотренный вариант.

Страны-импортеры стремятся обеспечить себе доступ к минералам, необходимым для энергетического перехода, зачастую наращивая добычу внутри страны.

Тот факт, что большинство развивающихся стран находятся в местах, благоприятных для производства солнечной электроэнергии, может позволить им освободиться от импорта нефти и связанной с этим необходимости финансировать дефицит торгового баланса, обусловленный импортом нефти, за счет долга. Это имеет важные последствия для центрального положения доллара Соединенных Штатов в мировой торговле и финансах. В период с 1992 по 2021 год примерно четверть кумулятивного общемирового дефицита счета текущих операций приходилась на чистый импорт нефти (IMF, 2023). Этот дефицит требовал финансирования, которое по бухгалтерской логике компенсировалось соответствующим положительным сальдо счета текущих операций экспортеров нефти. Но поскольку цена на нефть определялась и в основном продолжает определяться в долларах, нетто-импортеры нефти обычно заимствовали средства для формирования положительного сальдо в долларах, пусть и косвенно. Это позволило высвободить потенциальные заемные средства для импорта товаров, связанных с инфраструктурой возобновляемой энергетики, но в то же время

внесло некоторую неопределенность в процесс выставления торговых счетов — этот вопрос рассматривается в следующем разделе.

Некоторые развивающиеся страны выиграют от повышения спроса на сырьевые материалы, критически важные для электрификации. Согласно последнему анализу ЮНКТАД, общемировой ответ на растущий спрос на минеральное сырье, необходимое для энергетического перехода, в основном заключается в увеличении добычи полезных ископаемых (рис. III.5). Страны-импортеры стремятся обеспечить себе доступ к этим полезным ископаемым, зачастую наращивая добычу на внутреннем рынке в рамках широкомасштабных усилий по устранению разрыва между спросом и предложением. Общемировые бюджеты на геологоразведку в 2022 году выросли на 16 процентов после значительного 34-процентного подъема в 2021 году. Наибольшая часть этих геологоразведочных работ (25 процентов) в 2022 году осуществлялась в Латинской Америке. На втором месте — Африка, на долю которой пришлось 17 процентов (Standard and Poor's Global Market Intelligence, 2023). Инвестиции в разработку важнейших полезных

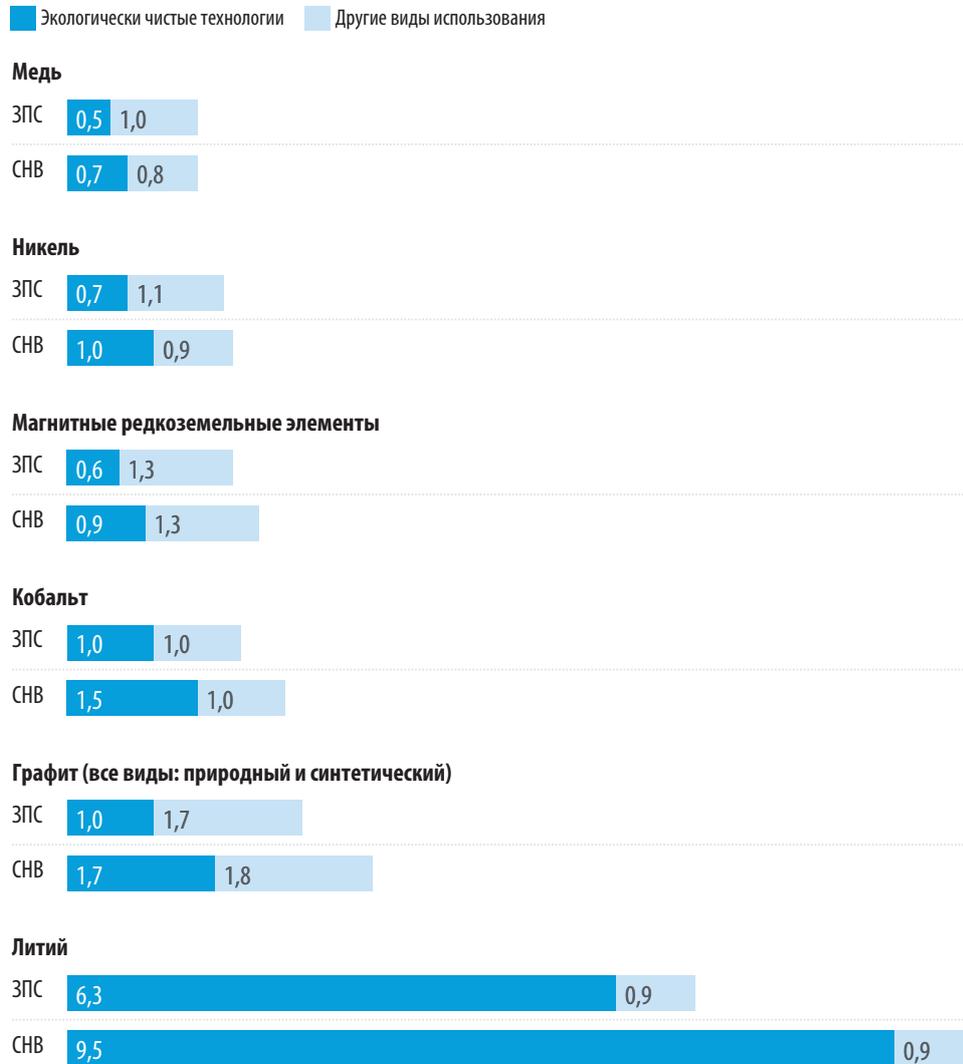

Рис. III.5

Спрос на ключевые для энергетического перехода полезные ископаемые растёт и, вероятно, значительно увеличится к 2050 году

Отношение спроса, ожидаемого к 2050 году по заявленному политическому сценарию и по сценарию с нулевыми выбросами, к спросу в 2023 году

Источник: ЮНКТАД на основе данных IEA, 2024b.

Примечание: ЗПС — заявленный политический сценарий, СНВ — сценарий с нулевыми чистыми выбросами; оба сценария — к 2050 году.

ископаемых резко возросли — на 30 процентов в 2022 году после 20-процентного роста в 2021 году (IEA, 2023). Пока неясно, хватит ли этих инвестиций для удовлетворения растущего спроса (UNCTAD, 2024с: 43).

Важно не преувеличивать степень, в которой спрос на минералы может стимулировать развитие стран, и понимать, что количество таких стран невелико. Некоторые материалы,

необходимые для возобновляемых источников энергии, такие как литий, географически широко распространены (таблица III.3), хотя их переработка в настоящее время довольно сильно сконцентрирована. Другие, такие как кобальт или редкоземельные металлы, — нет. Страны с развитой экономикой, такие как Австралия и Соединенные Штаты, уже стимулируют местное производство с

Важно не преувеличивать степень, в которой спрос на минералы, важные для энергетического перехода, может стимулировать развитие стран, и понимать, что количество таких стран невелико.

Таблица III.3
Запасы лития географически рассредоточены

Регионы	Производство		Резервы		Ресурсы	
	Тонны (тысячи)	Количество стран	Тонны (тысячи)	Количество стран	Тонны (тысячи)	Количество стран
Африка	1	1	220	1	4 340 000	5
Азия и Океания	54	2	6 200	2	11 550 000	3
Европа	1	1	60	1	5 870 000	7
Северная Америка	1	1	1 280	2	10 800 000	2
Южная Америка	26	3	11 195	3	52 950 000	6
Прочие			2 045		490 000	

Источник: ЮНКТАД на основе данных Международной литиевой ассоциации.

Новые технологии могут дестабилизировать работу рынков, неблагоприятно повлиять на торговлю и стабильность, при этом зависимость от дефицитных материалов повышает риски.

помощью новой промышленной политики. Власти Норвегии объявили о наличии месторождения редкоземельных элементов объемом 8,8 млн тонн в июне 2024 года. Соображения безопасности стимулируют усилия по поиску легкодоступных и имеющихся поблизости материалов для батарей, таких как железо, вместо того чтобы полагаться на минералы с концентрированными источниками поставок, например кобальт.

Этот анализ выявляет несколько рисков для развивающихся стран.

- 1 Во-первых, электрификация может снизить потенциал экспорта сырья как фактора развития.** Хотя объемы некоторых видов экспорта могут увеличиться пропорционально росту населения, многие из них, скорее всего, сократятся как в количественном, так и в стоимостном выражении на душу населения.
- 2 Во-вторых, внедрение новых технологий может дестабилизировать**

существующие рынки, неблагоприятно повлиять на торговые потоки и экономическую стабильность.

Зависимость от критически важных и дефицитных материалов для производства батарей еще больше усиливает эти риски, поскольку цепочки поставок подвержены сбоям и, как следствие, влиянию колебаний цен и дефицита.

- 3 В-третьих, колебания спроса, проблемы с цепочками поставок и геополитические факторы могут вызвать значительную волатильность цен на новые энергетические технологии и виды транспорта.**

По мере развития этих технологий общемировые изменения экономической мощи и баланса внешней торговли могут неблагоприятно повлиять на торговые взаимоотношения и соглашения.

Эти риски указывают на важность международных соглашений и механизмов, которые помогут реализовать глобальный переход к более устойчивым транспортным системам, одновременно решая сложные проблемы, связанные с трансформацией энергетики (вставка III.3).

Вставка III.3

Автомобили, корабли и самолеты: международные политические механизмы способствуют развитию более устойчивого транспорта

Для достижения общемировых целей по сокращению выбросов, например установленных Парижским соглашением, страны часто устанавливают конкретные целевые показатели сокращения выбросов от транспорта, в том числе в рамках определяемых на национальном уровне вкладов. Такие обязательства привели к разработке политики, способствующей внедрению экологически чистых транспортных технологий и методов.

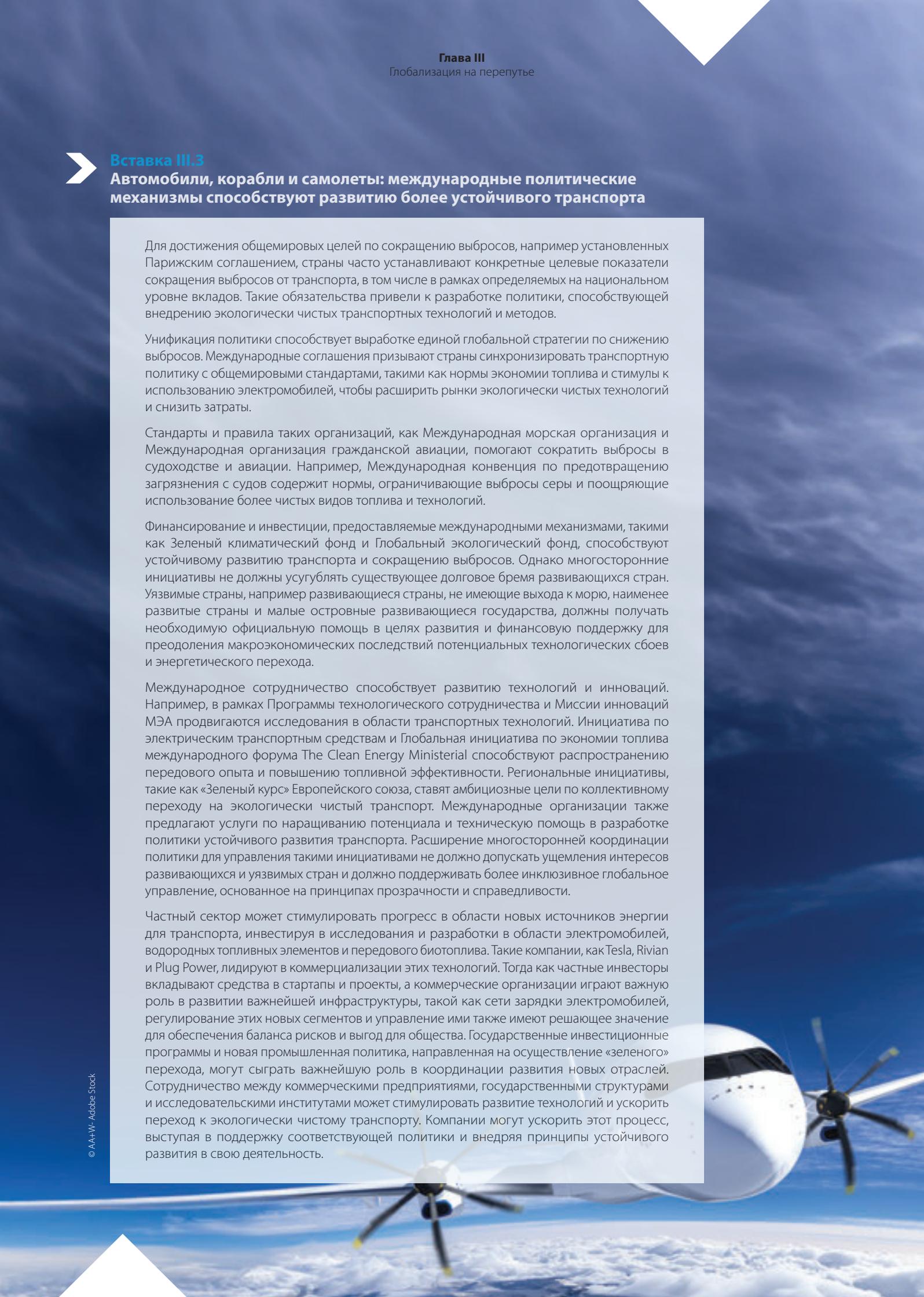
Унификация политики способствует выработке единой глобальной стратегии по снижению выбросов. Международные соглашения призывают страны синхронизировать транспортную политику с общемировыми стандартами, такими как нормы экономии топлива и стимулы к использованию электромобилей, чтобы расширить рынки экологически чистых технологий и снизить затраты.

Стандарты и правила таких организаций, как Международная морская организация и Международная организация гражданской авиации, помогают сократить выбросы в судоходстве и авиации. Например, Международная конвенция по предотвращению загрязнения с судов содержит нормы, ограничивающие выбросы серы и поощряющие использование более чистых видов топлива и технологий.

Финансирование и инвестиции, предоставляемые международными механизмами, такими как Зеленый климатический фонд и Глобальный экологический фонд, способствуют устойчивому развитию транспорта и сокращению выбросов. Однако многосторонние инициативы не должны усугублять существующее долговое бремя развивающихся стран. Уязвимые страны, например развивающиеся страны, не имеющие выхода к морю, наименее развитые страны и малые островные развивающиеся государства, должны получать необходимую официальную помощь в целях развития и финансовую поддержку для преодоления макроэкономических последствий потенциальных технологических сбоев и энергетического перехода.

Международное сотрудничество способствует развитию технологий и инноваций. Например, в рамках Программы технологического сотрудничества и Миссии инноваций МЭА продвигаются исследования в области транспортных технологий. Инициатива по электрическому транспортным средствам и Глобальная инициатива по экономии топлива международного форума The Clean Energy Ministerial способствуют распространению передового опыта и повышению топливной эффективности. Региональные инициативы, такие как «Зеленый курс» Европейского союза, ставят амбициозные цели по коллективному переходу на экологически чистый транспорт. Международные организации также предлагают услуги по наращиванию потенциала и техническую помощь в разработке политики устойчивого развития транспорта. Расширение многосторонней координации политики для управления такими инициативами не должно допускать ущемления интересов развивающихся и уязвимых стран и должно поддерживать более инклюзивное глобальное управление, основанное на принципах прозрачности и справедливости.

Частный сектор может стимулировать прогресс в области новых источников энергии для транспорта, инвестируя в исследования и разработки в области электромобилей, водородных топливных элементов и передового биотоплива. Такие компании, как Tesla, Rivian и Plug Power, лидируют в коммерциализации этих технологий. Тогда как частные инвесторы вкладывают средства в стартапы и проекты, а коммерческие организации играют важную роль в развитии важнейшей инфраструктуры, такой как сети зарядки электромобилей, регулирование этих новых сегментов и управление ими также имеют решающее значение для обеспечения баланса рисков и выгод для общества. Государственные инвестиционные программы и новая промышленная политика, направленная на осуществление «зеленого» перехода, могут сыграть важнейшую роль в координации развития новых отраслей. Сотрудничество между коммерческими предприятиями, государственными структурами и исследовательскими институтами может стимулировать развитие технологий и ускорить переход к экологически чистому транспорту. Компании могут ускорить этот процесс, выступая в поддержку соответствующей политики и внедряя принципы устойчивого развития в свою деятельность.

2. Новые технологии общего назначения, потребительские и инвестиционные товары

Биотехнологии, биоинформатика и искусственный интеллект могут привести к замене экспорта развивающихся стран местным производством в странах с развитой экономикой.

Биогеномика, усовершенствованная с помощью искусственного интеллекта, в сочетании с другими прецизионными биотехнологиями второго поколения представляет собой вторую серьезную угрозу для развития, опирающегося на экспорт. Причина проста. В период с 2013 по 2022 год экспорт сельскохозяйственной продукции и полезных ископаемых в среднем составлял более 50 процентов товарного экспорта 71 из 155 стран, входящих в определяемую МВФ группу стран с формирующимся рынком и развивающихся стран. Сорок шесть из 71 страны входят в число беднейших стран мира, составляя 58 процентов стран с низким доходом и стран нижнего сегмента среднего уровня дохода по критерию 2022 года, принятому Всемирным банком. Биотехнологии второго поколения, биоинформатика и создание потенциально новых материалов на основе искусственного интеллекта грозят заместить экспорт из этих стран продукцией местного производства в странах с развитой экономикой. Риски объясняются тремя группами факторов.

Во-первых, сельское хозяйство в целом превращается из трудоемкого вида деятельности с нерегулярными урожаями и длинными логистическими цепочками в сложную, финансиализированную и оцифрованную систему с предсказуемым качеством, масштабируемыми объемами и близостью к конечным рынкам. Концентрация корпоративного контроля и усиление финансового фактора (финансиализация) в глобальной продовольственной системе приносят выгоду крупным корпоративным группам, доминирующим на рынке, как правило, в ущерб производителям в развивающихся странах (глава IV). Несколько крупных корпораций и финансовых учреждений асимметрично поглощают прибыль от товарных бумов и волатильности рынков (UNCTAD, 2023с).

В рамках этих институциональных изменений новые технологии и передовая робототехника сделали цифровое земледелие более доступным и экономически приемлемым. В принципе такие сдвиги могут повысить эффективность и производительность сельского хозяйства, что благоприятно скажется на доходах фермеров и окружающей

среде. Однако цифровизация сельского хозяйства может еще больше ускорить процесс концентрации данных о геноме растений в руках нескольких крупных семеноводческих компаний. Владение данными и контроль над ними, связанные с прецизионными технологиями в сельском хозяйстве, означают, что преимущества, если они будут реализованы, вряд ли дойдут до большинства фермеров мира (Clapp and Ruder, 2020).

Во-вторых, программы биогеномики и визуализации белков с использованием искусственного интеллекта¹⁶ позволяют компаниям проводить реинжиниринг белковых структур. Когда структура известна, ДНК и РНК могут быть точно построены для создания белков, которые могут встречаться в природе, а могут и не встречаться. Некоторые компании из развитых стран¹⁷ уже разработали производственные процессы, позволяющие получать аналоги паучьего шелка, хотя пока еще не по коммерчески выгодным ценам. Но данное ограничение указывает скорее на инженерную проблему, чем на какое-то фундаментальное препятствие. Новые материалы на биологической основе больше не являются «анобтаниумом» (недостижимым элементом) в механической инженерии.

Продукты, созданные на биологической основе, потенциально способны вытеснить производство сырья из развивающихся стран. Эти новые материалы могут легко вытеснить производство натуральных волокнистых материалов, таких как хлопковое волокно, благодаря их большей прочности, износостойкости и устойчивости к образованию пятен (Tummino et al., 2023). В случае с хлопком потери, скорее всего, будут разделены между развитыми и развивающимися странами, учитывая, что около 40 процентов мирового экспорта хлопка приходится на Соединенные Штаты.

В целом около 45 процентов экспорта из 55 наиболее уязвимых стран приходится на сельскохозяйственную продукцию. Как и в случае с нефтью, новые материалы вряд ли вытеснят все существующие объемы производства и экспорта. Однако они могут ограничить рост объемов и оказать понижающее давление на стоимость, что, в свою очередь, будет препятствовать росту местного спроса, необходимого для стимулирования инвестиций в производство. Страны с развивающейся экономикой могут стать производителями сырья для новых биологических производственных

Контроль над данными в прецизионном земледелии может привести к тому, что его преимуществами не сможет воспользоваться большинство фермеров мира.

¹⁶ См., например, AlphaFold Protein Structure Database.

¹⁷ Такие, как Bolt Threads и Gingko Bioworks.

процессов, но это приведет к тому, что они окажутся в сегменте с более низкой добавленной стоимостью в товарной или производственно-сбытовой цепочке.

Биоинженерия может позволить выращивать некоторые тропические фрукты и овощи в умеренном климате, в частности в так называемых установках для вертикального фермерства. Она также может расширить ассортимент сельскохозяйственной продукции, производимой в развивающихся странах с использованием методов, требующих значительной земельной территории, как для экспорта, так и для внутреннего потребления. Однако исторические данные свидетельствуют о том, что большую часть доходов, как правило, получают владельцы интеллектуальной собственности, относящейся к этим новым товарам или необходимым исходным ресурсам, из развитых стран (Dosi and Stiglitz, 2013).

Некоторые развивающиеся страны сумели преодолеть эту проблему. Одним из таких примеров является разработка в Бразилии соевых бобов, оптимизированных для местных почв. Но большинство развивающихся стран вряд ли обладают таким исследовательским потенциалом, как эта страна. Они могут столкнуться с доминированием крупных компаний в пищевой промышленности и агрохимии (Baines, 2017). Даже Бразилия испытывает затруднения с получением основной части доходов от своей цепочки производства соевых бобов. По оценкам Медины и Томе (Medina and Thomé, 2021), она получает лишь 36 процентов общей прибыли, учитывая ее почти полную зависимость от иностранных фирм в производстве тракторов и комбайнов, поставках семян и маркетинге, а также меньшую, но все же значительную зависимость от удобрений и пестицидов иностранного производства (рис. III.6).

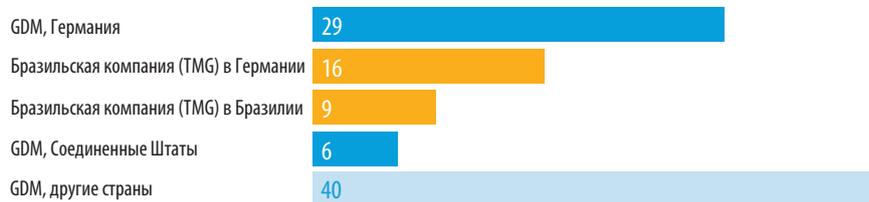
Бразилия, крупнейший экспортер сельскохозяйственной продукции, получает всего 36 % прибыли от производства сои в связи с сильной зависимостью от иностранного оборудования и семенного материала.

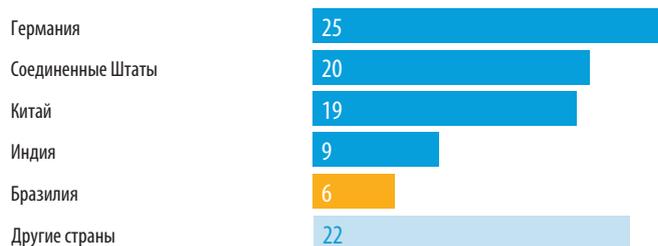
Рис. III.6
Бразилия теряет значительную часть доходов в цепочке производства соевых бобов из-за сохраняющейся зависимости от поставок ресурсов иностранными компаниями

Отдельные компоненты цепочки производства соевых бобов в Бразилии, 2020 год (проценты)

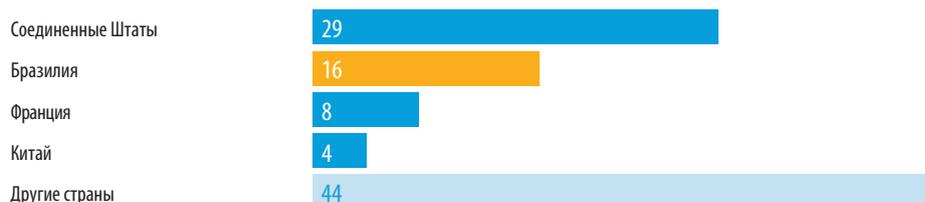
А. Производство семян

В. Пестициды

С. Торговля

Источник: ЮНКТАД на основе данных Medina and Thomé (2021: 63).

Примечания: На бразильском рынке производства семян сои действуют только две компании, что позволяет показать структуру рынка на уровне стран и компаний. Количество фирм, действующих на бразильских рынках пестицидов и конечной продукции, больше, поэтому в разделах В и С показана структура рынка только на уровне стран.

Спрос на нефтехимическую продукцию может сохраниться при электрификации автопарка, но загрязнение среды пластиком стимулирует использование биозаменителей, ограничивая будущий экспорт нефти.

Биоинженерные продукты представляют двойную угрозу для экспортеров нефти. Во-первых, биоинженерия сельскохозяйственных культур, способных лучше фиксировать азот, с высокой вероятностью снизит спрос на удобрения, основная часть которых производится из метана. Рост спроса на экологически чистые продовольствие и продукцию сельского хозяйства может усилить эту тенденцию. Во-вторых, хотя спрос на нефтехимические продукты может сохраниться даже при электрификации автопарка, загрязнение окружающей среды пластиком стимулирует поиск материалов-заменителей на биологической основе. Как и в случае с усовершенствованием сельскохозяйственных культур, это ограничивает объемы поставок и цены на нефть для экспортеров в будущем. Пластик является высокодоходной частью цепочки создания стоимости ископаемого топлива, поскольку его получают по очень низкой цене как побочный продукт нефтепереработки. С точки зрения борьбы с изменением климата сокращение использования пластика и переход на непластиковые заменители — хорошая новость.

Это изменение создает как проблемы, так и возможности в плане политики для стран, зависящих от экспорта нефти. В настоящее время ведутся переговоры о заключении нового глобального договора, регулирующего использование пластмасс, в том числе о создании фонда для покрытия расходов, связанных с переходом к новым материалам и преобразованием отрасли. Прибыль можно получить и за счет перехода на заменители пластика. Некоторые страны, сильно подверженные неблагоприятному воздействию пластика, уже используют альтернативные материалы, в том числе из морских водорослей.

Однако не все страны, экспортирующие ископаемое топливо, являются крупными производителями пластика; иногда они даже являются чистыми импортерами пластика, если у них нет необходимых химических заводов или нефтеперерабатывающих предприятий. В целом регулирование производства, использования пластмасс и торговли ими, а также содействие переходу на менее проблематичные варианты приносят многосторонние выгоды в контексте общественного здоровья, экономики и окружающей среды (Barrowclough and Deere-Birkbeck, 2022; UNCTAD, 2023a).

Третья угроза экспорту — сочетание искусственного интеллекта и новых аддитивных технологий производства. Аддитивные технологии производства, такие как трехмерная печать, обеспечивают быстрое создание прототипов и изготовление деталей по индивидуальным параметрам, что позволяет оперативно производить чувствительные ко времени изготовления товары и компоненты гораздо ближе к конечному пользователю (например, Calignano and Mercurio, 2023). Рассредоточение требующих высоких затрат труда и слабо связанных между собой производств комплектующих транснациональными компаниями и полностью готовых потребительских товаров краткосрочного пользования розничными продавцами имело экономический смысл только тогда, когда затраты на логистику и рабочую силу, а также чувствительность ко времени изготовления (доставки) были относительно низкими. Расходы на логистику составляют около 30 процентов от конечной стоимости товаров, перевозимых из Азии в Соединенные Штаты или Европу. Эти расходы могут возрасти, если правительства всерьез займутся налогообложением углеродных компонентов ископаемого топлива,

Рис. III.7
Более дешевая транспортировка способствовала рассредоточению производства, но цены на нефть сегодня значительно превышают уровни 1990-х годов

Цена барреля сырой нефти марки Brent, январь 1990 года — май 2024 года (доллары)

Источник: ЮНКТАД на основе экономических данных Федеральной резервной системы Соединенных Штатов.

используемого для водного и воздушного транспорта. В период с 1990 по 2005 год цены на нефть марки Brent составляли в среднем 24 доллара за баррель, а в период с 2006 по 2023 год — 77 долларов за баррель (рис. III.7).

Хотя в период с 2014 по 2023 год цены снизились в среднем до 68 долларов, они по-прежнему значительно выше, чем в 1990-х годах. С корректировкой на инфляцию по индексу потребительских цен Соединенных Штатов, поскольку большая часть нефти оценивается в долларах, нефть сейчас стоит примерно в два раза дороже, чем в эпоху

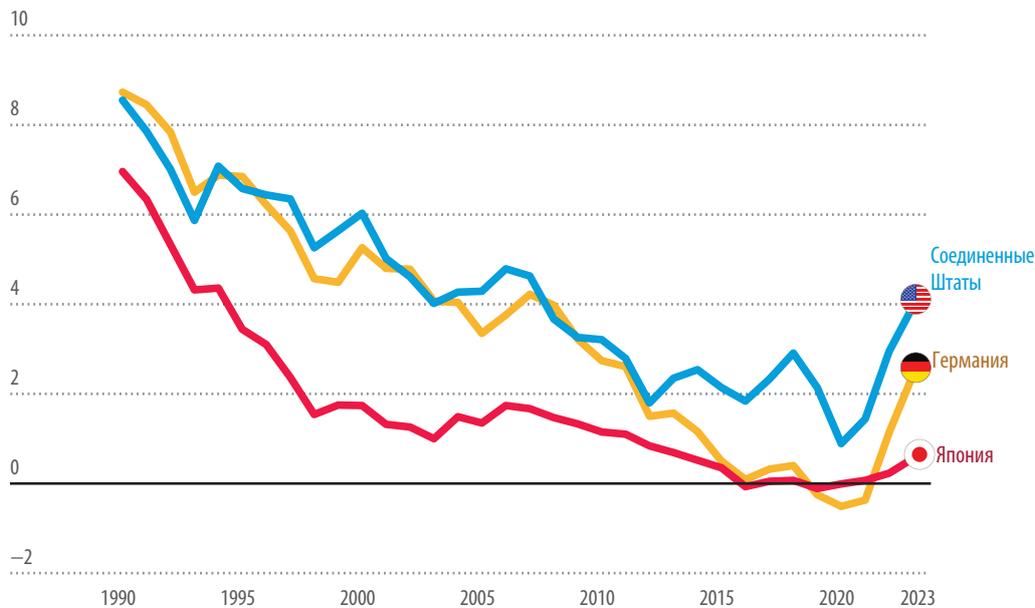
гиперглобализации. В то же время снижение безопасности морских перевозок привело к повышению стоимости страхования и увеличению времени перевозки на морских и некоторых воздушных грузовых маршрутах из Азии в Европу¹⁸. Любой долгосрочный отказ от чрезвычайно низких процентных ставок, действовавших в 2010-х годах, вероятно, приведет к росту логистических затрат, поскольку запасы в транспортной цепочке (например, товары в контейнерах на судах) необходимо финансировать (рис. III.8).

Рис. III.8

Повышение процентных ставок по долгосрочным государственным облигациям может привести к резкому росту логистических затрат

Процентные ставки по 10-летним государственным облигациям в Германии, Соединенных Штатах и Японии (проценты)

Источник: Ежемесячный набор данных валютно-финансовой статистики ОЭСР.

Рост затрат на логистику стимулирует использование новых локальных технологий производства. Так называемая третья производственная революция — применение информационных технологий на всех этапах производства, и особенно аддитивного производства с использованием искусственного интеллекта, — может снизить капитальные затраты в соотношении с заработной платой за счет сокращения времени простоя, ошибок и непроданных запасов. Она также может способствовать обслуживанию локализованных рынков,

предлагая крайне индивидуализированную продукцию, производимую по запросу и адаптированную для рынков развитых стран. Благодаря преимуществам дизайна и качества, которые трудно найти и поддерживать в развивающихся странах, этот сдвиг может привести к переходу на местное производство товаров, ранее производившихся в отдаленных местах с низкой оплатой труда. Что касается затрат, то искусственный интеллект, вероятно, повысит эффективность автоматизации, что позволит исключить часть затрат на дорогостоящую рабочую силу в развитых

Если мы хотим, чтобы преимущества технологического прогресса, основанного на искусственном интеллекте, получили широкое распространение, необходимо устранять риски дальнейшего увеличения неравенства.

¹⁸ На основе экспресс-оценки ЮНКТАД за февраль 2024 года, URL: <https://unctad.org/publication/navigating-troubled-waters-impact-global-trade-disruption-shipping-routes-red-sea-black>.

странах при принятии корпоративных решений о размещении производства. В этой связи МОТ предупреждает, что для широкого распространения преимуществ технологий, основанных на искусственном интеллекте, необходимо устранять риски дальнейшего увеличения неравенства (Ernst et al., 2018).

Хотя искусственный интеллект в целом представляется переоцененным, он, скорее всего, повлечет за собой значительные негативные последствия для требующих больших затрат труда оффшорных услуг, таких как, на низшем техническом уровне, телефонная поддержка и обслуживание клиентов. Рутинные, поддающиеся алгоритмизации экспортные услуги по обслуживанию клиентов уже передаются чат-ботам на основе искусственного интеллекта, что снижает спрос на рабочую силу и, соответственно, совокупную стоимость такого экспорта (Chang and Phu Huynh, 2016).

Этот сдвиг может быть особенно неприятным для поставщиков услуг в Индии и на Филиппинах. В 2023 году семь индийских компаний-гигантов в сфере информационных технологий, включая две крупнейшие — Tata Consultancy Services и Infosys, — уволили 75 000 сотрудников, или около 4 процентов от общего числа работников (The Economist, 2024). Аналогичную этим индикаторам картину отражают текущие изменения в структуре прямых иностранных инвестиций в мире, где доля новых инвестиций в секторы с высокой добавленной стоимостью выросла

с 45 процентов в 2004–2007 годах до 63 процентов в 2020–2023 годах (UNCTAD, 2024b). Это создает серьезные проблемы для разработчиков политики в странах с низким уровнем дохода, которые все еще находятся на ранних стадиях развития глобальных цепочек создания добавленной стоимости.

В более широком смысле, внедрение новых технологий широкого применения в сочетании с потенциально большим объемом возобновляемой энергии может привести к дефляции цен многих сырьевых товаров и недифференцированных промышленных товаров. Это, вероятно, создаст две финансовые проблемы для развивающихся стран. Во-первых, это может привести к сокращению экспортных доходов и замедлению совокупного спроса. В свою очередь, это может препятствовать местным инвестициям и снижать общемировой спрос на инвестиционные товары. Во-вторых, падение экспортных цен приведет к уменьшению доходов для обслуживания долгов, проценты и основная сумма которых фиксированы в номинальном выражении (рис. III.9). Это может усилить давление внешнего долга как на макроэкономический баланс, так и, опять же, на местный совокупный спрос. Если политики не будут принимать меры, эти два фактора могут вызвать каскад комплексных кризисов на системном уровне, подобных «потерянному десятилетию», которое пережили страны Латинской Америки и некоторые другие страны после долгового кризиса 1982 года.

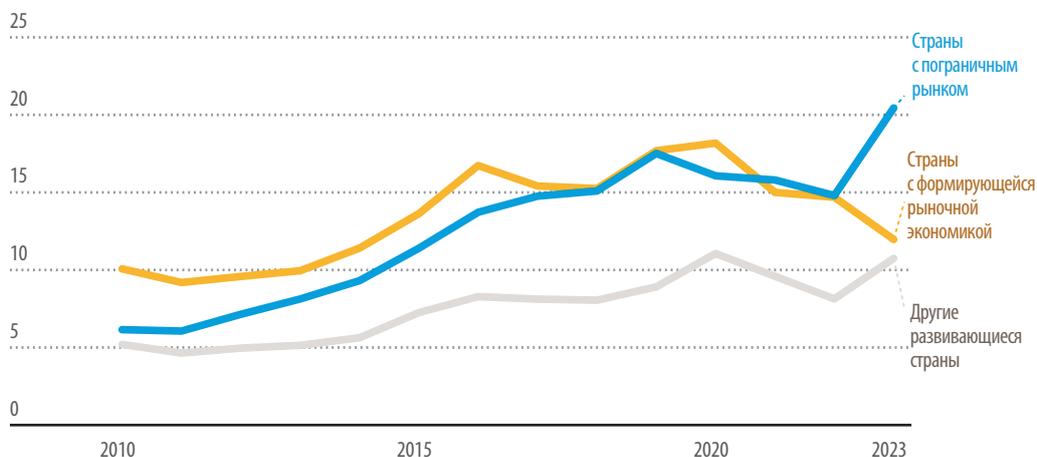
Новые технологии и изобилие энергии из возобновляемых источников могут вызвать дефляцию цен сырьевых товаров и недифференцированных промышленных товаров.

Рис. III.9

Рост отношения расходов на обслуживание внешнего долга к экспортным доходам может спровоцировать каскадные кризисы

Доля экспортных доходов, расходуемых на обслуживание долга, в разбивке по типам экономик (проценты)

Источник: Расчеты ЮНКТАД на основе статистики Всемирного банка по международной задолженности и доклада МВФ «Перспективы развития мировой экономики».

Подводя итог, можно сказать, что любое широкое внедрение технологий шестой волны роста, с учетом того, что изменение климата может ускорить энергетический переход, грозит сокращением основных источников экспортных доходов развивающихся стран. Этот процесс может помешать традиционному пути экономического развития, поскольку экспорт имеет решающее значение в дополнение к местному совокупному спросу. Хотя не все характеристики этой технологической революции являются негативными, большинство из них негативны для развивающихся стран. Поэтому сокращение текущей долговой нагрузки имеет жизненно важное значение для обеспечения их финансовой устойчивости при изменениях, происходящих в экономике.

Приведенное выше обсуждение в значительной мере оставило в стороне геополитические факторы, которые будут рассмотрены в разделе D; они тоже в основном являются негативными.

3. Корпоративная и социальная организация

В предшествующих выпусках данного доклада за 2017 и 2018 годы рассматривались некоторые вероятные последствия цифровизации для международной организации производства и занятости. В докладе 2018 года утверждалось, что цифровизация может сократить доминирование головных компаний и привести к смене командного управления более реляционными и модульными типами управления. Рост возможностей индивидуализации производства может привести к смещению контроля за цепочкой создания добавленной стоимости ближе к потребителям, чьи конкретные запросы в плане функциональности и свойств товаров смогут определять схемы проектирования и производства.

Однако получение этих преимуществ в решающей степени зависит от цифровых возможностей поставщика. Это связано с тем, что цифровизация также удовлетворяет потребность в более детальном финансовом и управленческом контроле и способствует увеличению гибкости головных компаний в плане выбора среди большего числа поставщиков. Для производителей, у которых нет цифрового потенциала, это может увеличить риск оттеснения или вытеснения (UNCTAD, 2018: 76). В этом отношении пример цифровой государственной инфраструктуры в Индии (India Stack) демонстрирует ту роль, которую государственная политика может играть в реализации странами преимуществ цифровых экосистем (Alonso et al., 2023).

Несмотря на растущее количество исследований, посвященных влиянию цифровизации и искусственного интеллекта, корпоративная организация остается неочевидным и непредсказуемым компонентом зарождающейся шестой волны роста. Социальная организация — еще менее очевидный (если вообще различимый) компонент, поскольку она является результатом многообразной политической и социальной борьбы в разных странах, но Перес (Perez, 2002) и Шварц (Schwartz, 2019) приводят ряд исторических примеров. Как бы то ни было, наметившийся в Соединенных Штатах и Европе поворот к ужесточению антимонопольной политики в условиях растущей мощи и размеров транснациональных компаний (Babić, 2023; Babić et al., 2023; Wang, 2015; UNCTAD, 2023c) свидетельствует о вызове, брошенном модели крупных компаний, принадлежащих акционерам и финансируемых с помощью публичного фондового рынка, которая преобладала после 1990 года. Также можно выделить некоторые новые формы корпоративной организации.

Во-первых, в принципе корпоративную организацию должны в какой-то мере определять технологические императивы (Kitschelt, 1991). Деятельность в области тяжелой промышленности не могут осуществлять малые фирмы; для биотехнологических исследований, по-видимому, больше подходят небольшие независимые команды. Однако на практике институциональный мимезис — человеческое стремление подражать тем формам корпоративной организации, которые кажутся очевидными (Dimaggio and Powell, 1983), — сохраняется независимо от технологических императивов. Важнейшей проблемой для развития является то, что большинство компаний вплетены в сложные товарные цепочки. Характер их связей определяет распределение создаваемой стоимости (см. также главу IV).

Например, рассмотрим разницу в прибыли на одного работника между Apple, Taiwan Semiconductor Manufacturing Co. (TSMC) и Hon Hai (материнская компания гиганта по сборке электроники Foxconn). В этой товарной цепочке Apple обладает значительным объемом прав интеллектуальной собственности в виде патентов на промышленные образцы и авторских прав на программное обеспечение. TSMC обладает секретными производственными знаниями и осуществила огромные инвестиции в физический капитал для производства ключевого процессорного чипа, используемого в iPhone. Foxconn привлекает более 1 миллиона работников в Китае для сборки iPhone и другой электроники. Хотя компания Foxconn обладает большим объемом производственных знаний, она полагается

Технологии шестой волны роста и энергетический переход ставят под угрозу экспорт из развивающихся стран, поэтому сокращение их задолженности становится решающим фактором устойчивости.

Ужесточение антимонопольной политики в Европе и Соединенных Штатах бросает вызов модели крупных компаний, принадлежащих акционерам, которая доминировала с 1990 года.

В странах с развитой экономикой закрытые акционерные общества вытесняют публичные компании, а в развивающихся странах преобладает государственная собственность.

на ключевое оборудование, принадлежащее Apple, чтобы добиться качества сборки и внешнего вида продукции, соответствующего уровню Apple (Satariano and Burrows, 2011). В итоге с 2004 по 2022 год Apple получила 465 451 евро кумулятивной прибыли на одного работника, TSMC — 257 919 евро на одного работника, а Hon Hai — всего 12 984 евро¹⁹.

Во-вторых, что касается институциональной эмуляции, то здесь, по-видимому, развиваются две несколько разные модели. Оба варианта предполагают некоторую степень абсентеистской собственности, при которой структуры с холдинговой компанией и отдельные компании представляют собой находящиеся в свободном распоряжении совокупности активов. В развитых странах все чаще используются акционерный капитал, не котируемый на биржах (Appelbaum and Batt, 2014), и институциональная собственность (Braun, 2022), вытесняя традиционные компании, зарегистрированные на бирже (Feldman and Kenney, 2024; Murugaboopathy and Ogu, 2022). Во многих развивающихся экономиках, как представляется, получает развитие модель государственной собственности через посредство суверенных фондов благосостояния или новая версия старой модели Гершенкрона с государственными банками (Babić, 2023; Babić et al., 2023; Wang, 2015).

Хотя эти изменения могут показаться не слишком значительными по сравнению с долей зарегистрированных на бирже компаний в ВВП, составляющей примерно 25–30 процентов, доля закрытых акционерных обществ росла, а доля зарегистрированных на бирже компаний падала на протяжении последних 30 лет (Schlingemann and Stulz, 2022). Доля капитала закрытых акционерных обществ (в отличие от частной собственности) в ВВП Соединенных Штатов выросла примерно до 6,6 процента в 2022 году (Ernst and Young, 2023). Хотя капитал закрытых акционерных обществ играет менее значимую роль за пределами Соединенных Штатов, растет доля капитализации рынка акций, опосредованная через американских и других институциональных инвесторов, а также расширяется присутствие закрытых акционерных обществ.

В-третьих, налицо признаки обращения вспять процесса вертикальной дезагрегации, характерного для корпоративных структур с 1980-х годов по настоящее время. После 1980-х годов многие компании, в том числе и особенно в Соединенных Штатах, вывели в отдельные структуры некоторые виды деятельности, требующие высоких затрат неквалифицированного труда и вложений физического капитала, чтобы сосредоточиться

на «основной деятельности» (Pralahad and Hamel, 1990), которая зачастую требует больших затрат человеческого капитала.

Хрестоматийным, но не уникальным примером является компания Apple. Сначала Apple производила свою продукцию на собственных заводах. Но с середины 1990-х годов она в основном разрабатывала программное обеспечение, а потом и полупроводниковые чипы. Она передавала производство чипов и других физических компонентов своей продукции на субподряд различным японским и европейским компаниям и затем поручала сборку компонентов предприятиям в Азии, использующим большое количество наемного труда. Однако в последнее время Apple все в большей степени интегрирует то, что раньше было отдельными компонентами, в центральный процессор собственной разработки — «мозг» компьютера. Хотя это и не полномасштабная вертикальная реинтеграция, она обращает вспять прежние тенденции, поскольку переносит создание стоимости внутрь компании. Apple также осуществляет тщательное наблюдение и контроль над своими сборщиками и некоторыми производителями комплектующих, что напоминает своего рода фактическую реинтеграцию.

Аналогичным образом китайский производитель автомобилей BYD вернулся к комплексной вертикально интегрированной модели производства автомобилей, которая была характерна для автомобильных компаний в 1960-х и 1970-х годах. Другие автопроизводители приобретают доли в компаниях — производителях аккумуляторов или создают такие компании; это указывает на то, что реинтеграция — это динамично развивающееся явление в критически важном секторе производства автомобилей. Эти примеры отражают общий процесс изменения конфигурации глобальных цепочек создания добавленной стоимости в сторону менее сложных и фрагментированных структур в стремлении к безопасности и устойчивости (UNCTAD, 2024b, 2024c).

Получить представление о потенциальных социальных и политических институтах, которые могли бы привести спрос и предложение в равновесие, еще сложнее. Особенно на общемировом уровне, учитывая трудности, связанные с заключением любого масштабного многостороннего соглашения. Лишь немногие подобные переговоры увенчались успехом после неоднозначного Дохинского раунда переговоров в рамках ВТО. Опять-таки, сохраняющиеся общемировые дисбалансы (рис. III.10), вызванные дисбалансами спроса и предложения на

¹⁹ Рассчитано на основе данных Директората по экономике промышленных исследований и инноваций Европейского союза, URL: <https://iri.jrc.ec.europa.eu/data..>

местном уровне в ключевых экономиках, будут оказывать значительное давление на глобальные институты, регулирующие торговлю, и внутреннюю политику в странах, являющихся нетто-экспортерами, и в странах, являющихся нетто-импортерами. Как утверждает Майкл Петтис (Michael Pettis, 2024), во всех трех крупных странах, имеющих не нефтяной профицит, наблюдается

сокращение заработной платы относительно базовой производительности или подавление спроса в масштабах всей экономики.

При этом значительный разрыв между предложением и внутренним спросом в странах, являющихся ключевыми нетто-экспортерами, становится все более неприемлемым, но для экспортеров нефти, как отмечалось выше, эта ситуация сложнее.

Рис. III.10
Общемировые дисбалансы спроса и предложения будут оказывать давление как на торговлю, так и на внутреннюю политику

Доля накопленного дефицита и профицита счета текущих операций, 1992–2022 годы (проценты)

Источник: ЮНКТАД на основе базы данных МВФ «Перспективы развития мировой экономики», апрель 2024 года.
Примечание: Экспортерами сырой нефти с профицитом являются Азербайджан, Алжир, Ангола, Бахрейн, Бруней-Даруссалам, Венесуэла (Боливарианская Республика), Габон, Ирак, Иран (Исламская Республика), Катар, Кувейт, Ливия, Нигерия, Норвегия, Объединенные Арабские Эмираты, Российская Федерация, Саудовская Аравия и Эквадор.

Проще говоря, на долю 10 крупнейших нетто-экспортеров товаров, включая экспортирующих нефть Норвегию, Российскую Федерацию и Саудовскую Аравию, пришлось около 77 процентов совокупного положительного сальдо счета текущих операций в мире в период с 1992 по 2022 год. Практически все эти страны имели не просто регулярное, а постоянное положительное сальдо в течение этого периода, что свидетельствует о структурном, а не конъюнктурном положительном сальдо. При этом во всех этих странах доля конечного потребления домохозяйств в структуре ВВП была значительно ниже среднемирового уровня, что свидетельствует о некоторой степени подавления внутреннего спроса. В течение этого длительного периода в некоторых странах с положительным сальдо

доля конечного потребления домохозяйств составляла от 30 до 50 процентов ВВП.

Причина, по которой следует сосредоточиться на странах с профицитом, а не с дефицитом, заключается в том, что корректировка в сторону увеличения потребления в первых оказывает меньшее дефляционное воздействие на мировую экономику, чем сокращение потребления во вторых. Несоответствие между предложением и слабым спросом может увеличиться, если недавние национальные усилия по расширению местного предложения с помощью промышленной политики окажутся успешными. Это ведет к решающему вызову для моделей развития, построенных на экспорте, а именно к переломным изменениям в режиме глобальной торговли.

Общемировой дисбаланс может увеличиться, если усилия стран по стимулированию местного производства с помощью промышленной политики не будут сопровождаться ростом спроса.

Сокращение высокооплачиваемых рабочих мест в обрабатывающей промышленности или ощущение невозможности получить такие рабочие места в будущем усиливают страх экономической незащищенности, вызываемый нестабильностью наличия средств к существованию.

D. Понимание движущих сил и последствий фрагментации системы торговли

Фрагментацию торговли можно определить «как обусловленное политикой изменение глобальных торговых потоков и реорганизацию [глобальных цепочек создания стоимости], во многих случаях осуществляемые из стратегических соображений» (Gaal et al., 2023: 2). Хотя в краткосрочной перспективе такие изменения легко списать на возросшие геополитические риски, в более долгосрочной перспективе изменения в международной торговле, вызываемые политикой, имеют более глубокие причины. На соотношение выгод и потерь от глобализации и, что особенно

важно, на восприятие этого соотношения обществом влияет ряд факторов. Однако связь между политикой либерализации и производством, как правило, находит самый сильный отклик в политическом подходе к торговой политике, в прошлом и в настоящем.

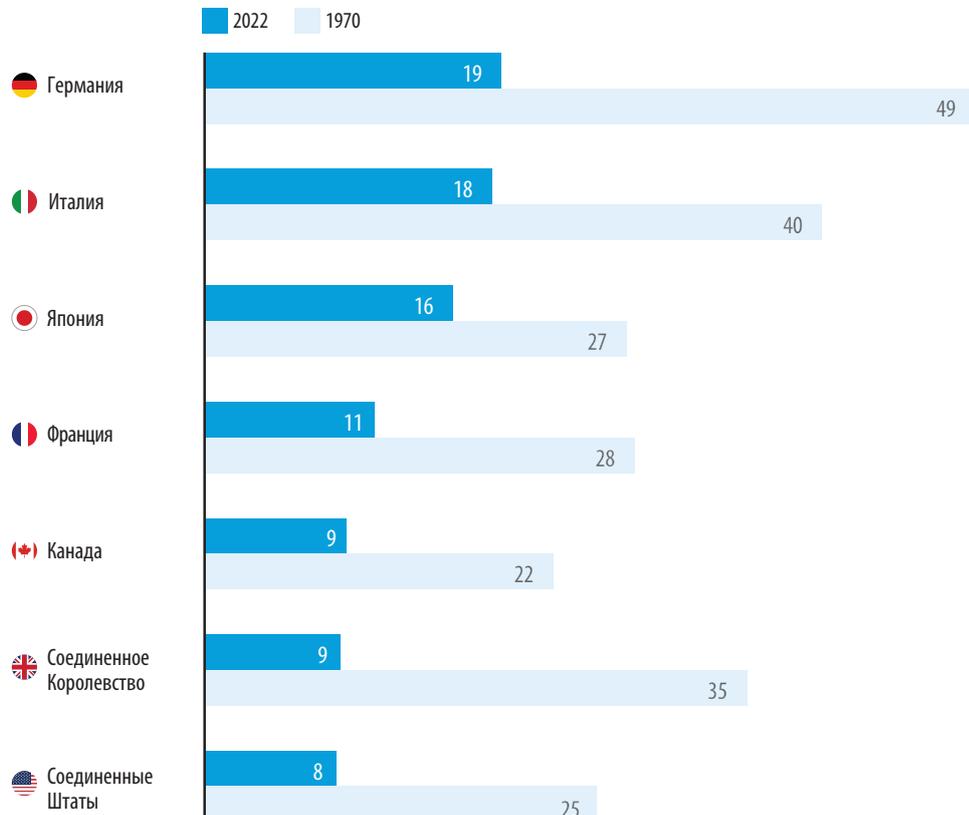
Сегодня многие работники в развитых странах, «воспитанные на обещаниях демократии среднего класса, в основе которой лежит стабильная работа в промышленности, оказываются в ситуации нестабильной занятости в экономике фриланса (Galbraith, 2024; рис. III.11).

Рис. III.11

Трудящиеся в развитых странах долгое время могли рассчитывать на стабильные рабочие места, но многие уже не находят их в обрабатывающей промышленности

Доля обрабатывающей промышленности в общей занятости, отдельные развитые страны (проценты)

Источник: ЮНКТАД на основе данных ОЭСР и Бюро статистики труда Соединенных Штатов.

Сокращение высокооплачиваемых рабочих мест в обрабатывающей промышленности и ощущение невозможности получить такие рабочие места в будущем усиливают страх экономической незащищенности, вызываемый нестабильностью наличия средств к существованию (Azmanova, 2023).

Это опасная тенденция. В обществах, где граждане чувствуют себя бесправными, центральная власть может усиливаться, становясь при этом более дискреционной (Azmanova, 2023). Это увеличивает нестабильность внутри стран и повышает риск фрагментации на международном уровне. Напряженность в торговле, протекционизм, перенос производства в страны базирования материнских компаний и усилия по обеспечению безопасности цепочек поставок стали отличительными чертами международной торговли в течение последнего десятилетия. Отчасти эти меры обусловлены конкуренцией и противоречиями между основными центрами экономического влияния (Китаем, Соединенными Штатами и Европейским союзом). Но новая промышленная и торговая политика также является ответом на недовольство общества последствиями глобализации.

Поворот к протекционизму на основных региональных рынках усугубляет существующее давление на многостороннюю систему торговли. Как показано в предыдущих главах, потери мирового ВВП от экономической фрагментации весьма значительны. Однако если оценивать потенциальные последствия нынешних тенденций, то в краткосрочной и среднесрочной перспективе торговля (услугами и товарами) в большей степени определяется спросом, чем изменениями в эффективности, вызванными политикой в области пошлин и регулирования. Торговля, как отмечает Алан Битти, обычно следует за экономическим циклом, но с большей амплитудой (Beattie, 2024). Поэтому важно не преувеличивать масштабы деглобализации.

Во-первых, другие страны с развитой экономикой (кроме Китая и Соединенных Штатов), такие как Франция и Япония, увеличили свою открытость (Posen, 2021). Во-вторых, в абсолютном выражении мировая торговля и финансовые потоки продолжают расти. В этом смысле деглобализация, которая могла бы помешать экспорту развивающихся стран, не произошла.

Однако в соотношении с мировым ВВП и торговые, и финансовые потоки находятся в состоянии стагнации. В период с 1995 по 2007 год объем мировой торговли рос в два раза быстрее, чем мировой ВВП (Lund et al., 2019: 5). Однако пик мировой торговли как доли мирового ВВП был достигнут в 2008 году на уровне 16 процентов. Как было объяснено в главе II, несмотря на подъем в 2023–2024 годах, объем мировой торговли остается ниже уровня, существовавшего до пандемии. Добавленная стоимость в экспорте достигла своего максимума в 2008 году и снижалась до 2022 года. Очевидно, что пандемия снизила объемы торговли еще сильнее, чем ВВП, в 2020 и 2021 годах, но это не объясняет стагнацию торговли в период с 2011 по 2019 год. По данным Всемирного банка, в странах с низким и средним уровнем дохода общий объем торговли как доля ВВП снизился почти на 8 процентных пунктов с 2008 по 2019 год. Значительная часть этого падения, несомненно, приходится на Индию и Китай. Но в странах с низким уровнем дохода произошло еще большее снижение — на 10 процентных пунктов. Кроме того, соотношение валового экспорта и экспорта добавленной стоимости — показатель того, сколько раз товары и услуги пересекают границы до их конечной продажи, — выросло с 1,5 в 1993 году до максимума в 1,9 в 2011 году, а затем снизилось до 1,8 к 2019 году (Subramanian et al., 2023: 7).

Политики различных развивающихся и некоторых развитых стран обеспокоены структурной проблемой: «репримаризацией» их экономик. Репримаризация — это

Напряженность в торговле, перенос производства в страны базирования материнских компаний и усилия по обеспечению безопасности цепочек поставок отражают конкуренцию между центрами экономического влияния и общественное недовольство глобализацией.

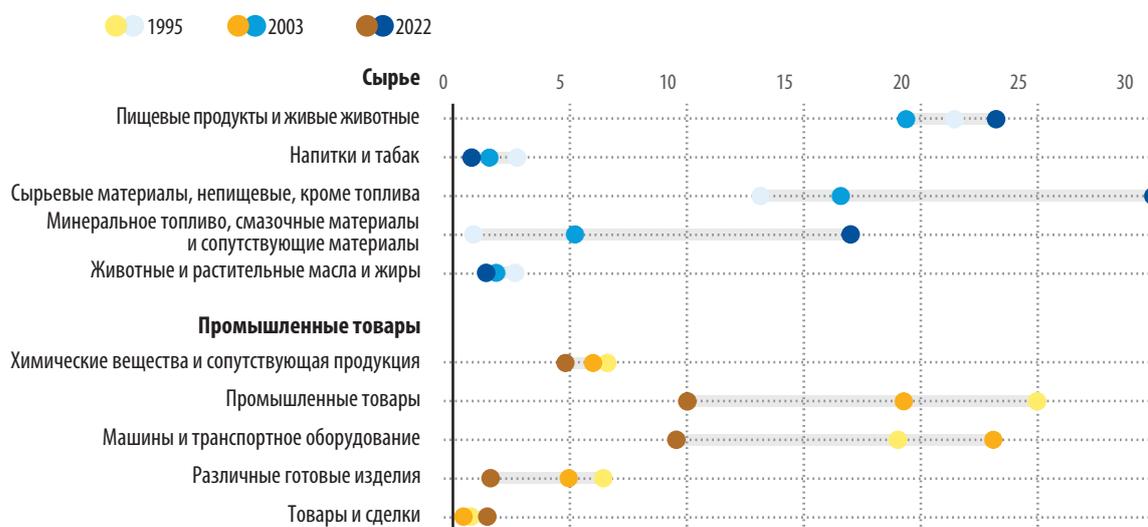

переход от экспорта промышленных товаров как части глобальных товарных цепочек к экспорту сырья. Согласно данным ИСТ, в Бразилии, например, экспорт сырья удвоился с 31 процента в 2003 году до 61 процента в 2022 году, а экспорт промышленных товаров сократился с 38 до 18 процентов.

На рис. III.12 представлены три моментальных снимка структуры экспорта Бразилии за последние 25 лет, на которых видно, как в период с 1995 по 2003 год рос объем экспорта промышленных товаров, а после 2003 года происходил обратный переход к экспорту полезных ископаемых и продовольствия

Рис. III.12 Увядание производства? Бразилия переходит к экспорту сырьевых товаров

Структура экспорта Бразилии, 1995, 2003 и 2022 годы (проценты)

Источник: База данных UNCTADstat.

Примечания: Категории промышленных товаров включают некоторые виды сырья. Применительно к Бразилии стоит отметить, что в период с 1995 по 2022 год цветные металлы, а также жемчуг, драгоценные и полудрагоценные камни, а также золото в неденежной форме составляли от 2 до 5 процентов экспорта этой страны.

(дальнейшее обсуждение последствий сырьевого бума см. в главе IV). В Австралии произошел аналогичный переход от экспорта промышленной продукции к экспорту сырья. Представляется маловероятным, что такая эрозия производства будет политически приемлемой в долгосрочной перспективе.

Репримаризация в сочетании с преждевременной деиндустриализацией (Rodrik, 2013) закрывает исторически подтвержденный путь к развитию и росту доходов на душу населения, в основе которого экспорт промышленных товаров. ЮНКТАД в течение длительного времени выступала за структурную перестройку экономики развивающихся стран от трудоемкого сельского хозяйства в направлении обрабатывающей промышленности и услуг с высокой добавленной стоимостью, поскольку именно

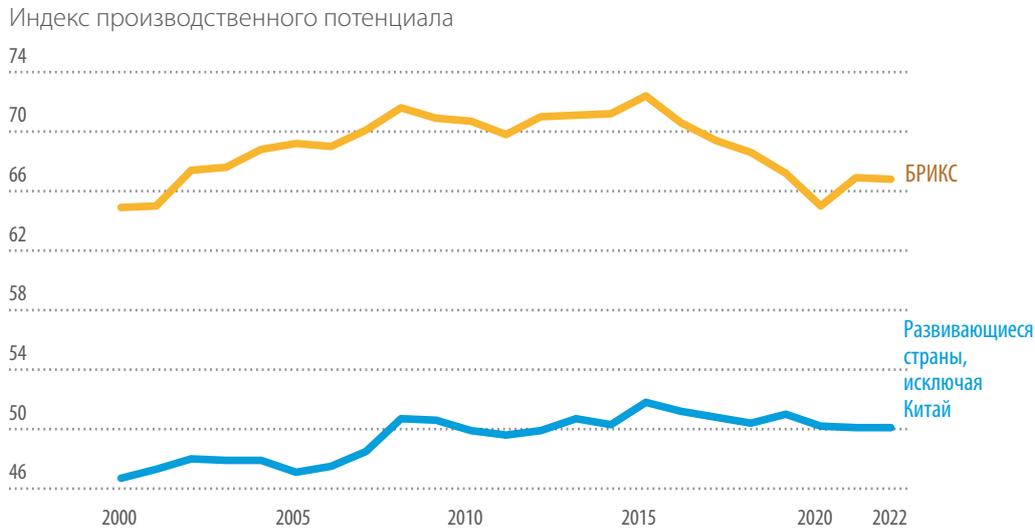
этим был обусловлен исторический рост доходов и уровня жизни в развитых странах. Капитализация сельскохозяйственного производства как в физическом, так и в человеческом выражении привела к тому, что доля занятых в сельском хозяйстве трудовых ресурсов, ранее составлявшая 40–80 процентов, в большинстве развитых стран сегодня сократилась до менее чем 3 процентов²⁰. Работники перешли в промышленность и сферу услуг.

В развивающихся странах, напротив, по мере модернизации сельского хозяйства и сокращения его трудовых ресурсов росла неформальная занятость, даже в условиях стагнации или сокращения занятости в промышленности за пределами стран БРИКС. С 1991 по 2022 год занятость в обрабатывающей

²⁰ Данные ОЭСР по занятости доступны по адресу: <https://www.oecd.org/en/data/indicators/employment-by-activity.html>.

Рис. III.13
Отсутствие структурных преобразований привело к росту неформальной занятости и ослаблению производственного потенциала

Источник: База данных UNCTADstat.

Примечания: Структурные изменения в отдельных странах. Структурные изменения означают перемещение рабочей силы и других производственных ресурсов из низкопроизводительных в высокопроизводительные виды экономической деятельности. В настоящее время этот сдвиг отражается в увеличении сложности и разнообразия экспортных товаров и услуг, интенсивности использования основного капитала и доле промышленности и услуг в общем объеме ВВП. Более высокие показатели свидетельствуют о более высоком уровне сложности и развития экономики.

промышленности выросла во всем мире с 24 до 28 процентов от общего числа занятых²¹.

Однако почти две трети этого роста пришлось на Китай. В Бразилии доля занятых в обрабатывающей промышленности практически не изменилась. Рост неформальной сферы — один из факторов, способствующих снижению местного экономического потенциала, как показывает индекс производственного потенциала ЮНКТАД²².

Индекс структурных изменений показывает примерно 20-процентный рост в развивающихся странах в период с 2000 по 2015 год, но затем замедление роста и снижение в странах БРИКС в период с 2020 по 2022 год (рис. III.12). Репримаризация уже порождает политическое давление в направлении торгового протекционизма, переноса производства в страны базирования материнских компаний, а также местных промышленных субсидий. Геополитическая напряженность усиливает давление, вынуждающее предпринимать политические шаги, которые могут привести

к сокращению торговых и финансовых потоков по отношению к мировому ВВП.

Эта динамика напоминает 1990-е годы, когда протекционистские меры Соединенных Штатов против Японии побудили компании расширить производство электроники и других видов продукции в Юго-Восточной Азии, но без какого-либо сокращения мощностей в самой Японии. Это вызвало короткий бум в Юго-Восточной Азии, когда туда хлынул инвестиционный капитал. Но последующий всплеск избыточного производства вызвал падение цен, трудности с обслуживанием долга, конкурентные девальвации и финансовый кризис 1997–1998 годов в регионе и за его пределами.

Глобальные финансовые потоки также неуклонно сокращались. После более чем десятикратного роста в долларах Соединенных Штатов с 1992 по 2007 год и девятикратного роста в расчете на душу населения абсолютный объем прямых иностранных инвестиций к 2022 году сократился на треть по сравнению с пиком 2007 года и более чем на две пятых в расчете на душу

Давление репримаризации и геополитика приводят к протекционизму, переносу производства в страны базирования материнских компаний, а также к субсидиям, сокращая торговые и финансовые потоки во всем мире.

²¹ Данные ILOstat Explorer доступны по адресу: https://shiny.ilo.org/dataexplorer37/?lang=en&id=EMP_2EMP_SEX_ECO_NB_A.

²² Индекс производственного потенциала ЮНКТАД доступен по адресу <https://unctad.org/topic/least-developed-countries/productive-capacities-index>.

Торговля по линии Юг — Юг, за вычетом торговли с Китаем, увеличилась почти на 150 % с 2007 по 2023 год.

населения. Хотя до 2022 года в развивающихся странах сохранялся рост притока прямых иностранных инвестиций, он замедлялся по сравнению с периодом до 2008 года, а с 2022 по 2023 год приток сокращался в абсолютном выражении, несмотря на восстановление после COVID-19 (UNCTAD, 2024d).

Аналогичным образом потоки портфельных инвестиций сократились на 9 процентов в период с 2020 по 2022 год, а объем кредитования упал на еще более значительные 14 процентов²³. Это снижение не было компенсировано ростом других видов притока средств (глава II).

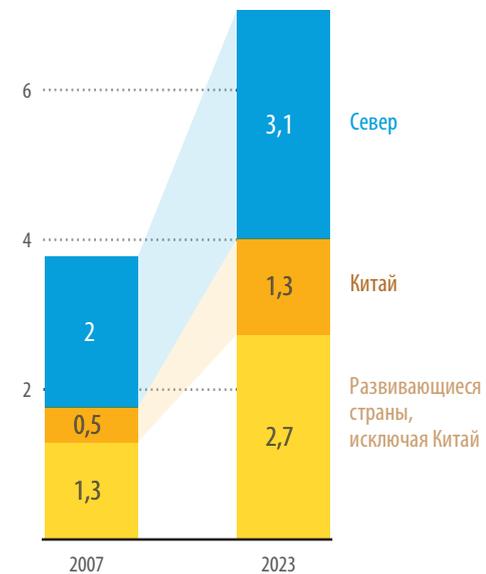
Учитывая, что данные приведены в долларах по текущему курсу, без корректировки на инфляцию, реальное влияние на общемировой рост, вероятно, еще больше. Трансграничное банковское кредитование также стагнировало. Объем непогашенных трансграничных банковских кредитов, выраженный в долларах по постоянному курсу, находится ниже уровня 2007 года²⁴. Исключением является совокупный объем трансграничных портфельных инвестиций, который в реальном выражении вырос примерно вдвое с 2008 года до шока от пандемии COVID-19 в 2020 году, а затем сократился в номинальном выражении примерно на 10 процентов²⁵.

Наконец, экономический шок, вызванный недавним повышением процентных ставок Федеральным резервным банком Соединенных Штатов, побудил к поиску альтернативных каналов финансирования, выставления счетов и расчетов. Это повышение ставок перекликается с историческими воспоминаниями о долговом кризисе 1982 года, спровоцированном аналогичными усилиями банка по снижению инфляции. Согласно общепринятому мнению, повышение процентных ставок приводит к положительному конечному результату, поскольку оно ведет к укреплению доллара и делает экспорт из развивающихся стран более привлекательным для Соединенных Штатов. Однако выводы ЮНКТАД и другие недавние исследования (Aldasoro et al., 2018) говорят о том, что повышение ставок приводит в конечном счете к негативному результату.

Укрепление доллара означает, что местные компании в развивающихся странах сталкиваются с двойным ценовым шоком, поскольку стоимость импортируемых промежуточных товаров, оцениваемых в долларах, возрастает одновременно с процентными расходами по займам для покупки этих промежуточных товаров. Повышение процентных ставок в Соединенных Штатах, как правило, отражается на финансовых рынках развивающихся стран, снижая темпы экономического роста (UNCTAD, 2022, 2023с). Объем иностранных портфельных инвестиций в суверенный долг развивающихся стран, независимо от номинальной стоимости, сократился на 13 процентов в период с 2020 по 2023 год, поскольку инвесторы отказывались от облигаций развивающихся стран в пользу более высокодоходных инструментов Соединенных Штатов (рис. III.8)²⁶.

Рис. III.14
Экспорт из стран глобального Юга почти удвоился с 2007 по 2023 год

Экспорт из стран глобального Юга (исключая Китай) в разбивке по торговым партнерам (триллионы долларов)

Источник: База данных UNCTADstat.

²³ Получено на основе данных Скоординированного обзора портфельных инвестиций МВФ, URL: <https://data.imf.org/regular.aspx?key=60587819>.

²⁴ По данным портала данных Банка международных расчетов, URL: <https://data.bis.org/>.

²⁵ Получено на основе данных Скоординированного обзора портфельных инвестиций МВФ, URL: <https://data.imf.org/regular.aspx?key=60587819>.

²⁶ На основе Базы данных МВФ по инвесторам в суверенный долг стран с формирующимся рынком и развивающихся стран, URL: <https://www.imf.org/~media/Websites/IMF/imported-datasets/external/pubs/ft/wp/2014/Data/wp1439.ashx>.

Растущая степень интеграции торговли по линии Юг — Юг может компенсировать влияние доллара (UNCTAD, 2022). С 2007 по 2023 год торговля по линии Юг — Юг, за вычетом торговли с Китаем, увеличилась почти на 150 процентов, опережая удвоение общего объема торговли по линии Юг — Юг (не считая Китая) и общий рост мировой торговли (рис. III.14).

Однако торговля по линии Юг — Юг по-прежнему осуществляется главным образом в долларах, так как большинство валют являются неконвертируемыми и/или имеют малый объем обращения. Торговля между странами глобального Юга и Китаем, которая за тот же период выросла почти в три раза, может осуществляться в юанях, что снижает подверженность риску колебаний курса доллара и процентных ставок в долларах. Переход на расчеты в юанях пока, по-видимому, ограничивается лишь частью импорта нефти в Китай и еще меньшей частью импорта железной руды.

Хотя альтернативные каналы могут оказать положительное влияние, отвязав региональные экспортные операции от доллара и, возможно, создав альтернативные источники финансирования, переход, скорее всего, будет непростым. Использование очевидных альтернативных валют сопряжено с рядом трудностей. Хотя валюты крупных стран со стабильной профицитной экономикой могут показаться очевидным выбором, в целом создание кредита потребует дефицита счета текущих операций, чтобы заемщики могли заработать достаточно евро, юаней или иен для обслуживания новых долгов. Однако ни одна из стран с профицитной экономикой, скорее всего, не одобрит существование такого дефицита. Приемлемые в общемировом масштабе синтетические валюты, такие как специальные права заимствования или единая валюта БРИКС, сталкиваются с аналогичными конфликтами интересов, что препятствует обновлению условий торговых переговоров.

Альтернативные каналы платежей могут снизить зависимость от доллара и создать новые источники финансирования, но переход будет непростым.

Е. Резюме и выводы в контексте политики

Нынешний переломный момент не является чем-то новым. Однако исторические данные приводят к неоднозначным прогнозам в отношении геоэкономической и геополитической трансформации мировой экономики. Успешное развитие опирается на режим открытой торговли, который расширяет ограниченный внутренний совокупный спрос, стимулирует экономику и позволяет осуществлять промышленные инвестиции. Эти инвестиции, в свою очередь, обеспечивают рост и развитие, понимаемые как увеличение производственного потенциала, за счет обратных и прямых связей в национальной экономике, а также повышения производительности и качества.

Рост геополитической напряженности и хрупкость нынешнего режима торговли, основанного на правилах и институционализированного в рамках ВТО, угрожают дестабилизировать этот процесс. Механизм разрешения споров ВТО в настоящее время не работает из-за незаполненных вакансий в его апелляционном органе. Такая напряженность может ускорить развитие торговли по линии Юг — Юг, обеспечивая рост, подобный тому, который лежал в основе ранней индустриализации в Азии конца XIX века (Abe, 2005; UNCTAD, 2022). Конфигурация мировой торговли также может предоставлять развивающимся странам возможность договариваться о благоприятных для них условиях торговли, помощи и финансирования.

Геополитика может ускорить инвестиции стран с развитой экономикой в новые революционные технологии, о которых говорилось выше. Однако эти технологии приводят к неоднозначным последствиям, в том числе в виде связанной с ними концентрации корпоративного контроля. Эти последствия, скорее всего, будут преимущественно негативными для экспортеров сырьевых товаров, хотя снижение цен на электроэнергию, безусловно, принесет пользу.

Экспортеры промышленных товаров могут использовать алгоритмизацию производственных процессов с применением искусственного интеллекта для повышения производительности труда, хотя при этом крайне важны дополнительные инвестиции в образование и социальную стабильность. Возникающий дисбаланс между производством и спросом должен заставить обратить внимание как на внутреннее, так и на глобальное

распределение доходов и, соответственно, потребительских возможностей.

Одним словом, сегодня развивающиеся страны сталкиваются с проблемами, схожими с имевшими место при создании ЮНКТАД. Мало кто из наблюдателей в 1964 году мог предположить, насколько информационно-коммуникационные технологии будут способствовать глобализации и изменению отраслевой структуры многих развивающихся стран. Еще меньше было тех, кто мог бы предсказать, чем обернется геополитическая напряженность холодной войны. Очевидно, что технологические характеристики зарождающейся шестой волны биотехнологий и возобновляемых источников энергии не дают четкого представления о следующих двух десятилетиях, не говоря уже о следующих шести. Многие будут зависеть от грамотного управления избыточными нагрузками на нынешнюю торговую и финансовую архитектуру, где геополитика создает возможности, но может и ограничивать пространство стратегий для развивающихся стран.

Возможно ли такое управление? В идеальном мире переговоры в рамках имеющихся глобальных форумов — Организации Объединенных Наций, ВТО, Группы 20 и др. — могли бы помочь решить некоторые потенциальные проблемы, связанные с отраслевой трансформацией, и одновременно снизить геополитическую напряженность. Но новая технологическая волна отличается от предыдущих. Помимо того, что новые технологии, как и в прошлом, замещают рабочую силу, они сосредоточены в небольшом количестве компаний. Кроме того, некоторые технологии

Новые технологии, сконцентрированные в немногих компаниях, замещают рабочую силу и способствуют перемещению процессов в страны базирования этих компаний, что увеличивает потребности в управлении и координации политики.

благоприятствуют переносу производства в страны базирования этих компаний.

Поэтому вопросы управления и координации международной политики приобретают все большее значение в трех ключевых областях.

1 Во-первых, растет потребность в обеспечении большей координации и согласованности различных направлений политики, включая политику в области конкуренции, торговли, промышленной стратегии, защиты данных, цифровизации, трудовых ресурсов, защиты прав потребителей и налогообложения (см. главу V). Необходимо более строгое правоприменение для борьбы с национальной и международной концентрацией экономической власти и контроля.

Устранение пробелов в данных и разработка более детальных методик определения отраслевой структуры корпоративных прибылей, особенно в развивающихся странах, должны стать национальными и международными приоритетами.

2 Во-вторых, необходимо управление искусственным интеллектом на глобальном уровне на основе согласованных принципов и стандартов. Политика и механизмы управления в области прецизионных технологий сельского хозяйства, например, скудны и разрознены. В отсутствие законодательства частные организации предлагают кодексы поведения или схемы сертификации (Clapp and Ruder, 2020), которые могут соответствовать или не соответствовать преимуществам развития, рассматриваемым в более широком контексте. Если политическая реакция на появление новых технологий будет запоздалой или будет вообще отсутствовать, то огромная и критически важная область мировой экономики останется под контролем крупных корпораций и частных регулирующих органов. Это не будет соответствовать принципам инклюзивности и не обязательно будет отвечать общественным интересам.

Выше были рассмотрены некоторые основные риски, с которыми сталкиваются развивающиеся экономики. Наименее развитые и не имеющие выхода к морю развивающиеся страны, малые островные развивающиеся государства и африканские страны особенно

уязвимы перед новой технологической революцией. На уровне многосторонних механизмов эти страны должны иметь доступ к ресурсам (ОПР, финансирование «зеленого» перехода, облегчение долгового бремени и т. д.), а также к технологиям.

3 В-третьих, многие страны имеют доступ к программам самопомощи. Но они должны быть вписаны в более широкую систему регулирования мировой торговли и инвестиций, чтобы избежать изнурительных торговых конфликтов и дефляции. Рост за счет экспорта услуг как путь к развитию будет возможен только в том случае, если не будут введены новые политические барьеры и будет обеспечен доступ к рынкам и технологиям.

Систематический обмен информацией о существующей нормативно-правовой базе может стать шагом к комплексному мониторингу тенденций концентрации мирового рынка, выявлению экономического влияния транснациональных компаний и координации рекомендаций и политики в области международной передовой практики.

Можно выделить несколько направлений политики самопомощи, важных для развития национального пространства политических стратегий. Например, при потенциальном отказе от ископаемых видов топлива в качестве основы для транспорта и производства электроэнергии большинство развивающихся стран не располагают внутренним потенциалом для производства необходимого оборудования; многое приходится импортировать. Плюс в том, что каждое увеличение производства возобновляемой энергии должно приводить к предотвращению или сокращению импорта ископаемого топлива. В этом смысле электрификация не является дополнительным бременем. Но, как и в случае с нетто-импортом нефти, это требует доступа к внешним кредитам.

Что касается транспортного оборудования, то местная промышленная политика может найти замену импорту, учитывая, что производственные знания уже широко распространены. Скутеры, трехколесные транспортные средства и автомобили начального уровня, такие как Bajaj Qute или возрожденный Tata Nano, более пригодны для местного производства, чем перегруженные электроникой автомобили с двигателями внутреннего сгорания, составляющие основную часть автопарка развитых стран.

Устранение пробелов в данных и разработка детализированных методов определения отраслевых корпоративных прибылей в развивающихся экономиках имеют решающее значение.

Откладывание политических действий в отношении новых технологий чревато установлением корпоративного контроля над ключевыми сферами экономики, исключая общественные интересы.

Если в 1990-х годах происходило разукрупнение производства, то в ближайшие десятилетия может произойти разукрупнение сферы услуг в общемировом масштабе.

Болдуин и Форслид (Baldwin and Forslid, 2020) предположили, что торгуемые услуги, особенно те, которые усовершенствованы с помощью искусственного интеллекта, могут заменить экспорт промышленной продукции в качестве фактора стимулирования спроса. Подобно тому, как в эпоху глобализации 1990-х годов произошло разукрупнение и географическое перераспределение обрабатывающей промышленности, в следующие десятилетия может произойти разукрупнение сферы услуг. В каком-то смысле это уже произошло с релокацией телефонных центров обслуживания потребителей, услуг технического редактирования текстов и некоторых серверных компьютерных служб. Хотя это и банальный пример, некоторые рестораны в Нью-Йорке начали использовать программу для проведения телеконференций Zoom, чтобы работники на Филиппинах принимали заказы и деньги от заказчиков (Chen, 2024). Правительства могли бы поощрять аналогичное разукрупнение других звеньев производственной цепочки услуг, таких как телемедицина, контроль за работой машин и деятельность со сдвигом по времени.

Однако у мер самопомощи есть два недостатка. Во-первых, развивающиеся страны с низким уровнем дохода вряд ли смогут реализовать такие стратегии, поскольку им по-прежнему не хватает производственных мощностей и пропускной способности телекоммуникационных каналов. Во-вторых, политика, направленная на создание дополнительных производственных мощностей для транспортного оборудования или разукрупненных услуг, сталкивается с той же проблемой перенесения свойств частного на целое, что и исторические попытки увеличить сырьевой или базовый промышленный потенциал. Если все устремляются на один и тот же рынок, цены неизбежно падают и обслуживание долга становится проблематичным. Это усугубляет разрушительное воздействие высоких расходов на обслуживание долга, от которых уже страдают развивающиеся страны: в настоящее время 19 стран тратят на обслуживание долга больше, чем на образование, и 45 стран тратят на выплату процентов больше, чем на здравоохранение (UNCTAD, 2024d). Поэтому международные соглашения являются необходимым дополнением к местной промышленной политике, основанной на принципах самопомощи. Они могут стать основой для ряда преимущественно бесприоритетных политических мер.

Во-первых, развитые страны могли бы выполнить обещания, данные в рамках Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата

и Парижского соглашения, и помочь в финансировании энергетического перехода в развивающихся странах (UNCTAD, 2019, 2021b, 2023c). Хотя это неизбежно приведет к сокращению доходов экспортеров нефти, это также поможет избежать экстремальных изменений климата, которые приведут к особенно большим издержкам для населения и экономики этих стран. Многих нетто-экспортеров нефти можно побудить к использованию имеющегося у них большого количества солнечного света для энергоснабжения новых отраслей. Ускорение энергетического перехода позволит импортерам нефти удовлетворить растущие транспортные потребности, не создавая проблем с платежным балансом.

Во-вторых, необходимо изменить правила ВТО в отношении промышленных субсидий и торговых барьеров, чтобы обеспечить доступ к рынкам и честную конкуренцию, а также поддержать экспортеров сырья, чтобы они могли увеличить добавленную стоимость своего экспорта. При существующем подходе усилия Индонезии по стимулированию местной выплавки никелевых и хромовых руд, необходимых для расширения производства аккумуляторов, а также местного производства этих аккумуляторов, обращают на себя внимание как сценарий, в рамках которого споры в ВТО, вероятно, будут возникать все чаще. В той мере, в которой относительно низкий уровень внутреннего потребления в странах с профицитом экспорта обусловлен недостаточным предоставлением внутренних общественных благ, ВТО или аналогичные многосторонние соглашения могли бы помочь снизить напряженность в торговле, которая потенциально может перерасти в ограничения свободной торговли. Подобные соглашения могут также стимулировать рост торговли по линии Юг — Юг.

Наконец, скоординированные политические механизмы стабилизации внутреннего сельскохозяйственного и сырьевого производства и цен (Schwartz, 2023; Weber, 2024) должны смягчить текущий финансовый стресс и последствия дефолтов на глобальном Юге, во многом обусловленные повышением процентных ставок в развитых странах и потенциальным переходом на биоинженерные заменители традиционного сырья. Годы пандемии COVID-19 и постпандемической нестабильности только усилили потребность в выработке нового глобального экономического соглашения. Оно должно смягчить нарастающие геоэкономические и геополитические затруднения и помочь странам преодолеть риски фрагментации торговой системы, слабого спроса и климатического кризиса, а также достичь целей в области устойчивого развития.

Ссылки

- Abe T (2005). The Chinese market for Japanese cotton textile goods. In: Sugihara K, ed., *Japan, China, and the Growth of the Asian International Economy, 1850–1949*. Oxford University Press. New York.
- Aldasoro I, Ehlers T and Eren E (2018). Business models and dollar funding of global banks. BIS Working Papers No 708. Bank for International Settlements.
- Alonso C, Bhojwani T, Hanedar E, Prihardini D, Uña G and Zhabska K (2023). Stacking up benefits: Lessons from India's digital journey. IMF Working Paper 23/78. March. International Monetary Fund.
- Amsden A (2001). *The Rise of 'the Rest': Challenges to the West from Late-Industrializing Economies*. Oxford University Press. New York.
- Appelbaum E and Batt R (2014). *Private Equity at Work: When Wall Street Manages Main Street*. Russell Sage Foundation. New York.
- Azmanova A (2023). Precarity for all. Post-neoliberalism. 29 November. Economic Democracy Initiative.
- Babić M (2023). *The Rise of State Capital: Transforming Markets and International Politics*. Agenda Publishing Limited. Newcastle.
- Babić M, Dixon AD and Fichtner J (2023). Varieties of state capital: What does foreign state-led investment do in a globalized world? *Competition & Change*. 27(5):663–684.
- Baines J (2017). Accumulating through food crisis? Farmers, commodity traders and the distributional politics of financialization. *Review of International Political Economy*. 24(3):497–537.
- Bairoch P and Kozul-Wright R (1996). Globalization myths: Some historical reflections on integration, industrialization and growth in the world economy. Paper prepared for the WIDER Conference on Transnational Corporations and the Global Economy. Kings College.
- Baldwin R and Forslid R (2020). Globotics and development: When manufacturing is jobless and services are tradable. NBER Working Paper No. 26731. National Bureau of Economic Research.
- Bank for International Settlements (2024). Statistical release: BIS international banking statistics and global liquidity indicators at end-December 2023. 30 April.
- Barrowclough D and Deere-Birkbeck C (2022). Transforming the global plastics economy: The role of economic policies in the global governance of plastic pollution. *Social Sciences*. 11(26).
- Beattie A (2024). The protectionist president who's has been good for trade – for now. *Financial Times*. 22 July.
- Berend T and Ránki G (1977). *East Central Europe in the 19th and 20th Centuries*. Akadémiai Kiadó. Budapest.
- Bernard M and Ravenhill J (2011). *Beyond Product Cycles and Flying Geese: Regionalization, Hierarchy, and the Industrialization of East Asia*. Cambridge University Press. Cambridge.
- Blas J (2024). Old king coal remains omnipotent and omnipresent. Bloomberg. 25 July.
- BMI (2023). Oil & Gas Global Capex Outlook. Fitch Group. December.
- Boyer R (1990). *The Regulation School: A Critical Introduction*. Columbia University Press. New York.
- Braun B (2022). Exit, control, and politics: Structural power and corporate governance under asset manager capitalism. *Politics & Society*. 50(4):630–654.
- British Petroleum (2023). *BP Energy Outlook 2023*. London.
- Bruhn D (2014). Global value chains and deep preferential trade agreements: promoting trade at the cost of domestic policy autonomy? German Development Institute Discussion Paper 23/2014.
- Calignano F and Mercurio V (2023). An overview of the impact of additive manufacturing on supply chain, reshoring, and sustainability. *Cleaner Logistics and Supply Chain*. 7.
- Cardoso F and Faletto E (1979). *Dependency and Development in Latin America*. University of California Press. Berkeley.
- Celik S and Isaksson M (2013). Institutional investors as owners: Who are they and what do they do? OECD Corporate Governance Working Papers. Organisation for Economic Co-operation and Development.
- Chandler A (1962). *Strategy and Structure: Chapters in the History of the Industrial Empire*. Harvard University Press. Cambridge.
- Chang JH and Huynh P (2016). ASEAN in transformation. The future of jobs at risk of automation. ILO Working Paper No 9. International Labour Organization.
- Chen S (2024). The fried chicken is in New York. The cashier is in the Philippines. *The New York Times*. 11 April.
- Clapp J and Ruder SL (2020). Precision technologies for agriculture: Digital farming, gene-edited crops, and the politics of sustainability. *Global Environmental Politics*. 20(3):49–69.

- Clark G (2004). The price history of English agriculture, 1209–1914. In: *Research in Economic History*. Emerald Group. Leeds.
- Collins W and Williamson J (2001). Capital-goods prices and investment, 1870–1950. *The Journal of Economic History*. 61(1):59–94.
- DiMaggio P and Powell W (1983). The iron cage revisited: Institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields. *American Sociological Review*. 48(2):147–160.
- Doner RF, Noble GW and Ravenhill J (2021). *The Political Economy of Automotive Industrialization in East Asia*. Oxford University Press. New York.
- Dosi G and Stiglitz J (2013). The role of intellectual property rights in the development process, with some lessons from developed countries: An introduction. LEM Working Paper Series No. 2013/23. Scuola Superiore Sant’Anna, Laboratory of Economics and Management.
- Dunning J (1970). *Studies in International Investment*. George Allen and Unwin. London.
- The Economist* (2024). Will chatbots eat India’s IT industry? 9 May.
- Energy Institute (2024). *Statistical Review of World Energy: Production of Coal*. London.
- Engel E (1895). *Die Lebenskosten Belgischer Arbeiter-Familien Früher und Jetzt*. C. Heinrich. Dresden.
- Ernst E, Merola R and Samaan D (2018). The economics of artificial intelligence: Implications for the future of work. ILO Research Paper No 5. International Labour Organization.
- Ernst and Young (2023). Economic contribution of the U[nited] S[tates] private equity sector in 2022.
- Feldman M and Kenney M (2024). *Private Equity and the Demise of the Local*. Cambridge University Press. Cambridge.
- Freeman C (2007). The political economy of the long wave. In: Hodgson G, ed. *The Evolution of Economic Institutions: A Critical Reader*. Edward Elgar. Cheltenham.
- Fröbel F, Heinrichs J and Kreye O (1980). *The New International Division of Labour: Structural Unemployment in Industrialised Countries and Industrialisation in Developing Countries*. Cambridge University Press. Cambridge.
- Gaál N, Nilsson L, Perea JR, Tucci A and Velazquez B (2023). Global trade fragmentation: An EU perspective. Economic brief 075. European Commission, Directorate General for Economic and Financial Affairs.
- Galbraith J (2024). Industrial policy is a nostalgic pipe dream. Project Syndicate. 25 June.
- Garnaut R and Song L, eds. (2006). *The Turning Point in China’s Economic Development*. Australian National University Press. Canberra.
- Gereffi G, Humphrey J and Sturgeon T (2005). The governance of global value chains. *Review of International Political Economy*. 12(1):78–104.
- Gerschenkron A (1989). *Bread and Democracy in Germany*. Cornell University Press. Ithaca.
- Glen B and Pinto J (1995). *Capital Market and Developing Country Firms, Finance and Development*. International Monetary Fund. Washington, D.C.
- Haber S (1992). Assessing the obstacles to industrialisation: The Mexican economy, 1830–1940. *Journal of Latin American Studies*. 24(1):1–32.
- Harasty C and Ostermeier M (2020). Population ageing: Alternative measures of dependency and implications for the future of work. ILO Working Paper 5. International Labour Organization.
- Hollveg C (2019). Global value chains and employment in developing economies. In: *Technological Innovation, Supply Chain Trade, and Workers in a Globalized World*. World Trade Organization. Geneva.
- International Energy Agency (2021). *IEA Global Energy Review 2021*. Paris.
- International Energy Agency (2023). *World Energy Outlook 2023*. Paris.
- International Energy Agency (2024a). *Global Critical Minerals Outlook*. Paris.
- International Energy Agency (2024b). *Global EV Outlook 2024*. Paris.
- International Monetary Fund (2023). *World Economic Outlook database*. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2023/October>.
- International Monetary Fund (2024). Coordinated Portfolio Investment Survey. URL: <https://data.imf.org/?sk=b981b4e3-4e58-467e-9b90-9de0c3367363>.
- International Trade Centre (2024a). Trade Map. URL: <https://intracen.org/resources/tools/trade-map>.
- International Trade Centre (2024b). Trade Statistics database. URL: <https://intracen.org/resources/data-and-analysis/trade-statistics#export-of-goods>.
- Jenkins R (1987). *Transnational Corporations and the Latin American Automobile Industry*. MacMillan. London.
- Jones B and Malcorra S (2020). *Competing for Order: Confronting the Long Crisis of Multilateralism*. IE School of Global Public Affairs and The Brookings Institution. Madrid and Washington, D.C.

- Kaiser RW (1979). The Kondratieff cycle: Investment strategy tool or fascinating coincidence? *Financial Analysts Journal*. 35(3):57–66.
- Kaldor N (1996). *Causes of Growth and Stagnation in the World Economy*. Cambridge University Press. Cambridge.
- Kitschelt H (1991). Industrial governance structures, innovation strategies, and the case of Japan: Sectoral or cross-national comparative analysis? *International Organization*. 45(4):453–493.
- Klier T and Rubenstein J (2022). North America's rapidly growing electric vehicle market. Chicago Federal Reserve Bank.
- Kondratieff ND and Stolper WF (1935). The long waves in economic life. *The Review of Economics and Statistics*. 17(6):105–115.
- Langley W and Sandlund W (2024). China exports rise at fastest pace in more than a year. *Financial Times*. 12 July.
- Latham A (1988). From competition to constraint: The international rice trade in the nineteenth and twentieth centuries. *Business and Economic History*. 17:91–102.
- Latham A and Neal L (1983). The international market in rice and wheat, 1868–1914. *The Economic History Review*. 36(2):260–280.
- Lectard P (2023). Manufacturing exports: A virtuous circle of industrialization or a lock-in development pattern? The case of the machinery and textiles sectors. *Structural Change and Economic Dynamics*. 65.
- Lewis W (1954). Economic development with unlimited supplies of labour. *The Manchester School*. 22(2):139–191.
- Lewis W (1970). *Tropical Development*. Northwestern University Press. Evanston.
- Lund S, Manyika J, Woetzel L, Bughin J, Krishnan M, Seong J and Muir M (2019). *Globalization in Transition: The Future of Trade and Value Chains*. McKinsey Global Institute. New York.
- McKinsey Global Institute (2023). *Global Energy Perspective 2023*. New York.
- McKinsey Global Institute (2024). Help wanted: Charting the challenge of tight labor markets in advanced economies. 26 July.
- Medina G and Thomé K (2021). Transparency in global agribusiness: Transforming Brazil's soybean supply chain based on companies' accountability. *Logistics*. 5(3):58–73.
- Milanović B (2016). *Global Inequality: A New Approach for the Age of Globalization*. Harvard University Press. Cambridge.
- Murugaboopathy P and Oguy C (2022). Private equity firms pounce to take companies private. Reuters. 21 July.
- Nowells G (2002). Imperialism and the era of falling prices. *Journal of Post Keynesian Economics*. 25(2):309–329.
- Nurkse R (1952). Growth in underdeveloped countries. *American Economic Review*. 42(2):571–83.
- Onen M, Shin HS and von Peter G (2023). Overcoming original sin: insights from a new dataset. BIS Working Paper #1075. Bank for International Settlements.
- Open Markets Institute (2024). *Rebalancing Europe: A New Economic Agenda for Tackling Monopoly Power*. April.
- Perez C (2002). *Technological Revolutions and Financial Capital: The Dynamics of Bubbles and Golden Ages*. Edward Elgar. Cheltenham.
- Pettis M (2024). Can trade intervention lead to freer trade? Carnegie Endowment for Peace.
- Posen A (2021). Testimony to the Select Committee on Economic Disparity and Fairness in Growth. Peterson Institute for International Economics.
- Prahalad C and Hamel G (1990). The core competence of the corporation. *Harvard Business Review*. 68(3):79–93.
- Prébisch R (1950). *The Economic Development of Latin America and Its Principal Problems*. Economic Commission for Latin America. New York.
- Robinson J (1962). *Economic Philosophy*. Doubleday. New York.
- Rodrik D (2013). Unconditional convergence in manufacturing. *The Quarterly Journal of Economics*. 128(1):165–204.
- Satariano A and Burrows P (2011). Apple's supply-chain secret? Hoard lasers. *Bloomberg Businessweek*.
- Schlingemann F and Stulz R (2022). Have exchange-listed firms become less important for the economy? *Journal of Financial Economics*. 143(2):927–958.
- Schumpeter J (1939). *Business Cycles: A Theoretical, Historical and Statistical Analysis of the Capitalist Process*. Harvard University Press. Cambridge.
- Schumpeter J (1942) *Capitalism, Socialism, Democracy*. Harper and Row. New York.
- Schwartz H (1994). *States Versus Markets: History, Geography, and the Development of the International Political Economy*. St. Martins. New York.
- Schwartz H (2007). Dependency or institutions? Economic geography, causal mechanisms, and logic in the understanding of development. *Studies in Comparative International Development*. 42(1):115–135.
- Schwartz H (2019). *States Versus Markets: Understanding the Global Economy*. Bloomsbury Publishing. London.

- Schwartz H (2023). The NIEO as global Keynesianism. *Progressive International*. 11 January.
- Setser BW, Weilandt M and Baur V (2024). China's record manufacturing surplus. Council on Foreign Relations. 10 March.
- Standard and Poor's Global (2023) *S&P Global Market Intelligence. 2023 Corporate Exploration Strategies*.
- Subramanian A, Kessler M and Properzi E (2023). Trade hyperglobalization is dead. Long live...? Peterson Institute for International Economics Working Paper 23-11. Peterson Institute for International Economics.
- Thirlwall A (2012). Balance of payments constrained growth models: History and overview. In: Soukiazis E and Cerqueira P, eds., *Models of Balance of Payments Constrained Growth: History, Theory and Empirical Evidence*. Palgrave. Basingstoke.
- Thorp R and Bertram G (1978). *Peru, 1890-1977: Growth and Policy in an Open Economy*. Columbia University Press. New York.
- Truxal S (2024). State subsidies and aircraft financing in the EU, USA, and China: a balancing act. *Uniform Law Review*. 29(1).
- Tummino ML, Varesano A, Copani G and Vineis C (2023). A glance at novel materials, from the textile world to environmental remediation. *Journal of Polymers and Environment*. 31:2826–2854.
- UNCTAD (1996). *Trade and Development Report 1996* (United Nations publication. Sales No. E.96.II.D.6. Geneva).
- UNCTAD (1998). *Trade and Development Report 1998: Financial Instability – Growth in Africa* (United Nations publication. Sales No. E.98.II.D.10. Geneva).
- UNCTAD (2002). *Trade and Development Report 2002: Developing Countries in World Trade* (United Nations publication. Sales No. E.02.II.D.2. Geneva).
- UNCTAD (2003). *Trade and Development Report 2003: Capital Accumulation, Growth and Structural Change* (United Nations publication. Sales No. E.03.II.D.7. Geneva).
- UNCTAD (2016). *Trade and Development Report 2016: Structural Transformation for Inclusive and Sustained Growth* (United Nations publication. Sales No. E.16.II.D.5. Geneva).
- UNCTAD (2018). *Trade and Development Report 2018: Power, Platforms and the Free Trade Delusion* (United Nations publication. Sales No. E.18.II.D.7. Geneva).
- UNCTAD (2019). *Trade and Development Report 2019: Financing a Global Green New Deal* (United Nations publication. Sales No. E.19.II.D.15. Geneva).
- UNCTAD (2021a). *State of Commodity Dependence* (United Nations publication. Sales No. E.21.II.D.17. Geneva).
- UNCTAD (2021b). *Доклад о торговле и развитии, 2021*. От восстановления к устойчивости: сквозь призму развития (Издание Организации Объединенных Наций. eISBN: 978-92-1-001032-0. Женева).
- UNCTAD (2022). *Доклад о торговле и развитии, 2022*. Перспективы развития в мире разделительных линий: глобальный беспорядок и региональные ответы (Издание Организации Объединенных Наций. ISBN (PDF): 9789210021678. Женева).
- UNCTAD (2023a). *Plastic Pollution: The Pressing Case for Natural and Environmentally Friendly Substitutes to Plastics* (United Nations publication. Sales No. E.23.II.D.11. Geneva and New York).
- UNCTAD (2023b). *Trade: Unlocking Sustainable Strategies for People, Planet and Prosperity* (United Nations publication. Geneva).
- UNCTAD (2023c). *Доклад о торговле и развитии, 2023*. Рост, долг и климат: перестройка глобальной финансовой архитектуры (Издание Организации Объединенных Наций. ISBN (PDF): 9789213584910. Женева).
- UNCTAD (2024a). *Digital Economy Report* (United Nations publication, Sales No. E.24.II.D.12. Geneva).
- UNCTAD (2024b). *Global Economic Fracturing and Shifting Investment Patterns. A Diagnostic of 10 FDI Trends* (United Nations publication, Geneva).
- UNCTAD (2024c). *Global Investment Trends Monitor*. 46.
- UNCTAD (2024d). *A World of Debt: A Growing Burden to Global Prosperity* (United Nations publication, Geneva).
- UNCTAD (2024e). *World Investment Report: Investment Facilitation and Digital Governance* (United Nations publication. Sales No. E.24.II.D.11. Geneva).
- Verdoorn P (1980). Verdoorn's law in retrospect: A comment. *The Economic Journal*. 90 (358):382–385.
- Wang Y (2015). The rise of the "shareholding state": Financialization of economic management in China. *Socio-economic Review*. 13(3):603–625.
- Weber I (2024). Stabilizing prices for a new NIEO. *Progressive International*. 24 June.
- World Bank (2020). The potential impact of COVID-19 on GDP and trade. Policy Research Working Paper 9211.
- Yang Z (2023). How did China come to dominate the world of electric cars. *MIT Technology Review*. February.

Доклад о торговле и развитии, 2024

Глава IV

Подъем, обратное движение и смена позиций: уроки, преподанные глобальным Югом

В начале 2000-х годов быстрорастущие экономики глобального Юга стали мощной движущей силой общемирового экономического роста. В 2013 году мировая экономика, казалось, разделилась на растущий Юг и охваченный кризисом Север.

Однако рост на Юге не был равномерным и повсеместным. Сырьевой бум 2003–2013 годов скрывал структурные проблемы и огромную региональную дивергенцию.

Глобальные потрясения стали дополнительным испытанием для экономической устойчивости развивающихся стран. Во время всех крупных экономических кризисов последних 40 лет Юг рос быстрее, чем Север, но последующие рецессии, как правило, были более глубокими.

Региональное разнообразие глобального Юга ставит вопросы о направлении и типе актуальных стратегий развития. По мере того, как мировая экономика вступает в новую волну роста, многие прежние предположения о моделях развития подвергаются сомнению, и возникают новые вызовы.

Успехи 1990-х годов, возможно, будет нелегко повторить в условиях нового цикла сырьевых цен, энергетического и технологического перехода, а также прогрессирующего усиления финансового фактора и сервитизации экономики.

Организация
Объединенных
Наций

Основные выводы в контексте политики

- ▶ **В реальном секторе экономики, торговле и глобальных цепочках создания стоимости усиление финансового фактора приводит к серьезным последствиям для стратегий интеграции.** В развивающихся странах связь между финансовыми циклами и ценами на сырьевые товары, как правило, ярко выражена.
- ▶ **Управление экспансией и финансиализацией добывающих отраслей представляет собой ключевую задачу для стран — экспортеров сырьевых товаров** в условиях энергетического перехода и новой волны роста.
- ▶ **Обеспечение экономической устойчивости требует координации политики,** в том числе путем мониторинга экономического влияния транснациональных компаний и обмена соответствующими данными.
- ▶ **Поиск новых путей успешного развития требует переоценки цикла сырьевых цен и разработки политики,** направленной на диверсификацию и перераспределение.
- ▶ **Баланс между ростом добывающих отраслей и усилением финансового фактора** должен быть в центре внимания политиков всего глобального Юга.

А. Введение

Первые годы нового тысячелетия значительно обогатили международный политический лексикон. В 2001 году экономист Goldman Sachs Джим О’Нил ввел термин «БРИКС», чтобы обозначить развивающиеся экономики Бразилии, Российской Федерации, Индии, Китая и Южной Африки как класс активов.

В 2009 году страны БРИКС провели инаугурационный саммит и начали официально продвигать свои позиции по некоторым основным вопросам глобального экономического управления и внутригрупповых экономических приоритетов (*The Economist*, 2024).

Идея подъема глобального Юга возникла в начале 2000-х годов, когда речь зашла о быстрорастущих экономиках Африки, Восточной и Юго-Восточной Азии, а также Латинской Америки. Это ознаменовало их выход на арену в качестве новых мощных локомотивов мирового экономического роста. Однако взгляды на это явление были разными. Многие видели признаки экономической конвергенции между Севером и Югом, отметив смещение глобального богатства в сторону развивающихся рынков (OECD, 2014). Тем не менее высокие темпы экономического роста в развивающихся регионах и особенно их мнимая устойчивость к глобальному финансовому кризису 2007–2009 годов способствовали появлению гипотезы о «разделении» между Севером и Югом.

В 2013 году мировая экономика представлялась состоящей из двух миров. Одним из них был набирающий силу Юг, наиболее наглядно представляемый такими странами, как Индия и Китай. Он характеризовался прогрессом в развитии человеческого потенциала, высокими темпами роста и быстрым сокращением бедности. Другим был охваченный кризисом Север, где политика жесткой экономии и рецессия создавали трудности для миллионов безработных и оказывали давление на общественный договор (UNDP, 2013).

Однако вскоре стало очевидно, что подъем Юга не выйдет за рамки сырьевого бума 2003–2013 годов (UNCTAD, 2018). После того как мировые цены на сырьевые товары достигли пика, многие развивающиеся страны, особенно экспортеры сырья, перешли на низкие темпы роста или оказались в стагнации. Завершение цикла сырьевых цен выявило сохраняющиеся структурные различия между экономиками стран Африки, Азии и Латинской

Америки. Два крупных кризиса — мировой финансовый кризис и пандемия COVID-19 — и сохраняющиеся издержки, связанные с изменением климата, привели к тому, что с 2013–2014 годов в странах глобального Юга началось снижение показателей.

Эта траектория особенно заметна в Африке — регионе, который часто рассматривается как предвестник эволюции глобального Юга в более широком смысле (см. раздел В). После глубокого экономического кризиса, продолжавшегося в течение последней четверти XX века, примерно с 2000 года в Африке начал происходить перелом. Углубление международной экономической интеграции привело к активному росту и общему оптимизму в отношении перспектив развития континента. Однако низкие темпы роста с 2014 года и сохраняющиеся экономические и политические проблемы свидетельствуют о том, что в годы «подъема Африки» в экономиках региона не произошло структурных преобразований. С 2014 года внешние потрясения, включая пандемию, конфликты, долговой и климатический кризисы, ограничивали перспективы развития Африки.

Означает ли это, что глобальный Юг достиг своего пика как экономическая сила в общемировом масштабе?

Смогут ли эти страны преодолеть свои макроэкономические различия, чтобы сформулировать и реализовать общую повестку дня по реформированию глобальной экономической архитектуры? С какими ключевыми приоритетами и проблемами сталкиваются экономики стран Юга на нынешнем переломном этапе глобализации?

Эти вопросы анализируются в данной главе. В разделе В рассматриваются основные уроки, которые можно извлечь из первоначального подъема глобального Юга в период с 2003 по 2013 год. В разделе С рассматриваются актуальные вызовы в контексте политики, связанные с продолжающейся финансиализацией добывающих отраслей. В разделе D приводятся выводы.

В 2013 году мировая экономика, казалось, разделилась на два мира: растущий Юг и охваченный кризисом Север.

В. Глобальный Юг: возникновение идеи и представления о подъеме

1. Процессы, стоящие за концепцией

Несмотря на историю, восходящую к 1960-м годам, термин «глобальный Юг» всегда был довольно аморфным. Его нельзя четко определить на карте, и он включает в себя регионы и страны с различной историей, культурой и политико-экономическими режимами. Этот термин во многих случаях относят к подъему отдельных стран, а не сплоченной группы (*The Economist*, 2024). Граница между Севером и Югом исторически не была постоянной, поскольку

некоторые экономики развивающегося Юга, такие как Сингапур, сами стали богатыми странами (Mold, 2023).

В более широком смысле трудно игнорировать исторический подъем Юга с середины XX века, а также огромный экономический потенциал развивающихся стран. В 1970-х годах все развивающиеся страны Африки, Азии, Латинской Америки и Карибского бассейна, взятые вместе, генерировали чуть менее 17 процентов мирового валового дохода. К 2022 году этот показатель вырос почти до 40 процентов, причем на долю развивающихся стран Азии приходится 31 процент (рис. IV.1).

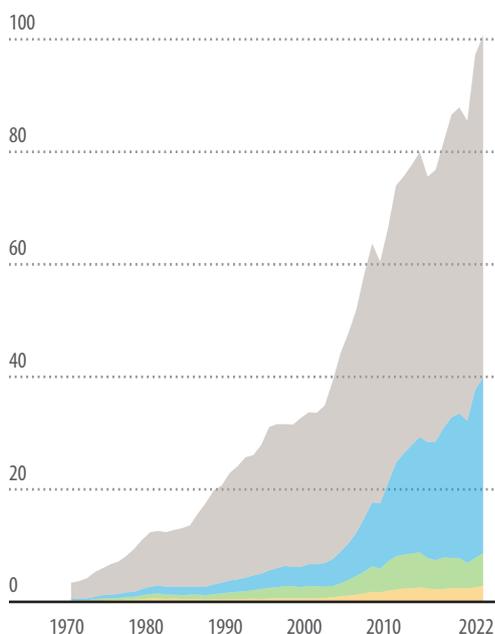

Рис. IV.1

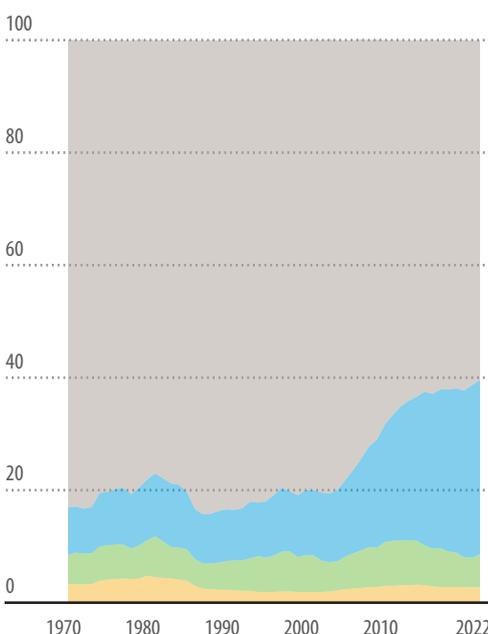
Подъем глобального Юга привел к увеличению благосостояния, но в основном в Азии

Валовой национальный доход в разбивке по регионам

А. Триллионы долларов

В. Проценты

Африка Латинская Америка и Карибский бассейн Развивающиеся страны Азии Остальной мир

Источник: ЮНКТАД на основе базы данных Статистического отдела Организации Объединенных Наций по основным агрегатным показателям национальных счетов.

На товарную торговлю по линии Юг — Юг приходится около 23 % мировой торговли; на торговлю по линии Север — Север приходится 39 %.

Сегодня на страны глобального Юга приходится около 40 процентов мирового валового продукта и около 85 процентов населения планеты.

Самый крупный двусторонний торговый коридор сегодня проходит между Китаем и Соединенными Штатами. По данным ЮНКТАД, на товарную торговлю по линии Юг — Юг приходится около 23 процентов мировой

торговли; на торговлю по линии Север — Север приходится 39 процентов²⁷. В настоящее время на страны глобального Юга приходится более 65 процентов от общемирового объема ввоза прямых иностранных инвестиций; в 1990 году этот показатель составлял 16 процентов. Что касается вывоза прямых инвестиций из этих стран, то он составляет 32 процента от глобального объема по сравнению с 5 процентами в 1990 году (UNCTAD, 2024c).

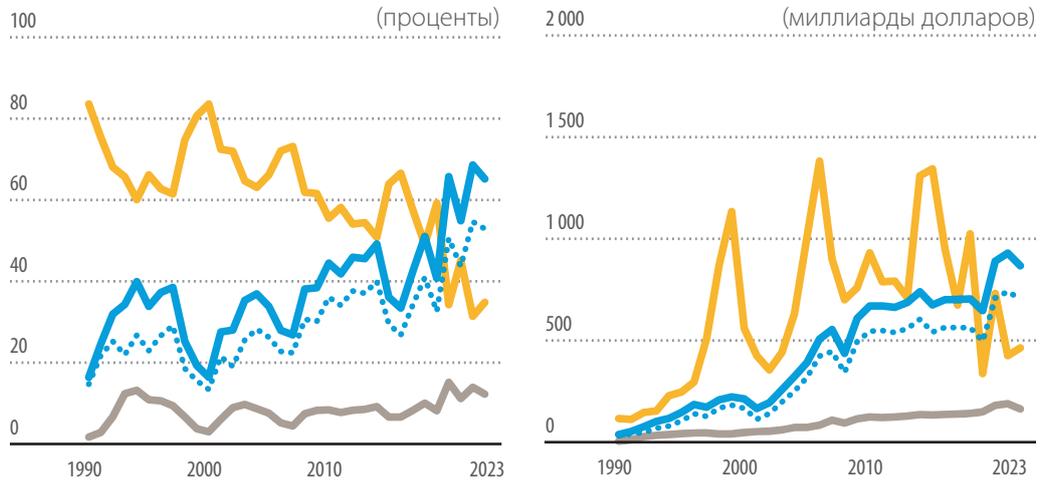

Рис. IV.2
На глобальный Юг приходится более 65 процентов ввоза прямых иностранных инвестиций

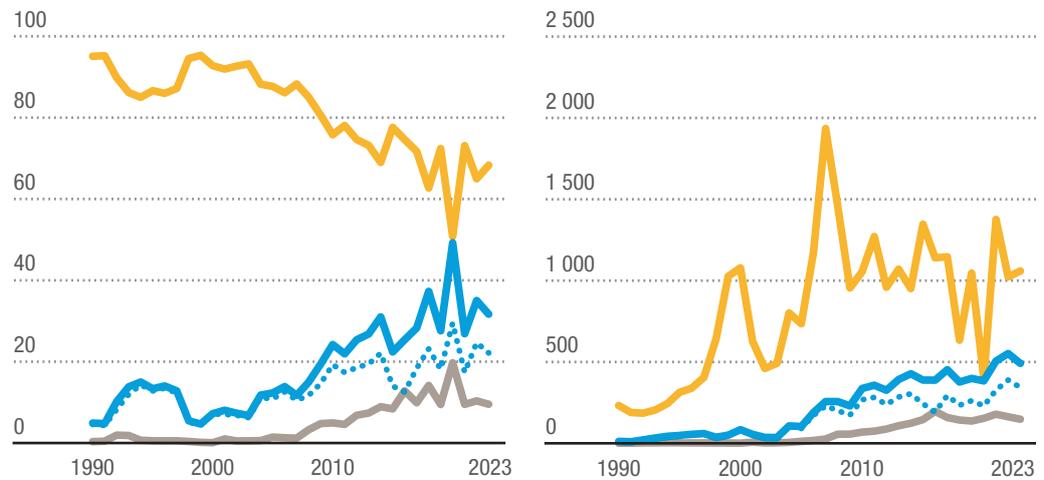
Доля потоков прямых иностранных инвестиций, отдельные регионы

— Китай — Развитые страны — Развивающиеся страны — Развивающиеся страны, исключая Китай

А. Входящие прямые иностранные инвестиции

В. Исходящие прямые иностранные инвестиции

Источник: База данных UNCTADstat.

²⁷ См. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.IntraTrade>.

В контексте этого экономического подъема и на фоне роста геополитической напряженности после 2022 года термин «глобальный Юг» вновь занял заметное место в политическом лексиконе. Лидеры Индии, Китая, Соединенных Штатов и Франции используют его все чаще (*The Economist*, 2024).

Современный дискурс о глобальном Юге имеет исторические прецеденты. Широко распространено мнение, что Карл Огелсби, писатель и активист левых взглядов из Соединенных Штатов, впервые использовал его в 1969 году, заметив, что «доминирование Севера над глобальным Югом... сконцентрировалось... создав невыносимый социальный порядок» (Ogelsby, 1969). Хотя в то время это не было точным определением группы стран в политическом контексте, термин «глобальный Юг» стал использоваться для обобщенного обозначения стран за пределами развитых капиталистических экономик.

Во время холодной войны термины «третий мир» и «неприсоединившиеся страны» были взаимозаменяемыми в СМИ, политических и научных кругах, когда комментаторы говорили о политических альянсах и позиции стран Юга в области безопасности. В более специализированных дискуссиях по вопросам экономики и развития широко использовались такие понятия, как «менее развитые страны»²⁸ или «развивающиеся страны»²⁹. После окончания холодной войны дихотомия «развивающиеся — развитые страны» получила широкое распространение и даже стала мейнстримом в многосторонней дипломатии. В 2000 году Организация Объединенных Наций приняла Декларацию тысячелетия, в которой были сформулированы цели развития, в основу которых были положены восемь стоящих перед развивающимися странами проблем развития.

Но общемировой контекст продолжал меняться, и последнее десятилетие принесло свои изменения в лексикон многосторонней политики. Последствия глобального финансового кризиса, экономический подъем развивающихся стран в первом десятилетии XXI века, эволюция БРИКС и других стран с формирующейся рыночной экономикой поставили вопрос, в основном на Севере, об уместности разделения стран

на развитые и развивающиеся. В 2015 году, когда была принята знаковая Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, государства — члены Организации Объединенных Наций согласились с тем, что цели в области устойчивого развития, пришедшие на смену целям в области развития, сформулированным в Декларации тысячелетия, должны применяться ко всем странам независимо от уровня развития.

Пандемия COVID-19 и последующие каскадные кризисы углубили разрыв между развитыми и развивающимися странами. При этом вновь возросшие риски в сфере политики и безопасности укрепили коллективное представление о развивающихся экономиках как о «глобальном Юге». Хотя в научных публикациях это понятие используется с 2008–2009 годов, на мировой политической арене оно стало активно применяться только в последние два года. С 2023 года упоминания о глобальном Юге стали появляться в официальных документах саммитов Группы 20, Группы семи и БРИКС. В январе 2024 года этот термин был включен в итоговый документ третьей Встречи на высшем уровне стран Юга, состоявшейся в Кампале, Уганда. Впервые 134 государства — члена Группы 77 коллективно согласились обеспечить «глобальному Югу более влиятельное и равное положение на международной арене во взаимовыгодном сотрудничестве со всеми партнерами» (Group of 77, 2024).

Короче говоря, хотя одним из факторов, обусловивших принятие термина «глобальный Юг» в лексикон международной политики, стало отсутствие «альтернативного сокращенного наименования для политиков и журналистов» (Nye, 2023), его широкое употребление в течение последних двух десятилетий отражает элементы общей идентичности, экономического потенциала и общих проблем развивающихся стран.

Нынешний переломный момент в глобальной экономической интеграции стал испытанием для стран глобального Юга как по отдельности, так и в совокупности. Чтобы понять причины этого, в следующем разделе рассматриваются основные политические уроки первого периода подъема глобального Юга.

В 2024 году члены Группы 77 договорились о том, чтобы обеспечить глобальному Югу более влиятельное и равное положение на международной арене.

²⁸ Резолюция 1710 (XVI) Генеральной Ассамблеи о первом десятилетии развития.

²⁹ Резолюция 1995 (XIX) Генеральной Ассамблеи о создании ЮНКТАД и резолюция 3201 (S-VI) Генеральной Ассамблеи о новом международном экономическом порядке.

2. Миф о разделении

В начале 2000-х годов ожидания исторического подъема экономики стран глобального Юга основывались на высоких темпах роста в Китае и других развивающихся странах. Эти ожидания подкрепила очевидная устойчивость развивающихся стран к финансовому кризису 2007–2009 годов. Эта устойчивость была настолько поразительной, что в первые дни глобального финансового кризиса многие ожидали, что рост на Юге «отсоединится» от трудностей, с которыми столкнулись страны с развитой экономикой (Акуз, 2012). В то время как экономика развитых стран замедлялась под давлением задолженности и политики жесткой экономии, финансовая устойчивость и сильные позиции по резервам, казалось, предвещали бурный рост для большинства развивающихся стран.

Теория разделения глобального Юга и глобального Севера опиралась на несколько аргументов. Во-первых, сама природа кризиса 2007–2009 годов была довольно уникальной. В отличие от предыдущих кризисов в развивающихся странах, происходивших в 1980-х и 1990-х годах, мировой финансовый кризис был «в значительной степени североатлантическим кредитным кризисом» (Nesvetailova and Palan, 2008; Tooze, 2018) или «долговым кризисом развитых стран» (Wade, 2008). В центре финансового краха оказался один из сегментов ипотечного рынка Соединенных Штатов. Кризис перекинулся на банковские системы Европы и выявил, помимо прочих проблем, огромный размер нерегулируемой теневой банковской системы, которая играла центральную роль в передаче системных рисков. Этот новый, во многом непредвиденный кризис в экономиках со значительным весом финансового сектора, напоминающий «момент Мински», первоначально, как представляется, оказал непропорционально большое влияние на развитые страны и более ограниченное — на развивающиеся, где небанковское финансовое посредничество и кредитные взаимосвязи были менее развиты (Whalen, 2007; Griffiths-Jones and Ocampo, 2009).

Страны глобального Юга не только не пострадали от этого шока; во многих из них в 2010–2011 годах темпы роста были на уровне докризисных или выше. Оправившись от последствий глобальной рецессии, они восстанавливались «достаточно уверенно

и энергично» (Abiad et al., 2012: 4). В целом, по мнению Всемирного банка (2018 год), развивающиеся страны «относительно неплохо справились с глобальной рецессией, особенно те, которые в меньшей степени зависели от внешней торговли и финансов, а также те, которые имели сильные фундаментальные показатели до кризиса». По мнению многих комментаторов, сравнительная устойчивость развивающихся стран к финансовым потрясениям стала важным признаком ослабления могущества Соединенных Штатов и становления нового мироустройства после эпохи доминирования Соединенных Штатов (Zakaria, 2008)³⁰.

Однако теория разделения не выдержала испытания временем. Устойчивость глобального Юга к кризисам оказалась временной. Вскоре стало очевидно, что за общим представлением о «поднимающемся Юге» скрываются огромные различия в региональном опыте переживания глобальной рецессии. Многие развивающиеся страны были вынуждены реализовывать пакеты мер для спасения своих финансовых систем и/или проводить экспансионистскую денежно-кредитную политику (UNCTAD, 2010).

Кризис 2007–2009 годов совпал с периодом резких колебаний цен на сырьевые товары и валютных курсов, что увеличило неопределенность и усилило эффект порочного круга падения торговых потоков и инвестиций. Скачки цен на продовольствие и топливо в середине 2008 года привели к тому, что страны Африки к югу от Сахары, импортирующие продовольствие и нефть, оказались в тяжелом положении из-за истощения валютных резервов и возникших трудностей с оплатой импорта и поддержанием роста. Хотя страны — экспортеры нефти получали выгоду от роста доходов, резкие подъемы и спады способствовали волатильности объема производства, что препятствовало инвестициям в долгосрочный производственный потенциал (Allen and Giovanetti, 2011).

Как заключила в свое время ЮНКТАД, кризис 2007–2009 годов показал, что принятие взвешенной макроэкономической политики и накопление валютных резервов странами с формирующимся рынком «оказались недостаточными для того, чтобы защитить их от системных рисков, присущих финансовой

В начале мирового финансового кризиса 2007–2009 годов многие считали, что рост на глобальном Юге «отделился» от охваченного кризисом Севера.

Устойчивость развивающихся стран к внешним финансовым потрясениям 2007–2009 годов воспринималась как предвестие становления нового мироустройства после эпохи доминирования Соединенных Штатов.

³⁰ На самом деле Север более устойчив к кризисам, особенно в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

глобализации» (UNCTAD, 2010). Сам «подъем» был неравномерным и неполным, а сырьевой бум 2003–2013 годов скрывал структурные проблемы и значительные региональные различия (UNCTAD, 2018).

Кроме того, что немаловажно, развитые и развивающиеся страны различались по степени свободы политического маневра для выработки ответа на глобальную неопределенность. Во многих развивающихся странах кризису COVID-19 предшествовал высокий уровень задолженности.

Международный долг в 2019 году достиг рекордных 233 процентов ВВП, а государственный долг — исторических 84 процентов. Задолженность развивающихся стран достигла 180 процентов ВВП, причем в основном за счет частного долга, который вырос до 126 процентов ВВП. Четыре пятых развивающихся стран имели более высокий уровень задолженности, как внутренней, так и внешней, чем в 2010 году (Kose et al., 2021).

В целом последствия глобального финансового кризиса для Юга, хотя и не сразу, оказались гораздо более серьезными, чем для Севера, поскольку они коренным образом изменили траекторию роста (рис. IV.3). В период с 2001 по 2008 год среднегодовой рост реального ВВП развивающихся стран составил около 6,7 процента, что на

4,4 процентных пункта выше, чем в развитых странах (2,3 процента). После глобального финансового кризиса, в период с 2008 по 2019 год, средние темпы роста снизились как в развивающихся странах (до 5,0 процента), так и в развитых странах (до 1,5 процента), но и разрыв сократился до 3,5 процентного пункта. После шока от пандемии COVID-19, в период с 2020 по 2023 год, разрыв сократился еще больше — до 1,9 процентного пункта (темпы роста составили 5,1 процента в развивающихся странах и 3,2 процента в развитых странах).

Как показывает рис. IV.3, после мирового финансового кризиса разность в темпах роста между Югом и Севером постепенно уменьшалась, хотя Юг якобы обладал более высоким потенциалом роста. Это согласуется с наблюдавшейся ранее картиной. За последние 40 лет пять крупных экономических кризисов (долговой кризис 1982 года в Латинской Америке, кризис мексиканского песо 1994 года, азиатский финансовый кризис 1997 года, мировой финансовый кризис 2007–2009 годов и пандемический шок 2020–2022 годов) демонстрировали схожую тенденцию: Юг действительно рос быстрее Севера, но последующий спад, как правило, в странах Юга был глубже, и на восстановление экономики там требовалось больше времени.

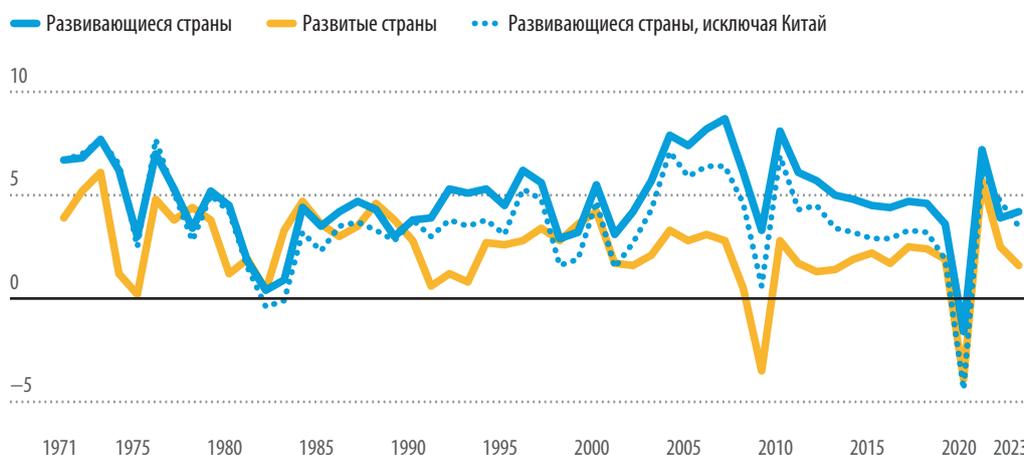
Во время всех крупных экономических кризисов последних 40 лет Юг рос быстрее, чем Север, но последующие рецессии, как правило, были более глубокими, и на восстановление там требовалось больше времени.

Рис. IV.3

Резкое падение темпов роста во время кризисов. Мировой финансовый кризис и пандемия COVID-19 оказали долгосрочное воздействие

Рост реального ВВП (проценты)

Источник: База данных UNCTADstat и таблица I.1.

Глобальный рост стабилизируется на уровне, который недостаточен для решения развивающимися странами своих экономических, социальных и экологических проблем.

Сегодняшние изменения в глобальном макроэкономическом контексте добавляют еще один тревожный нюанс к этой общей картине. После пандемии глобальный рост стабилизируется на уровне, который недостаточен для решения развивающимися странами своих экономических, социальных и экологических проблем.

3. Обратное движение: разнонаправленные последствия сырьевого бума 2003–2013 годов

Сырьевой бум 2003–2013 годов был широким, он был связан с ростом спроса на энергоносители, металлы и продовольствие. В отличие от предыдущих резких подъемов, цены на различные сырьевые товары вели себя схожим образом (например, IMF, 2011: 47).

Цикл сырьевых цен по-разному повлиял на три основных региона глобального Юга, выявив макроэкономические, институциональные и структурные различия. В Азии высокий спрос на сырьевые товары привел к беспрецедентно высоким макроэкономическим показателям для большинства экспортеров сырьевых товаров (OECD, 2014). Однако в Африке и Латинской Америке сырьевой бум затормозил диверсификацию экономики³¹.

Сырьевой бум выявил серьезные различия в экономических преобразованиях, а именно: успех этих преобразований в Восточной Азии; улучшение основных макроэкономических показателей в некоторых странах Латинской Америки; отсутствие структурных сдвигов в недобывающих секторах стран Африки.

Азия

Высокий спрос азиатских стран на сырьевые товары исходил в основном из Китая, который в период с 1978 по 2017 год демонстрировал высокие темпы роста (в среднем 9,5 процента в год).

После 2001 года этот спрос дал особенно мощный толчок циклу сырьевых цен 2003–2013 годов. Регион стал ключевым

источником спроса на сырьевые товары, экспортируемые из Африки и Латинской Америки. С 1980 по 2009 год реальный ВВП азиатских стран вырос в 7,5 раза, тогда как мировой ВВП — всего в 3 раза. Среднемировой доход увеличился чуть менее чем в два раза (Lee and Hong, 2010).

Экономический подъем Азии произошел благодаря структурным факторам, прежде всего росту накопления капитала. Хотя динамика трудозатрат, обучения и общей производительности факторов производства в целом была положительной, их вклад в рост ВВП был более умеренным (Lee and Hong, 2010). Политика структурных преобразований, включая переход от сельского хозяйства к промышленности и сфере услуг и продолжающийся переход в обрабатывающей промышленности к производству продукции с более высокой добавленной стоимостью, способствовала перераспределению ресурсов из низкопроизводительных секторов в высокопроизводительные (IMF, 2006). В период с 1990-х по 2020-е годы Азия стала мировым центром переработки, производства и сборки продукции. В период с 1992 по 2021 год добавленная стоимость в ее обрабатывающем секторе увеличилась с 29 до 53 процентов от общемировой добавленной стоимости (McKinsey Global Institute, 2023).

Второй важной константой роста Азии является непревзойденный уровень региональной интеграции, которая устойчиво развивается на протяжении последних 15 лет (ADB, 2023a: xvi). Поскольку шок от пандемии COVID-19 поставил под угрозу логистику, цепочки поставок и доступность рабочей силы, уровни потребления и инвестиций снизились (ADB, 2023b). Однако даже во время пандемии и несмотря на напряженность в торговле, совокупный объем торговли оставался на прежнем уровне. За резким сокращением глобальных цепочек добавленной стоимости в 2020 году последовало быстрое восстановление в 2021 году. Рис. IV.4 иллюстрирует динамику структуры экспорта двух крупнейших экономик региона — Индии и Китая.

Сырьевой бум 2003–2013 годов продемонстрировал успешные структурные изменения в Восточной Азии, макроэкономическую стабилизацию в Латинской Америке и отсутствие структурных преобразований в Африке.

³¹ За последние 50 лет доля Азии в мировом валовом продукте выросла на 20 процентных пунктов, в то время как доли Латинской Америки и Африки остались практически неизменными и составляют около 5 процентов. Это говорит о том, что, хотя глобальный Юг в целом догоняет глобальный Север, не все регионы глобального Юга участвуют в этом процессе одинаково (Fernandez et al., 2022).

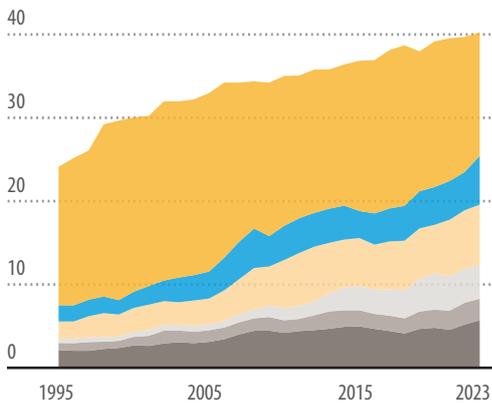

Рис. IV.4

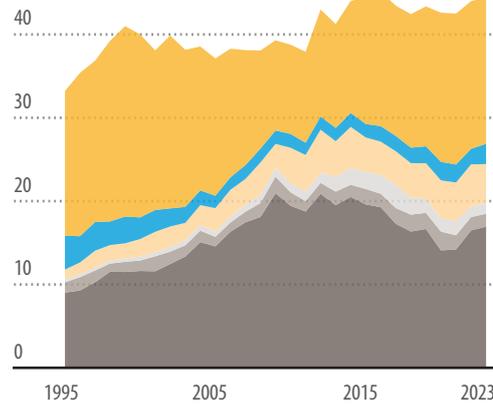
В двух ведущих экономиках региона экспорт рос и оставался устойчивым даже во время кризисов

Экспорт в отдельные регионы (проценты)

А. Экспорт из Китая

В. Экспорт из Индии

- Соединенные Штаты
- Восточная Европа
- Развивающаяся Америка
- Малайзия
- Вьетнам
- Западная Азия

Источник: База данных UNCTADstat.

Внутрирегиональная торговля помогла сохранить устойчивость экономики стран Азии во время пандемии. Например, в период с 2018 по

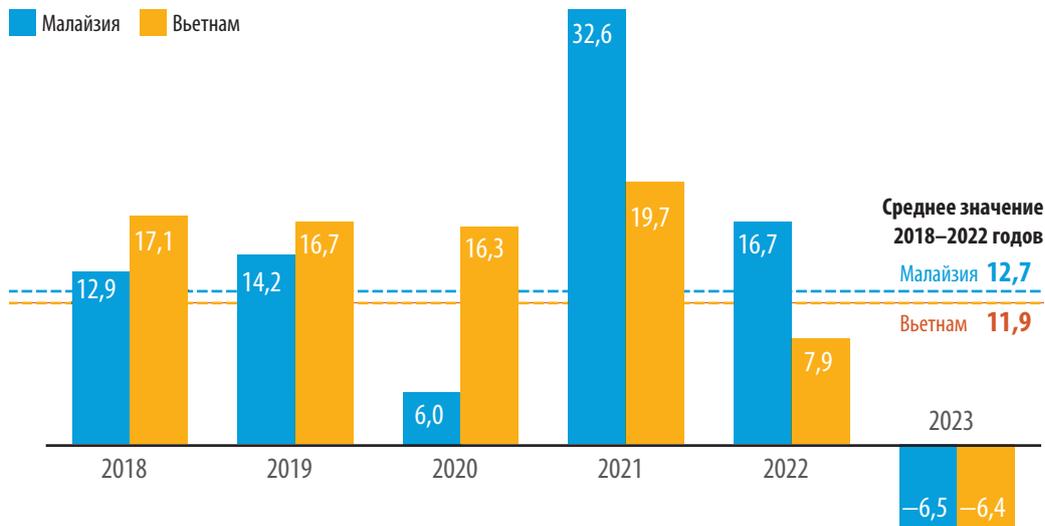
2022 год торговля между Китаем и Вьетнамом росла на 12 процентов в год, а между Китаем и Малайзией — почти на 13 процентов (рис. IV.5).

Рис. IV.5

Расширение внутрирегиональной торговли способствовало повышению устойчивости во время пандемии

Темпы роста торговли Китая с Малайзией и Вьетнамом (проценты)

Источник: База данных UNCTADstat.

Торговая интеграция — неизменно сильная сторона азиатских экономик, поскольку региональные торговые соглашения способны смягчать последствия сбоев в цепочках поставок (ADB, 2023а: 10). На рис. IV.6 показано, что участие

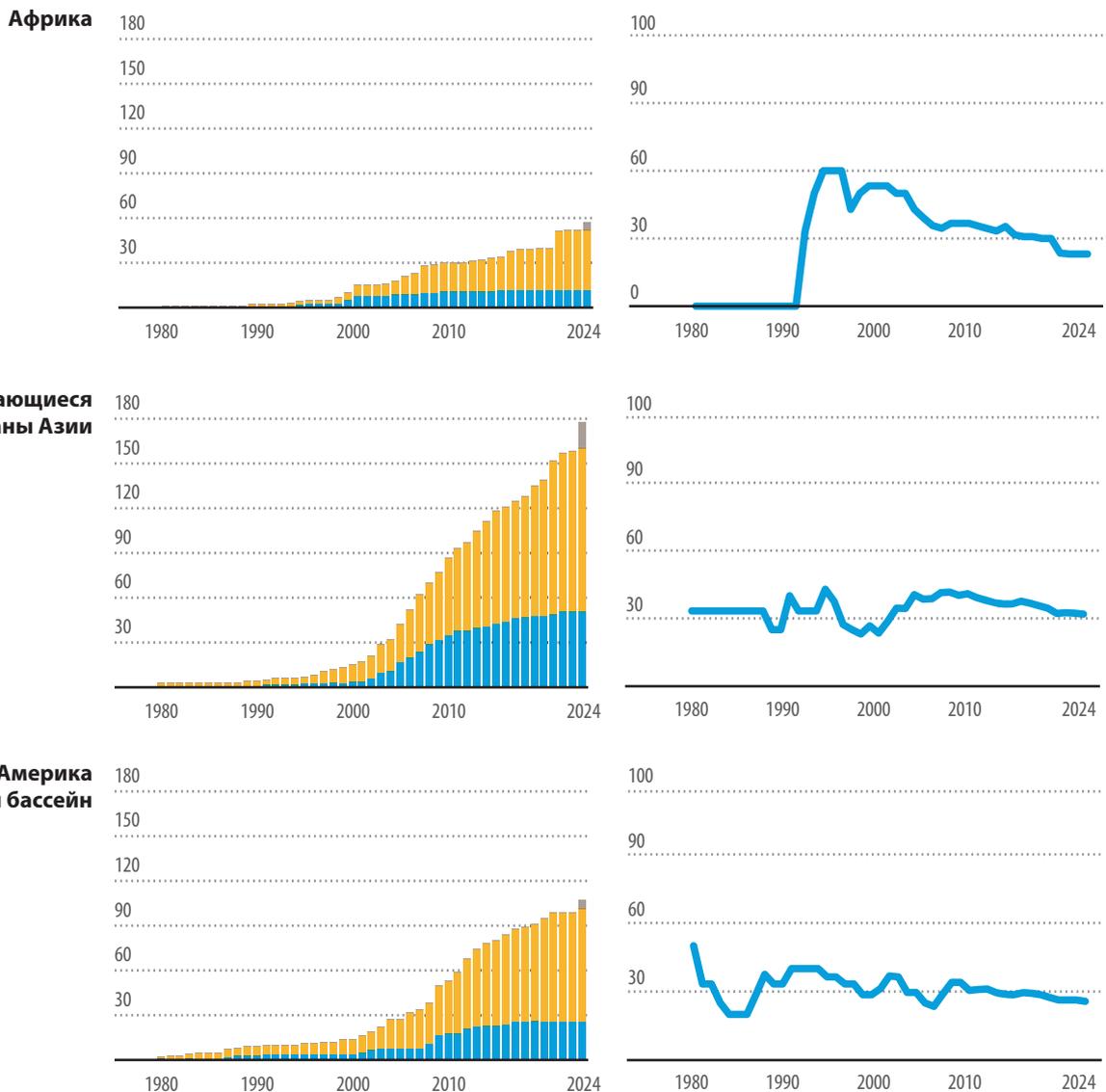
развивающихся стран Азии во внутрирегиональных торговых соглашениях постоянно расширялось с начала 2000-х годов, и темп этого роста значительно превышает показатели Африки и Латинской Америки.

Рис. IV.6
Страны Азии участвуют в большем количестве региональных торговых соглашений, что позволяет сглаживать перебои в работе цепочек поставок

Действующие региональные торговые соглашения

■ Внутрирегиональные ■ Внерегиональные ■ На стадии переговоров или подписания — Доля внутрирегиональных РТС (количество региональных соглашений) (доля внутрирегионального участия в процентах)

Источник: ЮНКТАД на основе данных Всемирной торговой организации по региональным торговым соглашениям, 2024 год.

Примечания: РТС — региональные торговые соглашения. Доля внутрирегиональных РТС от общего количества РТС (внутрирегиональные плюс внерегиональные) определяется на основе количества действующих РТС, все стороны которых представляют соответствующий регион.

Латинская Америка

В период с 2003 по 2013 год страны Латинской Америки получили значительную выгоду от увеличения спроса на природные ресурсы в Азии. Условия торговли для экспортеров сырьевых товаров достигли пика выгодности в апреле 2011 года, когда цены на металлы начали падать. На рис. IV.7 показано, что ситуация изменилась в июне 2014 года,

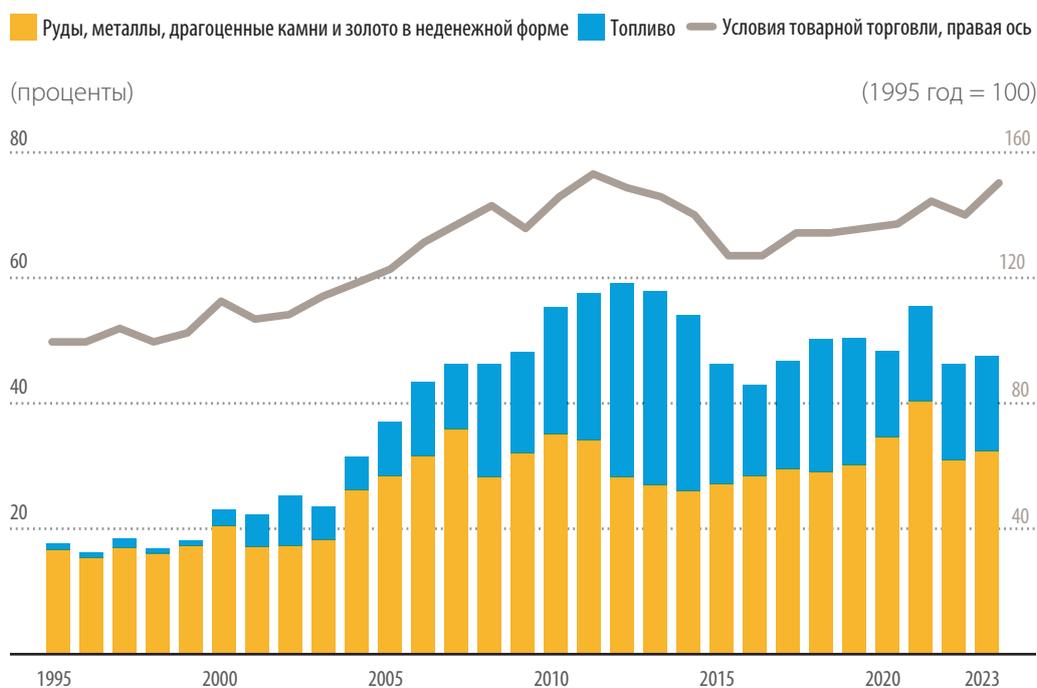
когда произошло резкое снижение цен на нефть, от которого больше всего пострадали экспортеры нефти и природного газа, а именно Многонациональное Государство Боливия, Колумбия и Эквадор. Условия торговли сырьевыми товарами оставались практически неизменными с 2014 по 2019 год для экспортеров металлов, таких как Чили и Перу, после снижения с 2011 по 2014 год (Balakrishnan et al., 2021: 5).

Рис. IV.7

Спрос на природные ресурсы в Азии способствовал росту экспорта из Латинской Америки, но это влияние менялось во времени и по видам товаров

Доля отдельных товарных групп в общем объеме товарного экспорта из Латинской Америки в развивающиеся страны Азии

Источники: База данных UNCTADstat и база данных Cepalstat.

Во всей Латинской Америке, несмотря на некоторую диверсификацию для снижения зависимости от сырьевых товаров, в период бума на сырьевые товары по-прежнему приходилось в среднем 60 процентов от общего объема экспорта (рис. IV.8). Аргентина, Бразилия и Уругвай значительно увеличили долю экспорта сырьевых товаров. Экспортеры тяжелых металлов и энергоносителей, такие как Венесуэла, Колумбия, Перу, Чили и Эквадор, не прибегали к значительной диверсификации и, соответственно, были

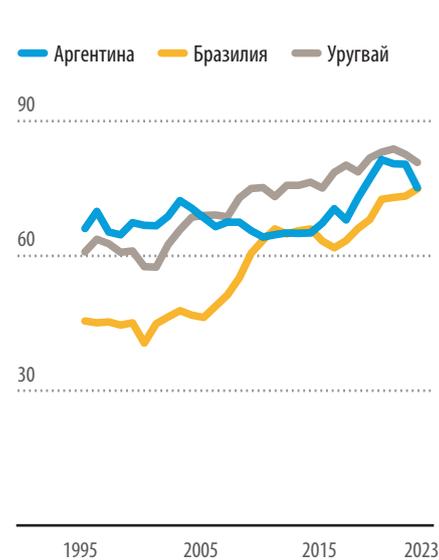
более уязвимы при развороте цикла. В Мексике и Центральной Америке экспорт сырьевых товаров в период с 1970–1980 годов по 2010 год сократился вдвое (IMF 2011: 51). Несмотря на эти различия, во время бума зависимость от сырьевых товаров в Латинской Америке представлялась практически неизменной с 1970-х годов (IMF 2011: 62).

Возобновившийся рост доли природных ресурсов в экспортной корзине Латинской Америки, который называют репримаризацией или рекоммодитизацией,

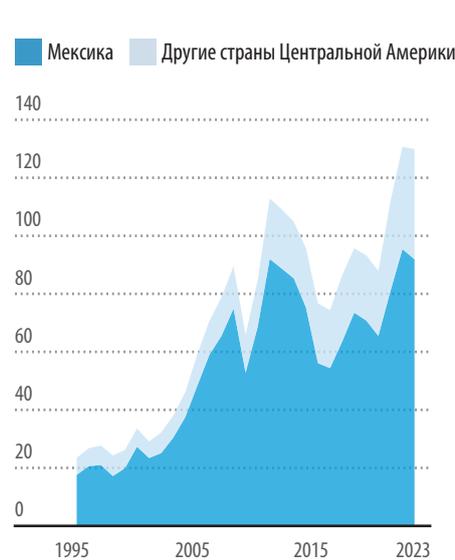

Рис. IV.8
В Латинской Америке диверсификация для снижения зависимости от сырьевых товаров была ограниченной
 Экспорт сырьевых товаров и индекс концентрации, отдельные страны

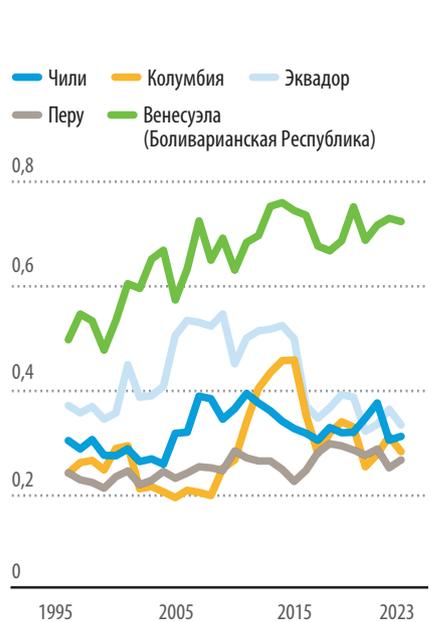
А. Доля экспорта сырьевых товаров
 (проценты)

В. Стоимость экспорта сырьевых товаров
 (миллиарды долларов)

С. Индекс концентрации

Источник: База данных UNCTADstat.

Примечания: Индекс концентрации продукции показывает, в какой степени экспорт и импорт отдельных стран сконцентрированы на малом числе продуктов, а не распределены более однородно между многими продуктами. Услуги не учитываются. Значение индекса варьируется от 0 до 1 (значение, близкое к 1, означает менее диверсифицированный экспорт).

усилил высокую зависимость региона от природных ресурсов (OECD, 2014; Осампо, 2017). В экспорте из Латинской Америки в Китай, который стал основным торговым партнером региона, сырьевые товары составляли более 90 процентов от общего объема. Бурный рост китайского импорта способствовал репримаризации, ослабив производственные секторы в ряде латиноамериканских стран (Осампо, 2017).

Сырьевой бум позволил добиться прогресса в сокращении бедности и неравенства. В Центральной и особенно Южной Америке отмечалось снижение уровня неравенства. С 2000 года и до начала пандемии в 2020 году многомерные показатели нищеты снижались во всех странах Латинской Америки (UNDP, 2021)³². Однако во многих странах — экспортерах

сырья сокращение масштабов бедности приостановилось в период между 2013–2014 годами (завершение сырьевого бума) и 2020 годом (начало пандемии), поскольку рынки труда стагнировали, а реальная заработная плата снижалась (Balakrishnan et al., 2021). В некоторых случаях, как, например, в Аргентине и Бразилии, показатели бедности увеличились, однако в среднем впечатляющие выгоды от бума впоследствии не столько реверсировали, сколько стагнировали (Balakrishnan et al., 2021). По сравнению с другими регионами глобального Юга, неравенство доходов в Латинской Америке остается высоким (рис. IV.9).

Сокращение неравенства и особенно бедности во время сырьевого бума было обусловлено ростом бюджетных расходов и

³² Многомерные показатели нищеты охватывают питание, детскую смертность, количество лет обучения в школе, посещаемость школы, топливо для приготовления пищи, электричество, питьевую воду, санитарии, жилье и имущество (UNDP, 2021).

спроса на рабочую силу в секторах с низкой квалификацией, таких как строительство и услуги, которые были напрямую связаны с добычей ресурсов (Balakrishnan et al., 2021). Положительным результатом также способствовала политическая воля к увеличению социальных расходов на такие

инновации, как программы для бедных, не предусматривающие взносов (Sánchez-Ancochea, 2021; Gasparini and Cruces, 2021).

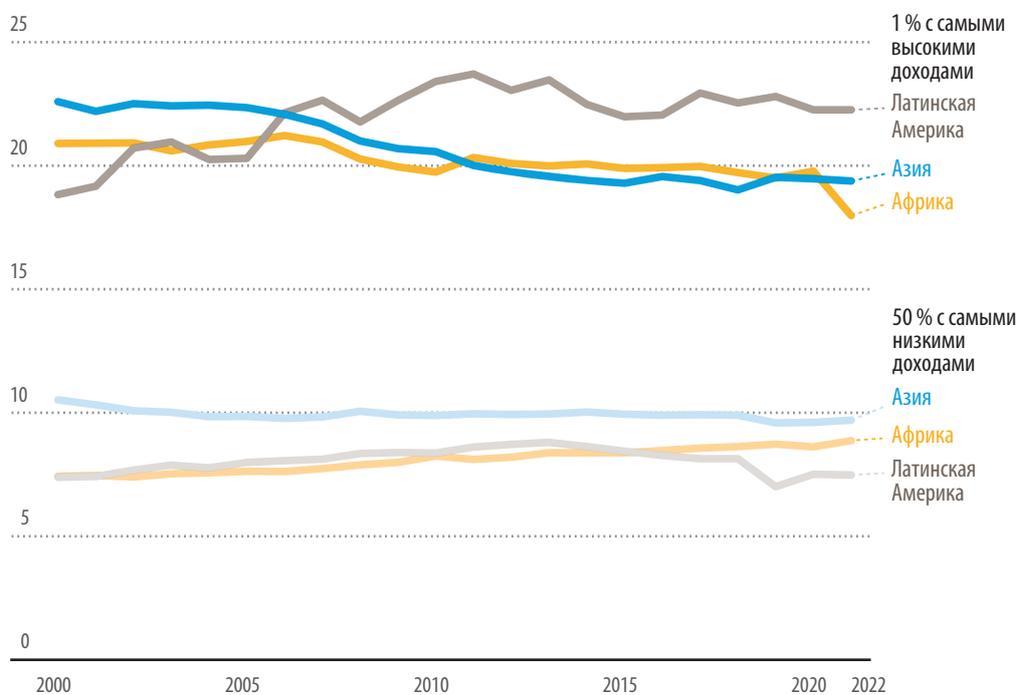
В целом по региону снижение неравенства стало результатом более эффективного государственного управления в краткосрочном периоде в условиях быстрого роста сырьевых

Рис. IV.9

Неравенство доходов остается высоким, особенно в Латинской Америке

Доли национального дохода до уплаты налогов, приходящиеся на 1 процент населения с самыми высокими доходами и 50 процентов населения с самыми низкими доходами, в разбивке по регионам (проценты)

Источник: World Inequality Database.

Примечание: Азия включает развивающиеся и развитые страны.

цен по сравнению с предыдущими эпизодами такого роста. Поощрялись официальное оформление на рынке труда и повышение минимальной заработной платы, а также меры по «контролю над большей долей сырьевой ренты, чем в прошлом» (Sánchez-Ancochea, 2021) и сокращению уклонения от уплаты налогов (Gasparini and Cruces, 2021). Однако в целом в Латинской Америке неравенство доходов значительно выше, чем можно было бы предположить по уровню ее развития, и она остается регионом с самым высоким

уровнем неравенства в мире (Galindo and Izquierdo, 2024; Gasparini and Cruces, 2021).

В отличие от Азии, расширение участия стран Латинской Америки и Карибского бассейна в глобальных цепочках создания стоимости сильно запаздывает. Неоднородная торговая политика в регионе, фрагментарный характер межрегиональной торговли, отсутствие общих преференций и правил происхождения в сети зон преференциальной торговли — все это препятствует развитию цепочек поставок (Moreira and Stein, 2019: 50–51). По мнению

Межамериканского банка развития, «хотя появляется все больше доказательств того, что фрагментация мировой торговли может принести пользу некоторым латиноамериканским экономикам, в нынешних условиях опережающий индикатор экспорта региона не указывает на изменение тенденции в первой половине 2024 года» (IDB, 2024: 10)³³.

Африка

В начале 2000-х годов выражение «Африка поднимается» и даже «львы в движении»³⁴ воплощало в себе многие предположения о подъеме глобального Юга в целом. Африка обладает 12 процентами мировых запасов нефти, 42 процентами запасов золота, 80–90 процентами запасов хрома и платины, 60 процентами пахотных земель и большими запасами древесины (African Union, 2021). На сырьевые товары приходится более 60 процентов экспорта в 46 из 54 стран континента (UNCTAD, 2022a).

Однако для этого богатого ресурсами континента «подъем» оказался недолгим, в точности повторив цикл сырьевых цен 2003–2013 годов. С 2004 по 2014 год на континенте наблюдался беспрецедентный рост добычи полезных ископаемых и цен на них, вызванный высоким спросом в промышленно развитых странах Азии. Особенно это касается нефтегазового сектора. В период с 2004 по 2014 год 10 крупнейших производителей нефти в Африке получили небывалый доход в размере 2,3 трлн долларов (International Energy Agency, 2019).

Помимо крупных поставщиков, таких как Ангола и Нигерия, и ряда давно существующих поставщиков среднего размера (Габон и Республика Конго), во многих странах проявился интерес корпораций к их нефтегазовому потенциалу, после чего эти страны стали экспортёрами углеводородов (Orprong and de Oliveira, 2021).

Среди них важное место занимает Мозамбик, где в 2010 году были обнаружены одни из крупнейших в мире запасов природного газа (Salimo et al., 2021). Прямые иностранные инвестиции в добывающую промышленность стали поступать не только от западных нефтяных и горнодобывающих корпораций, которые доминировали на континенте до 2000 года, но и от многих компаний глобального Юга, особенно из Индии и Китая.

В целом с 2000 по 2010 год ВВП Африки рос в среднем на 5,1 процента в год, но в 2010–2019 годах темпы роста замедлились до 3,3 процента (Tran, 2024). ВВП на душу населения в странах Африки к югу от Сахары достиг своего пика в 2014 году и составил 1936 долларов, после чего упал более чем на 10 процентов и составил около 1700 долларов в 2023 году. За тот же период мировой ВВП на душу населения вырос почти на 15 процентов (Blas, 2023). С 2014 года в странах — экспортёрах сырьевых товаров в Африке наблюдаются низкие темпы роста, а в крупнейших экономиках континента (таких, как Ангола, Нигерия и Южная Африка — также экспортёры сырьевых товаров) траектории роста были особенно неутешительными (рис. IV.10).

³³ Мескита и др. (Mesquita et al., 2022) находят некоторые свидетельства того, что «близко расположенные» поставщики, такие как Мексика, завоевали новые позиции, особенно после кризиса 2008 года. Однако, по видимому, эти успехи были достигнуты за счет производителей в Соединенных Штатах, а не за счет «далеко расположенных» поставщиков из Азии, которые продолжали укреплять свои позиции. Эту точку зрения оспаривают Утар, Торрес Руис и Зурита (Utar, Torres Ruiz and Zurita, 2023). Изучая данные на уровне фирм в Мексике с 2015 по 2021 год, они обнаружили, что «торговая война между Соединенными Штатами и Китаем оказала значительное влияние на экспорт [мексиканских] фирм... Мексиканские ГЦС в сфере производства и услуг заменяют китайские ГЦС и дополняют производственные ГЦС Соединенных Штатов. В частности, защита от китайского импорта в Соединенных Штатах в 2018–2019 годах оказала значительное положительное влияние на экспорт мексиканских компаний ГЦС в Соединенных Штатах, увеличив его на 16,5 [процента] в 2019 году». Авторы добавляют, что «несмотря на временное ослабление этого эффекта в 2020 году в разгар пандемии COVID, положительный эффект остался значительным и составил 17 [процентов] к 2021 году. Протекционистский поворот в Соединенных Штатах, направленный против Китая, также вызывает рост импорта мексиканских компаний ГЦС из Соединенных Штатов и стран Азии, но в меньшей степени, чем рост их экспорта, что приводит к значительному увеличению их общего чистого экспорта». Таким образом, авторы делают вывод, что «недавние изменения в торговой политике Соединенных Штатов сыграли свою роль в перестройке ГЦС и свидетельствуют об их перемещении в Мексику» (Utar, Torres Ruiz and Zurita 2023: 3).

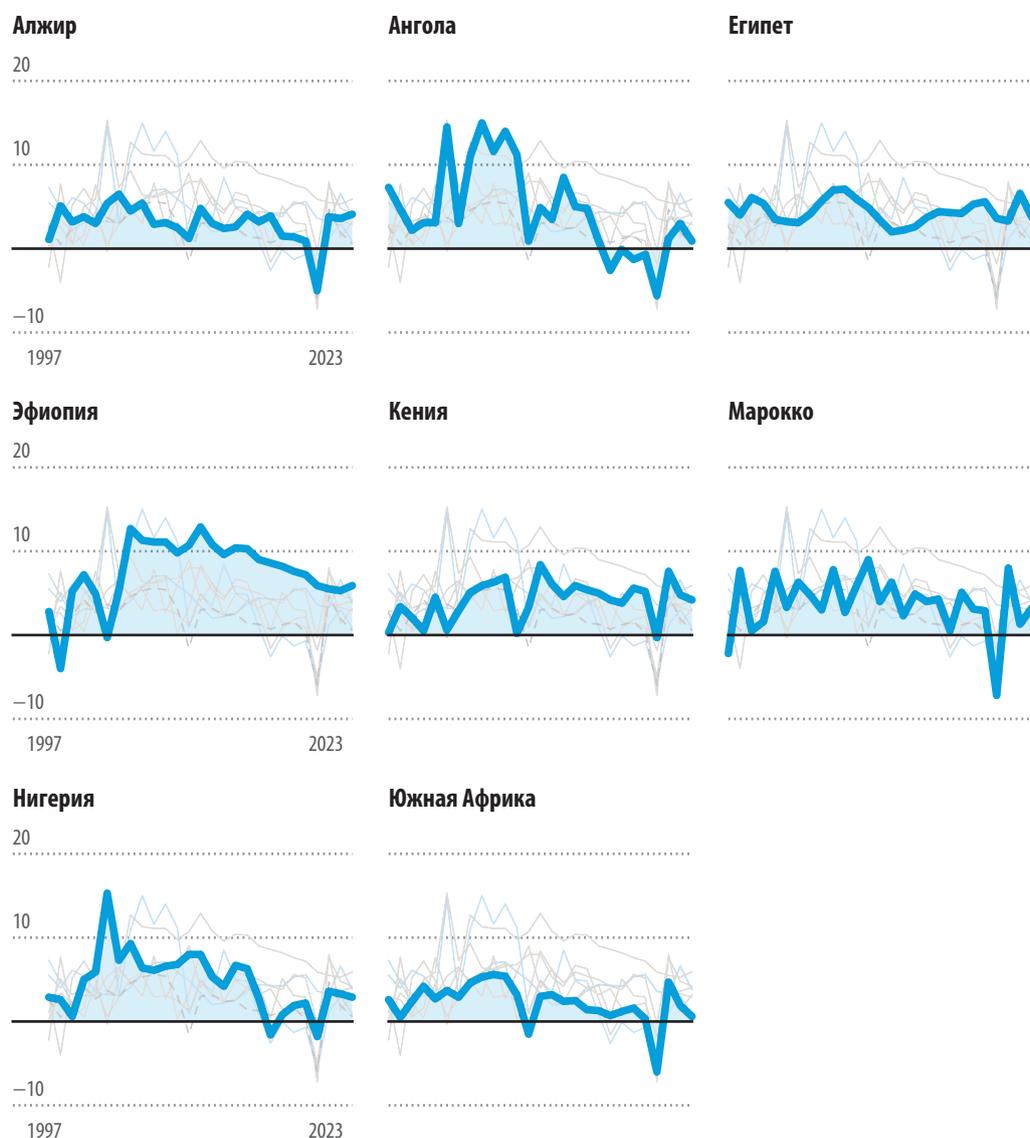
³⁴ См. особенно McKinsey, 2010 и Radelet, 2010.

Рис. IV.10 В крупнейших африканских странах, зависящих от сырьевых товаров, наблюдается нисходящий тренд

Темпы роста реального ВВП в крупнейших африканских странах (проценты)

Источники: UNCTADstat и таблица I.1.

Континент не полностью оправился от пандемии, потеряв к 2023 году 2,4 процентных пункта ВВП по сравнению с трендом, существовавшим до COVID-19. Разрыв в доходах между континентом и остальным миром увеличился, и это ухудшило его положение (Traor, 2024). Один из гипотетических прогнозов дает представление о масштабах сегодняшнего разрыва между Африкой и странами с развитой

экономикой. По расчетам ЮНКТАД, 55 странам Африканского союза необходимо расти на 19 процентов в год в течение следующих 20 лет, чтобы достичь уровня жизни Группы семи.

В то же время важно не забывать о том, что сырьевой бум принес свои плоды. Период высоких цен на сырьевые товары предоставил долгожданную передышку

после предшествующих десятилетий экономического спада. Она позволила странам вернуться к активному росту, справиться с долговым бременем конца XX века и избавиться от самых жестких форм структурной корректировки, предписанных международными финансовыми институтами. На фоне роста прямых иностранных инвестиций и сильной диверсификации инвесторов, особенно азиатских промышленно развитых стран, перспективы качественного улучшения ситуации казались многообещающими.

Улучшения экономической ситуации в начале 2000-х годов позволили африканским государствам усилить роль государственных институтов в стимулировании национального развития (Péclard et al., 2020). Богатые ресурсами государства, такие как Ангола, пережившая нефтяной бум после окончания гражданской войны в 2002 году, осуществляли капиталоемкие промышленные проекты. Даже такие бедные ресурсами страны, как Руанда и Эфиопия, стремились проводить амбициозную политику диверсификации. Несмотря на ограниченные финансовые возможности, эти две страны, пожалуй, лучше других справились с диверсификацией экономики за последние два десятилетия, хотя и начинали с очень

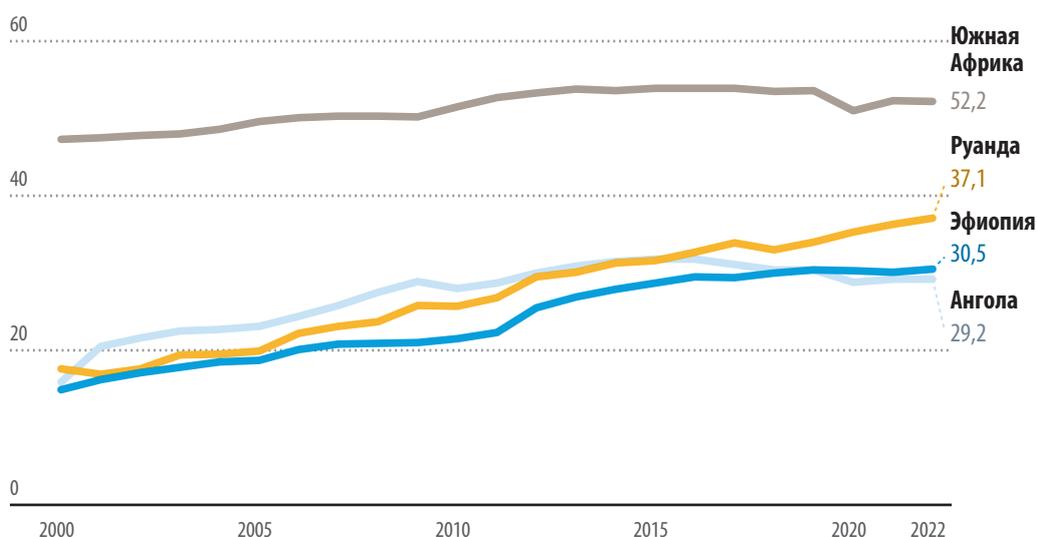
скромных исходных показателей (рис. IV.11). В других странах континента результаты диверсификации оказались неутешительными.

Медленные или отсутствующие структурные преобразования усугубляют пессимистичную картину. В период с 1980 по 2000 год скромная доля обрабатывающей промышленности в ВВП Африки сократилась вдвое (Jacquemot, 2018). В странах Африки к югу от Сахары, несмотря на интерес со стороны потенциальных инвесторов, доля обрабатывающей промышленности в ВВП сократилась с 18 процентов в 1981 году до 11 процентов в 2023 году (Pilling, 2024).

По сути, период с 2000 по 2010-е годы был периодом экономического роста, не сопровождаемого ростом занятости. Ожидания многих молодых людей на континенте остались неудовлетворенными. В Африке ежегодно создается около 3 млн рабочих мест с официальной оплатой труда, но в течение следующего десятилетия в потенциальный состав рабочей силы ежегодно будет вступать 12 миллионов молодых людей. Континент страдает от высокого уровня безработицы среди людей в возрасте 15–24 лет, составляющего в среднем более 20 процентов. В Южной Африке самый

Рис. IV.11
Диверсификация, даже с низкого исходного уровня, помогла Руанде и Эфиопии нарастить производственный потенциал

Индекс производственного потенциала, отдельные африканские страны

Источник: База данных UNCTADstat.

Примечание: Более подробную информацию об индексе производственного потенциала см. в примечании к рис. III.13.

высокий в мире уровень безработицы среди молодежи — 61 процент (Tran, 2024).

Энтузиазм по поводу потребительского потенциала растущего африканского среднего класса сегодня считается преувеличенным, равно как и представления о размере и географическом распределении этого класса (например, Melber, 2017). На значительной части континента борьба с нищетой не дала результатов, и абсолютное число бедных людей продолжает расти. Несмотря на присутствие азиатских прямых иностранных инвестиций в обрабатывающую промышленность Африки, теория «летающих гусей» в контексте индустриализации не реализовалась. Если исходить из критерия абсолютной совокупной стоимости продукции обрабатывающей промышленности, а также увеличения числа рабочих мест в обрабатывающей промышленности, то континент продолжал индустриализироваться (Abreha et al., 2021). Тем не менее в самой промышленно развитой стране Африки, Южной Африке, наблюдался промышленный спад. Африканским экономикам в целом очень трудно включиться в глобальные цепочки добавленной стоимости (Abreha et al., 2021).

Международная финансовая интеграция далась многим странам ценой увеличения долгового бремени. К 2018 году 10 из 13 стран, в которых с 2013 года наблюдался высокий риск долгового кризиса, находились в Африке к югу от Сахары. В период с 2017 по 2023 год 46 из 57 развивающихся стран, или 81 процент, столкнулись с ухудшением внешней финансовой устойчивости, при этом среднегодовой рост расходов на обслуживание долга составил 16,3 процента, что намного превысило рост экспорта и переводов заработка от эмигрантов, в сумме составивший 5 процентов. Двадцать семь стран с ухудшившимся положением находились в Африке, 14 — в Азии и 5 — в Латинской Америке и Карибском бассейне (UNCTAD, 2024b). В 2023 году среди 25 стран с наибольшей долей экспортных поступлений, направляемых на обслуживание внешнего долга, 9 стран были из Африки (рис. IV.12).

В течение периода после сырьевого бума в подавляющем большинстве африканских стран структурные преобразования в направлении

развития недобывающих отраслей были незначительными. В 2024 году экономики африканских стран являются аутсайдерами по сравнению с экономиками промышленно развитых и других развивающихся стран. Они по-прежнему ориентированы на добычу природных ресурсов, имеют очень низкую степень интеграции в глобальные цепочки создания стоимости, в основном малообразованную рабочую силу и мало шансов конкурировать с аналогичными, но более расторопными странами глобального Юга в обрабатывающей промышленности или товарном сельском хозяйстве.

4. Резюме

Если рассматривать его в ретроспективе, то подъем глобального Юга в 2003–2013 годах был неравномерным и неполным. Превращение Азии в мировой центр экономической активности стало результатом структурных преобразований внутри стран и усиления экономической интеграции на региональном уровне.

В Латинской Америке рост в первые два десятилетия нынешнего века основывался на конъюнктурных факторах, таких как сырьевой бум, при этом макроэкономическая политика и финансовое регулирование оказались эффективными и соответствовали целям контроля инфляции и финансовой стабильности. Исключение составили Аргентина и Боливарианская Республика Венесуэла.

Африка, несмотря на успешную диверсификацию в сторону недобывающих отраслей в ряде стран, таких как Руанда и Эфиопия, пережила сырьевой бум без роста занятости. Несмотря на активное акцентирование промышленной политики, в 2013–2014 годах экономика большинства богатых природными ресурсами стран оставалась такой же зависимой от природных ресурсов, как и раньше. Сегодня континент по-прежнему в значительной степени зависит от своей ресурсной базы, а тяжелое наследие финансовых потрясений в виде долгового бремени усугубляет проблемы бедности, недостаточных структурных реформ и вялого развития в целом, проявляющиеся в долгосрочном периоде.

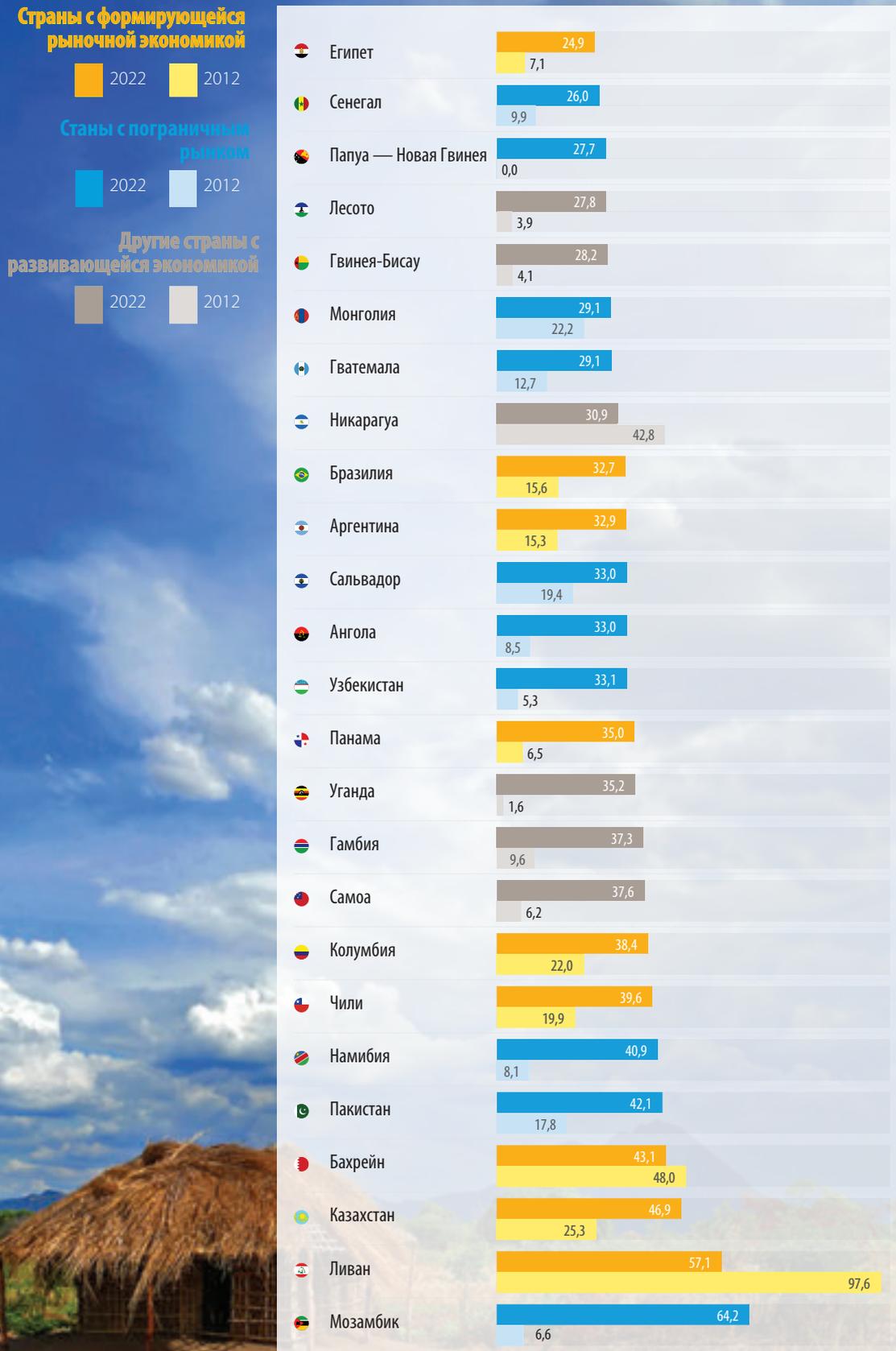

Рис. IV.12

Топ-25 развивающихся стран с наибольшей суммой экспортной выручки, потраченной на обслуживание долга

Расходы на обслуживание долга как доля экспортной выручки (проценты)

Источник: ЮНКТАД на основе статистики Всемирного банка по международной задолженности и доклада МВФ «Перспективы развития мировой экономики», апрель 2024 года.

С. Изменение позиций: новые пути к развитию

Региональное разнообразие глобального Юга ставит вопросы о направлении и типе актуальных стратегий развития в переломный момент глобализации.

Геоэкономические изменения заставляют усомниться в некоторых широко распространенных ранее предположениях, например о том, что индустриализация Восточной Азии может быть повторена в других странах глобального Юга. Ряд затруднений ставят эти идеи под сомнение.

Во-первых, восточноазиатская интеграция очень похожа на традиционные торговые и инвестиционные отношения между Севером и Югом. Однако модель индустриализации и региональной интеграции, известная как теория «летающих гусей», не подтвердилась ни в Африке, ни в Латинской Америке. Ожидания того, что типология «летающих гусей» дает реалистичное отображение восточноазиатской индустриализации и ее потенциальной реализации на глобальном Юге, как правило, маскируют аналитические недостатки типологии и неизбежный редуционизм. Эти ожидания преувеличивают ее применимость в контексте политики (Saad-Filho, 2014), как считают критики азиатской модели (например, Das, 2015).

Во-вторых, нынешнее разнообразие глобального Юга отражается в прерывистых траекториях развития некоторых региональных экономических лидеров. В 1990-х годах, например, Чили превозносили за близость к восточноазиатской модели (Paik et al., 2011). Сегодня недостаточная собираемость налогов в стране ставит под угрозу государственные услуги, бюрократия тормозит инвестиции, а производственный сектор остается небольшим по сравнению с аналогичными странами с развивающейся рыночной экономикой, включая соседнюю Аргентину. На продукцию горнодобывающей промышленности Чили, такую как медь, приходится большая часть экспорта и богатства миллиардеров, что делает страну больше похожей на старомодную сырьевую экономику, чем на восточноазиатского «тигра» (Sharma, 2024).

В Южной Африке, крупнейшей экономике Африки, схлопывание сырьевого бума

2003–2013 годов обнажило многочисленные проблемы, включая безработицу среди молодежи, превышающую 50 процентов, высокую долю населения, живущего за счет пособий, слабые инвестиции и постоянные перебои в подаче электроэнергии. Даже в Азии, а именно в Таиланде, одном из первых «азиатских тигров», сократился ВВП на душу населения. В этой стране один из самых высоких в мире уровней неравенства, и 79 процентов бедняков проживают в сельской местности. Несмотря на усилия по превращению Таиланда в центр фабричного производства благодаря его расположению на глобальных торговых путях, производительность труда стагнирует, и Таиланд проигрывает в промышленном производстве конкурентам, таким как Вьетнам (Sharma, 2024).

Наконец, в-третьих, новые ограничения перспектив развития и индустриализации по азиатскому образцу возникают под влиянием новой волны роста, о которой говорилось в главе III. Успехи 1990-х годов в области развития на региональном и национальном уровнях будет нелегко повторить в условиях нового цикла сырьевых цен, энергетического и технологического перехода, развитой финансиализации и перехода к услугам в качестве доминирующего сектора экономики.

География прямых иностранных инвестиций, ориентированных на сферу услуг, отражает нынешнее многообразие глобального Юга (рис. IV.13), где на развивающуюся Азию по-прежнему приходится основная часть прироста потоков инвестиций в новые проекты. Тогда как доля инвестиционных проектов, ориентированных на сферу услуг, в Африке и Латинской Америке росла в период с 2020 по 2023 год, общий объем инвестиций стагнирует с 2020 года. В то же время растущее значение сферы услуг и нематериальных активов в глобальных цепочках создания стоимости может создавать риски для развивающихся экономик в целом. Оно может усугубить существующие структурные барьеры, сдерживающие рост в наименее развитых

Сегодня предположение о том, что восточноазиатская индустриализация может быть успешно использована в качестве модели развития в других странах глобального Юга, является спорным.

Успехи 1990-х годов в развитии, возможно, будет нелегко повторить в условиях нового цикла сырьевых цен, энергетического и технологического перехода, а также прогрессирующего усиления финансового фактора и сервитизации экономики.

Рис. IV.13

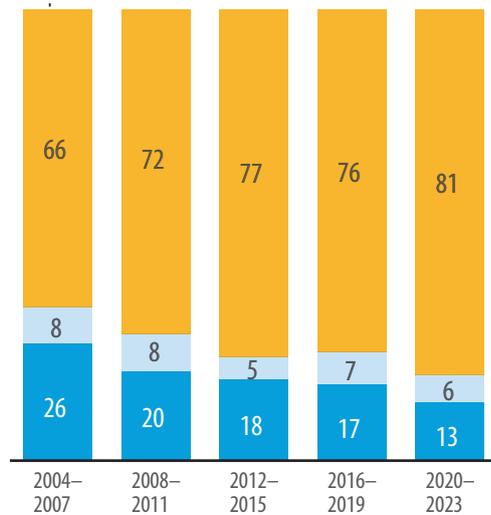
Переориентация инвестиционных потоков в пользу сектора услуг может усугубить структурные барьеры

Структура прямых иностранных инвестиций в разбивке по регионам и секторам (проценты от общего числа трансграничных новых инвестиционных проектов)

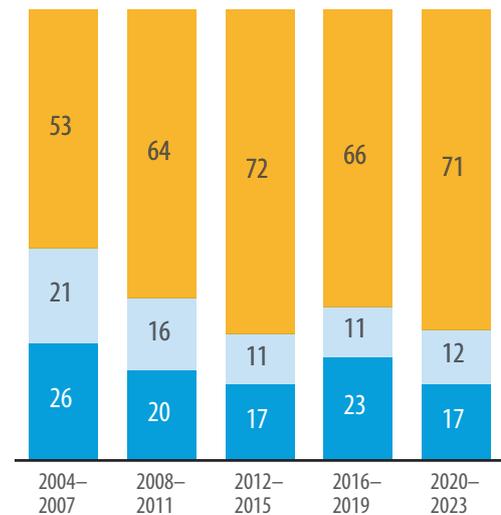
А. В разбивке по регионам

Обработывающая промышленность   Прочие материальные активы   Сфера услуг

Весь мир

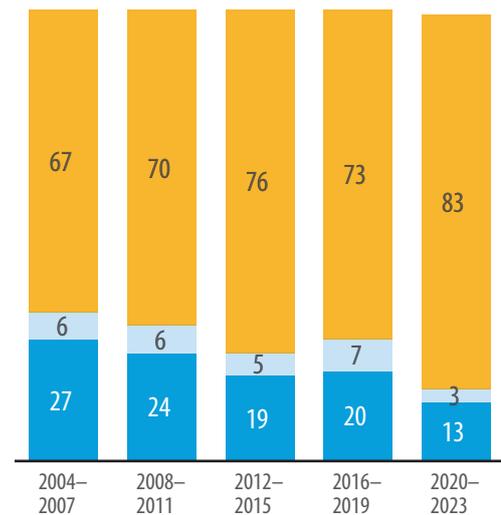
Африка

Латинская Америка и Карибский бассейн

Развивающиеся страны Азии

В. В разбивке по секторам

Источник: ЮНКТАД на основе информации из базы данных *Financial Times* по рынкам ПИИ.

Примечания: Секторальный анализ основан на переменной «Деловая активность». Это означает, что «Сфера услуг» включает деятельность по оказанию услуг в рамках типичных отраслей обрабатывающей промышленности (например, офисы продаж автопроизводителей). «Обрабатывающая промышленность» совпадает с классификацией в базе данных. Группа «Прочие материальные активы» включает несколько видов деятельности, которые обычно классифицируются как услуги, но по своей природе требуют наличия значительного объема физических активов; она включает следующие категории: строительство, электроэнергетика, добыча ископаемых и инфраструктура. «Сфера услуг» включает все остальные виды деятельности (имеющие отношение к обслуживанию). Вид деятельности «ИКТ и инфраструктура интернета» был разделен на инфраструктуру интернета, отнесенную к «Прочим материальным активам», и оставшуюся часть услуг ИКТ, отнесенную к «Сфере услуг».

Поиск новых путей успешного развития требует переоценки цикла сырьевых цен и разработки политики, направленной на диверсификацию и перераспределение.

В реальном секторе экономики, торговле и глобальных цепочках создания стоимости усиление финансового фактора приводит к серьезным последствиям для стратегий интеграции.

странах мира, и повысить их уязвимость к внешним потрясениям (UNCTAD, 2018).

В этом меняющемся контексте все еще можно найти новые пути к успешному развитию и устойчивому росту. Для многих стран глобального Юга это требует переоценки краткосрочных преимуществ цикла сырьевых цен, а также роста доли сферы услуг и секторов, связанных с финансами. Необходима новая политика, направленная на долгосрочную диверсификацию и перераспределение.

Продолжающееся влияние усиления финансового фактора, отмечаемое растущей ролью финансовых инструментов, деятельности и оценок (Sawyer, 2013), на реальную экономику, торговлю и глобальные цепочки создания стоимости имеет серьезные последствия для развивающихся стран, стремящихся к экономической интеграции. Некоторые из этих последствий рассматриваются ниже.

1. Старые и новые вызовы, связанные с усилением финансового фактора

Принимая во внимание уроки сырьевого бума 2003–2013 годов, а также новую волну роста и энергетический переход, для многих стран — экспортеров ресурсов глобального Юга все большее значение приобретает тщательное управление расширением добывающих отраслей. В 2018 году в 18 из 27 развивающихся стран, охваченных исследованием, возросла доля добывающих отраслей в добавленной стоимости экспортируемой продукции. Некоторые зарегистрированные скачки превысили 10 процентных пунктов (UNCTAD, 2018).

Для многих развивающихся стран сырьевые бумы тесно переплетаются с финансовым циклом и связанными с ним рисками усиления финансового фактора. Усиление финансового фактора на рынках сырьевых товаров и в соответствующих отраслях прогрессирует с 2000 года, когда отмена регулирования рынков деривативов в Соединенных Штатах и волна новых финансовых инноваций побудили банки, хедж-фонды и других инвесторов торговать и спекулировать индексными продуктами на основе цен сырьевых товаров. Многих институциональных инвесторов привлек к сырьевым продуктам широко известный нарратив о том, что растущее население будет генерировать все более высокий спрос на природные ресурсы и

что в ближайшие десятилетия производство продовольствия должно вырасти на 50 и более процентов (FAO, 2017; Clapp, 2019).

Более поздней тенденцией стал энергетический переход. Увеличивая спрос на сырьевые товары, особенно минералы, он разворачивается под влиянием усиления финансового фактора (например, Knuth, 2018; Appiah et al., 2023). Управление экспансией и финансиализацией добывающих отраслей представляет собой ключевую задачу для экспортеров сырьевых товаров в условиях продвижения энергетического перехода и новой волны роста.

Добывающие отрасли, а именно горнодобывающая и энергетическая, являются чрезвычайно капиталоемкими; рента, как правило, концентрируется в руках владельцев капитала. В сельскохозяйственных сырьевых секторах деятельность подразумевает большие затраты труда. Большинство производителей в развивающихся странах имеют малые размеры и задействованы только в сегментах с низкой добавленной стоимостью в международных продовольственных цепочках, оставляя себе лишь малую часть добавленной стоимости производимой ими продукции. Например, производители кофе получают всего 3 процента от конечной цены (UNCTAD, 2018).

В условиях сосредоточения контроля над сельскохозяйственным сектором в руках немногих транснациональных компаний мелкие производители сталкиваются с такими проблемами, как высокая стоимость и ограниченный доступ к средствам производства; недостаточный объем капитала; растущие требования к соблюдению стандартов безопасности, качества и охраны окружающей среды, вводимые странами-импортерами; и увеличение изменчивости погоды при нехватке инструментов для адаптации к ней (UNCTAD, 2024a).

С другой стороны, в последние годы, когда на рынках царил нестабильность, прибыли гигантов сырьевой торговли, контролирующих, по самым скромным подсчетам, до 70 процентов мировых продовольственных рынков, резко возросли, чему во многих случаях способствовали финансовые спекуляции (UNCTAD, 2023). Например, в мировой торговле зерном доминирует небольшое количество компаний на сильно финансиализированных товарных рынках, подверженных высокой волатильности (Clapp, 2022). Спекулятивная практика этих компаний вызывает озабоченность в контексте политики, учитывая, что отсутствие внимания

со стороны регуляторов и корпоративный арбитраж позволяют им извлекать прибыль в периоды кризисов и нестабильности рынков (UNCTAD, 2023; Clapp, 2022).

Определения усиления финансового фактора (финансиализации) в разных научных дисциплинах неодинаковы (van der Zwan, 2014), но это явление можно понимать и как более высокую реализуемость базовых активов на финансовых рынках, и как преобладание прибыли от финансовых предприятий над доходами от основной деятельности. Балансирование подверженности стран — экспортеров сырья финансиализации извне и одновременного регулирования роста добывающих отраслей в рамках внутренней макроэкономики представляет собой двоякую задачу, которую необходимо решать разработчикам политики во многих развивающихся странах. Это обусловлено рядом причин.

Во-первых, в развивающихся странах связь между финансовыми циклами и ценами на сырьевые товары, как правило, особенно ярко выражена (Aldaroso et al., 2023). Конкретная роль сырьевых рынков в трансмиссии финансового цикла в развивающиеся страны по-прежнему является предметом обсуждений, однако последние исследования показывают, что эндогенное реагирование экспортных цен играет важную роль в усилении трансмиссии денежно-кредитной политики Соединенных Штатов в развивающиеся страны. Это объясняется чувствительностью цен на сырьевые товары к процентным ставкам, а также тем, что изменения денежно-кредитной политики в Соединенных Штатах и глобальная склонность к риску являются ключевыми факторами, определяющими движение капитала в странах — экспортерах сырьевых товаров (Juenal and Petrella, 2024).

На рис. IV.14 показана тесная взаимосвязь между финансовым циклом и ценами на сырьевые товары с начала 2000-х годов, когда появление на международных

финансовых рынках индексных продуктов на основе цен сырьевых товаров расширило возможности для финансовых спекуляций (Gkanoutas-Leventis and Nesvetailova, 2015).

Финансовые циклы, как правило, гораздо медленнее циклов цен на сырьевые товары, где частота колебаний ближе к частоте колебаний потоков капитала. На рис. IV.14 представлена корреляция, соответствующая выводам Алдаросо и др. (Aldaroso et al., 2023). А именно первый основной компонент потоков капитала на развивающиеся рынки гораздо сильнее коррелирует с ценами на сырьевые товары, чем соответствующий первый основной компонент потоков капитала в страны с развитой экономикой.

Негативное влияние финансиализации на экономическую стабильность и распределение доходов в развивающихся странах было зафиксировано в аналитических исследованиях, проводившихся до пандемии (Bonizzi, 2013; Kaltenbrunner and Paineira, 2015). Недавнее исследование (Sharma, 2022) показывает, что последствия финансиализации сырьевых товаров стали более выраженными в период пандемии COVID-19 по сравнению с периодом 2008–2009 годов.

Впоследствии этот анализ был дополнен новыми эмпирическими исследованиями, посвященными финансиализации цепочек создания стоимости в сырьевом секторе (вставка IV.1). Эти исследования показывают, что финансиализация сырьевых товаров и концентрация глобальных цепочек создания стоимости фактически представляют собой двоякую проблему для экспортеров глобального Юга. Отчасти это объясняется тем, что, хотя на агрегированном уровне играют финансовые институты и рынки, финансовые инвестиции на местах, на разных этапах цепочки создания стоимости, опосредуются через компании по управлению активами и корпоративную практику.

Усиление финансового фактора подразумевает более высокую реализуемость базовых активов и преобладание прибыли от финансовой деятельности над доходами от основной деятельности.

В развивающихся странах связь между финансовыми циклами и ценами на сырьевые товары, как правило, ярко выражена.

Последствия финансиализации сырьевых товаров стали более выраженными в период пандемии COVID-19 по сравнению с периодом 2008–2009 годов.

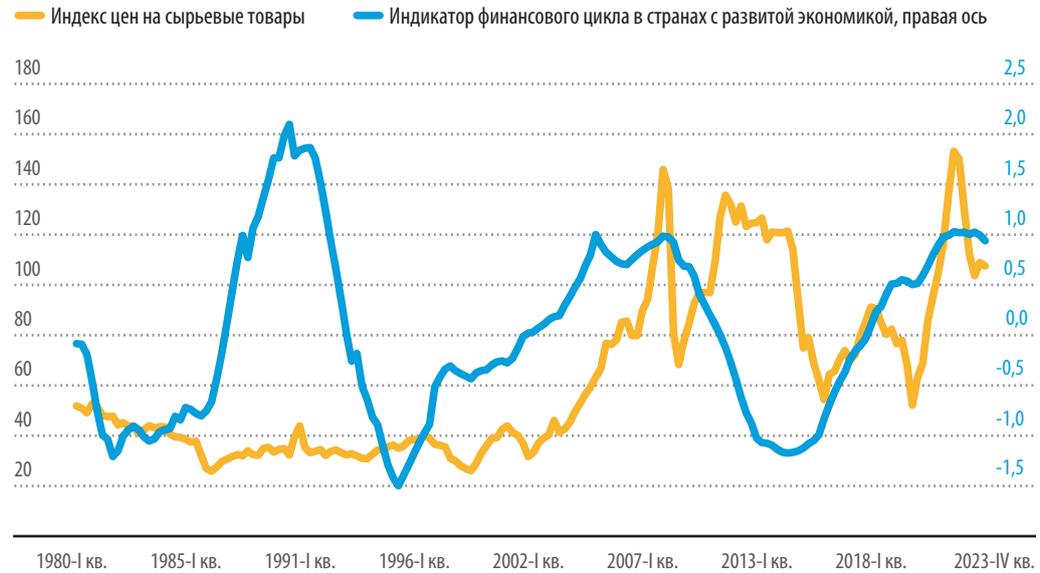

Рис. IV.14

Совпадает ли цикл сырьевых цен с финансовым циклом? Факты свидетельствуют о тесной взаимосвязи, причем в большей степени это касается развивающихся рынков

Индикатор финансового цикла и индекс цен на сырьевые товары (2010 год = 100)

А. Развитые страны

В. Страны с формирующимся рынком

Источники: ЮНКТАД на основе данных Fitch; национальные данные; Банк международных расчетов; данные Всемирного банка по ценам на сырьевые товары.

Примечания: I кв. — первый квартал; IV кв. — четвертый квартал. Финансовые циклы измеряются с помощью частотных (полосовых) фильтров, фиксирующих среднесрочные циклы в реальном объеме кредитования, отношении объема кредитов к ВВП и реальных ценах на жилье (Borio, 2014). Финансовые циклы нормируются по средним значениям и стандартным отклонениям для каждой конкретной страны, после чего берутся простые средние значения по группам стран. К странам с формирующимся рынком относятся Бразилия, Венгрия, Израиль, Индия, Индонезия, Китай, Гонконг (Китай), Колумбия, Малайзия, Мексика, Республика Корея, Сингапур, Таиланд, Турция, Чехия, Чили и Южная Африка. К странам с развитой экономикой относятся Австралия, Бельгия, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Испания, Италия, Канада, Королевство Нидерландов, Новая Зеландия, Норвегия, Португалия, Соединенное Королевство, Соединенные Штаты, Финляндия, Франция, Швейцария, Швеция и Япония.

Вставка IV.1**Гана: особый случай механизма ценообразования какао-бобов**

Цена на какао-бобы очень волатильна и в основном определяется на международных товарных биржах в Лондоне и Нью-Йорке. В Гане экономика в значительной степени зависит от экспорта какао-бобов для создания валютных резервов. Однако нестабильные цены на какао приводят к колебаниям выручки, доходов и валютных курсов, что создает риски для внутреннего и внешнего баланса.

Гана — единственная страна, сохранившая государственную монополию на продажу какао-бобов. Реализует эту монополию Cocoa Marketing Company, которая зарегистрирована как компания с ограниченной ответственностью и является дочерним предприятием Совета по какао Ганы (Cocobod).

В начале 2000-х годов Cocobod внедрил систему, позволяющую национальному Банку Ганы выходить на международные денежные рынки для получения дешевых кредитов. Речь идет о займах, предлагаемых группой кредиторов и обеспеченных форвардными контрактами на покупку или продажу какао по определенной цене в будущем (van Huellen and Abubakar, 2021). Изначально система была разработана для финансирования потребностей в иностранной валюте для импорта нефти. На сегодняшний день эта система, называемая синдицированным кредитом, является основным каналом доступа Банка Ганы к международным денежным рынкам.

Более 80 процентов доходов, получаемых Cocoa Marketing Company, поступает с международного рынка на основании контрактов на будущие продажи и закупки, которые компания не контролирует. Поскольку ценообразование носит прогнозный и спекулятивный характер, оно отражает ожидания трейдеров относительно будущих условий спроса и предложения, которые подвержены влиянию колебаний рынка и изменений настроения инвесторов.

Способность Cocoa Marketing Company своевременно реагировать на колебания цен на рынке ограничена потребностями в финансировании внутренней торговли. Синдицированный кредит должен предоставляться к сентябрю, чтобы компания могла расплатиться с фермерами во время сбора урожая. Ей необходимо брать на себя обязательства по поставке соответствующего объема какао через форвардные контракты, что означает фиксацию цен даже на растущем рынке. Эта ситуация хорошо известна покупателям, которые используют ее в своих интересах. Период пандемии COVID-19 продемонстрировал это: покупатели отказывались подписывать форвардные контракты, если Cocoa Marketing Company не соглашалась на отрицательную страновую премию. Отсутствие контрактов привело бы к тому, что компании нечем было бы платить фермерам, выращивающим какао, что в конечном итоге вынуждало ее соглашаться.

Система форвардных продаж позволяет Cocoa Marketing Company защищать фермеров от ценовых рисков, фиксируя отпускные цены на падающем рынке, но при этом компания теряет гибкость в получении выгоды от роста цен. Некоторая гибкость сохраняется за счет резервирования части урожая для спотовой продажи. Однако компания остается подверженной риску низкого урожая. В периоды экономических потрясений и кризисов внешнего долга Cocobod и Cocoa Marketing Company могут сталкиваться с дополнительным давлением со стороны правительства, вынуждающим продавать на форвардном рынке больший объем какао-бобов, чем это было бы желательно с учетом рыночных условий.

Банк Ганы получает прямой доступ к примерно 2 млрд долларов в год за счет продажи какао-бобов, что делает Cocobod одним из самых важных государственных учреждений в стране. Однако отсутствие независимости подрывает доверие к Cocoa Marketing Company. После того как Гана потеряла доступ к международным рынкам капитала в результате долгового кризиса и столкнулась с более высокой премией за риск, синдицированный кредит стал единственным каналом доступа к международным рынкам, крупнейшим источником иностранной валюты, вносящим самый большой вклад в валютные резервы.

Вставка IV.1 Гана: особый случай механизма ценообразования какао-бобов

Действующая система, при которой цены привязаны к конечной рыночной цене в Лондоне, а также многократный пересчет валют приводят к подверженности Cocoa Marketing Company значительному ценовому и количественному риску. Корректировка существующего механизма является сложной задачей, поскольку он предоставляет Cocomob ликвидность для финансирования его положения монопольного покупателя ганских какао-бобов. Он также обеспечивает Банку Ганы доступ к международному рынку по приемлемым ставкам, что крайне важно в условиях кризиса внутреннего долга и постоянного обесценивания валюты.

Однако в последние годы все чаще звучат призывы отменить существовавшую 30 лет систему, склоняя к выводу о том, что Cocomob пора разработать пятилетний план по отказу от синдицированного кредита. Это позволило бы снизить процентные платежи и обеспечить постоянное поступление в Банк Ганы долларовой выручки от экспорта какао. Однако потребности в финансировании сохраняются, а действующие ограничения МВФ на возможность предоставления страной финансирования означают необходимость проведения переговоров перед реализацией стратегии.

Источник: van Huellen et al., 2024.

© Shutterstock_CWStudios Global

2. «Финансовое проклятие» как новый аналог «ресурсного проклятия»

Частые и все более резкие колебания мировых цен на сырьевые товары оказывают непосредственное влияние на экспортные и налоговые поступления, прямые иностранные инвестиции и валютные курсы, порождая макроэкономическую нестабильность. Это часто препятствует долгосрочным инвестициям и мобилизации доходов для достижения устойчивого роста и развития (UNCTAD, 2018).

Кроме того, нерегулируемое расширение финансового сектора может подвергать страны риску несбалансированного роста, основанного на вкладе сектора финансов, страхования и операций с недвижимостью (FIRE) в общий объем производства, добавленную стоимость и занятость. Характер вклада этого сектора в объем производства и добавленную стоимость стал предметом политического и исследовательского интереса после глобального финансового кризиса, хотя в основном это касается стран с развитой экономикой, по которым имеется больше доступных данных.

В исследованиях по макроэкономике утверждается, что национальные счета «вменяют» добавленную стоимость сектору FIRE, чтобы сделать ее равной доходам (зарботной плате и прибыли) (Foley, 2011). С точки зрения соотношения доли сектора в общей добавленной стоимости и доли в общей занятости финансовый сектор демонстрирует отрицательную (и статистически значимую) корреляцию, в то время как операции с недвижимостью не имеют значимой корреляции (Assa, 2016). Доходы от финансовых услуг представляют собой альтернативные издержки, поскольку деньги, уплаченные за них, могли бы быть потрачены на какую-либо другую продуктивную деятельность. Наблюдаемая отрицательная корреляция между долей финансовых услуг в общем объеме производства и долей в общей занятости побудила исследователей

утверждать, что сектор FIRE является скорее экстрагирующим, чем производящим (или уменьшающим, а не добавляющим стоимость) для экономики (Assa 2016, 2017).

Авторы исследований в области финансов пошли дальше и предположили, что в странах с высокой финансиализацией экономики, таких как Соединенное Королевство (где на сектор FIRE приходится более 30 процентов ВВП) и Соединенные Штаты, зависимость экономического роста от финансов становится тормозом для экономики, приводя к так называемому «финансовому проклятию». Подобно «ресурсному проклятию», термин «финансовое проклятие» описывает ситуацию, когда чрезмерно разросшийся финансовый сектор вытягивает ресурсы из других областей экономики, не создавая достаточной доли хорошо оплачиваемых рабочих мест и создавая системные дисбалансы (Shaxson, 2019; Tax Justice Network, 2020).

«Финансовое проклятие» изучалось в основном в контексте международных финансовых центров и стран с развитой экономикой (Baker et al., 2018; Epstein and Montecino, 2016). После мирового финансового кризиса Энди Холдейн, занимавший в то время должность главного экономиста Банка Англии, подсчитал, что стоимость «вредного воздействия банковской системы» (или социальные издержки общества, возникшие в результате банковского кризиса) в Соединенном королевстве могла составить около 100 млрд долларов (Haldane, 2010). Для экономик стран глобального Юга продолжающееся усиление финансового фактора, особенно в контексте растущей роли нематериальных активов и связанной с ними финансовой деятельности (WIPO, 2024), представляет собой важную политическую проблему.

Чтобы дать представление о проблеме, на рис. IV.15 приведена динамика отраслевых доходов с 2012 года по отдельным развивающимся странам в трех ключевых группах отраслей: сырьевые (энергетика, горнодобывающая промышленность и сельское хозяйство), FIRE и остальная экономика (несырьевые отрасли).

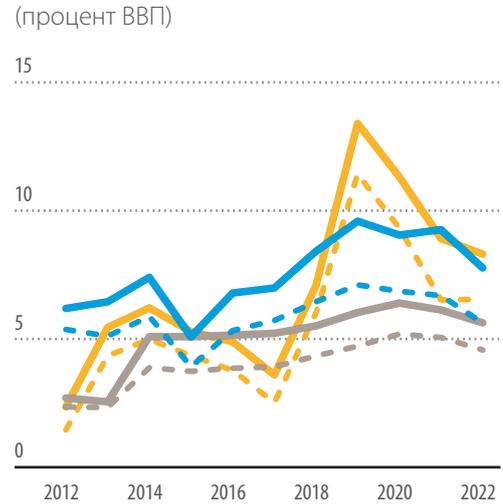
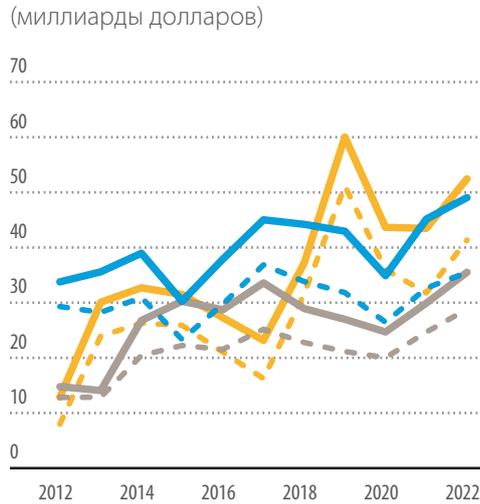
Рис. IV.15

Степень диверсификации экономики влияет на значимость сектора финансов, страхования и операций с недвижимостью в экономике

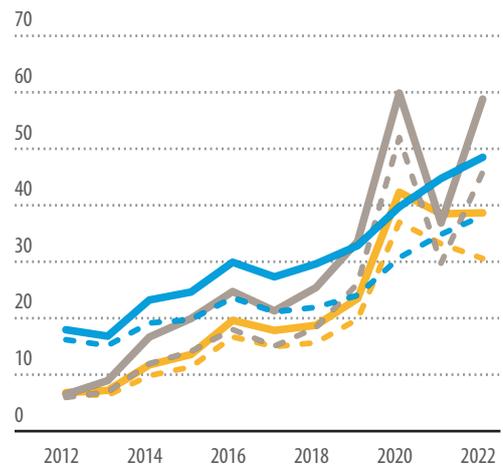
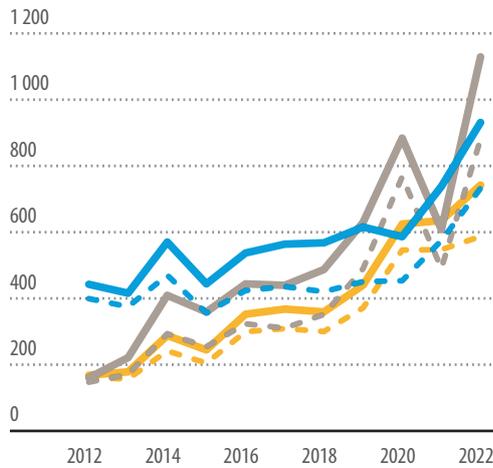
Совокупный доход по группам отраслей, отдельные страны

— Сырьевые отрасли — FIRE — Остальные отрасли - - - Внутренние доходы соответствующей группы отраслей

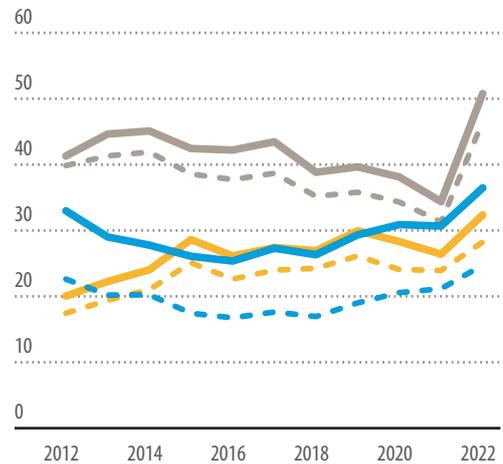
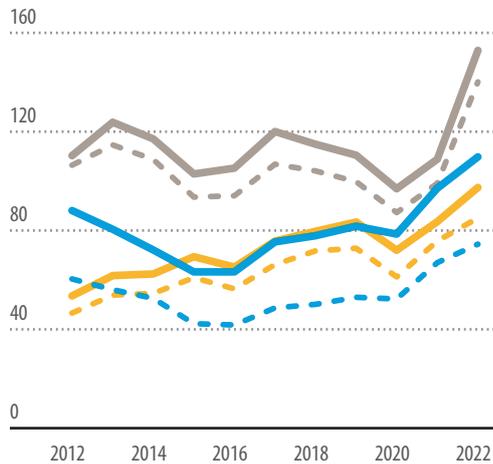

Аргентина

Бразилия

Чили

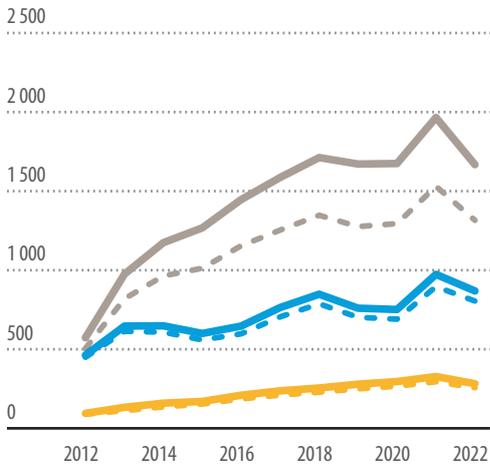

Глава IV

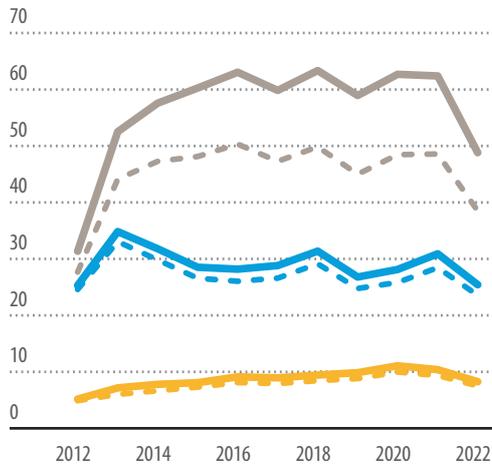
Подъем, обратное движение и смена позиций: уроки, преподанные глобальным Югом

— Сырьевые отрасли — FIRE — Остальные отрасли — — Внутренние доходы соответствующей группы отраслей

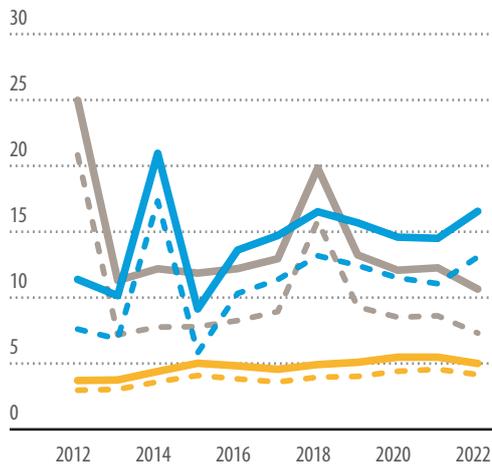
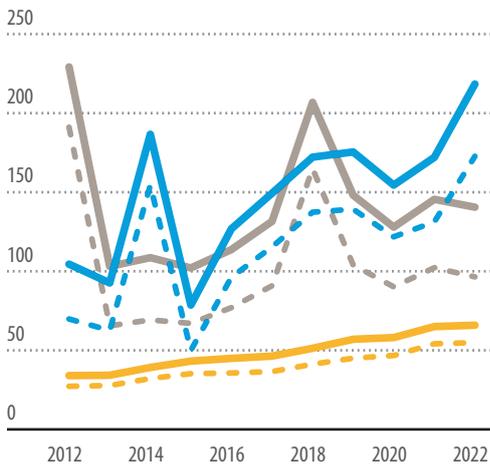
(миллиарды долларов)

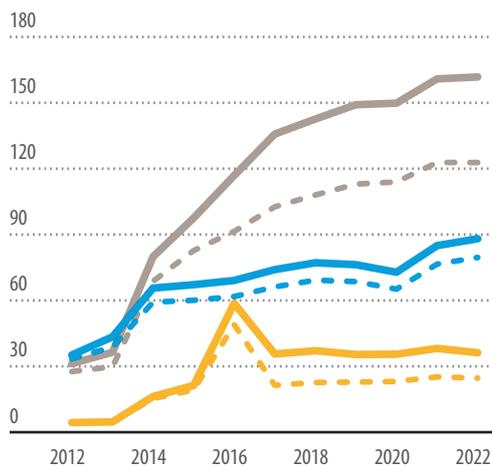
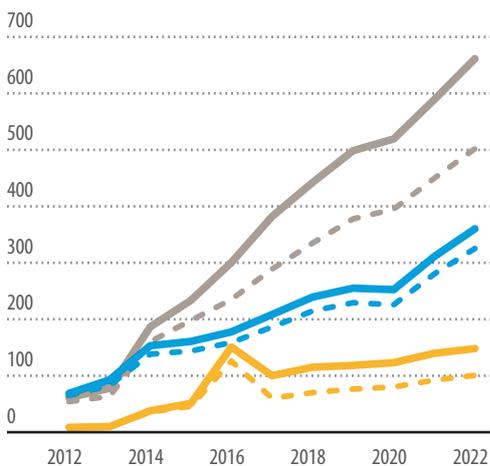
(процент ВВП)

Индия

Индонезия

Вьетнам

Источник: ЮНКТАД на основе базы данных Orbis (Moody's).

Примечания: Поле классификации на уровне компаний в базе данных Orbis выделяет подгруппы «Сырьевые отрасли», «FIRE» (финансы, страхование и операции с недвижимостью) и «Остальная экономика». Группы отраслей агрегируются на основе финансовых отчетов компаний, классифицирующих свою деятельность в соответствующей отрасли. В массив данных включены данные о доходах государственных предприятий, зарегистрированных на бирже компаний и закрытых акционерных обществах, в том числе на уровне дочерних компаний.

На диаграмме видно, что в странах, переживших деиндустриализацию, таких как Аргентина, Бразилия и Чили (Castillo and Neto, 2016), динамика доходов в основных сырьевых секторах стала иногда развиваться в противофазе с ростом доходов сектора FIRE, особенно во время сырьевого бума, начавшегося в 2020 году. Это усилило риски нестабильности, передающиеся через чрезмерно разросшийся финансовый сектор, и одновременно вызвало обеспокоенность по поводу концентрации сектора. На рис. IV.15 виден яркий контраст с экономиками Вьетнама, Индии и Индонезии, где диверсификация экономики более развита, а положение и динамика доходов сектора FIRE представляются более сбалансированными в общей структуре экономики.

Этот вывод согласуется с рейтингом сложности экономики 133 развивающихся стран, опубликованным Гарвардской лабораторией роста (Harvard Growth Lab). Сложность экономики страны рассчитывается на основе разнообразия статей ее экспорта и повсеместности их доступности или количества стран, способных их производить³⁵. В целом исследователи пришли к выводу, что результаты деятельности развивающихся стран с 1995 года были неоднозначными (рис. IV.16). Некоторые развивающиеся страны, особенно в Азии, такие как Вьетнам, Индия, Индонезия, Китай, Малайзия, Сингапур и Таиланд, поднимались в рейтинге очень быстро. Однако другие страны, особенно те, которые пережили деиндустриализацию, как Аргентина, Бразилия и Южная Африка, значительно снизили свои позиции в рейтинге. Это важно в контексте растущей роли сферы услуг и экономического роста, а также тесной связи и потенциально растущей взаимозависимости между финансиализацией и добывающими секторами, о чем говорилось выше.

3. Сосредоточение на формировании политики

Исследования, посвященные развивающимся странам и взаимосвязи между добывающими секторами и усилением финансового фактора, в том числе в контексте торговли и глобальных цепочек создания стоимости, немногочисленны (например, Cibils and Alami, 2013). Однако в условиях продолжающейся консолидации корпоративной власти над основными рынками с помощью финансовых и правовых механизмов глобальных цепочек создания стоимости эта проблема должна находиться в центре внимания политиков всего глобального Юга (Lianos et al., 2022; BRICS Competition Law and Policy Centre, 2021).

Если не принимать меры, то чрезмерно разросшийся финансовый сектор (Muda et al., 2020) может усугубить проблему зависимости от сырьевых товаров в двух основных аспектах. Во-первых, нерегулируемое или несбалансированное расширение финансового и ориентированных на него секторов в странах — экспортерах сырья может повлиять на отраслевую структуру экономики. Это может ограничить диверсификацию экономики, подорвать устойчивость к неблагоприятным воздействиям и увеличить неравенство в доходах (UNCTAD, 2024c).

Во-вторых, в периоды накладывающихся друг на друга кризисов, когда турбулентность на энергетических, сырьевых и финансовых рынках может комбинироваться и создавать множество точек напряжения, влияние глобального цикла сырьевых цен может усиливаться через финансовый сектор,двигающийся в противофазе с ростом доходов от сырьевых товаров. Поэтому в странах — экспортерах сырьевых товаров расширение сектора FIRE необходимо учитывать при разработке национального промышленного и финансового регулирования и политики

³⁵ «Сложность экономики» — это показатель уровня знаний в обществе, выражаемого в производимой им продукции. Показатель рассчитывается на основе разнообразия статей экспорта, которые производит страна, и повсеместности их доступности или количества стран, способных их производить (и сложности экономики этих стран). Страны, способные поддерживать разнообразные производственные знания, включая сложные, уникальные ноу-хау, способны производить широкий спектр товаров, в том числе сложные продукты, которые могут производить лишь немногие другие страны (см. определение Лаборатории роста на <https://atlas.cid.harvard.edu/glossary>). В то же время сложность экономики не может рассматриваться как понятие, заменяющее концепцию развития, которая является многомерным процессом. Например, рейтинг Австралии и Норвегии по индексу сложности экономики довольно низок из-за структуры их торговли, но при этом они входят в число наиболее развитых экономик. Некоторые страны глобального Юга, такие как Вьетнам, Индия, Китай и Таиланд, несмотря на то что они быстро стали основными экспортерами многих сложных промышленных товаров, сталкиваются с проблемами в достижении некоторых показателей развития.

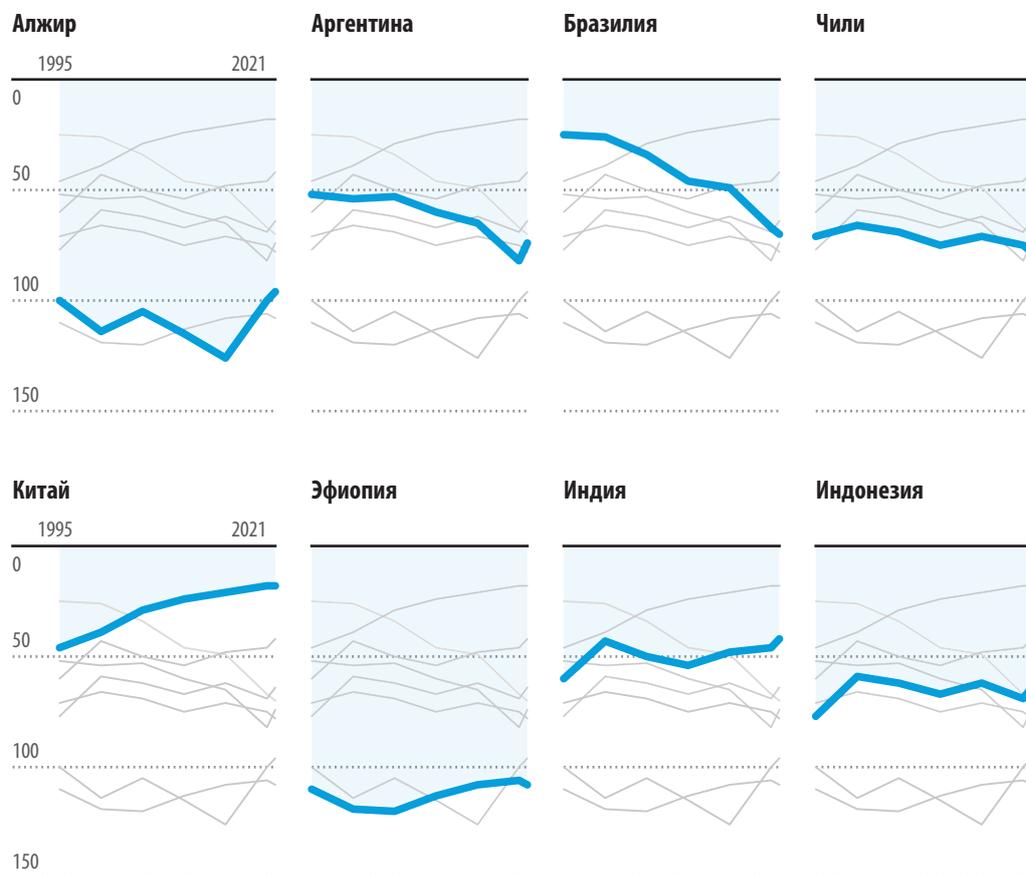

Рис. IV.16

Страны, улучшившие показатели индекса сложности экономики, как правило, имеют более диверсифицированную экономику

Рейтинг по индексу сложности экономики, отдельные страны

Источник: ЮНКТАД на основе Атласа сложности экономики. Гарвардская лаборатория роста.

(Sibils and Allami, 2013). Более пристальное внимание со стороны регулирующих органов требует более детального изучения и понимания бухгалтерских и финансовых данных на всех уровнях корпоративной деятельности, однако во многих развивающихся странах, особенно в Африке, доступ к таким данным остается ограниченным.

Обеспечение экономической устойчивости и справедливости, в свою очередь, требует координации политики в области

перераспределения, диверсификации и финансового регулирования. В контексте привлечения финансирования в целях развития исключительно важно, чтобы эти меры способствовали мобилизации внутренних доходов, в том числе за счет более активных усилий по пресечению корпоративного арбитража, отслеживанию и мониторингу экономического влияния транснациональных компаний, а также обмену соответствующими данными на многостороннем уровне для улучшения координации политики.

ССЫЛКИ

- Abdul J, Bluedorn J, Guajardo J and Topalova P (2012). The rising resilience of emerging markets and developing economies. IMF Working Paper No. 12/300. International Monetary Fund.
- Abreha K, Kassa W, Lartey K, Mengistae A, Owusu S and Zeufack A (2021). *Industrialization in sub-Saharan Africa: Seizing Opportunities in Global Value Chains*. World Bank. Washington D.C.
- Acevedo I, Castellani F, Cota MJ, Lotti G and Székely M (2022). Higher inequality in Latin America: A collateral effect of the pandemic. Inter-American Development Bank.
- Adler G and Sosa S (2011). Commodity price cycles: The perils of mismanaging the boom. Working Paper No. 2011/283. International Monetary Fund.
- African Union (2021). Africa's commodities strategy; value addition for global competitiveness. Press release. 1 September.
- Agosin MR (2006). Trade and growth: Why Asia grows faster than Latin America. Economic and Sector Studies Series RE-2-06-002. Asian Development Bank.
- Akyuz Y (2012). The staggering rise of the South. *Research Papers 44*. South Centre.
- Aldasoro I, Avdjiev S, Borio C and Disyatat P (2023). Global and domestic financial cycles: Variations on a theme. *International Journal of Central Banking*. Bank for International Settlements.
- Allen F and Giovannetti G (2011). The effects of the financial crisis on sub-Saharan Africa. *Review of Development Finance*. 1:1–27.
- Appiah M, Ashraf S and Tiwari AK (2023). Does financialization enhance renewable energy development in Sub-Saharan African countries? *Energy Economics*. 125:106898.
- Asian Development Bank (2021). 'Missing Value' of Global Value Chains Presents Growth Opportunity. 16 November. Asian Development Bank.
- Asian Development Bank (2023a). Global Value Chain Development Report: Resilient and Sustainable GVCs in Turbulent Times. Manila.
- Asian Development Bank (2023b). Trade integration deepens in Asia and the Pacific amid pandemic. ADB News Release. 9 February.
- Asian Development Bank (2024). Asian Economic Integration Report. Manila.
- Assa J (2016). The financialization of GDP and its implications for macroeconomic debates. Working Paper 10/2016. Department of Economics. The New School for Social Research.
- Assa J (2017). *The Financialization of GDP: Implications for Economic Theory and Policy*. Routledge. New York.
- Atolia L, Prakash M, Marquis M and Papageorgiou C (2018). Rethinking development policy: Deindustrialization, servicification, and structural transformation. IMF Working Paper No. 18/223. International Monetary Fund.
- Baker A, Epstein G and Montecino J (2018). The UK's finance curse? costs and processes. Sheffield Political Economy Research Institute. University of Sheffield.
- Balakrishnan R, Lizarazo S, Santoro M, Toscani F and Vargas M (2021). Commodity cycles, inequality, and poverty in Latin America. IMF Western Hemisphere Working Paper No. 21/09. International Monetary Fund.
- Banga K, Harbansh P and Singh S (2023). Digital de-industrialization, global value chains, and structural transformation. WIDER Working Paper No. 2023/65. World Institute for Development Economics Research.
- Bas M, Fernandes A and Paunov C (2022). How resilient was trade to COVID-19. World Bank Policy Research Working Paper No. 9975. World Bank.
- Benitez JC, Mansour M, Pecho M and Vellutini C (2023). Building tax capacity in developing countries. Staff Discussion Note SDN/2023/006. International Monetary Fund.
- Birdsall N and Fukuyama F (2011). The post-Washington consensus: development after the crisis. *Foreign Affairs*. 90(2):45–53.
- Blas J (2023). What happened to Africa rising? It's been another lost decade. Bloomberg Opinion. 12 September. Bloomberg.
- Bodansky D and WHO Tobacco Free Initiative (1999). The framework convention/protocol approach. Technical briefing series WHO/NCD/TFI/99.1. World Health Organization.
- Bonizzi B (2013). Financialization in developing and emerging countries: a survey. *International Journal of Political Economy*. 42(4):83–107.
- Borio C (2020). The Covid-19 economic crisis: dangerously unique. *Business Economics* 55:181–190.
- BRICS Law and Policy Centre (2021). Combatting cross-border cartels: empirical study. Moscow. Higher School of Economics.

- Brown C (2023). Modern industrial policy and the WTO. Peterson Institute for International Economics Working Paper No. 23-15.
- Cadena A, While O and Lamanna C (2023). What could a new era mean for Latin America. McKinsey Global Institute. 20 July.
- Cadzow L, Hearson M, Heitmuller F, Kuhn K, Okanga O and Randriamanalina T (2023). Inclusive and effective international tax cooperation: views from the global South. ICTD Working Paper 172. Institute of Development Studies. International Centre for Tax and Development.
- Campos R, Pienknagura S and J Timini (2023). How far has globalization gone? A tale of two regions. IMF Working Paper No. 23/255.
- Caruana J (2009). Financial globalization, the crisis and Latin America. Speech delivered at the XLVI Meeting of Central Bank Governors of the American Continent. May 14.
- Castillo M and Neto AM (2016). Premature deindustrialization in Latin America. production and development. ECLAC production development series No. 205. United Nations publication. Santiago.
- Cibils A and Allami C (2013). Financialisation vs. development finance: The case of the post-crisis Argentine banking system. *Revue de la Régulation*. 13(1).
- Clapp J (2019). The rise of financial investment and common ownership in global agrifood firms. *Review of International Political Economy*. 26:4.
- Clapp J (2022). Concentration and crises: exploring the deep roots of vulnerability in the global industrial food system. *The Journal of Peasant Studies* 50 (1):1–25.
- Das DK (2015). The Asian growth model: myth or reality? In: *An Enquiry into the Asian Growth Model*. Palgrave Pivot. London.
- Didier T, Hevia C and Schmukler S (2012). How resilient and countercyclical were emerging economies during the global financial crisis? *Journal of International Money and Finance*. 31(8): 2055–2077.
- Fernandez V, Moretti L and Ormaechea E (2022). Divergent convergence complementing theoretical approaches for understanding the rise of the global South and the challenges for “the rest”. *Journal of World-Systems Research*. 28(1):98.
- Foley DK (2011). The political economy of U.S. output and employment 2001-2010. Working Paper Series. Schwartz Center for Economic Policy Analysis and Department of Economics. The New School for Social Research.
- Food and Agricultural Organization of the United Nations (2017). The future of food and agriculture: Trends and challenges. Rome.
- Furusawa M (2017). What we have seen and learned 20 years after the Asian financial crisis. IMF Blog. 13 July.
- Galindo A and Izquierdo A (2024). Ready for take-Off? building on macroeconomic stability for growth. Latin American and Caribbean Macroeconomic Report. March.
- Gasparini L and Cruces G (2021). The changing picture of inequality in Latin America. United Nations Development Program. Latin America and the Caribbean working paper series. March.
- Gerstle G (2022). The rise and fall of the neoliberal Order: America and the world in the free market era. New York: Oxford University Press.
- Gkanoutas-Leventis A and Nesvetailova A (2015). Financialization, oil and the great recession. *Energy Policy* 86. November.
- Goel R and Papageorgiou E (2021). Drivers of emerging bond flows and prices. Global Financial Stability Notes No2021/4. Washington D.C. International Monetary Fund.
- Goldberg P and Reed T (2023). Is the global economy deglobalizing? If So, Why? And What is Next? Brookings Papers on Economic Activity. Spring 2023: 347-396.
- Griffiths-Jones S and Ocampo J (2009). The financial crisis and its impact on developing countries. Working Paper 53. International Policy Centre for Inclusive Growth.
- Gruss B (2014). After the boom: commodity prices and economic growth in Latin America and the Caribbean. IMF Working Paper No. 14/154.
- Guterres A (2023). Secretary-General's remarks to launch the special edition of the Sustainable Development Goals Progress Report.
- Haldane AG (2010). The \$100 billion question. Comments at the Institute of Regulation and Risk. 30 March.
- Hall H and Gochoco-Bautista M (2013). *Asia Rising: Growth and Resilience in an Uncertain Global Economy*. Cheltenham. UK.
- Han Q, Song Shin H and Zhang L (2023). Mapping the realignment of global value chains. BIS Bulletin No. 78. Bank for International Settlements.
- Herrera C, Veillard J, de Colombi N, Neelsen S, Anderson G, and Ward K (2022). Building resilient health systems in Latin America and the Caribbean: lessons learned from the COVID-19 Pandemic. Washington DC. World Bank.
- Ianchovichina E (2024). The evolving geography of productivity and employment: ideas for inclusive growth through a territorial lens in Latin America and the Caribbean. Washington D.C. World Bank.

- IBFD (2023). Promotion of inclusive and effective tax cooperation at the United Nations.
- Inter-American Development Bank (2018). Connecting the dots: a road map for better integration in Latin America and the Caribbean. Washington DC. Inter-American Development Bank.
- Inter-American development bank (2023). Exports from Latin America and the Caribbean contract as trade opportunities emerge. *IDB news release*. Inter-American Development Bank. 5 December.
- Inter-American Development Bank (2024). Trade trends estimates – Latin America and the Caribbean. Washington DC. Inter-American Development Bank.
- International Energy Agency (2019). Africa Energy Outlook 2019: World energy outlook special report. Paris.
- International Labor Organization (2024). World Employment and social Outlook: Trends. Geneva.
- International Monetary Fund (2006). World Economic Outlook – September. Washington DC. International Monetary Fund.
- International Monetary Fund (2009). World Economic Outlook - October. Washington DC. International Monetary Fund.
- International Monetary Fund (2011). Regional Economic Outlook – Western hemisphere: shifting winds. new policy challenges. Washington DC. International Monetary Fund.
- International Monetary Fund (2024). World Economic Outlook – April. Washington, DC: IMF.
- Ioannis L, Ivanov A and Davis D (2022). *Global Food Value Chains and Competition Law*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Jácome LI (2015). Central banking in Latin America: From the gold standard to the golden years. IMF Working Paper No. 16/60.
- Jacquemot P (2018). L'industrialisation en Afrique en question : Des désillusions a un nouveau volontarisme. *Afrique Contemporaine*. 266: 33.
- Jesus F and A Mehta (2016). Deindustrialization? A global perspective. *Economic Letters*, vol. 149: 148-151.
- Jiménez S, Dietzenbacher E, Duarte R and Sánchez-Chiliz J (2022). The geographical and sectoral concentration of global supply chains. *Spatial Economic Analysis*, vol. 17(3): 370-394.
- Juhász R, Lane N and Rodrik D (2023). New economics of industrial policy. NBER Working Paper 31538.
- Juvenal L and Petrella I (2024). Commodity prices and the global financial cycle. *VOXEU columns*. 11 May.
- Kaltenbrunner A and Paineira J (2015). Developing countries' changing nature of financial integration and new forms of external vulnerability: The Brazilian experience. *Cambridge Journal of Economics*. 39(5):1281–1306.
- Kamran M, Mujica I, Fontañez MB, Newhouse D, Rodriguez C and Weber M (2023). Exploring two years of labor market policy responses to COVID-19: *A Global Effort to Protect Workers and Jobs*. World Bank. Washington DC.
- Knuth S (2018). Breakthroughs for a green economy? Financialization and clean energy transition. *Energy Research and Social Science*. 41 July.
- Kose M, Nagle P, Ohnsorge F and Sugawara N (2021). What has been the impact of COVID-19 on debt? Turning a wave into a tsunami. Policy Research Working Paper. November.
- Kose M and Eswar S (2010). Emerging markets come of age. *Finance and Development*. vol. 47(4): 7-10.
- League of Nations (1923). Report on double taxation submitted to the financial committee of the League of Nations. Economic and Financial Commission. League of Nations. Geneva.
- Lebastard L, Matani M and Serafini R (2023). GVC exporter performance during the COVID-19 pandemic: the role of supply bottlenecks. European Central Bank Working Paper Series No. 2766.
- Lee JW and Hong K (2010) Economic growth in Asia: determinants and prospects. ADB Economic Working Paper No. 220. Asian Development Bank. September.
- Lianos I, Ivanov A and Dennis D (2022). Global food value chains and competition law. BRICS law and Policy Centre. Moscow. Higher School of Economics.
- Lustig N, Pabon VM, Neidhöfer G and Tommasi M (2023). Short and long-run distributional impacts of COVID-19 in Latin America. *Economía LACEA Journal* 22(1): 96–116.
- Mason R (2020). The transformation of international tax. *The American Journal of International Law*. 114(3): 353–402.
- McKinsey Global Institute (2010). Lions on the move: The progress and potential of African economies. London.
- McKinsey Global Institute (2023). Asia on the cusp of a new era. McKinsey Articles. 22 September.
- Melber H (2017). The African middle class(es) – in the middle of what? *Review of African Political Economy*. Vol. 44, No. 151.
- Mesquita YW, Mengatto MF and Nagai RH (2022). Where and how? A systematic review of microplastic pollution on beaches in Latin America and the Caribbean (LAC). *Environment Pollution*. December.
- Mold A (2023). Why South-South trade is already greater than North-North trade—and what it means for Africa. Brookings. 11 December.
- Moreira M, Stein E (2019). Trading promises for results: What global integration can do for Latin America and the Caribbean. Inter-American Development Bank.

- Moreira MM, Blyde J, Volpe C, Dolabella M and Marra I (2022). The Reorganization of global value chains: What's in it for Latin America and the Caribbean? IDB Working Paper Series No. IDB-WP-01414. Inter-American Development Bank.
- Muda A, Dharsuky A, Asriana N and Ridhani D (2020). Contribution of real estate activities and financial/insurance industry activities to the formation of gross domestic product. *Research in World Economy*. 11(3): 192.
- Nassif A, Feijó C and Araújo F (2015). Structural change and economic development: is Brazil catching up or falling behind? *Cambridge Journal of Economics*. 39(5): 1307–1332.
- Nayyar G, Cruz M and Linghui Z (2018). Does premature deindustrialization matter? The role of manufacturing versus services in development. World Bank Policy Research Working Paper No. 8596. World Bank
- Nesvetailova A and Palan R (2008). A very north Atlantic credit crunch: Geopolitical implications of the global liquidity crisis. *Journal of International Affairs*. 62(1): 165–185.
- Nye J (2023). What is the global South? *Project Syndicate*. 1 November.
- Ocampo JA (2017). Commodity-led development in Latin America. Alternative Pathways to Sustainable Development: Lesson from Latin America Gilles Carbonnier.
- Organisation for Economic Co-operation and Development (2014). Boosting productivity to meet the middle-income challenge. *Perspectives on Global Development*. Paris. Organization for Economic Co-operation and Development.
- Organisation for Economic Co-operation and Development (2020). COVID-19 in Latin America and the Caribbean: Regional socio-economic implications and policy priorities. OECD Policy Responses to Coronavirus. Organization for Economic Co-operation and Development. December 8.
- Organisation for Economic Co-operation and Development (2021). Global value chains: efficiency and risks in the context of COVID-19. Paris. Organisation for Economic Co-operation and Development. Organisation for Economic Co-operation and Development.
- Oglesby C (1969). After Vietnam, what? *Commonwealth*. 90(001).
- Oppong P and Soares de Oliveira R (2021). Governing African oil and gas: boom-era political and institutional innovation. *Extractive Industries in Society*. 7(4):1163–1170.
- Paik WK, Johnson S and Villavicencio H (2011). East Asian economic models for Chile. *International area studies review*. 14(1).
- Péclard D, Kernen A and G Khan-Mohammad (2020). Etats d'émergence: Le gouvernement de la croissance et du développement en Afrique. *Critique Internationale*. 89: 9–27.
- Pilling D (2024). The foreign powers competing to win influence in Africa. *Financial Times*. 22 August.
- Posen A (2021). The interconnected economy: The effects of globalization on US economic disparity. Testimony to the select committee on economic disparity and fairness in growth. Hearing on Globalization. September 28.
- Radelet S (2010). *Emerging Africa*. Brookings. Washington D.C.
- Reuters (2022). Exclusive: under Biden, China has widened trade lead in much of Latin America, June 8.
- Rodrik D (2011). *The Globalization Paradox: Democracy and the Future of the World Economy*. New York and London. W.W. Norton.
- Rodrik D (2015). Premature deindustrialization. National bureau of economic research working Paper No. 20935.
- Rodrik D (2017) Growth without Industrialization? Project Syndicate. *October 10*.
- Rodrik D (2023) On productivism. HKS working paper No. RWP23-012. March.
- Rodrik D and Stiglitz J (2024). A new growth strategy for developing nations.
- Saad-Filho A (2014). The 'rise of the South': global convergence at last? *New Political Economy*. 19: 4.
- Salimo P, Buur L and Macuane J (2021). The politics of domestic gas: The Sasol natural gas deals in Mozambique. *Extractive Industries in Society*. 7(4): 1219–1229.
- Sawada Y and L. Sumulong (2021). Macroeconomic impact of COVID-19 in developing Asia. Asian Development Bank Institute Working Paper Series No. 1251. Asian Development Bank.
- Sawyer M (2013). What is financialization? *International Journal of Political Economy*. 42(4): 5–18.
- Sharma A (2022). A comparative analysis of the financialization of commodities during COVID-19 and the global financial crisis using a quantile regression approach. *Resources Policy*. 78:102923.
- Sharma R (2024). A warning from the breakdown nations. *Financial Times*. 6 May.
- Shaxson N (2019). *The Finance Curse. How Global Finance Is Making Us All Poorer*. Penguin. London.
- Stampini M, Ibararán P, Rivas C and Robles M (2021). Adaptive, but not by design: cash transfers in Latin America and the Caribbean before, during and after the COVID-19 Pandemic. IDB Technical Notes No. 02346. Inter-American Development Bank.
- Tax Justice Network (2023). The finance curse. Tax Justice Network.
- The Economist (2024). China's economic model retains a dangerous allure. 8 June.
- Tooze A (2018). *Crashed: How a Decade of Financial Crises Changed the World*. Allen Lane. London and New York.
- Tran H (2024). Africa: The centre of the global South. Policy Center for the New South.

- UNCTAD (2007) *Global players from emerging markets: strengthening enterprise competitiveness through outward investment*. United Nations.
- UNCTAD (2010). *The financial and economic crisis of 2008-2009 and developing countries*. United Nations publication. Sales No. E.11. II. D.11. New York and Geneva.
- UNCTAD (2015). *World investment report: reforming international investment governance*. United Nations publication. Sales No. E.15. II. D.5. Geneva.
- UNCTAD (2018). *Trade and development report 2018: power, platforms and the free Trade delusion*. United Nations publication. Sales No. E.18. II. D.7. Geneva.
- UNCTAD (2020). *Unprecedented COVID-19 stimulus packages are not being leveraged to accelerate SDG investment*. Geneva. UNCTAD. 11 December.
- UNCTAD (2022) *Rethinking the foundations of export diversification in Africa: The catalytic role of business and financial services*. United Nations publication. Sales No. E.22. II. D.31. Geneva.
- UNCTAD (2022b). *Доклад о торговле и развитии, 2022*. Перспективы развития в мире разделительных линий: глобальный беспорядок и региональные ответы (Издание Организации Объединенных Наций. ISBN (PDF): 9789210021678. Женева)
- UNCTAD (2023). *Доклад о торговле и развитии, 2023*. Рост, долг и климат: перестройка глобальной финансовой архитектуры (Издание Организации Объединенных Наций. ISBN (PDF): 9789213584910. Женева)
- UNCTAD (2024a). *Global debt vulnerabilities*. Report to G20 International Financial Architecture Group.
- UNCTAD (2024b). *Inequality: major trends, policy challenges and the need for global economic compact*. Report for the G20 Framework Working Group.
- Организация Объединенных Наций (2023). *Содействие инклюзивному и эффективному международному сотрудничеству в налоговых вопросах в Организации Объединенных Наций*. Доклад Генерального секретаря. A/78/235. 26 июля 2023 года.
- United Nations (2024). *World economic situation and prospects*. UN DESA.
- United Nations Development Programme (2013). *The rise of the south: human progress in a diverse world*. Human Development Report 2013.
- United Nations Development Programme (2021a). *Annual report 2021*. New York.
- United Nations Development Programme (2021b). *Regional human development report*. New York: UNDP.
- Utar H, Torres Ruiz L and Zurita A (2023). *The US-China trade war and the relocation of global value chains to Mexico*. CESifo Working Paper No. 10638. CESifoGroup.
- Van der Zwan N (2014). *Making sense of financialization*. *Socio-Economic Review*. 12(1): 99–129.
- Van Huellen S and Abubakar F (2021). *Potential for upgrading in financialised agri-food chains: The case of Ghanaian cocoa*. *The European Journal of Development Research*. 33:227–252.
- Van Huellen S, Abubakar F, Asante-Poku N and Fig R (2024). *The political economy of pricing and price risk in Ghana's cocoa marketing system*. GDI Working Paper 2024-074. The University of Manchester.
- Van Lieshout E (2023). *Deglobalization? The Reorganization of global value chains in a changing world*. OECD Trade Policy Paper No. 272. Organisation for Economic Co-operation and Development.
- Wade R (2008). *The First-World debt crisis of 2007-2010 in global perspective*. *Challenge*. 51(4): 23–54.
- Whalen C (2007). *The US credit crunch of 2007: A Minsky moment*. Public Policy Brief. Levy Economics Institute of Bard College.
- White O, Woetzel J, Smit S, Seong J and Devesa T (2023). *The complication of concentration in global trade*. McKinsey Global Institute.
- Wickizer VD (1951). *Coffee, Tea and Cocoa. An Economic and Political Analysis*. Stanford University Press.
- Wier LS and Zucman G (2022). *Global profit shifting, 1975-2019*. NBER Working Paper 30673. National Bureau of Economic Research.
- World Bank (2022). *World Development Report*. Washington D.C. World Bank
- World Bank (2023). *Crisis and recovery: learning from COVID-19's economic impacts and policy responses in East Asia*. Washington DC. World Bank.
- World Intellectual Property Organization (2024). *Better data for better policy. World intangible investment highlights*. Geneva. World Intellectual property Organisation. June.
- World Trade Organization (2021). *Global value chain development report: Beyond production*. Geneva. World Trade Organization.
- World Trade Organization (2023). *Global value chain report: resilient and sustainable GVCs in turbulent times*. Geneva. World Trade Organization.
- World Trade Organization (2024). *Global trade outlook and statistics*. Geneva. World Trade Organization. April.
- Zakaria F (2008). *The Post American World*. W.W. Norton and Company Publishers. New York and London.

Доклад о торговле и развитии, 2024 год

Глава V

Глобальный Юг и новая международная налоговая архитектура: поиск источников финансирования развития

Реализуемая ныне инициатива по разработке рамочной конвенции Организации Объединенных Наций о международном налоговом сотрудничестве предоставляет развивающимся странам важную возможность устранить существующие пробелы в международной финансовой архитектуре и задействовать источники внутренних доходов в своей экономике.

В отличие от существующего налогового режима, который опирается на двусторонние и ограниченные многосторонние налоговые соглашения, конвенция направлена на создание глобальной многосторонней рамочной основы для международного налогового сотрудничества.

В отличие от многих предшествующих предложений по глобальной координации налогообложения, например по налогообложению международных валютных операций, предлагаемая конвенция обещает быть уникальной в плане приведения международного налогообложения к единой всеобъемлющей рамочной основе. Это позволит сосредоточиться как на торговых, так и на финансовых аспектах глобальной деловой активности.

Цель конвенции — создать глобальную налоговую платформу для борьбы с деятельностью, расцениваемой как размывание налоговой базы и выведение прибыли из-под налогообложения (БЕПС), например с уклонением от уплаты налогов и организацией незаконных финансовых потоков, а также повысить уровень международной финансовой этики и финансового управления, что является ключевым условием эффективного финансирования развития и достижения целей в области устойчивого развития.

Успех и эффективность предлагаемой налоговой архитектуры для целей развития будут зависеть от политического сотрудничества между развивающимися странами и глобального диалога по линии Север — Юг.

Организация
Объединенных
Наций

Выводы в контексте политики

- ▶ И Организация Объединенных Наций, и ОЭСР стремятся усовершенствовать международное налоговое сотрудничество, при этом первая применяет **более инклюзивный и прозрачный подход, ориентированный на представителей глобального Юга.**
- ▶ Текущие переговоры и возможное принятие рамочной конвенции Организации Объединенных Наций о международном налоговом сотрудничестве могут сыграть центральную роль в формировании будущего налогового сотрудничества и реформировании международной финансовой архитектуры. **Обязательства, взятые на себя государствами-членами, тщательная дипломатия и техническая компетентность станут ключом к успеху.**
- ▶ **Нельзя игнорировать риски возникновения дифференцированного налогового режима в глобальном масштабе.** Двойное налогообложение и арбитражные ниши могут нанести ущерб мировой торговле и инвестиционным потокам, ставя под угрозу мобилизацию внутренних доходов. Это особенно актуально для предприятий, ориентированных на потребителя, и предприятий цифровой экономики, учитывая, что основная масса потребителей находится в развивающихся странах.
- ▶ **В широком поиске источников долгосрочного финансирования развития политические усилия стран глобального Юга должны быть направлены на устранение коренных причин нехватки государственных ресурсов для устойчивого развития,** к которым относятся корпоративный арбитраж, усиление финансового фактора и концентрация корпоративной власти.

А. Введение

Нынешний переломный момент в глобализации акцентирует структурные барьеры, с которыми сталкиваются развивающиеся страны на пути к более инклюзивной экономической интеграции и устойчивому росту. В то время как фискальная и торговая политика развитых стран меняется в сторону поддержки долгосрочной реиндустриализации и климатического перехода внутри этих стран, глобальные финансовые рынки сосредоточены на максимизации прибыли частного сектора (Foroohar, 2024).

В 2023–2024 годах в глобальном экономическом регулировании произошло важное событие. После реализации ряда инициатив, возглавляемых Нигерией и Группой африканских государств, Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций в декабре 2023 года одобрила создание Специального комитета по разработке технических условий для рамочной конвенции Организации Объединенных Наций о международном налоговом сотрудничестве (Специальный комитет). Комитет начал свою работу в 2024 году.

Предлагаемая конвенция создаст новую международную налоговую архитектуру, которая обеспечит странам глобального Юга более высокие налоговые поступления и остановит агрессивный, с их точки зрения, вывод прибыли за пределы этих стран. Конвенция могла бы стать существенным шагом к устранению некоторых существующих пробелов в международной финансовой архитектуре, сосредотачивая внимание как на торговых, так и на финансовых аспектах глобальной деловой активности. Цель конвенции — создать глобальную налоговую платформу для борьбы с БЭПС, например с

уклонением от уплаты налогов и организацией незаконных финансовых потоков, а также повысить уровень международной финансовой этики и финансового управления, что является ключевым условием эффективного финансирования развития и достижения целей в области устойчивого развития.

В этой главе рассматривается потенциальная роль налоговой конвенции в реализации повестки дня в области финансирования устойчивого развития. В разделе В охарактеризованы основные ориентиры в поиске долгосрочного финансирования развития. В нем уделяется внимание программе ЮНКТАД по созданию международной финансовой архитектуры, учитывающей интересы развития, и обсуждаются проблемы мобилизации внутренних доходов. В разделе С рассматривается роль налоговой конвенции в обеспечении долгосрочного финансирования развития. В разделе D анализируются потенциальные выгоды и вызовы для глобального Юга, связанные с актуальными предложениями, рассматриваемыми в Организации Объединенных Наций и в рамках инклюзивного рамочного процесса ОЭСР. Раздел E завершает главу.

Предлагаемая рамочная конвенция сосредотачивает внимание как на торговых, так и на финансовых аспектах глобальной деловой активности.

В. Поиск источников долгосрочного финансирования развития

По словам одного экономиста, ключевой причиной успеха бреттон-вудских учреждений в послевоенный период была «удивительная институциональная инженерия» (Rodrik, 2011). Сегодня, когда происходят фундаментальные изменения в производстве, торговле, финансах, технологиях и климате, для того чтобы репозиционировать интересы и точки зрения стран глобального Юга во всемирном экономическом управлении, необходимо модифицировать ряд аспектов мировой экономики. Такая реформа должна опираться на базовые принципы инклюзивности, диалога и консультаций между Севером и Югом, а также на гарантии сохранения пространства для маневра в политике развивающихся стран. Среди этих трех проблем основным приоритетом является устранение дефицита представительства в учреждениях всемирного экономического управления.

Пандемия и каскадные кризисы помешали прогрессу в достижении целей в области устойчивого развития на глобальном Юге. Что касается первой цели — покончить с нищетой, то в 2020 году число людей, живущих в условиях крайней нищеты, увеличилось до 724 миллионов человек, что на 90 миллионов превысило допандемические прогнозы и свело на нет почти трехлетний прогресс в деле сокращения бедности. При нынешних тенденциях в 2030 году 575 миллионов человек по-прежнему будут жить в условиях крайней нищеты, и лишь около трети стран достигнут цели двухкратного сокращения уровня бедности на национальном уровне. В таких условиях страны глобального Юга нуждаются во внешней поддержке, в том числе посредством многосторонних действий по формированию глобальной финансовой архитектуры, обеспечивающей устойчивый экономический рост и достижение целей в области устойчивого развития.

Развивающиеся страны сталкиваются с трудными политическими компромиссами из-за сложных и накладывающихся друг на друга кризисов, связанных с высокими ценами на энергоносители, ростом спроса на медицинские и социальные услуги и ограничениями в международной торговле из-за усиления протекционизма и геоэкономических изменений, о которых говорилось в главе III. В то время как 54 развивающиеся страны до сих пор не имеют кредитных рейтингов и лишены доступа к финансовым рынкам, лишь немногие из тех, кто имеет такие рейтинги, достигли инвестиционного уровня. Среди стран Африки и Латинской Америки 58 стран имеют рейтинги. В 2019 году 11 стран имели рейтинг инвестиционного уровня, а в 2023 году их число снизилось до 8. Среди всех развивающихся стран только 22 имели рейтинг инвестиционного уровня. Высокая стоимость, нестабильность внешнего частного финансирования и ограниченный доступ к приемлемому государственному финансированию усугубляют и без того значительное отставание в финансировании развития (см. главу II).

Настоятельная потребность в реформе международной долговой архитектуры возрастает, поскольку долговой стресс может перерасти в кризис развития на глобальном Юге. Необходимость создания общемировой системы финансовой безопасности становится все более острой, поскольку существующие механизмы неадекватны в условиях растущих финансовых потребностей многих развивающихся стран (рис. V.1). Директивным органам стран глобального Юга также необходимо учитывать вопросы представительства и кредитного потенциала в рамках общемировой системы финансовой безопасности (вставка V.1).

Настоятельная потребность в международной финансовой реформе возрастает, поскольку долговой кризис может перерасти в кризис развития.

Вставка V.1 Региональные и двусторонние меры во время кризиса

Общемировая система финансовой безопасности играет ключевую роль в поддержке стран во время серьезных потрясений и кризисов. В 2020 году, во время пандемии COVID-19, она предоставила беспрецедентный потенциал для предотвращения кризиса, увеличившийся в десять раз за десятилетие, прошедшее после мирового финансового кризиса.

Развивающимся элементом общемировой системы финансовой безопасности являются региональные финансовые механизмы, обеспечивающие экстренную краткосрочную ликвидность и валютное покрытие на льготных условиях, без режима жесткой экономии и непопулярных проциклических условий, обычно налагаемых МВФ. Некоторые из этих соглашений также предлагают паритет в управлении и равные права голоса, чего пока не было в бреттон-вудских учреждениях.

В 2019–2020 годах региональные финансовые механизмы предоставили своим членам кредиты более чем на 5 млрд долларов, что является значительной суммой. Во многих случаях эти механизмы рассматривались как «первая инстанция» и как дополнение к «последней инстанции» — глобальным институтам (Barrowclough et al., 2022; UNCTAD, 2022). Тем не менее, несмотря на расширение возможностей региональных механизмов, в период пандемии COVID-19 они оставались практически не задействованными. Кроме того, они оказывали относительно неравномерную поддержку (UNCTAD, 2022) странам как с низким, так и с высоким уровнем дохода (Hawkins and Prates, 2021; Mühlich and Fritz, 2021; Mühlich et al., 2020, 2022).

Двусторонние свопы стали новой и быстро занявшей доминирующее положение формой финансирования, которая активно использовалась во время кризиса COVID-19; общий объем такого финансирования достиг 1,5 трлн долларов. Свопы предлагает ряд центральных банков, в том числе банки развивающихся стран, таких как Бутан, Индия, Индонезия, Катар, Мальдивские Острова, Шри-Ланка и др. Свопы, организуемые банками развивающихся стран, гораздо меньше тех, которые организуют Федеральная резервная система Соединенных Штатов и Народный банк Китая и (в меньших объемах) центральные банки других стран с развитой экономикой, таких как Австралия, Соединенное Королевство, Швейцария, Швеция и Япония.

Высокая зависимость от двусторонних свопов уже нарастала за год до кризиса COVID-19 и уже тогда вызывала опасения (Mühlich and Fritz, 2022; UNCTAD, 2022; Barrowclough et al., 2022), поскольку ее влияние на общемировую систему финансовой безопасности неоднозначно. Хотя такие свопы кажутся крупным источником финансирования, на практике они лишены многих преимуществ многостороннего глобального или регионального кредитования, включая его предсказуемость и прозрачность. Свопы представляют собой крайнюю форму фракционного взаимодействия между двумя странами, а не «клубные» договоренности между несколькими странами, которые лежат в основе региональных или международных финансовых механизмов. Двусторонние схемы являются дискреционными по определению и замыслу, в них отсутствуют стандартные практики или протоколы, они не являются прозрачными, и средства не распределяются на справедливой основе между развивающимися странами.

МВФ остается глобальным кредитором последней инстанции. Во время пандемического шока он предоставил более 119 млрд долларов (Mühlich et al., 2024). Однако, несмотря на регулярные призывы к фундаментальной реформе системы квот МВФ, в ходе недавнего шестнадцатого Общего пересмотра квот не произошло ни чистого увеличения кредитного потенциала, ни перестройки системы с учетом потребностей и экономического или демографического веса развивающихся стран. Хотя квоты были увеличены на 50 процентов, при этом пропорционально сократились другие источники финансирования МВФ, включая Новые соглашения о займах, т. е. возможности МВФ по предоставлению кредитов фактически остались неизменными.

Источники: Barrowclough et al. (2022); UNCTAD (2022); Hawkins and Prates (2021); Mühlich et al. (2020, 2022, 2024); Mühlich and Fritz (2021).

Своевременное и гибкое предоставление ликвидности, облегчение долгового бремени, реструктуризация суверенного долга, расширение общемировой системы финансовой безопасности и расширение сферы кредитования, осуществляемого многосторонними банками развития, остаются главными приоритетами многосторонней повестки дня в области финансирования развития. Эти приоритеты лежат в основе предложений ЮНКТАД по реформированию международной финансовой архитектуры в целях ее переориентации на развитие (таблица V.1).

Крайне важно, чтобы эти усилия предпринимались параллельно с демократизацией структур управления международными финансовыми учреждениями, в которых развивающиеся страны по-прежнему представлены недостаточно, несмотря на некоторые улучшения за последние два десятилетия (рис. V.2)³⁶. Помимо этих неотложных задач, долгосрочное финансирование развития требует создания основы для эффективных и скоординированных механизмов мобилизации внутренних доходов.

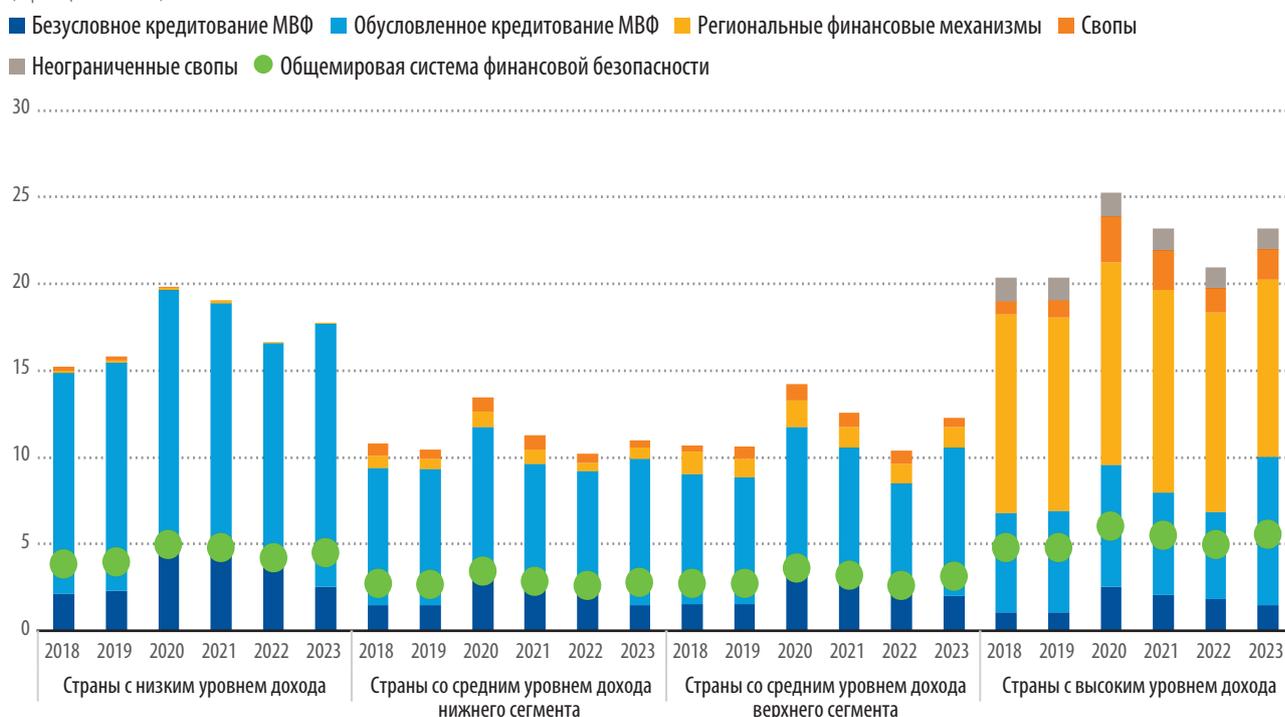
Долгосрочное финансирование развития требует создания основы для эффективных механизмов мобилизации внутренних доходов.

Рис. V.1

Неравный доступ к антикризисному финансированию в рамках глобальной системы финансовой поддержки

Доступ к кредитным ресурсам по группам стран с разным уровнем доходов (процент ВВП)

Источники: На основе данных Global Financial Safety Net Tracker, URL: <https://www.bu.edu/gdp/global-financial-safety-net-tracker/>. Центр глобальной политики в области развития Бостонского университета, Свободный университет Берлина и ЮНКТАД создали «трекер» как первую глобальную интерактивную базу данных, измеряющую ежегодные кредитные возможности МВФ, центральных банков и региональных финансовых механизмов, а также общий объем финансирования для борьбы с кризисом COVID-19 через кредиты МВФ, региональные финансовые механизмы и валютные swaps.

Примечание: Зелеными точками обозначены средние значения всех отдельных компонентов.

³⁶ Например, в Международном банке реконструкции и развития, входящем в группу Всемирного банка, развивающиеся страны имеют 43 процента голосов по сравнению с 38 процентами в 2000 году. То есть этот показатель увеличился примерно на 15 процентных пунктов за 24 года. Хотя этот показатель немного ниже доли развивающихся стран в мировом ВВП, составляющей около 40 процентов, он соответствует лишь половине их доли по численности населения. В организациях, где голосование проводится по принципу «одна страна — один голос», таких как ВТО и Организация Объединенных Наций, доля развивающихся стран составляет от 60 до 75 процентов общего числа голосов. Это не означает, что решения принимаются в их пользу, и нельзя утверждать, что развивающиеся страны всегда голосуют в одном и том же направлении. Интересы отдельных стран могут существенно различаться, как и в случае с развитыми странами.

Таблица V.1
Предложения по реформированию международной финансовой архитектуры

Предложения ЮНКТАД	Соответствующие действия, рекомендованные Организацией Объединенных Наций в концептуальной записке 6 «Нашей общей повестки дня»
Институциональные реформы	<p>Действие 1. Преобразование механизмов управления международными финансовыми учреждениями</p> <p>Действие 2. Создание представительного координирующего органа, ответственного за систематическое улучшение согласованности действий в рамках международной системы</p>
Ликвидность 1965 год: распределение универсальных специальных прав заимствования с привязкой к помощи 1971 год: создание Группы 24	<p>Действие 10. Усиление механизмов обеспечения ликвидности и расширение системы финансовой безопасности</p> <p>Действие 11. Решение проблемы волатильности рынка капитала</p>
Инвестиции 1964 год: многосторонний фонд выравнивания процентных ставок (предложение Горовица) 1965 год: распределение универсальных специальных прав заимствования с привязкой к помощи 1970 год: целевой объем официальной помощи в целях развития в 0,7 процента ВВП 1971 год: принятие определения категории наименее развитых стран 2014 год: поддержка многосторонних банков развития, возглавляемых странами глобального Юга	<p>Действие 5. Масштабное увеличение кредитования проектов в области развития и улучшение условий кредитования</p> <p>Действие 6. Изменение бизнес-модели многосторонних банков развития и других публичных банков развития, чтобы сосредоточиться на обеспечении ее согласованности с целями в области устойчивого развития; и более эффективное использование частного финансирования в интересах достижения целей в области устойчивого развития</p> <p>Действие 7. Масштабное увеличение климатического финансирования при обеспечении дополнительной</p> <p>Действие 8. Более эффективное использование системы банков развития для увеличения объема кредитования и усиления его эффекта с точки зрения достижения целей в области устойчивого развития</p> <p>Действие 9. Обеспечение того, чтобы беднейшие слои населения могли продолжать пользоваться преимуществами многосторонней системы банков развития</p>
Задолженность 1980 год: достижение договоренности в Совете по торговле и развитию в отношении необходимости создания механизма справедливого урегулирования суверенных долгов 1983 год: создание системы управления задолженностью и финансового анализа 2012 год: формулирование Принципов ответственного суверенного кредитования и заимствования 2014–2015 годы: резолюция Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций о создании Специального комитета по реструктуризации суверенной задолженности, определение основных принципов	<p>Действие 3. Снижение долговых рисков и укрепление рынков суверенного долга для содействия достижению целей в области устойчивого развития</p> <p>Действие 4. Ускорение урегулирования долгового кризиса с помощью двухэтапного процесса: создание механизма по урегулированию долгового кризиса для поддержки общего механизма и, в среднесрочной перспективе, создание органа по суверенному долгу</p>
Связи между финансовыми институтами и корпорациями 1967 год: резолюция Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций о создании Специальной группы экспертов по международному сотрудничеству в области налогообложения 1975–1993 годы: создание Центра по транснациональным корпорациям	<p>Действие 12. Усиление регулирования и надзора за банковскими и небанковскими финансовыми учреждениями, чтобы лучше управлять рисками и нивелировать чрезмерную зависимость от заемного капитала</p> <p>Действие 13. Повышение устойчивости бизнеса и противодействие использованию «зеленого камуфляжа»</p> <p>Действие 14. Укрепление глобальных стандартов финансовой добросовестности</p> <p>Действие 15. Укрепление глобальных налоговых норм для решения проблем цифровизации и глобализации на основе инклюзивного процесса в соответствии с потребностями и возможностями развивающихся стран и других заинтересованных сторон</p> <p>Действие 16. Усовершенствование второго компонента предложения ОЭСР/Группы 20 по инклюзивным рамочным принципам в отношении [БЕПС] для сокращения экономически неэффективных налоговых стимулов и одновременного улучшения стимулирования налогообложения в странах происхождения доходов</p> <p>Действие 17. Создание глобальных рамок налоговой прозрачности и обмена информацией, выгодных для всех стран</p>

Источник: ЮНКТАД на основе материалов United Nations (2023a), где содержатся более детальные описания действий и их компонентов.

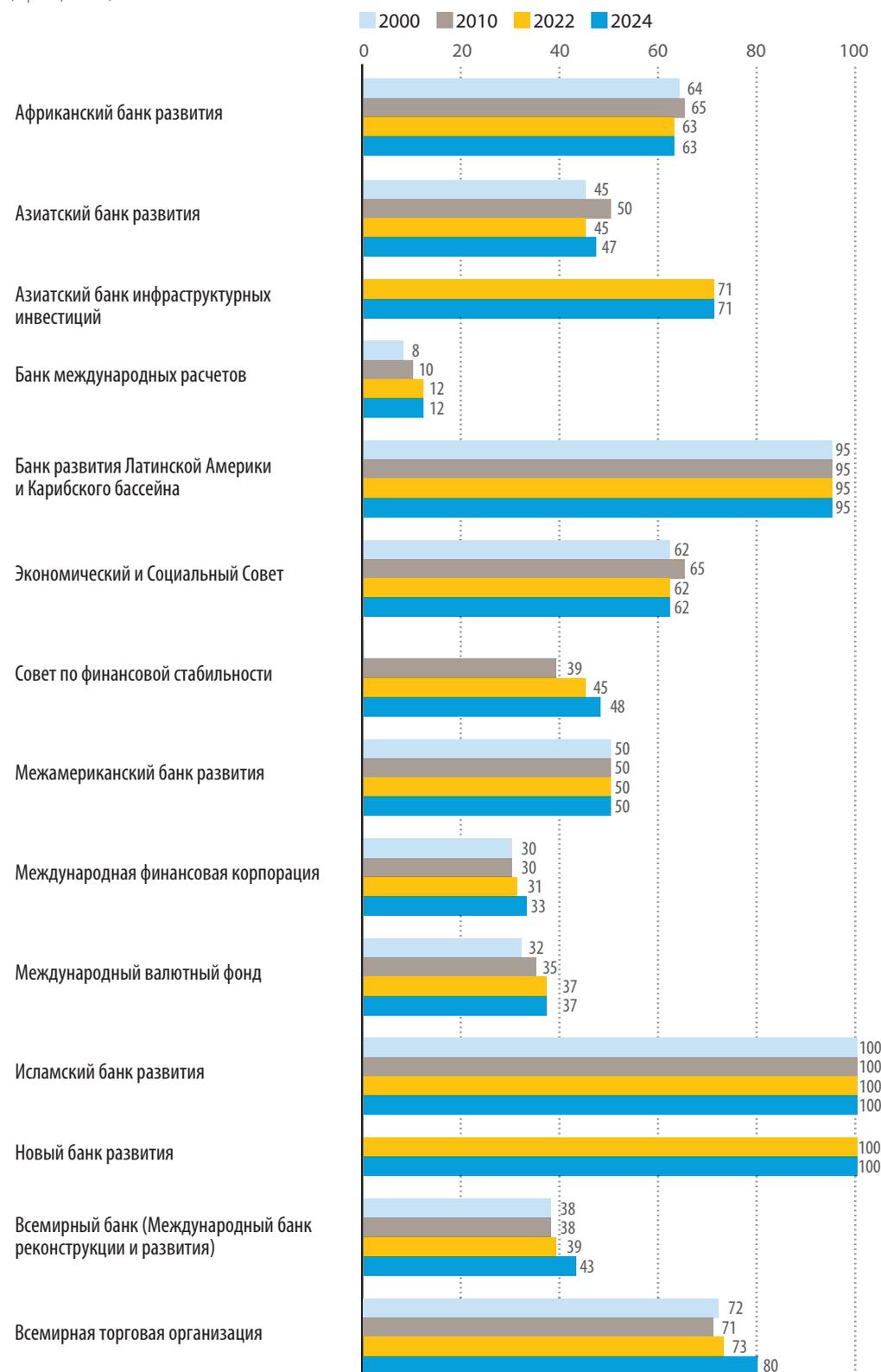
Примечание: Желтым цветом отмечены действия и/или компоненты действий, направленные на решение общих проблем, связанных с изменениями климата и экологической устойчивостью.

Рис. V.2

Право голоса развивающихся стран в основных институтах экономического управления изменилось незначительно

Доля прав голоса развивающихся стран по годам и институтам (проценты)

Источник: ЮНКТАД по данным веб-сайтов соответствующих организаций.

Международная система налогового регулирования предоставляет широкие возможности для корпоративного арбитража, что позволяет уклоняться от уплаты налогов и незаконно занижать их.

Асимметрия переговорных позиций при заключении соглашений об избежании двойного налогообложения сделала многие развивающиеся страны уязвимыми к размыванию налоговой базы и выведению прибыли из-под налогообложения.

Учитывая ограничения и стоимость внешнего финансирования, мобилизация внутренних доходов с помощью налогов и других средств остается наиболее устойчивым источником финансирования для развивающихся стран³⁷. Она является центральным рычагом развития потенциала государств и поддержания макроэкономической стабильности, позволяя правительствам осуществлять необходимые инвестиции независимо от внешних источников. Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года направлена на «усиление мобилизации внутренних ресурсов, в том числе через международную поддержку стран с низким уровнем дохода, в целях повышения внутреннего потенциала по сбору налогов и других поступлений» (García-Bernardo and Janský, 2024).

Недостаточное внутреннее финансирование в развивающихся странах сдерживает прогресс, в том числе в достижении целей в области устойчивого развития. Во многих развивающихся странах отношение налогов к ВВП ниже 15 процентов — уровня, который, по мнению большинства экспертов, является минимально необходимым для достижения ЦУР. Особенно слабой мобилизация внутренних ресурсов является в развивающихся странах с низким уровнем доходов, где это обусловлено более узкой налоговой базой, ограниченностью потенциала, преобладанием теневой и неформальной экономики, а также проблемами управления.

Хотя развивающиеся страны не могут получать значительные поступления от трансграничных потоков доходов из-за проблем с мобилизацией ресурсов внутри стран, есть также опасения, что существующие международные налоговые правила не отвечают их потребностям и ограничивают их возможности по расширению источников налоговых поступлений в условиях глобализации и цифровой экономики. Налоговым органам часто не хватает инструментов и технических возможностей (например, данных, персонала и других ресурсов) для адекватного решения проблем, связанных с БЕПС.

Кроме того, развивающиеся страны имеют меньше соглашений об избежании двойного налогообложения. В тех случаях, когда такие соглашения существуют и в них участвуют развитые страны, общую озабоченность вызывает то обстоятельство, что участники переговоров о заключении таких договоров имеют ограниченные возможности и

асимметрию в переговорных позициях, что делает развивающиеся страны уязвимыми перед практиками БЕПС, осуществляемыми транснациональными компаниями.

Современная международная система налогового регулирования предоставляет транснациональным компаниям широкие возможности для трансграничного арбитража. Хотя сами компании и их консультанты по международному налогообложению обычно рассматривают такую практику как этическое и законное налоговое планирование, развивающиеся страны и неправительственные организации считают ее неэтичной и незаконной. Налоговые органы развивающихся стран особенно обеспокоены ситуациями, когда транснациональные компании «переходят грань» между законным нормативным арбитражем и неправомерными налоговыми злоупотреблениями (Eden and Smith, 2022). Между тем выведению прибыли из-под налогообложения транснациональными компаниями в глобальном масштабе способствует стремительный рост числа и технической проработанности налоговых гаваней и структур финансовых центров (UNCTAD, 2022).

Оценки потерь, связанных с уклонением от уплаты налогов в развивающихся странах, разнообразны и неполны. Хотя концептуальные рамки, разработанные Управлением Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности и ЮНКТАД (United Nations Office on Drugs and Crime and UNCTAD, 2020), помогают решить вопросы определения незаконных финансовых потоков, связанных с преступностью, в сравнении с некорректным ценообразованием, проблемы оценки, связанные с доступностью первичных данных, сохраняются. Некоторые методики все еще тестируются и совершенствуются.

В целом, согласно последним оценкам, выведение прибыли из-под налогообложения в глобальном масштабе серьезно затруднило мобилизацию внутренних ресурсов, особенно в развивающихся странах с низким уровнем дохода. Например, по оценкам Ваера и Цукмана (Wier and Zucman, 2022), в 2015–2019 годах около 40 процентов прибыли транснациональных компаний было выведено в налоговые гавани. Кроме того, выведение прибыли из-под налогообложения сократило поступления от налога на прибыль в мире на 10 процентов, а эффективная ставка налога на прибыль в мире снизилась

³⁷ Что касается наращивания налогового потенциала в целях развития, то некоторые специалисты утверждают, что расширение налоговой базы и совершенствование институтов в дополнение к международному сотрудничеству в области налогообложения прибыли транснациональных компаний позволит значительно улучшить мобилизацию внутренних ресурсов в развивающихся странах с низким уровнем дохода (см. Benitez et al., 2023).

на треть (Wier and Zucman, 2022). По оценкам Киари (Chiari, 2024), в 2019 году потери налоговых поступлений в мире составили 480 млрд долларов при использовании законодательно установленных ставок налога на прибыль корпораций и 600 млрд долларов при использовании реальных ставок.

Недавний обзор имеющихся исследований конкретных случаев свидетельствует о том, что транснациональные компании переводят до 40 процентов (от 600 млрд до 1,1 трлн долларов) иностранной прибыли в кондуитные страны, такие как Бермудские острова, Королевство Нидерландов или Швейцария. Хотя в абсолютном выражении больше всего от выведения прибыли страдают Соединенные Штаты, другие страны с развитой экономикой, такие как Германия и Франция, теряют таким образом до половины базы налогооблагаемой прибыли (Clausing, 2016; Torslov et al., 2023).

В относительном выражении страны с более низкими доходами теряют большую долю общих налоговых поступлений из-за выведения прибыли, даже если их потери в абсолютном выражении меньше. В частности, в странах с низким уровнем дохода в Африке и Латинской Америке, как правило, исчезает большая доля налоговых поступлений по отношению к общему объему налоговых поступлений. Африканские экономики теряют большую долю, чем в среднем по миру. В целом лишь немногие страны получают какие-либо налоговые поступления (Garcia-Bernardo and Janský, 2024).

Корпоративный арбитраж, или стратегическое маневрирование корпораций между различными юрисдикционными нишами, усугубляет проблему мобилизации внутренних доходов, а также корпоративной подотчетности и прозрачности. Современные практики корпоративного арбитража широко распространены и охватывают широкий ряд аспектов. К ним относятся арбитраж в области регулирования, отчетности, налогообложения и бухгалтерского учета. Методы ухода от ответственности позволяют транснациональным компаниям обходить социальные и экологические обязательства, зачастую возлагая издержки внешних потрясений и кризисов на наиболее уязвимые страны (Baines and Hager, 2021; Palan et al., 2023; UNCTAD, 2024). Кроме того, корпоративный арбитраж позволяет компаниям минимизировать свой экономический след во многих развивающихся странах. Одно из недавних исследований показало, что четверть дочерних компаний 100 крупнейших нефинансовых транснациональных компаний в странах глобального Юга не ведут никакой соответствующей видимой экономической деятельности (UNCTAD, 2022).

Феномен незаконных финансовых потоков еще больше усугубляет проблемы мобилизации внутренних доходов в странах глобального Юга. Проводимые ЮНКТАД предварительные исследования отдельных развивающихся стран показывают, что добывающие отрасли, как правило, в особенно высокой степени подвержены таким потокам из-за махинаций с выставлением счетов по торговым операциям и выведения прибыли из-под налогообложения (таблица V.2). Примерами являются операции с напитками, нефтепродуктами и рудой в Буркина-Фасо, с драгоценными металлами и камнями, а также электрическим оборудованием в Южной Африке. В Буркина-Фасо были обнаружены незаконные финансовые потоки в золотодобывающем секторе с участием контрагентов из Уганды и Швейцарии. В Нигерии расследовалось выведение прибыли из-под налогообложения в нефтяном секторе, и были выявлены потоки, идущие в налоговые гавани. По предварительным оценкам, незаконные потоки могут составлять до половины объема официально регистрируемой торговли.

Учитывая эти проблемы, развивающиеся страны уже давно стремятся к тому, чтобы механизмы международного сотрудничества в области налогообложения реализовывались через Организацию Объединенных Наций и чтобы эти страны имели равные права в этих механизмах. Международное налоговое сотрудничество в Организации Объединенных Наций рассматривается как ключевой компонент для улучшения мобилизации внутренних ресурсов, особенно в развивающихся странах с низким уровнем дохода. Таким образом, предлагаемая рамочная конвенция Организации Объединенных Наций о международном налоговом сотрудничестве рассматривается многими развивающимися странами как часть процесса восстановления равновесия в международной финансовой системе для ее функционирования на более справедливой основе.

Предлагаемая конвенция — это первая попытка создать общемировую многостороннюю структуру для международного налогового сотрудничества. Нынешняя налоговая архитектура опирается на двусторонние и ограниченные многосторонние соглашения. Несмотря на то, что был выдвинут ряд предложений по общемировым налоговым механизмам, например о налогообложении международных валютных операций, предлагаемая налоговая конвенция является уникальной, поскольку она позволит привести международное регулирование налогообложения к единым рамочным принципам.

Добывающие отрасли особенно подвержены незаконным финансовым потокам из-за махинаций с выставлением счетов по торговым операциям и выведения прибыли из-под налогообложения.

Страны с низким уровнем дохода теряют большую долю общих налоговых поступлений из-за выведения прибыли из-под налогообложения.

Таблица V.2

По предварительным оценкам, незаконные финансовые потоки могут составлять до 50 процентов объема официальной торговли в некоторых странах

Предварительные неофициальные оценки налоговых и торговых незаконных финансовых потоков (входящих и исходящих), отдельные страны Африки

Страна	Охватываемый период	Продолжительность периода (количество лет)	Методы оценки	Доля налоговых и торговых незаконных финансовых потоков от объема официальной торговли (проценты, среднегодовое значение)
 Гана	2000–2012	13	PCM+ и PFM+	5,1
 Буркина-Фасо	2011–2020	10	PCM+	10,5
 Замбия	2012–2020	9	PCM	30,2
 Южная Африка	2017	1	PCM+	32,7
 Габон	2010–2021	12	PCM+ и PFM+	50,5
 Намибия	2018–2020	3	PFM+	57,1

Источник: ЮНКТАД на основе данных Экономической комиссии Организации Объединенных Наций для Африки (United Nations Economic Commission for Africa, 2023).

Примечания: Здесь приведены предварительные неофициальные оценки, полученные в ходе предварительных страновых исследований 2021–2022 годов с использованием различных методов измерения налоговых и торговых незаконных финансовых потоков, возникающих в результате махинаций при выставлении счетов в торговле. Предварительные оценки, вероятно, будут уточнены и расширены национальными органами в будущем. Для оценки использовались «метод стран-партнеров плюс» (PCM+) и «метод ценового фильтра плюс» (PFM+). Более подробную информацию об усилиях по отслеживанию незаконных финансовых потоков см. на сайте ЮНКТАД SDG Pulse: <https://sdgpulse.unctad.org/illicit-financial-flows/>.

С. Глобальный Юг и призыв к созданию международной налоговой архитектуры

Более 60 лет ОЭСР, возглавляемая странами глобального Севера, устанавливала правила, по которым государства облагают налогами транснациональные компании. В соответствии с этими правилами прибыль распределяется между странами на основании сотен двусторонних налоговых соглашений, обычно называемых соглашениями об избежании двойного налогообложения. Эти соглашения распределяют права налогообложения на основе сложных принципов, основанных на резидентстве и источнике дохода, и регламентируют оценку межкорпоративных сделок в соответствии с принципом независимости контрагентов³⁸. Использование системы соглашений об избежании двойного налогообложения для управления международными налоговыми отношениями стало результатом работы Лиги Наций в 1920-х годах (League of Nations, 2023).

Развивающиеся страны, освободившиеся от колониального гнета в 1960-х и 1970-х годах, решительно заявили о своей потребности в новом и более справедливом международном экономическом порядке. В частности, ЮНКТАД, а также Группа 77 и Китая были центральными форумами для обсуждения этого вопроса. В конце 1960-х годов в рамках тех же дебатов была создана Специальная группа экспертов по налоговым договорам между развитыми и развивающимися странами³⁹.

Соглашения об избежании двойного налогообложения многократно подвергались критике, особенно со стороны развивающихся стран. Во-первых, они рассматриваются в

первую очередь как меры по предотвращению двойного налогообложения, когда прибыль облагается налогом как в стране резидентства, так и в стране местоположения источника дохода, при этом меньше внимания уделяется предотвращению двойного отсутствия налогообложения, когда предприятия используют уклонение от уплаты налогов и агрессивные методы ухода от налогообложения, чтобы не платить налоги ни в стране резидентства, ни в стране местоположения источника дохода.

Во-вторых, многие считают, что соглашения об избежании двойного налогообложения благоприятствуют странам — экспортерам капитала (странам резидентства) в ущерб странам — импортерам капитала (странам местоположения источника дохода)⁴⁰. В-третьих, сложность этих соглашений привела к появлению множества налоговых лазеек, которые способствовали практикам БЕПС. В целом, несмотря на то что общий принцип предотвращения двойного налогообложения является справедливым, страны с развитой экономикой были основными бенефициарами соглашений об избежании двойного налогообложения. Такие соглашения не были важным стимулирующим фактором прямых иностранных инвестиций в развивающиеся страны.

За последние четверть века развивающиеся страны стали уделять больше внимания международному налоговому сотрудничеству.

По мере того, как страны — экспортеры капитала переходили от общемирового

Соглашения об избежании двойного налогообложения не препятствуют двойному отсутствию налогообложения и благоприятствуют странам — экспортерам капитала.

³⁸ Исторически сложилось так, что принципы источника дохода и резидентства определяют, какая страна (страна происхождения или страна пребывания) имеет первоочередное право облагать налогом различные потоки доходов транснациональных компаний (например, роялти и сервисные сборы). Если обе страны имеют право на налогообложение (например, прибыли иностранного аффилированного лица), принцип «первого у источника» дает преимущественное право на налогообложение стране пребывания, при этом страна происхождения (если она решит облагать налогом доход из иностранного источника) должна предоставить налоговую льготу в виде зачета или вычета по налогу, уплаченному за рубежом. Согласно принципу независимости контрагентов, цены в сделках и деятельность связанных сторон должны определяться исходя из того, как поступали бы независимые предприятия при тех же или аналогичных фактах и обстоятельствах. См. главу 2 в Eden (1998).

³⁹ Резолюция 1273 (XLIII) Экономического и Социального Совета от 4 августа 1967 года. Как видно из названия группы, основное внимание по-прежнему уделялось системе международного налогового регулирования, управляемой с помощью соглашений об избежании двойного налогообложения. С 11 ноября 2004 года эта группа носит название «Комитет экспертов по международному сотрудничеству в налоговых вопросах» (Налоговый комитет Организации Объединенных Наций).

⁴⁰ Обычно считалось, что нетто-экспортеры капитала — это развитые страны, а нетто-импортеры капитала — развивающиеся страны. Однако в XXI веке в большинстве развитых стран наблюдаются двусторонние потоки прямых иностранных инвестиций; многие страны являются нетто-импортерами капитала как в плане запасов, так и в плане потоков. Тем не менее если рассматривать потоки и запасы капитала между парами стран, то, за некоторыми исключениями (например, инвестиционные центры или налоговые гавани), нетто-экспортером капитала обычно является более развитая экономика. Эйитейо-Ойесоде (Eyitayo-Oyesode, 2020) утверждает, что некоторые статьи Модельной налоговой конвенции ОЭСР отдают приоритет праву на налогообложение по принципу резидентства и потому невыгодны для развивающихся стран.

к территориальному налогообложению, значительные различия в налоговых ставках и базах в разных странах открывали широкие возможности для тщательного налогового планирования. Поскольку международная налоговая архитектура изобилует лазейками, транснациональные компании использовали агрессивные стратегии выведения прибыли в налоговые гавани и инвестиционные центры. Рост числа налоговых гаваней и офшорных финансовых центров способствовал

как легальному, так и нелегальному движению капитала, о чем свидетельствуют данные ЮНКТАД (UNCTAD, 2015).

Кроме того, растущее число цифровых транснациональных компаний и «индустрия 4.0» создали мир «масштаба без массы», построенный на автоматизированных цифровых услугах и транзакциях, а также гипермобильных потоках капитала. Это открыло новые пути для использования возможностей БЕПС (вставка V.2).

Вставка V.2 ОЭСР и двухкомпонентный процесс

Мировой финансовый кризис 2008–2009 годов, вероятно, стал переломным моментом, когда государства осознали, что для противодействия практике БЕПС необходимы многосторонние, а не двусторонние усилия (Mason, 2020).

Проект ОЭСР по БЕПС на 2012–2015 годы впоследствии привел к разработке программы из 15 действий, направленных на устранение лазеек, которые рассматриваются как основные факторы практик БЕПС. Эти действия были разработаны, в частности, для того, чтобы соглашения об избежании двойного налогообложения не только предотвращали двойное налогообложение, но и исключали двойное отсутствие налогообложения. Изменения включали в себя предоставление отчетности по странам и новый многосторонний налоговый инструмент — Многостороннюю конвенцию по осуществлению мер, связанных с налоговыми соглашениями, для предотвращения размывания налоговой базы и выведения прибыли из-под налогообложения. Последний был разработан таким образом, чтобы применяться наряду с существующими соглашениями об избежании двойного налогообложения и изменять их, позволяя подписантам осуществлять действия, предусмотренные программой, без необходимости перезаключения соглашений. Однако многие государства, включая Соединенные Штаты, не подписали многосторонний налоговый инструмент, а многие подписавшие его стороны отказались от выполнения ключевых положений^а.

ОЭСР оставила первый пункт программы действий, касающийся налогообложения цифровой экономики, для последующей проработки, но прогресс был замедлен пандемией COVID-19. В рамках второго раунда проекта по БЕПС ОЭСР и участники Инклюзивной рамочной программы^б предложили заменить некоторые действующие международные налоговые правила на принципиально иные или совместить с ними. Двухкомпонентный процесс включает в себя введение нового налога на прибыль 100 крупнейших транснациональных компаний мира (первый компонент, сумма A) и нового глобального минимального налога на прибыль со ставкой 15 процентов для почти всех транснациональных компаний (второй компонент, Глобальные типовые правила по борьбе с размыванием налоговой базы)^с.

Предлагаемые новые политические меры значительно сложнее старых и в основном не протестированы. В то время как некоторые правительства приступили к внедрению правил глобального минимального налогообложения, по первому компоненту пока нет согласия, и критикуется в основном сложность его условий, несоответствие существующим международным принципам налогового регулирования (например, принципу независимости контрагентов), отсутствие явных выгод для развивающихся стран и неспособность адекватно решить проблемы

^а Текущая информация о подписантах содержится в базе данных ОЭСР по многостороннему налоговому инструменту, URL: <https://www.oecd.org/tax/treaties/mli-matching-database.htm>.

^б Инклюзивная рамочная программа — это попытка ОЭСР преодолеть свой «дефицит демократии», привлекая страны, не являющиеся членами организации, для достижения консенсуса по этим правилам. Критики говорят, что эта программа несовершенна, поскольку она, по сути, работает по нормам, установленным ОЭСР. Многие развивающиеся страны, но не все, являются участниками рамочной программы. URL: <https://www.oecd.org/en/topics/policy-issues/base-erosion-and-profit-shifting-beps.html>.

^с Например, в первом компоненте принцип независимости контрагентов заменен на глобальное распределение по формуле; см. Eden (2022). Второй пример — правило включения доходов во втором компоненте, согласно которому право взимать дополнительный налог с недообложенной прибыли предоставляется в первую очередь стране резидентства в соответствии с правилом включения доходов, а не по принципу «первого у источника». Хотя позже был введен внутренний дополнительный налог, который можно начислять по правилу включения доходов, ограничения по внутреннему дополнительному налогу по-прежнему склоняют баланс в пользу стран резидентства.

Вставка V.2 ОЭСР и двухкомпонентный процесс

налогообложения цифровой экономики. Более того, предложенная ОЭСР многосторонняя конвенция по реализации первого компонента вряд ли будет принята, учитывая требования к ее ратификации^d. В результате развивающиеся страны отнесли ко второму раунду проекта по БЕПС с подозрением. Большинство из них не являются членами ОЭСР и рассматривают себя в основном как сторонних наблюдателей этого процесса^e.

Источник: Mason (2020).

^d Конвенцию должны ратифицировать не менее 30 стран, представляющих около 60 процентов конечных материнских компаний транснациональных корпораций, подпадающих под действие первого компонента. URL: <https://www.oecd.org/en/topics/sub-issues/reallocation-of-taxing-rights-to-market-jurisdictions/multilateral-convention-to-implement-amount-a-of-pillar-one.html>.

^e См. также комментарии о проблемах с эффективностью и инклюзивностью процесса ОЭСР по БЕПС в докладе Генерального секретаря Организации Объединенных Наций о содействии инклюзивному и эффективному международному сотрудничеству в налоговых вопросах в Организации Объединенных Наций (A/78/235).

D. Развивающиеся страны настаивают на принятии конвенции под руководством Организации Объединенных Наций

Недовольство существующей международной системой налогового регулирования продолжало расти, поскольку развивающиеся страны стремились организовать процесс, который позволил бы всем странам на равных участвовать в принятии решений, связанных с налогообложением. Еще в 2012 году Группа 77 и Китая при поддержке групп влияния пыталась (с ограниченным успехом) запустить процесс межправительственных переговоров по налогообложению в Организации Объединенных Наций⁴¹. В течение многих лет Группа африканских государств выступала за принятие международной налоговой конвенции под руководством Организации Объединенных Наций. Комитет экспертов Организации Объединенных Наций по международному сотрудничеству в налоговых вопросах регулярно проводит в Экономическом и Социальном Совете специальные сессии, посвященные международному налоговому сотрудничеству⁴².

Одним из ключевых событий стало выдвинутое в 2015 году предложение развивающихся стран о создании органа Организации Объединенных Наций для решения вопросов международного налогового сотрудничества в рамках Аддис-Абебской программы действий⁴³. Предложение не было принято, но Организация Объединенных Наций согласилась развивать свои усилия в области международного налогового сотрудничества. В октябре 2022 года Группа африканских государств предложила проект резолюции Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций о незаконных финансовых потоках, которая предусматривала создание межправительственного налогового органа Организации Объединенных Наций. Некоторые неправительственные организации подготовили предварительные предложения по рамочной конвенции⁴⁴.

Прорыв произошел, когда Группа африканских государств представила пересмотренное

⁴¹ См. список заявлений развивающихся стран, призывающих к организации процесса международного налогового сотрудничества под руководством Организации Объединенных Наций, составленный группой «Механизм финансирования развития гражданским обществом» в виде базы данных, URL: <https://csoforffd.org/post/database-governments-supporting-an-intergovernmental-un-tax-body-and-or-un-tax-convention/>. Заявление Группы 77 и Китая, составленное в 2012 году, см. по адресу: <http://www.g77.org/statement/getstatement.php?id=120727>.

⁴² Специальные сессии начались еще в 2019 году; URL: <https://financing.desa.un.org/ecosoc-special-meeting-international-cooperation-tax-matters>.

⁴³ Аддис-Абебская программа действий третьей Международной конференции по финансированию развития, URL: <https://sdqs.un.org/documents/ares69313-addis-ababa-action-agenda-thi-21093>.

⁴⁴ Два предварительных предложения по рамочной конвенции см. в Chowdhary and Picciotto (2021); Ryding (2022).

предложение, которое в итоге приняло вид резолюции 77/244⁴⁵, одобренной Генеральной Ассамблеей без голосования 23 ноября 2022 года. В резолюции содержится просьба к Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций наметить возможные шаги по повышению инклюзивности и эффективности международного налогового сотрудничества и пригласить заинтересованные стороны к внесению предложений. Многочисленные материалы были представлены государствами — членами Организации Объединенных Наций, неправительственными организациями, учеными, аналитическими центрами и деловыми кругами. Международное бюро налоговой документации (The International Bureau of Fiscal Documentation, 2023) и Международный центр по налогообложению и развитию (Cadzow et al., 2023) подготовили доклады⁴⁶.

Генеральный секретарь опубликовал доклад, в котором был сделан вывод о том, что двухкомпонентный процесс Инклюзивной рамочной программы ОЭСР не учитывает в достаточной степени потребности развивающихся стран, и подчеркивалась необходимость обеспечения инклюзивности, при которой все страны могли бы участвовать в формировании повестки дня, переговорах и принятии решений (United Nations, 2023). В докладе отмечается, что процесс принятия решений должен быть прозрачным и предоставлять достаточно времени для

рассмотрения предложений и подготовки позиций. В докладе изложены и обсуждены три возможных варианта дальнейших действий Организации Объединенных Наций в области международного налогового сотрудничества: создание форума для обсуждений, не имеющих обязательной силы, принятие юридически обязывающей рамочной конвенции с протоколами или заключение всеобъемлющего юридически обязывающего соглашения. Доклад содержит приглашение к участию внешних заинтересованных сторон.

На заседании Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций 15 ноября 2023 года Нигерия от имени Группы африканских государств предложила проект резолюции, рекомендуемый второй вариант — принятие рамочной конвенции с протоколами, а также создание специального комитета по разработке технических условий для конвенции.

Резолюция 78/230 была принята 22 декабря 2023 года 111 голосами против 46 при 10 воздержавшихся; почти все развивающиеся страны проголосовали «за», и почти все члены ОЭСР выступили против резолюции⁴⁷. В соответствии с резолюцией был учрежден Специальный комитет по разработке технических условий для рамочной конвенции Организации Объединенных Наций о международном налоговом сотрудничестве. В его состав входят председатель, 18 заместителей председателя и докладчик; в общей сложности в состав Комитета входит

⁴⁵ См. резолюцию 77/244 Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций о содействии инклюзивному и эффективному международному сотрудничеству по налоговым вопросам в Организации Объединенных Наций.

⁴⁶ В докладе Международного бюро налоговой документации предлагается адаптировать минимальные стандарты в отношении БЕС, упростить другие рекомендации в отношении БЕС, усовершенствовать двухкомпонентный процесс и т. д., по сути работая в рамках Инклюзивной рамочной программы ОЭСР. В докладе Международного центра по налогообложению и развитию основное внимание уделяется ограниченности потенциала стран-участниц и другим организационным вопросам.

⁴⁷ См. резолюцию 78/230 Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций о содействии инклюзивному и эффективному международному сотрудничеству по налоговым вопросам в Организации Объединенных Наций.

по четыре члена от каждого из пяти регионов системы Организации Объединенных Наций. В резолюции содержится поручение Комитету рассмотреть возможность одновременной разработки предварительных протоколов в конкретных приоритетных областях, в том числе в области незаконных финансовых потоков, связанных с налогообложением, и налогообложения доходов от трансграничных цифровых услуг. Комитету было поручено подготовить технические условия к августу 2024 года и представить доклад с изложением этих условий на семьдесят девятой сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций в октябре 2024 года⁴⁸. Как по резолюции 78/230, так и по повестке дня первого заседания Комитета были представлены разнообразные комментарии общественности⁴⁹.

1. Специальный комитет Организации Объединенных Наций по разработке технических условий для рамочной конвенции Организации Объединенных Наций о международном налоговом сотрудничестве

Рамочные конвенции предлагают полезный поэтапный подход к международному нормотворчеству, при котором государства создают общую систему международного управления по определенному вопросу, а затем разрабатывают более конкретные обязательства и институциональные механизмы с помощью протоколов (Bodansky and WHO, 1991). По сути, рамочная конвенция создает всеохватную рамочную конструкцию в виде юридически обязывающего многостороннего документа, состоящего из основных компонентов (например, устанавливающих цели, принципы и структуры управления), на основе которых разрабатываются различные протоколы с положениями об условиях их «включения» и «исключения». Предлагаемая рамочная конвенция в области налогообложения построена по аналогичным принципам.

Пять приоритетных областей для предварительных протоколов были определены в проектах технических условий для конвенции, представленных в июне и июле 2024 года: налогообложение цифровой и глобализованной экономики, налогообложение доходов, полученных от трансграничных услуг, незаконные финансовые потоки, связанные с налогообложением, предотвращение и разрешение налоговых споров и налогообложение лиц с высокой чистой стоимостью активов. В качестве возможных приоритетов для будущих протоколов были названы еще четыре области: налоговые меры в связи с экологическими и климатическими задачами, обмен информацией для целей налогообложения, взаимная административная помощь по налоговым вопросам и борьба с вредными налоговыми практиками.

В технических условиях, принятых в августе 2024 года, список предварительных протоколов был сокращен до двух, и оба они из первоначального списка: налогообложение доходов от трансграничных услуг и еще одна предметная область, которая будет определена позже; список других предметных областей остался неизменным. Срок принятия конвенции был продлен до 2027 года, а Специальный комитет по разработке технических условий для рамочной конвенции Организации Объединенных Наций о международном налоговом сотрудничестве продолжит проводить регулярные совещания. Голосование о принятии технических условий прошло с неофициальным подсчетом голосов: 110 против 8 при 44 воздержавшихся⁵⁰.

2. Потенциальные выгоды для развивающихся стран

Многие развивающиеся страны рассматривают предлагаемую рамочную налоговую конвенцию как часть своей стратегии по преодолению асимметрии в потенциале и экономическом развитии в переговорах с развитыми странами для получения того, что они считают своей справедливой долей доходов от международной торговли и инвестиционных потоков. Конвенция, если рассматривать ее вместе с текущей работой Комитета экспертов Организации Объединенных Наций по международному сотрудничеству в налоговых

⁴⁸ Комитет экспертов Организации Объединенных Наций по международному сотрудничеству в налоговых вопросах действует независимо от Специального комитета по разработке технических условий для рамочной конвенции Организации Объединенных Наций о международном налоговом сотрудничестве. Члены первого Комитета входят в состав второго в своем личном качестве; однако многие из них теперь также представляют свои государства в работе Специального комитета.

⁴⁹ Комментарии к резолюции 78/230 см. по адресу: <https://financing.desa.un.org/un-tax-convention/inputs>.

⁵⁰ См. Travers (2024). Официальные итоги были подведены 27 сентября 2024 года. Восемь голосов против были отданы членами альянса «Пять глаз» (Австралия, Канада, Новая Зеландия, Соединенное Королевство и Соединенные Штаты), а также Израилем, Республикой Корея и Японией. Большинство стран Западной Европы перешли от голосования «против» в декабре 2023 года по резолюции 78/230 к воздержанию в августе 2024 года по проекту технических условий.

Рамочная конвенция может помочь создать более справедливый и инклюзивный режим международного налогового регулирования.

вопросах⁵¹, потенциально может собрать воедино опыт существующих международных налоговых отношений и методические принципы, чтобы преимущества проведенной ранее работы были сохранены в новых рамках. Рамочная конвенция и протоколы к ней предоставляют развивающимся странам возможность построить более справедливый и инклюзивный режим международного налогового регулирования, который может помочь в преодолении проблем, связанных с недостаточным потенциалом и несовершенным управлением.

ОЭСР также предлагает определенную помощь по вопросам политики и сотрудничает с Программой развития Организации Объединенных Наций в целях повышения потенциала в области налогового администрирования. Тем не менее, по мнению многих наблюдателей, ОЭСР игнорирует аспекты развития, связанные с налогообложением, и часто считается, что она чрезмерно озабочена деталями технических вопросов.

Развивающиеся страны склонны рассматривать инклюзивный рамочный процесс ОЭСР по сути как форум для развитых стран. Несмотря на наличие общих проблем, связанных с налогообложением цифровой экономики, точки зрения и подходы различаются. Развивающиеся страны также по-разному подходят к решению проблем, связанных с незаконными финансовыми потоками, в то время как во многих государствах — членах ОЭСР целевые уровни мобилизации внутренних ресурсов не являются насущной проблемой. Существующие «конкурирующие рамочные программы», по мнению многих развивающихся стран, разрабатываются без их осознанного согласия и зависят от динамики двусторонних отношений.

При оценке эффективности предложенной рамочной конвенции, в частности обращая внимание на пространство для маневра у развивающихся стран, предусмотренное новыми нормами, можно рассматривать перечисленные ниже факторы.

- **Инклюзивность и представительство.** Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций имеет цель быть более инклюзивной, предоставляя

равные права развивающимся и развитым странам, в то время как двухкомпонентный процесс ОЭСР подвергается критике за то, что в нем доминируют государства — члены ОЭСР. Инклюзивность необходима для создания более справедливой, демократичной и эффективной глобальной системы налогового регулирования.

- **Процесс принятия решений.** Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций, скорее всего, будет действовать на основе большинства голосов государств — членов Организации Объединенных Наций, что может облегчить принятие определенных мер. Инклюзивный рамочный процесс ОЭСР официально стремится к принятию решений на основе консенсуса, но все же продвигается вперед и там, где консенсус затруднен (например, предлагаемая рамочная конвенция по первому компоненту).
- **Сфера охвата и фокус внимания.** Подход Организации Объединенных Наций направлен на то, чтобы уделить больше внимания важным для развивающихся стран вопросам, таким как налогообложение прибыли, полученной от трансграничных услуг, и повышение роли налогообложения у источника дохода; этим темам уделялось мало внимания в рамках двухкомпонентного процесса. Например, налогообложение прибыли от автоматизированных цифровых услуг было частью первоначального предложения по первому компоненту, но затем оно было заменено предложением о налогообложении примерно 100 транснациональных компаний. Налоговый комитет Организации Объединенных Наций, в свою очередь, предложил добавить в модельную налоговую конвенцию Организации Объединенных Наций статью, позволяющую странам местоположения источника дохода взимать налог у источника с валовой прибыли от цифровых услуг⁵².
- **Прозрачность.** Переговоры в Организации Объединенных Наций проводятся на более высоком уровне прозрачности, их ход транслируется в прямом эфире и открыт для наблюдателей. Переговоры

⁵¹ Переговорным органом по рамочной конвенции будет вспомогательный орган Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. Хотя прямой связи между ним и Комитетом экспертов Организации Объединенных Наций по международному сотрудничеству в налоговых вопросах не будет, вероятно частичное дублирование, например в отношении так называемого инструмента ускоренного рассмотрения, а также всеобъемлющего технического руководства по трансфертному ценообразованию, налогообложению выбросов углерода, налогообложению добывающих отраслей и т. д. См. веб-сайт Налогового комитета Организации Объединенных Наций <https://financing.desa.un.org/what-we-do/ECOSOC/tax-committee/tax-committee-home>.

⁵² В проекте технических условий, опубликованном в августе 2024 года, в качестве предмета первого протокола, который должен быть разработан в рамках предлагаемой рамочной налоговой конвенции, указано налогообложение цифровых услуг.

инклюзивного рамочного процесса ОЭСР традиционно носят более секретный характер. Были установлены процедуры, позволяющие заинтересованным сторонам (например, межправительственным организациям, гражданскому обществу, научным учреждениям, частному сектору и т. д.) участвовать в качестве наблюдателей в работе Специального комитета по техническим условиям. Наблюдатели не участвуют в совещаниях инклюзивного рамочного процесса ОЭСР, а проводят консультации отдельно.

- **Легитимность и нормотворчество.** Сторонники утверждают, что Организация Объединенных Наций обладает уникальной легитимностью для коллективного нормотворчества через межправительственный процесс, учитывающий потребности стран, находящиеся на разных уровнях развития. Считается, что это лучше, чем технические рекомендации от таких организаций, как МВФ или Всемирный банк.
- **Устранение недостатков существующих систем.** Сторонники указывают на провал нынешних усилий, осуществляемых под руководством ОЭСР, в предотвращении практик БЕПС и решении проблем цифровой экономики. Они утверждают, что для решения этих проблем в условиях цифровой экономики и более эффективной мобилизации внутренних ресурсов на цели развития необходима рамочная система Организации Объединенных Наций. Реализация под руководством Организации Объединенных Наций могла бы также восстановить первоначальные принципы международного налогового регулирования, такие как принцип «первого у источника».
- **Связь с целями более широкого характера.** Сторонники подчеркивают, что налоговая конвенция Организации Объединенных Наций могла бы напрямую связать международную налоговую политику с другими обязательствами, такими как цели в области устойчивого развития, права человека и защита окружающей среды.
- **Гибкость и последовательный подход.** Сторонники подчеркивают, что модель рамочной конвенции позволяет применять поэтапный подход, определяя главные цели и механизмы и позволяя системе со временем развиваться в направлении большей детализации. Под эгидой предлагаемой конвенции будут разработаны многочисленные протоколы для решения

конкретных вопросов, например связанных с незаконными финансовыми потоками.

- **Потенциал для создания прогрессивных альянсов.** Процесс, осуществляемый под руководством Организации Объединенных Наций, может предоставить возможность для формирования новых альянсов, преодолевающих традиционные разделения: например, путем объединения развивающихся стран и небольших стран — членов ОЭСР с открытой экономикой, которые являются главным образом принимающими странами для прямых иностранных инвестиций. Такие страны имеют общие интересы в отношении приоритета налогов, взимаемых у источника дохода, и необходимости удержания налогов с оттока капитала.
- **Юридически обязывающий характер.** Рамочная конвенция будет иметь обязательную юридическую силу и может обеспечить более формализованную и гарантирующую принудительное исполнение структуру по сравнению с существующими договоренностями.
- **Наращивание потенциала и техническая помощь.** В технических условиях для налоговой конвенции есть положения, согласно которым она потенциально может включать механизмы по усовершенствованию привлечения внутренних ресурсов и наращиванию налогового потенциала в развивающихся странах.
- **Больше внимания к вопросам национального суверенитета.** Конвенция могла бы предусматривать двухуровневый механизм, аналогичный примененному в части IV Генерального соглашения по тарифам и торговле об особом и дифференцированном режиме, с сокращением обязательств для развивающихся стран с низким уровнем дохода. Кроме того, конвенция могла бы разрешить применение «ускоренных» механизмов, сопоставимых с преференциальными торговыми соглашениями в рамках Генерального соглашения по тарифам и торговле, с помощью которых страны, разделяющие общие ценности и интересы, могли бы углублять двустороннюю или региональную налоговую интеграцию при условии, что механизмы интеграции не будут наносить неоправданный ущерб другим сторонам, подписавшим конвенцию.

3. Ключевые вызовы при разработке рамочной налоговой конвенции

При разработке рамочной налоговой конвенции Организация Объединенных Наций сталкивается с многочисленными вызовами⁵³. Некоторые развитые страны — члены ОЭСР, например восемь стран, проголосовавших против технических условий, подготовленных в августе 2024 года, сопротивляются принятию масштабной рамочной конвенции, предпочитая сохранить доминирующую роль ОЭСР в установлении международных налоговых правил. Они утверждают, что существующих механизмов достаточно, и опасаются, что процесс, осуществляемый под руководством Организации Объединенных Наций, может сместить баланс сил в сторону развивающихся стран, что приведет к принятию норм, менее благоприятных для интересов более развитых стран⁵⁴.

Можно выделить несколько областей, в которых возникают расхождения между Инклюзивной рамочной программой ОЭСР и процессом, осуществляемым под руководством Организации Объединенных Наций.

- **Сфера охвата и фокус внимания.** Существуют разные мнения о том, какие вопросы должна решать конвенция. Страны ОЭСР хотят сосредотачивать внимание на менее конфликтных темах, в то время как страны глобального Юга настаивают на включении всех актуальных вопросов, даже если они ранее рассматривались на других форумах.
- **Потенциальное дублирование.** Критики утверждают, что процесс, осуществляемый под руководством Организации Объединенных Наций, будет дублировать усилия ОЭСР, которая является основным органом международного налогового сотрудничества с начала 1960-х годов. ОЭСР разработала всеобъемлющие рамочные документы и методические руководства (например, многостороннюю конвенцию в рамках первоначального раунда проекта по БЕПС), которые уже применяются во всем мире. Сторонники конвенции Организации Объединенных Наций утверждают, что в данном случае юридически обязывающая основа международного налогового сотрудничества впервые обсуждается на действительно

универсальном и инклюзивном форуме и что дублирование как такового не происходит. По их мнению, процесс под руководством Организации Объединенных Наций не будет дублировать существующие процессы, а позволит использовать имеющиеся преимущества, устраняя пробелы и недостатки в международной системе налогового регулирования.

- **Риск фрагментации.** Критики предупреждают, что если Организация Объединенных Наций займется вопросами, которыми занимаются другие международные организации, то возникнет риск дублирования и создания параллельных рамочных систем, например одной, осуществляемой под руководством ОЭСР, и другой, созданной Организацией Объединенных Наций, что приведет к фрагментации международных налоговых правил. Это усложнит соблюдение законодательства транснациональными компаниями и потенциально приведет к несоответствиям в налоговой политике. Сторонники этой идеи, напротив, утверждают, что процесс под руководством Организации Объединенных Наций позволит создать более слаженную общую систему и сможет инкорпорировать и развивать усилия, предпринимаемые на других форумах. Кроме того, развивающиеся страны подчеркивают, что вопрос о том, каким образом им следует применять свои ресурсы, является вопросом их национального суверенитета.
- **Распределение ресурсов.** Оппоненты утверждают, что создание новой рамочной системы потребует значительных ресурсов, которые, возможно, было бы лучше использовать в других областях. Они утверждают, что финансовое и административное бремя, связанное с участием в еще одном многостороннем форуме, может отвлечь ресурсы, направляемые на усилия по достижению целей в области устойчивого развития и реализацию других важнейших инициатив. С другой стороны, преимущество переговоров в Организации Объединенных Наций заключается в том, что постоянное представительство каждой страны может оказывать помощь в проведении переговоров.
- **Сложность и неэффективность.** Еще одно критическое замечание заключается в том,

⁵³ О некоторых из этих вызовов см. Choudhury (2024).

⁵⁴ Переход большинства стран — членов ОЭСР от голосования против резолюции 78/230 к воздержанию при голосовании в отношении технических условий, подготовленных в августе 2024 года, говорит о том, что некоторые члены ОЭСР могут видеть потенциальные преимущества процесса, осуществляемого под руководством Организации Объединенных Наций. Это может быть характерно, например, для тех стран, которые в основном импортируют капитал.

что процесс под руководством Организации Объединенных Наций может усложнить и сделать неэффективным международное налоговое регулирование. Подход ОЭСР, основанный на консенсусе, хотя иногда он реализуется медленно, и при этом часто доминируют крупнейшие страны-члены, считается более оптимизированным по сравнению с процессом под руководством Организации Объединенных Наций. Сторонники утверждают, однако, что процесс под руководством Организации Объединенных Наций, скорее всего, приведет к более простым решениям, которые легче администрировать и которые ориентированы на страны и ситуации с меньшими ресурсами.

- **Опасения в отношении компетентности.**

Критики рамочной конвенции утверждают, что ОЭСР имеет несколько десятилетий опыта в области международной налоговой политики, в то время как опыт Организации Объединенных Наций в этой сфере является более скромным. Благодаря результатам своей предшествующей деятельности ОЭСР имеет лучшую подготовку для решения сложных налоговых вопросов. Сторонники, однако, отмечают, что члены Комитета экспертов Организации Объединенных Наций по международному сотрудничеству в налоговых вопросах и его многочисленных подкомитетов, хотя и выступают в личном качестве, в основном представляют национальные налоговые и финансовые администрации стран мира. Таким образом, Организация Объединенных Наций уже обладает мощным потенциалом, представленным экспертами по международному регулированию налогообложения, которые совместно, зачастую в течение многих лет, работают над сложными международными налоговыми вопросами и проблемами, особенно в контексте развивающихся стран.

- **Балансирование интересов.** Для формирования приемлемой рамочной системы Организация Объединенных Наций должна учитывать конкурирующие приоритеты развитых и развивающихся стран. Достижение консенсуса по налоговым вопросам изначально затруднено из-за различий в национальных интересах. Некоторые утверждают, что инклюзивный подход Организации Объединенных Наций может затруднить достижение соглашений, поскольку в нем участвует более широкий круг заинтересованных сторон с различными приоритетами. Однако если Организация Объединенных Наций удастся сбалансировать эти противоречивые интересы и приоритеты, стабильность международной налоговой архитектуры должна повыситься, что будет выгодно как

правительствам, так и частному сектору. Кроме того, решения на базе Организации Объединенных Наций, скорее всего, будут в большей степени легитимными и успешными с течением времени.

4. В целом есть два варианта развития событий

Сторонники рассматривают предлагаемую рамочную конвенцию как необходимый, инклюзивный и потенциально трансформирующий подход к решению давно существующих проблем в области глобального налогового регулирования, которые существующие институты и процессы не смогли решить должным образом. И ОЭСР, и Организация Объединенных Наций стремятся усовершенствовать международное налоговое сотрудничество, при этом последняя применяет более инклюзивный и прозрачный процесс, ориентированный на представителей глобального Юга.

Традиционные расхождения между развивающимися и развитыми странами в вопросах установления общемировых норм налоговой политики сохраняются, но теперь и в формализованном виде. Большой инклюзивности можно добиться путем проведения межправительственных дискуссий под эгидой Организации Объединенных Наций, при этом приоритизация тем и формирование повестки дня будут обсуждаться активнее и с большим количеством участников, обладающих правом голоса, чем в инклюзивном рамочном процессе ОЭСР. Эффективность и скорость подготовки документов секретариатом ОЭСР в рамках инклюзивного рамочного процесса таковы, что развивающиеся страны не справляются с их обработкой, в результате чего у правительств многих стран остается мало времени и ресурсов, чтобы сделать нечто большее, чем механически выразить свое согласие. Обсуждения в Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций и на совещаниях Специального комитета в 2024 году свидетельствуют о том, что процесс в Организации Объединенных Наций идет медленнее, и времени на реагирование остается больше. Таким образом, хотя этот процесс может занять больше времени и показаться громоздким, с точки зрения развивающихся стран, в результате появляется больше шансов на широкое признание новых норм.

Текущие переговоры свидетельствуют о том, что мнения государств — членов Организации Объединенных Наций по ряду вопросов сильно расходятся. Это было в определенной степени предсказуемо, учитывая давнее

Хотя процесс в Организации Объединенных Наций может занять больше времени, он дает больше шансов на то, что новые нормы получат широкое признание.

Расхождения между развивающимися и развитыми странами в вопросах установления норм глобальной налоговой политики сохраняются, но теперь и в формализованном виде.

Ключевым фактором на переговорах в Организации Объединенных Наций по вопросам налогообложения будет позиция стран верхнего сегмента среднего уровня дохода.

предпочтение развитых стран использовать платформу ОЭСР для диалога о глобальной налоговой архитектуре. Преодоление этих проблем потребует осторожной дипломатии, компромиссов и готовности государств — членов Организации Объединенных Наций создать более инклюзивную систему международного налогового сотрудничества. Влияние геополитических соображений более широкого характера, до сих пор отсутствовавших в диалоге по налоговым вопросам, нельзя игнорировать, учитывая нынешнюю напряженность в мировой торговле и финансах.

Важным фактором будет позиция стран верхнего сегмента среднего уровня дохода. Некоторые из них уже являются крупными экспортёрами капитала, а другие начинают замечать, что компании-резиденты ищут возможности для инвестиций за рубежом. Важность таких альтернативных источников капитала, вероятно, возрастет в нынешнем переломном периоде глобализации.

По мере увеличения торговых и инвестиционных потоков между странами БРИКС и другими государствами со средним уровнем дохода, а также между этими странами и остальным развивающимся миром система налогообложения, согласованная странами по обе стороны таких потоков, будет становиться все более актуальной. Среди стран БРИКС Индия, Китай и Южная Африка активно защищают интересы глобального Юга в работе Организации Объединенных Наций. Бразилия внесла значительный вклад в некоторых областях деятельности.

Создание рамочной налоговой конвенции будет иметь серьезные последствия для глобального налогового регулирования и, возможно,

изменит международную налоговую политику и практику на десятилетия вперед. Текущие переговоры и ожидаемое окончательное принятие конвенции, а также протоколов как одновременно с ней, так и позднее будут играть решающую роль в формировании будущего международного налогового сотрудничества и реформировании финансовой архитектуры.

Риски тоже есть. Могут возникнуть серьезные проблемы в случае формирования различных режимов, при которых налоговые отношения между большинством стран будут регулироваться конвенцией Организации Объединенных Наций, а страны ОЭСР и некоторые другие страны с высоким уровнем дохода продолжают придерживаться двухкомпонентного решения. Риски двойного налогообложения и возможности для арбитража могут повлиять как на мировую торговлю, так и на инвестиционные потоки и поставить под угрозу важные процессы мобилизации внутренних ресурсов.

Это особенно актуально для предприятий, ориентированных на потребителя, и предприятий цифровой экономики, у которых основная масса потребителей находится в развивающихся странах. Например, сумма А первого компонента ОЭСР предназначена не только для замены налогов на цифровые услуги, но и для наказания стран, которые продолжают их вводить. С другой стороны, рамочная конвенция Организации Объединенных Наций, скорее всего, будет предусматривать налогообложение цифровых услуг в стране источника дохода. Вероятным результатом применения двух различных режимов налогообложения цифровых услуг станет двойное налогообложение прибыли транснациональных компаний и сокращение прямых иностранных инвестиций.

Риски двойного налогообложения и арбитража могут поставить под угрозу мобилизацию внутренних ресурсов.

Е. Заключение

Благодаря применению подхода к налогообложению с позиций развития, предлагаемая рамочная налоговая конвенция обладает значительным потенциалом для устранения существующих пробелов в общемировом управлении торговлей и финансами. Это открывает широкие возможности для сокращения диспропорций в международной финансовой архитектуре и внедрения механизмов мобилизации внутренних доходов в экономиках развивающихся стран.

Успех и эффективность предлагаемой налоговой архитектуры будут зависеть от политического сотрудничества между развивающимися странами, их способности использовать имеющийся технический

опыт и сети обмена знаниями в рамках Организации Объединенных Наций, а также от конструктивного общемирового диалога по линии Север — Юг. При поддержке других реформ, о которых говорилось выше, конвенция может стать шагом к созданию международной финансовой архитектуры, в большей степени ориентированной на развитие.

Для успеха этой инициативы в поиске источников долгосрочного финансирования развития политические усилия стран глобального Юга должны быть направлены в том числе на устранение коренных причин нехватки государственных ресурсов для устойчивого развития, к которым относятся корпоративный арбитраж, усиление финансового фактора и концентрация корпоративной власти.

Ссылки

- Baines J and Hager S (2021). Commodity traders in a storm: Financialization, corporate power and ecological crisis. *Review of International Political Economy*. 29:4.
- Barrowclough D, Kozul-Wright R, Kring WN et al., eds. (2022). *South–South Regional Financial Arrangements: Collaboration Towards Resilience*. International Political Economy Series. Palgrave MacMillan Publishing. Basingstoke.
- Benitez JC, Mansour M, Pecho M et al. (2023). Building tax capacity in developing countries. Staff Discussion Note (SDN/2023/006). International Monetary Fund.
- Bodansky D and World Health Organization (1999). Tobacco Free Initiative: The framework convention/protocol approach. Technical Briefing Paper 1. WHO/NCD/TFI/99.
- Cadzow L, Hearson M, Heitmüller F et al. (2023). Inclusive and effective international tax cooperation: Views from the global South. ICTD Working Paper 172. Institute of Development Studies.
- Chiari A (2024). Revenue losses from corporate tax avoidance: Estimates from the UNU WIDER Government Revenue Dataset. *Review of Development Economics*. 28:600–629.
- Choudhury H (2024). United Nations makes progress toward a framework convention on international tax cooperation. *Tax Notes International*. 114:1903–1906.
- Chowdhary AB and Picciotto S (2021). Streamlining the architecture of international tax through a United Nations framework convention on international tax cooperation. Tax Cooperation Policy Brief No. 21. South Centre.
- Civil Society Financing for Development Mechanism (2021). Database of Governments supporting an intergovernmental United Nations tax body and/or United Nations tax convention. URL: <https://csoforffd.org/post/database-governments-supporting-an-intergovernmental-un-tax-body-and-or-un-tax-convention/>.
- Clausing K (2016). The effect of profit shifting on the corporate tax base in the United States and Beyond. *National Tax Journal*. 69:4.
- Eden L (1998). *Taxing Multinationals: Transfer Pricing and Corporate Income Taxation in North America*. University of Toronto Press. Toronto.
- Eden L (2022). The (not so) simple analytics of the new Amount A. *Tax Notes International* 107:16–20.
- Eden L and Smith LM (2022). The ethics of transfer pricing: Insights from the fraud triangle. *Journal of Forensic and Investigative Accounting*. 14(3):360–383.
- Eyitayo-Oyesode OA (2020). Source-based taxing rights from the OECD to the United Nations model conventions: Unavailing efforts and an argument for reform. *Law and Development Review*. 13(1):193–227.
- Foroohar R (2024). The White House knows that the global South has a point. *Financial Times*. 23 April.
- Garcia-Bernardo J and Janský P (2024). Profit shifting of multinational corporations worldwide. *World Development*. 177:106527.
- Hawkins P and Prates D (2021). Global financial safety nets, S[pecial] D[rawing] R[ights]s and sustainable development finance: Can the options on the table deliver needed fiscal space? Project Policy Brief No. 10. UNCTAD.
- International Bureau for Fiscal Documentation (2023). Promotion of inclusive and effective tax cooperation at the United Nations. Input paper provided to the United Nations Department of Economic and Social Affairs.
- League of Nations (1923). *Report on Double Taxation Submitted to the Financial Committee of the League of Nations*. Economic and Financial Commission. Geneva.
- Mason R (2020). The transformation of international tax. *The American Journal of International Law*. 114 (3):353–402.
- Mühlich L, Fritz B, Kring WN et al. (2020). The Global Financial Safety Net Tracker: Lessons for the COVID-19 crisis – lessons from a new interactive dataset. Policy Brief No. 10. Boston University, Global Development Policy Center.
- Mühlich L, Zucker-Marques M, Fritz B et al. (2022). No one left behind? COVID-19 and the shortcomings of the global financial safety net for low- and middle-income countries. Paper No. 05/22. UNCTAD. United Nations Development Account Project.
- Mühlich L and Fritz B (2021). Borrowing patterns in the global financial safety net: Does governance play a role? *Global Policy*. 12(4):47–68.
- Mühlich L, Fritz B, Kring WN, Zucker Marques M and Gaitán, N (2024). Global Financial Safety Net Tracker. URL: <https://www.bu.edu/gdp/global-financial-safety-net-tracker/>.
- Palan RH, Petersen H and Phillips R (2023). Arbitrage spaces in the offshore world: Layering, “fuses” and partitioning of the legal structure of modern firms. *Environment and Planning A: Economy and Space*. 55(4):1041–1061.
- Rodrik D (2011). *The Globalization Paradox: Democracy and the Future of the World Economy*. W. W. Norton. New York and London.
- Ryding TM (2022). Proposal for a United Nations convention on tax. Discussion paper. European Network on Debt and Development and Global Alliance for Tax Justice.
- Torslov T, Wier L and Zucman G (2023). The missing profits of nations. *Review of Economic Studies*. 90(3):1499–1534.

- Travers E (2024). Why the world needs a UN global tax convention. UN News. 16 August.
- UNCTAD (2015). *World Investment Report: Reforming International Investment Governance*. (United Nations publication. Sales No. E.15.II.D.5. Geneva).
- UNCTAD (2022). *Доклад о торговле и развитии, 2022. Перспективы развития в мире разделительных линий: глобальный беспорядок и региональные ответы* (Издание Организации Объединенных Наций. ISBN (PDF): 9789210021678. Женева).
- UNCTAD (2024). *Digital Economy Report 2024: Shaping and Environmentally Sustainable and Inclusive Digital Future*. (United Nations publication. Sales No. E.24.II.D.12. Geneva).
- United Nations (2023a). Reforms to the international financial architecture. Our Common Agenda. Policy Brief 6. July.
- United Nations (2023b). Secretary-General's remarks to launch the special edition of the Sustainable Development Goals Progress Report.
- United Nations. Economic Commission for Africa (2023). Counting the Cost: defining, estimating and disseminating statistics on illicit financial flows in Africa. Addis Ababa.
- Организация Объединенных Наций (2023). Содействие инклюзивному и эффективному международному сотрудничеству в налоговых вопросах в Организации Объединенных Наций. Доклад Генерального секретаря. A/78/235. 26 июля 2023 года.
- United Nations Office on Drugs and Crime and UNCTAD (2020). Conceptual Framework for the Statistical Measurement of Illicit Financial Flows. Vienna.
- Wier LS and Zucman G (2022). Global profit shifting, 1975-2019. NBER Working Paper 30673. National Bureau of Economic Research.

Конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию — ЮНКТАД — является ведущим органом Организации Объединенных Наций, занимающимся вопросами торговли и развития.

ЮНКТАД стремится к тому, чтобы развивающиеся страны получали более справедливые выгоды от глобализации экономики, проводя исследования и анализ по вопросам торговли и развития, предлагая техническую помощь и способствуя достижению консенсуса на межправительственном уровне.

Членами ЮНКТАД являются 195 стран, что делает ее одной из самых представительных в системе Организации Объединенных Наций.

